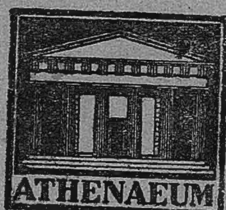
А. П. ЧЕХОВ

ЗАТЕРЯННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА НОВЫЕ ВОС-ПОМИНАНИЯ БИБЛИОГРАФИЯ

„АТЕНЕЙ"
1925

ATHENAEUM

А. П. ЧЕХОВ

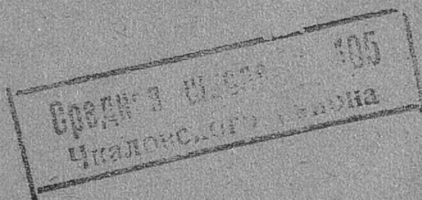
А. П. ЧЕХОВ

ЗАТЕРЯННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА
ВОСПОМИНАНИЯ
БИБЛИОГРАФИЯ

Под редакцией

М. Д. Беляева и
А. С. Долинина

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АТЕНЕЙ»
ЛЕНИНГРАД
1925

Ленинградский Гублит № 11386/19. — 2000 экз.
Российская Государственная Академическая Типография
В. О., 9 линия 12.

ЗАТЕРЯННЫЕ РАССКАЗЫ И СТАТЬИ ЧЕХОВА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ЧЕХОВА

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА

ВОСПОМИНАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Чехова издавна близко и дорого Пушкинскому Дому. Еще в первом выпуске своего «Временника на 1913 год» Пушкинский Дом поместил портрет Чехова (с посвятительной надписью И. Л. Леонтьеву-Щеглову), как одну из самых дорогих ему реликвий. В 1922 году в своем альманахе «Радуга» Пушкинский Дом опубликовал три письма Чехова к Я. П. Полонскому (в обработке Е. Б. Покровской). Далее в том же году Б. Л. Модзалевский в отдельной книжке опубликовал ряд находящихся в собраниях Пушкинского Дома писем Чехова: к И. Л. Леонтьеву-Щеглову, В. Л. Кигну-Дедлову, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Н. И. Стороженку, Ф. Д. Батюшкову, С. С. Татищеву, П. А. Сергеенку, А. Ф. Марксу, Ю. О. Грюнбергу, П. Н. Полевому и А. Н. Веселовскому.

Ныне, по поводу исполнившегося в минувшем году двадцатилетия со дня смерти Чехова, Пушкинский Дом вновь собрал все доселе неопубликован-

ные свои материалы по Чехову, присоединив к ним ранние, не вошедшие в собрание сочинений, произведения Чехова, личные воспоминания его друзей: А. И. Сувориной, Т. Л. Щепкиной-Куперник и А. Ф. Кони, а также библиографию произведений Чехова. Все эти материалы и составили настоящий сборник.

Последние два десятилетия литература протекала у нас в стиле, противоположном стилю Чехова. Быть может поэтому им до сих пор так мало занимались. Предстоит, кажется, время, когда внимание к его творчеству должно будет возрасти. Настоящая книга пусть послужит к этому одним из толчков.

ЗАТЕРЯННЫЕ РАССКАЗЫ

и

СТАТЬИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучая творчество А. П. Чехова, я обратил внимание и на те его произведения, которые не попали в «Полное собрание сочинений» (изд. А. Ф. Маркса). Таких произведений, конечно, — небольших по размеру и ранних по времени создания, можно насчитать больше 100. Некоторые из них помещены А. А. Измайловым в его статье «Первые шаги Антоши Чехонте» (т. XXII, 82—150) и в составленной им же большой биографии нашего писателя (Чехов.-Биографический набросок. М. 1916. Изд. И. Д. Сытина). — Другие можно видеть в книге Ю. Соболева (Антон Чехов. — Неизданные страницы. М. 1916. Изд. «Северные Дни»). — Третьи находятся, напр., в объемистом «Чеховском Юбилейном сборнике». М. 1916. Изд. И. Д. Сытина.

Я выбрал для этой книги, посвященной А. П. Чехову,— несколько таких произведений, которые еще нигде не были перепечатаны со времени первой половины 80-х годов и потому почти никому не известны *).

К этим безделушкам Чехова следует подойти, как к ранним набросками-этюдам молодого жизнерадостного художника; на них следует смотреть, как на легкие вспышки его огромного таланта, еще в ту пору не созревшего и не определившего настоящую свою стихию — жизнь и душу человека.

Огромный талант Чехова в те годы часто отзывался на жизнь мелкими произведениями. То были комические сценки — юморески, коротенькие сатиры, в которых захватывались различные явления жизни, быта и нравов, наро-

---

*) Следует оговорить, что в № 14939 «Биржевых Ведомостей» за 1915 г. был перепечатан «Мой домострой», а в № 14940 той-же газеты: «Служебные пометки» и «Визитные карточки».

дии, каррикатуры, шаржи... Это и заставляло Чехова смотреть на самого себя, как на юмориста преимущественно, хотя им создавались и уже были созданы реальные (бытовые) рассказы и повести.

При всей «мелочности» этих созданий Чехова, они представляют огромный интерес, прежде всего, — с художественной стороны. В любой его сатире или каррикатуре, сквозь сеть искривленных линий, можно увидеть (и уж, во всяком случае, — почувствовать) — намеки на правду жизни. А это чрезвычайно важно, так как именно эта черта в его творчестве — веское доказательство того, что взгляд Чехова, как художника, забирал жизнь гораздо глубже, чем это может показаться при легком отношении к его легким и остроумным шуткам («умным глупостям»), даже в тех редких случаях, когда он немножко вольничал и рисковал нескромностями (3 и 4 правила «Дачных правил»).

В предлагаемых вниманию читателя ранних созданиях Чехова есть немало типичного для приемов его творчества: чрезвычайно краткая обрисовка людей («Визитные карточки»), склонность давать характеры и внешность при помощи мелких, но необыкновенно выразительных деталей, цепкость и ядовитость его сатирических приемов и мн. др.

Я не мог не привести и некоторых его заметок из фельетонов «Осколки Московской Жизни» («Осколки», 1883—85 гг.) — большой, интересной и также почти никому неизвестной работы.

Пусть эти немногие строки, забытые и теперь как бы «новые», вызовут в воображении читателя здоровый, веселый образ молодого Чехова и освежат ум и чувство блеском его юмора и сатиры.

М. Кленский.

ПО АМЕРИКАНСКИ

Имея сильнейшее поползновение вступить в самый законнейший брак и памятуя, что никакой брак без особы пола женского не обходится, я имею честь, счастье и удовольствие покорнейше просить вдов и девиц обратить свое благосклонное внимание на нижеследующее:

Я мужчина — это прежде всего. Это очень важно для барынь, разумеется. 2 аршина 8 вершк. роста. Молод. До пожилых лет мне далеко, как кулику до Петрова дня. Знатен. Некрасив, но и недурен, и настолько недурен, что неоднократно в темноте по ошибке за красавца принимаем был. Глаза имею карие. На щеках (увы!) ямочек не имеется. Два коренных зуба попорчены. Элегантными манерами похвалиться не могу, но в крепости мышц своих никому сомневаться не позволю. Перчатки ношу № $7^3/_4$. Кроме бедных, но благородных родителей ничего не имею. Впрочем, имею блестящую будущность. Большой любитель хорошеньких вообще и горничных в особенности. Верю во все. Занимаюсь литературой и настолько удачно, что редко проливаю слезы над почтовым ящиком «Стрекозы». Имею в будущем написать роман, в котором главной героиней (прекрасной грешницей) будет моя супруга. Сплю 12 часов в сутки. Ем варварски много. Водку пью только в компании. Имею хорошее знакомство. Знаком с двумя литераторами, одним стихотворцем и двумя дармоедами, поучающими человечество на страницах «Русской Газеты». Любимые мои поэты Пушкарев и иногда я сам. Влюбчив и не ревнив. Хочу жениться по причинам, известным одному только мне да моим кредиторам. Вот каков я! А вот какова должна быть и моя невеста:

Вдова или девица (это как ей угодно будет) не старше 30 и не моложе 15 лет. Не католичка, т. е. знающая, что на сем свете нет непогрешимых, и во всяком случае не

еврейка. Еврейка всегда будет спрашивать: «а почем ты за строчку пишешь? А отчего ты к папеньке не сходил, он бы тебя наживать деньги научил?» а я этого не люблю. Блондинка с голубыми глазами и (пожалуйста, если можно) с черными бровями. Не бледна, не красна, не худа, не полна, не высока, не низка, симпатична, не одержима бесами, не стрижена, не болтлива и домоседка. Она должна:

Иметь хороший почерк, потому что я нуждаюсь в переписчице. Работы по переписке мало.

Любить журналы, в которых я сотрудничаю и в жизни своей направления оных придерживаться.

Не читать «Развлечения», «Еженедельного Нового Времени», «Нана», не умиляться передовыми статьями «Московских Ведомостей» и не падать в обморок от таковых же статей «Берега».

Уметь: петь, плясать, читать, писать, варить, жарить, поджаривать, нежничать, печь (но не распекать), занимать мужу деньги, со вкусом одеваться на собственные средства (NB) и жить в абсолютном послушании.

Не уметь: зудить, шипеть, пищать, кричать, кусаться, скалить зубы, бить посуду и делать глазки друзьям дома.

Помнить, что рога не служат украшением человека и что, чем короче они, тем лучше и безопаснее для того, которому с удовольствием будет заплачено за рога.

Не называться Матреной, Акулиной, Авдотьей и другими сим подобными вульгарными именами, а называться как-нибудь поблагороднее (напр., Олей, Леночкой, Маруськой, Катей, Линой и т. п.).

Иметь свою маменьку, сиречь мою глубокоуважаемую тещу от себя за тридевять земель (а то, в противном случае, за себя не ручаюсь) и иметь minimum 200.000 рублей серебром.

Впрочем, последний пункт можно изменить, если это будет угодно моим кредиторам.

Антоша Ч.

(«Стрекоза» 1880 г., № 49, 7 дек.).

МЫСЛИ ЧИТАТЕЛЯ ГАЗЕТ и ЖУРНАЛОВ

Не читайте Уфимских Губернских Ведомостей: из них вы не почерпнете никаких сведений об Уфимской губернии.

Русская печать имеет в своем распоряжении множество источников света. Она имеет комаровский Свет, Зарю, Радугу, Свет и Тени, Луч, Огонек, Рассвет et caet. Но почему же ей так темно?

Она имеет Наблюдателя, Инвалида и Сибирь.

Печать имеет Развлечение, Игрушечку, но из этого не следует, что ей слишком весело...

Она имеет Голос и Эхо свои собственные... Да?

Что не долговечно, то не может кичиться своим Веком...

Русь имеет мало общего с Москвой.

Русская Мысль высылается... в плотной обложке.

Имеются Здоровье и Врач, а между тем—сколько могил!

Человек без селезенки.

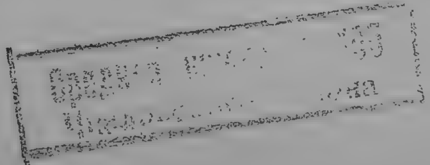
(«Осколки» 1883 г., № 3, 15 янв.).

СЛУЧАИ «MANIA GRANDIOSA»

(Вниманию газеты «Врач»).

Что цивилизация, помимо пользы, приносит человечеству и страшный вред, никто не станет сомневаться. Особенно настаивают на этом медики, не без основания видящие в прогрессе причину нервных расстройств, так часто наблюдаемых в последние десятки лет. В Америке и Европе на каждом шагу вы встретите все виды нервных страданий, начиная с простой невралгии и кончая тяжелым психозом. Мне самому приходилось наблюдать случаи тяжелого психоза, причины которого нужно искать только в цивилизации.

Я знаю одного отставного капитана, бывшего станового. Этот человек помешан на тему: «Сборища воспрещены». И только потому, что сборища воспрещены, он вырубил

свой лес, аэн бодает с семьей, не пускает на свою землю крестьянское стадо, и т. п. Когда его пригласили однажды на выборы, он воскликнул:

— А вы разве не знаете, что сборища воспрещены?

Один отставной урядник, изгнанный, кажется, за правду или за лихоимство (не помню, за что именно), помешан на тему: «А посиди-ка, братец!». Он сажает в сундук кошек, собак, кур и держит их взаперти определенные сроки. В бутылках сидят у него тараканы, клопы, пауки. А когда у него бывают деньги, он ходит по селу и нанимает желающих сесть под арест.

— Посиди, голубчик! умоляет он. — Ну, что тебе стоит? Ведь выпущу! Уважь характер!

Найдя охотника, он запирает его, сторожит день и ночь и выпускает на волю не ранее определенного срока.

Мой дядя, интендант, кушает гнилые сухари и носит бумажные подметки. Он щедро награждает тех из домашних, которые подражают ему.

Мой зять, акцизный, помешан на идее: «Гласность — фря!» Когда-то его отщелкали в газетах за вымогательство, и это послужило поводом к его умопомешательству. Он выписывает почти все столичные газеты, но не для того, чтобы читать их. В каждом полученном номере он ищет «предосудительное»; найдя таковое, он вооружается цветным карандашом и марает. Измарав весь номер, он отдает его кучерам на папиросы и чувствует себя здоровым впредь до получения нового номера.

Человек без селезенки.

(«Осколки» 1883 г., № 4, 22 янв.).

К СВЕДЕНИЮ ТРУТНЕЙ

— Пчелы убивают и изгоняют своих мужей и братьев. Уцелевшие трутни, изнеженные от природы, неспособные к труду, лентяи и дармоеды, летают по миру и ищут дарового куска хлеба. Прилетев к улью, они встречают более чем холодный прием: в улье их жалят и гонят вон. Садясь же на цветок, они не знают, как взяться за дело — ну и голодают. Зимой приходится замерзать...

— Глупцы эти трутни! перебивает зоолога туз. — Они не знают, что у них есть прекрасный выход из их ужасного положения. Знаете, что̀ бы я сделал, будучи на их месте?

— А что?

— На их месте я взял бы в аренду цветы... Не знаю, кто был бы тогда сытее: пчелы или я... Вероятно, я!

Человек без селезенки.

(«Осколки» 1883 г., № 13, 26 марта.)

ЭКЗАМЕН

(Из беседы двух очень умных людей).

Надиях явился в кабинет отца старший сын и заявил ему, что он желает выйти из-под его опеки и самостоятельно вступить в свет. Заявление это он мотивировал своим недавно наступившим совершеннолетием (ему исполнилось ровно 21 год).

— Хорошо, сын мой! — сказал отец, выслушав его. — Я согласен, но прежде, чем начать самостоятельную жизнь, ты должен выдержать у меня маленький житейский экзамен. Садись, я тебя проэкзаменую...

Сын сел. Отец нахмурился и начал:

— Чем пахнет во рту, когда ешь колбасу?

— Колбасной лавкой.

— Так, сын мой. Что жены мылят без мыла?

— Головы мужей.

— Что было бы, если бы люди ходили вверх ногами?

— Тогда Пироне шил бы шапки, а Поша шил бы сапоги...

— Совершенно верно. Отчего вода в море соленая?

— Оттого, что в нем плавают селедки...

— Старо, старо! Свое что-нибудь придумай!

— Оттого в море вода соленая, что... что... в нем купаются иногда юмористы.

— Пожалуй... Прежде спрашивали: от чего гуси плавают? Мы отвечали: от берега... Теперь ты ответь мне: от чего уплывают гуси лапчатые?

— От долгов, воинской повинности...

— Отчего не носят очков на затылке?
— Потому что очки разбиваются от подзатыльников.
— Почему человека нельзя назвать свиньей?
— Потому что он потащит к мировому.
— Какой чиж кончил курс в университете?
— Доктор Чиж.
— Кого можно назвать падшим созданием?
— Человека, упавшего с каланчи.
— Где можно взять взаймы денег?..
— Сын поднял вверх голову и задумался.
— Не знаешь, сынок? Ну, не годишься-же ты в свет... Поживи под моей опекой еще месяц!

Через месяц будет новый экзамен.

А. Чехов.

(«Новости Дня» 1883 г., № 178, 25 дек.).

ДАЧНЫЕ ПРАВИЛА

§§. Воспрещается жить на даче сумасшедшим, безумным, страдающим заразными болезнями, престарелым, малолетним и находящимся в строю нижним чинам, ибо нигде нет столько опасности сочетаться законным браком, как на чистом воздухе.

§§. Живи, плодись и размножайся.

§§. Если ты, сидя у гостеприимной соседки, выкушал три чашки чаю, и после всего этого почувствовал вдруг в своих внутренностях брожение умов, то, не прибегая ни к каким фармацевтическим средствам, надевай шапку и иди.

§§. Купаясь в реке, не стой спиной к берегу, ибо на последнем в эту пору могут находиться дамы.

§§. Прыщи на губах от частых поцелуев излечиваются не столько мазями, сколько назиданиями родителей и опекунов.

§§. Если у тебя вскочил на левой щеке флюс, то всеми силами постарайся, чтобы такой же флюс вскочил у тебя и на правой, ибо ничто так не ласкает взора, как симметрия.

Примечание. Если у тебя флюс, то не позволяй жене бить тебя по щекам.

§§. Если папенька безвозмездно угощает тебя сигарами и старательно скрывает от тебя, что его движимое и недви-

жимое заложено, если маменька угощает тебя кофеем и сдобными финтифлюшками, если дочка поет «Месяц плывет» и не боится оставаться с тобой наедине, то беги за городовым: тебя хотят окрутить.

§§. Травы не мять, почвы не загрязнять и берез не ломать. Последнее может быть допускаемо только в интересах педагогии и правосудия.

§§. Если ты влюблен, то возьми: $1/2$ фунта александрийского листа, штоф водки, ложку скипидару, $1/4$ фунта семибратной крови и $1/2$ фунта жженых Петербургских Ведомостей, смешай все это и употреби в один прием. Причиненная этим средством болезнь заставит тебя выехать из дачи в город за врачебною помощью и тебе будет не до любви.

§§. Городовым и дворникам вменяется в обязанность наблюдать: a) чтобы объяснения в любви производились высоким слогом; b) чтобы в этих объяснениях не было выражений, клонящихся к ниспровержению дозволенного законом здравого смысла; c) чтобы воспитанники учебных заведений, объясняясь в любви только по-латыни или по-гречески, были в полной форме, дорожили честью своего учебного заведения и, спрягая глагол «amo», не выходили из пределов, указанных Кюнером; d) чтобы особы ниже титулярного держали себя на приличной дистанции от дочерей особ не ниже V класса.

§§. Дачевладельцам и участковым приставам рекомендуется внушать молодым людям, что выражения в роде «Я готов отдать за тебя весь мир! Ты для меня дороже жизни!» и проч. по меньшей мере не уместны, ибо они могут внушить дворникам и городовым превратные понятия о целях жизни и величия вселенной.

§§. Ложась спать, надевай, на случай могущего быть ночью дождя, калоши и укрывайся брезентом, радуясь, что и сквозь брезент можно выслушивать ропот жены, вопли озябнувших детей и полицейские свистки.

§§. В случае если ограбят тебя дачные мазурики, то поступай в городовые и мсти. Другого выхода нет.

§§. Дабы гарантировать свою дачу от нашествия родственников и друзей, распусти слух о своей неблагонадежности.

§§. Вообще: не ходи в светлых брюках, не пей после мо-

лока квасу, закаляй свой слух кошачьими концертами и высоким «штилем» старых дев, ешь задаром, пей на шерамыжку, люби на шереметьевский счет, пренебрегай стихиями, аккуратно плати праздничные, уважай родителей, люби начальство — и ты будешь счастлив.

А. Чехонте.

(«Осколки» 1884 г., № 21, 26 мая).

СЛУЖЕБНЫЕ ПОМЕТКИ

В книге «входящих» под литерой Д, № 8, год 80—81, на полях и пустых местах имеются карандашные пометки, сделанные разными почерками. Так как все они носят печать мудрости и полны высокого значения, то надо думать, что они принадлежат лицам начальствующим. Выбираю самые лучшие и характерные:

«Так и быть. Дать отсрочку на 2 месяца и сказать ему, чтобы он в другой раз не смел входить в присутствие в калошах».

«На прошение губернского секретаря Осетрова об единовременном пособии могу ответить указанием на Римскую империю, погибшую от роскоши. Роскошь и излишества ведут к растлению нравов; а я желаю, чтобы все были нравственны. Впрочем, пусть Осетров сходит в вицмундире к купцу Хихикину и скажет ему, что его дело близится к концу».

«Птицы узнаются по перьям, хороший проситель по благодарности».

«Хотя по точному смыслу ст. 64, п. 1 Уст. о герб. сборе прошения о выдаче свидетельств о бедности не подлежат гербовому сбору, но тем не менее объявить вдове Вопиной, что в неприкреплении ею шестидесятикопеечной марки я усматриваю не столько понимание духа законов, сколько желание действовать помимо указаний надлежащего начальства. Если действительно не нужна была бы марка, то отлепили бы мы ее сами, она же распоряжаться не может. Отказать».

«Делицын, расписывайся поразборчивее! Ты не тайный советник»...

«Хотя в этом прошении и нет точных указаний на чув-

ство благодарности, но тем не менее из некоторых пунктов явствует, что к нему было кое-что приложено... Где деньги?» Под этой фразой другим почерком написано: «Честь имею донести вашему высокородию, что деньги в количестве 75 р. во время вашего отсутствия были отнесены Смирновым супруге вашей Евдокии Трифоновне Лягавой».

На бумаге с заголовком «совершенно секретно» написано: «Надписи в роде «секретно» и «совершенно секретно» мне не понятны. К чему из сих поучительных фактов делать тайну? Пусть бы все читали и казнились»...

«Сему рапорту о болезни не верю. Шулябин пишет, что он болен, а между тем мне известно, что он сидит теперь дома и под видом геморроя пишет мещанам прошения.

Чтоб был завтра на службе!».

Человек без селезенки.

(«Осколки» 1885 г., № 9, 2 марта).

МОИ ДОМОСТРОЙ

Утром, когда я встал от сна, стою перед зеркалом и надеваю галстух, ко мне тихо и чинно входят теща, жена и свояченица. Они становятся вряд и, почтительно улыбаясь, поздравляют меня с добрым утром. Я киваю им головой и читаю речь, в которой объясняю им, что глава дома — я.

— Я вас, ракалии, кормлю, пою, наставляю, говорю я им, — учу вас, тумбы, уму-разуму, а потому вы обязаны уважать меня, почитать, трепетать, восхищаться моими произведениями и не выходить из границ послушания ни на один милиметр, в противном случае... О, сто чертей и одна ведьма, вы меня знаете! В бараний рог согну! Я покажу вам, где раки зимуют! и т. д.

Выслушав мою речь, домочадцы выходят и принимаются за дело. Жена и теща бегут в редакции со статьями: жена в «Будильник», теща в «Новости Дня» к Липскерову. Свояченица садится за переписку на чисто моих фельетонов, повестей и трактатов. За получением гонорара посылаю я тещу. Если издатель платит туго, угощает «завтраками», то прежде, чем посылать за гонораром, я три дня кормлю тещу одним сырым мясом, раздразниваю ее до ярости и внушаю ей непреодолимую ненависть к издательскому племени; она,

красная, свирепая, клокочущая, идет за получкой и — не было случая, чтобы она возвращалась с пустыми руками. На ее же обязанности лежит охранение моей особы от назойливых кредиторов. Если кредиторов много и они мешают мне спать, то я прививаю теще бешенство по способу Пастера и ставлю ее у двери: ни одна шельма не сунется!

За обедом, когда я услаждаю себя щами и гусем с капустой, жена сидит за пианино и играет для меня из Боккачио, Елены и Корневильских колоколов, а теща и свояченица пляшут вокруг стола качучу. Той, которая особенно мне угождает, я обещаю подарить книгу своего сочинения с авторским факсимиле, и обещания не сдерживаю, так как счастливица в тот же день каким-нибудь поступком навлекает на себя мой гнев и таким образом теряет право на награду. После обеда, когда я кейфую на диване, распространяя вокруг себя запах сигары, свояченица читает вслух мои произведения, а теща и жена слушают.

— Ах, как хорошо! обязаны они восклицать. Великолепно! Какая глубина мысли! Какое море чувства! Восхитительно!

Когда я начинаю дремать, они садятся в стор оне и шепчутся так громко, чтобы я мог слышать:

— Это талант! Нет, это — необыкновенный талант! Человечество многое теряет, что не старается понять его! Но как мы, ничтожные, счастливы, что живем под одной крышей с таким гением!

Если я засыпаю, то дежурная садится у моего изголовья и веером отгоняет от меня мух.

Проснувшись, я кричу:

— Тумбы, чаю!

Но чай уже готов. Мне подносят его и просят с поклоном:

— Кушайте, отец и благодетель! Вот варенье, вот крендель... Приймите от нас посильный дар...

После чая я обыкновенно наказываю за проступки против домашнего благоустройства. Если проступков нет, то наказание зачитывается в счет будущего. Степень наказания соответствует величине проступка.

Так, если я недоволен перепиской, качучей или вареньем, то виновная обязана выучить наизусть несколько сцен из

купеческого быта, проскакать на одной ноге по всем комнатам и сходить за получением гонорара в редакцию, в которой я не работаю.

В случае непослушания, или выражения недовольства, я прибегаю к более строгим мерам: запираю в чулан, даю нюхать нашатырный спирт и проч. Если же начинает бушевать теща, то я посылаю за городовым и дворником.

Ночью, когда я сплю, все три мои домочадицы не спят, ходят по комнатам и сторожат, чтобы воры не украли моих произведений.

Брат моего брата.

(«Будильник» 1886 г., № 42, 26 окт.).

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ

Передо мною на столе визитные карточки, которыми почтили меня на новый год мои добрые знакомые. Прислали они мне их для того, чтобы почтальон сбил новые подметки и лишний раз подмигнул моей горничной. Один древний мудрец сказал: «Скажи мне, от кого ты получаешь визитные карточки, и я скажу, с кем ты знаком». Если кому интересно знать моих знакомых, то вот они — карточки:

Графская корона. Под нею буквы не то в готическом, не то в пошехонском стиле: «Потомственный почетный гражданин Клим Иванович Оболдеев».

Карточка с золотым ободком и загнутым углом. «Jean Pificoff». Этот Жан — здоровеннейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнущий уксусом и вечно ищущий по свету, где оскорбленному есть чувству... рюмка водки и рубль взаймы.

«Надворный советник и кавалер Геморрой Диоскорович Лодкин».

«Савватий Паникадилович Пищик-Заблудовский, член общества покровительства животным, агент страхового от огня общества «Саламандра», корреспондент журнала «Волна», комиссионер по продаже швейных машин «Зингер и Комп.» и проч.».

«Франц Эмилиевич Антр-Ну-Суади, преподаватель бальных танцев и французского языка».

«Иеромонах Иеремия».

Княжеская корона. «Ученик VI класса Валентин Сысоевич Бумажкин».

Корона неопределенного свойства. «Действительный Статский Советник Эраст Кринолинович Стремглавов».

«Князь Агоп Минаевич Обшиавишили. Магазин южнобережных и кахетинских вин». Далее: Помощник присяжного поверенного Митрофан Алексеевич Красных, Дизентерия Александровна Громоздкая, Никита Спевсиппович Уехал... Диакон Петр Хлебонасущенский... Сотрудник журнала «Ребус» Иван Иванович Дьяволов... Редактор журнала «Луч» Юдофоб Юдофобович Окрейц и проч.

Человек без селезенки.

(«Осколки» 1886 г., № 1, 4 янв.).

ДРАМА

Действующие лица:

Папенька, имеющий 11 дочерей-невест.
Молодой человек.
Фалда.

Молодой человек (махнув рукой и сказав: «плевать! двум смертям не бывать, одной не миновать!» входит в кабинет к папеньке). Иван Иванович! Позвольте просить у вас руки вашей младшей дочери Варвары!

Папенька (потупив глазки и жеманничая). Мне очень приятно, но... она еще так молода... так не опытна... И к тому же... вы хотите лишить меня... моего утешения... (слезы точит)... опоры моей старости...

Молодой человек (быстро). В таком случае... не смею настаивать (кланяется и хочет уходить).

Папенька (стремительно хватая его за фалду). Постойте! Рад! Счастлив! Благодетель мой!

Фалда (жалобно). Трррр...

Человек без селезенки.

(«Сверчок» 1886 г., № 37, 25 сент.).

ОСКОЛКИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

[Первая заметка, которою открываются эти фельетоны].

«Осколки», 1883 г. № 27, 2 июля.

— Видеть у себя в доме покойника легче, чем самому помирать. В Москве наоборот: легче самому помирать, чем покойника у себя в доме видеть. Самый большой ерш, ставший поперек горла, не производит на мои нервы такого сильного, душащего впечатления, какое производят московские похороны (да и вообще все имена существительные, кончающиеся на «ны» и требующие выпивки, не обходятся даром московским нервам). Закапывая своего домочадца, москвич впервые только узнает, как почерствел, застыл и искулачился московский мертвец, и перестает удивляться тем госпитальным сельдафонам и «скубентам», которые мертвецов режут и в то же время колбасу едят. Например.

— В 3—4 часа пополуночи кончается чья бы то ни было жена. Не успеет она испустить как следует последний вздох, как в передней уже слышится звонок и в дверях показывается красный нос гробовщика. Красному носу указывают на все неприличие его раннего прихода. Нос не смущается и замечает: «Самые лучшие-с... На их ростик, глазетовый ежели на ножках... тридцать пять рублей-с...». Гробовщика гонят, за ним является другой, третий, четвертый... и так до полудня. В промежутках между гробовщиками вползают читалки — мелкие существа, похожие на черных тараканов и сильно пахнувшие деревяным маслом и еловыми шишками. Откуда они так рано прослышали о смерти и из каких щелей выползли, Бог весть. Без них обойтись как-то неловко, торговаться некогда — приходится волей-неволей соглашаться с их «ценой без запроса». Далее следует: ненужная возня в квартале, наем линеек и певчих... покупка могилы. Все это грубо, алчно и пьяно, как Держиморда, которому не дали опохмелиться. А потом, когда уже, кажется, все кончено, когда друзья-приятели и непомнящие родства сродственники с сизыми носами съедят традиционную трапезу, пожалует последний визитер, апогей москов-

ского мерзачества — сваха, предлагающая вдовцу свои услуги.

— Вот они где разрушители эстетики!

[О московских женихах и невестах. В фельетонах Чехов не раз касался этого вопроса, трактуя его то серьезно, то шутливо, в юмористических и отчасти сатирических тонах].

«Осколки» 1883 г., № 31, 30 июля.

— Женихов, женихов и паки женихов!!!

— Это не победный крик, не крик восторга, а вопль истерзанной души, вопль с тремя восклицательными знаками, трижды в рукописи подчеркнутый, слезою соответственною орошенный.

— Увы и ах — ах и увы! [1]).

— Зри учебник по истории: издревле Питер славился статскими советниками, Тула самоварами, Вязьма пряниками, Тамбов тетками, Москва невестами... Слава была неизмерима: спрос превышал всякие ожидания. Все спрашивалось и все потреблялось на зависть иностранцам, как ни в одной стране. Но настали иные времена, всплыли на свет Божий иные нравы. Наступил всеобщий застой. Общее понижение спроса и падение курса не коснулись одних только статских советников, пряники же, самовары и невесты стали падать в цене и залеживаться. Не так обидно за пряники и самовары, как за невест. Мужчины точно перебесились, или же все оптом обет девства дали; не женятся, хоть ты им кол теши на голове! Их просят, умоляют, кормят обедами, манят приданым, но все тщетно... Процент старых дев растет и растет...

— Каждое лето москвички решаются «еще на один последний шаг» и читают «еще одно последнее сказанье»... Они едут на дачи. На даче они постятся «для талии», трепещут перед загаром и ждут. Папеньки терпеливо сыплют деньгой, маменьки просят знакомых представить им «этого молодого

---

[1]) Восклицание, обозначавшее в «Осколках» цензурное запрещение всего журнального N-ра или отдельного произведения. — М. К.

человека», молодые люди на правах женихов преисправно съедают даровые обеды и вечернюю простоквашу, дипломатия работает во все лопатки, но... все это тщетно. Женихи себе на уме. Он удит с ней в лужице пискарей, ездит в город с поручениями, невинно амурничает, но не более и не далее. Этак тянется весь май и первую половину июня. В конце июня и июле дачницы теряют терпение и делают еще один последний шаг: где-нибудь в Богородском, примерно, или в Сокольничьем кругу они сообща затевают бал. Женские языки бьют в набат. Загорается подписка. Как из-под земли вырастают распорядители бала (пламенные блондины с цветками в петличках — большею частью братцы невест) с предложением купить билетик. Собирается сумма, нанимается оркестр — и бал готов... Но и это оказывается тщетным... Балы посещаются только гимназистами — подростками да младшими чиновниками межевой канцелярии. Гимназисты и межевые чиновники милые люди, но все-таки обидно.

— Говоря по совести, женихам не следовало бы вилять и ломаться. Где нет браков, говорит наука, там нет населения. Это надо помнить. У нас еще Сибирь не заселена.

«Осколки» 1883 г., № 41, 8 окт.

— Ну, а мальчики-лавочники? Мальчики останутся на прежних основаниях. Они будут по праздникам, пока лавка заперта, чистить тазы и самовары, выносить помои, нянчить хозяйских детенышей и за все это получать трескучие подзатыльники... Ведь правда? Кошки, собаки и мальчики-лавочники пользуются давней, всем известной «magna charta libertatum»: их может бить и увечить желающий домочадец. Нет на мальчике синяков — значит домочадцы на богомолье уехали. Бить ребят можно сколько угодно и чем угодно. Не хочешь бить рукой, бей веником, а то и кочергой или мокрой мочалкой, как это делают хозяйки и кухарки. Мальчики ложатся в 12 ч., встают в 5. Едят они объедки, носят драные лохмотья, засыпают за чисткою прикащичьих сапогов. День в холодной, сырой и темной лавке, ночь в кухне, или в холодных сенях, около холодного, как лед, рукомой-

ника. И этаких «герцоговинцев» не десять, не сто, а тысячи! Спросите-ка их, рады ли они тому, что по праздникам не будет торговли? Они ответят «нет». В лавке сидеть для них много легче, чем дома. В лавке мальчику трудно, но тут он сознает, что он дело делает, и знает одного только хозяина, дома же он маленький каторжник, угождающий даже пожарному, который по праздникам шляется к кухарке. Он рад и не ночевать бы дома, коли-б можно было, а не только что справлять там свои праздники. На эту тему можете всласть потолковать с любым прикащиком, пережившим мальчишество.

— Итак, прикащики будут отдыхать, мальчики же наоборот. Прикащикам грешно не повоевать за своих маленьких товарищей.

[Одна из театральных заметок. Интересна взглядом на естественность и реализм игры на сцене и характеристикой И. В. Самарина],

---

«Осколки» 1883 г., № 41, 8 окт.

И. В. Самарин празднует пятидесятилетний юбилей служения своего в актерских чинах. Пишу о нем с некоторой фанаберией. Моему коллеге, петербургскому обозревателю [1]) едва ли когда приходится писать о таких театральных великанах, как Самарин. Есть у вас много звезд, но они все до единой пассуют перед нашим стариком. Самарин слишком известен, столько же, по крайней мере, сколько Садовский, Живокини и Шумский. Заслуг его не сочтешь. Он был честен (за все 50 лет рецензентам — ни на эстолько!), исправен, не тяжел и, что не маловажно в закулисном мире, не разыгрывал из себя генерала, хоть и имел на это возможность и, пожалуй, право. Впервые довелось мне видеть в потехинском «Вакантном месте», в роли полицмейстера. Настоящий был полицмейстер! фигура, голос, подергиванье плечами, походка — все неподражаемо полицейское. Глядишь на него и чувствуешь, как по спине мурашки бегут. В осо-

---

[1]) В «Осколках» велись «Осколки Петербургской Жизни»—В. В. Билибиным (И. Грэк). — М. К.

бенности хорошо у него выходило держанье в левой руке полицмейстерской фуражки. В одном этом держаньи, в этой ничтожной мелочишке виден был целый и самый недюжинный, шестиэтажный талант. Поучитесь вы, Южины и Скуратовы! Поучитесь с разумением, а коли разумения нет, то хоть с прилежанием!

«Осколки» 1884 г., № 19, 12 мая.

В Москве есть достопримечательность, о которой не упоминается ни в истории, ни в географии, ни даже в «Путеводителе Москвы», а между тем эта достопримечательность классична, как царь-пушка и как покойный Корейша, и стоит она того, чтобы гимназисты о ней в географии учили. Женихи и шафера могут приятно улыбнуться: я говорю о московской свадебной карете, той самой карете, в которой ездят новоиспеченые «прапорщики по супружеской части». Эта карета изображает собою нечто весьма и весьма необыкновенное. Представьте себе продолговатый ящик, украшенный золотыми финтифлюшками, багетами, стеклами, неопределенными «купеческими» гербами и прочей мишурой. Сиденье кучера, сам кучер и гривы лошадей украшены цветами, парчей и бахромой. Лошади впряжены гусем. На запятках торчат бульдогообразные фофаны с глубокомысленными физиономиями. Вообще, карета эта трудно поддается описанию. Ее нужно видеть, чтобы оценить и просмаковать всю тяжеловесность наших московских вкусов. Над каретой смеются, хохочут, указывают на нее пальцами и в то же время ездят в ней венчаться, платя за нее огромные деньги. Нельзя не ездить. Жених, отрицающий ее, считается вольнодумцем, и ни один купец-папенька не согласится, чтобы его выходящая замуж «плоть и кровь» ехала венчаться в обыкновенной карете.

[Одна из заметок о «курьезах» московской жизни].
«Осколки» 1885 г., № 5, 2 февраля.

— Полуденное солнце одного из январьских дней увидело зрелище, какое не повторится до страшного суда. Зре-

лище странное и необыкновенное. На проезде Тверского бульвара, у канцелярии сыскной полиции были собраны все имеющиеся в Москве горбатые извозчики, числом более тридцати. Понадобилась эта «игра природы» для того, чтобы узнать личность горбатого извозчика, увезшего у какой-то дамы товар. Личность не узнали, но за то проходящей публике доставили удовольствие не малое. Статистическое бюро могло бы утилизировать это зрелище. Зная количество народонаселения России, по количеству московских извозчиков и упомянутых горбачей, не трудно вычислить количество горбатых людей в России.

«Осколки» 1885 г., № 18, 4 мая.

— Мещанский университет, находящийся на пути к Нескучному, праздновал на-днях свой пятидесятилетний юбилей. Кого возили в Титы или в городскую больницу, тот, конечно, помнит здоровеннейший, трехэтажный домище по правую руку с вывеской «Богадельня [1]) и Мещанские училища» и тому наверное встречались на пути вереницы ученических пар, солидно прогуливаемых надзирателями. В Мещанском училище просвещают славян исключительно мещанского и купеческого происхождения. Графы, бароны, маркизы и виконты не принимаются. Преподают в нем следующие науки: булгактерию, счелканье на счетах, алгебру, геометрию, благонравие, отменный почерк и гантерейные манеры. Воспитывают в отроке высокие чувства и искореняют в нем, как сказано в отчете, самомнение: всякого, вообразившего себя Шекспиром или китайским мандарином, оставляют без каши. Кончивший курс умеет не только читать, писать и считать, но может также выговорить «мерси-с» и написать «проба пера» таким залихватским почерком, что вы не воздержитесь, чтобы не воскликнуть: «Ах, волк те заешь!» Все лучшие бухгалтеры, приказщики и конторщики, поражающие лоском своих цилиндров, кадрильностью манер и коммерческою толковостью, кончили именно в Ме-

---

1) Но не «богодельня», как написано на рисунке училищного отчета. Нужно поставить г. Куманину единицу.

щанском. Если кончившего в Мещанском свести с воспитанником патентованного Коммерческого училища, где цивилизуются хозяйские детеныши, и науськать их на ученый спор, то победа останется, конечно, за первым. По части перевода пфеннигов и стерлингов на рубли, выведения балансов, красоты почерка и быстроты щелканья на счетах, кончивший в Мещанском не знает себе равного. Из училища могут выходить и великие люди; так из него вышел Неврев. Ученики в училище учатся, питаются, одеваются и спят — все это задаром. Живется им сравнительно не дурно. Если принять во внимание, что в духовных училищах еще до сих пор кормят по праздникам горохом, а в частном пансионе m-me Шимпанзе все воспитанницы пьют спитой чай и чистят зубы одной и той же зубной щеткой, то жизнь будущих бухгалтеров представляется просто Аркадией. Кашу дают им масляную, щи без духов, постель без клопов, а если и случается, что какой нибудь Смирнов 77-й проглатывает вместе с кашей большого черного таракана, то ведь еще Обломовский Захар подметил закон природы, по которому никто и ничто не может обойтись без клопов и тараканов. К великой чести непривилегированного и не знающего льгот училища следует сказать, что в нем ученики никогда не бывают голодны и раздеты, а березовая каша служит украшением одних только училищных преданий. Просветителями в нем состоят все больше Пешеморепереходященские и Вопиющинские, не убоявшиеся бездны премудрости, но до конца поборовшие все риторики, диалектики и философии. Это — будущие духовные особы, или редакторы «Современных известий». Живут и служат они в Мещанском до первого иерейского или диаконского места. Поют все басом, любят решать сложные богословские вопросы и по субботам ходят смотреть невест.

— Училище зиждется на средства купеческого общества. Как велики эти щедроты, можно видеть из того, что в кассе училища имеется больше миллиона. На юбилее съели, выпили и умилились на 30.000... Лопашев, готовивший обед и сбондивший по 11 руб. с персоны, нажил палаты каменные...

[Чехов несколько раз писал о московской «малой» прессе, высмеивая ее убогие издания и некультурных ее издателей и редакторов. Ниже следует одна из таких заметок о прессе, предпоследняя во всех фельетонах «Осколки Московской Жизни» (всех заметок — 207)].

«Осколки» 1885 г., № 36, 7 сент.

Кто хочет в наши дни видеть прогресс, тот пусть ищет его в малой московской прессе. Тут царит необычайное движение и в людях, и в бумаге, и в мыслях. Газеты прыгают с рук на руки с легкостью гоголевской коляски. Вчера «Жизнь» велась Плевако, сегодня она в руках Коробочки, печатающей пушкинскую «Пиковую даму», завтра ее купит М. И. Желтов, и доселе еще не потерявший надежду купить себе на ярмарке новые брюки, кисет и газету. «Голос Москвы» вчера принадлежал г. Васильеву, сегодня он под омофором некоего Зарубина и т. д. Вместе с переходом из рук в руки всякий раз меняется и направление газеты. Вчера вы читали статью г. Васильева о гнилости либерализма, а сегодня какой-нибудь афганец в игривых куплетцах советует приправить чесноком и изжарить на гусином сале Липскерова, или же подносит вам приглашение заглянуть в трактир, где он в щах съел таракана. Что же касается направления по части убеждений, то в нашей малой прессе оно остается всегда и неизменно «западно-восточным». Заметно сильное движение в атлантах, держащих на себе своды малой прессы. Двигаются они от утра до вечера, не отдыхая ни на минуту. Напьются утром чаю в одной редакции и идут толпой в другую редакцию, где закусывают и показывают кукиш первой; обедать идут в третью редакцию, где предают анафеме две первые и т. д., и все эти хождения делаются из «принципа»... Недурно сделают эти калики перехожие, если оставят потомству свои дневники. Пусть хоть потомство узнает, как это, не имея абсолютно никакого ценза, кроме способности «чавкать» и зараз выпивать по 20 рюмок, можно сделаться газетным дельцом.

[Следующие три произведения Чехова напечатаны в «Осколках» (1892 г.). Они в духе прежних его «осколочных» мелочишек, примыкают — по идее, форме и исполнению — ко многим юморескам и сатирам от 1883—85 гг. и являются как бы последним отзвуком его раннего писательства. В письме (1892 г., 7 апр.) к Н. А. Лейкину Чехов сообщает: «Посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, обещанные мелочишки. Употребите, буде годятся. Под рассказом[1]) я подписался псевдонимом, ибо Чехонте упразднен мною, а Чехова позвольте оставить для рассказов иного тона».

Других произведений, кроме этих трех, я не нашел в «Осколках» за 1892 г.

Может быть, Н. А. Лейкин просил, при каком-либо свидании с Чеховым или в письме к нему, — дать что-нибудь по старой памяти, для его журнала; но не исключается и другое предположение: возможно, что самому Чехову захотелось вновь увидеть себя на страницах «Осколков», где он работал (1882—87 гг.) с таким усердием и успехом. Наконец, нельзя отрицать еще третье соображение в объяснение появления этих трех вещиц: Чехов мог найти их в своих бумагах забытыми и, чтобы они не пропадали зря, — послать Лейкину. Если эти три «мелочишки» были написаны в 1892 г., то это указывает, — до какой степени силен был в Чехове дух юмориста и сатирика! К моменту посылки их он был автором премированных рассказов (сборник «В сумерках»), драмы «Иванов», пьесы «Леший», повестей: «Степь», «Огни», «Имянины» и мн. др. серьезнейших произведений; он побывал на Сахалине, был умудрен житейским опытом, показал себя замечательным художником, но все это не могло заглушить звуков его прежнего юмора и сатиры].

ОТРЫВОК

«Осколки» 1892 г., № 16, 18 апр.

Действительный статский советник Козерогов, выйдя в отставку, купил себе небольшое имение и поселился в нем. Здесь, подражая отчасти Цинцинату, отчасти же профессору Кайгородову, он трудился в поте лица и записывал свои наблюдения над природой. После его смерти записки его вместе с прочим имуществом перешли по завещанию

[1]) Наверно Чехов говорит о «Рыбьей любви». Три данные произведения подписаны: Человек без селезенки. М. К.

*

к его экономке Марфе Евлампиевне. Как известно, почтенная старушка снесла барскую усадьбу и на месте ее построила превосходный трактир с продажею крепких напитков. В этом трактире была особая «чистая» комната для проезжающих помещиков и чиновников, и на столе в комнате были положены записки покойного на случай, буде кому из проезжающих понадобится бумага. Один листок записок попал в мои руки; он, повидимому, относится к самому началу сельско-хозяйственной деятельности покойного и содержит в себе следующее:

3 марта. Весенний прилет птиц уже начался: вчера видел воробьев. Привет вам, пернатые дети юга! В вашем сладостном чириканьи как бы слышу пожелание: — «Будьте счастливы, ваше превосходительство!».

14 марта. Спросил сегодня у Марфы Евлампиевны: «Отчего это петух поет так часто?» Она мне ответила: «Оттого, что у него горло есть». А я ей: «У меня тоже есть горло, однакоже я не пою!». Как много в природе таинственного! Служа в Петербурге, я неоднократно ел там индюков, но живыми их видел впервые только вчера. Весьма замечательная птица.

22 марта. Приезжал становой пристав. Долго беседовал о добродетели — я сидя, он стоя. Между прочим он спросил меня: — «А желали бы вы, ваше превосходительство, чтобы к вам опять вернулась ваша молодость?». Я ему ответил на это: — «Нет, не желаю, потому что, будучи молодым, я не имел бы такого чина». Он согласился со мной и уехал видимо растроганный.

16 апреля. Собственноручно вскопал на огороде две грядки и посеял на них манную крупу. Никому об этом не сказал, дабы сделать сюрприз моей Марфе Евлампиевне, которой я обязан многими счастливыми минутами в жизни. Вчера за чаем она горько роптала на свою комплекцию и говорила, что увеличивающаяся полнота уже мешает ей пройти в дверь в кладовую. Я ей на это заметил: — «Напротив, душенька, полнота форм ваших служит вам к украшению и к наибольшему моему расположению к вам». Она вспыхнула, я же встал и обнял ее обеими руками, ибо одною рукой ее не обхватить.

28 мая. Один старик, увидев меня около женской купальни, спросил меня: зачем я тут сижу? Я ответил ему:

«Наблюдаю за тем, чтобы молодые люди сюда не ходили и здесь не сидели». — «Давайте же вместе наблюдать». Сказавши это, старик сел рядом со мной, и мы стали говорить о добродетели.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОТСТАВНОГО СТАРОГО ПЕДАГОГА

«Осколки» 1892 г., № 21, 23 мая.

— Рассуждают: семья должна идти рука об руку со школой. Да, но только в том случае, если семья благородная, а не купеческая или мещанская, ибо сближение с низшими может отдалить школу от совершенства. Впрочем, из человеколюбия не следует иногда лишать купцов и богатых мещан удовольствия — например, приглашать педагогов на пирог.

— При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах «прилагательное» и «придаточное» ученики с надеждою взирают на будущее.

— Так как в русском языке почти уже не употребляется фита, ижица и звательный падеж, то, рассуждая по справедливости, следовало бы убавить жалованье учителям русского языка, ибо с уменьшением букв и падежей уменьшилась их работа.

— Наши педагоги убеждают своих учеников не тратить времени на чтение романов и газет, так как это мешает сосредоточению и развлекает. К тому же романы и газеты бесполезны. Но как ученики могут поверить своим руководителям, если последние сами отдают много времени газетам и журналам? Врачу, исцелися сам! Что касается меня, то в этом отношении я совершенно чист: вот уже 30 лет, как я не прочел ни одной книги и газеты.

— Преподавая ученикам науки, следует преимущественнейше наблюдать за тем, чтобы ученики непременно отдавали свои книги в переплет, ибо корешком можно ударить по лбу лишь в том случае, если книга переплетена.

— Дети! Какое блаженство получать пенсию!

РЫБЬЯ ЛЮБОВЬ

«Осколки» 1892 г., № 24, 13 июня.

Как это ни странно, но единственный карась, живущий в пруде близ дачи генерала Панталыкина, влюбился по самые уши в дачницу Соню Мамочкину. Впрочем, что же тут странного? Влюбился же лермонтовский демон в Тамару, а лебедь в Леду, и разве не случается, что канцеляристы влюбляются в дочерей своих начальников? Каждое утро Соня Мамочкина приходила со своею тетей купаться. Влюбленный карась плавал у самого берега и наблюдал. От близкого соседства с литейным заводом «Кранделя сыновья», вода в пруде давно уже стала коричневой, но тем не менее карасю все было видно. Он видел, как по голубому небу носились белые облака и птицы, как разоблачались дачницы, как из-за прибрежных кустов поглядывали на них молодые люди, как полная тетя, прежде чем войти в воду, минут пять сидела на камне и, самодовольно поглаживая себя, говорила: — «И в кого я такой слон уродилась? Даже глядеть страшно». Сняв с себя легкие одежды, Соня с визгом бросалась в воду, плавала, пожималась от холода, а карась, тут как тут, подплывал к ней и начинал жадно целовать ее ножки, плечи, шею...

Выкупавшись, дачницы уходили домой пить чай со сдобными булками, а карась одиноко плавал по громадному пруду и думал:

«Конечно, о шансах на взаимность не может быть и речи. Может ли она, такая прекрасная, полюбить меня, карася? Нет, тысячу раз нет! Не обольщай же себя мечтами, презренная рыба! Тебе остается только один удел — смерть! Но как умереть? Револьверов и фосфорных спичек в пруде нет. Для нашего брата карасей возможна только одна смерть — пасть щуки. Но где взять щуку? Была тут в пруде когда-то одна щука, да и та издохла от скуки. О, я несчастный!

И помышляя о смерти, молодой пессимист зарывался в тину и писал там дневник...

Однажды перед вечером Соня и ее тетя сидели на берегу пруда и удили рыбу. Карась плавал около поплавков и не

отрывал глаз от любимой девушки. Вдруг в мозгу его, как молния, сверкнула идея.

«Я умру от ее руки! подумал он и весело заиграл своими плавниками. — О, это будет чудная, сладкая смерть!».

И полный решимости, только слегка побледнев, он подплыл к крючку Сони и взял его в рот.

— Соня, у тебя клюет! взвизгнула тетя. — Милая у тебя, клюет!

— Ах! Ах!

Соня вскочила и дернула изо всех сил. Что-то золотистое сверкнуло в воздухе и шлепнулось в воду, оставив после себя круги.

— Сорвалось! вскрикнули обе дачницы, побледнев. — Сорвалось! Ах! Милая!

Посмотрели на крючек и увидели на нем рыбью губу.

— Ах, милая, сказала тетя, — не нужно было так сильно дергать. Теперь бедная рыбка осталась без губы...

Сорвавшись с крючка, мой герой был ошеломлен и долго не понимал, что с ним; потом же, прийдя в себя, он простонал:

— Опять жить! Опять! О насмешка судьбы!

Заметив же, что у него не достает нижней челюсти, карась побледнел и дико захохотал... Он сошел с ума.
Но я боюсь, как бы не показалось странным, что я хочу занять внимание серьезного читателя судьбою такого ничтожного и неинтересного существа, как карась. Впрочем, что же тут странного? Описывают же дамы в толстых журналах никому ненужных пескарей и улиток. А я подражаю дамам. Быть может даже, я сама дама и только скрываюсь под мужским псевдонимом.

Итак, карась сошел с ума. Несчастный жив еще до сих пор. Караси вообще любят теперь всякую смерть. Соня Мамочкина вышла замуж за содержателя аптекарского магазина, а тетя уехала в Липецк к замужней сестре. В этом нет ничего странного, так как у замужней сестры шестеро детей и все дети любят тетю.

Но далее. На литейном заводе «Кранделя сыновья» служит директором инженер Крысин. У него есть племянник Иван, который, как известно, пишет стихи и с жадностью

печатает их во всех журналах и газетах. В один знойный полдень молодой поэт, проходя мимо пруда, вздумал выкупаться. Он разделся и полез в пруд. Безумный карась принял его за Соню Мамочкину, подплыл к нему и нежно поцеловал его в спину. Этот поцелуй имел самые гибельные последствия: карась заразил поэта пессимизмом. Ничего не подозревая, поэт вылез из воды и, дико хохоча, отправился домой. Через несколько дней он поехал в Петербург; побыв там в редакциях, он заразил всех поэтов пессимизмом, и с того времени наши поэты стали писать мрачные, унылые стихи.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ЧЕХОВА

ТАТЬЯНА РЕПИНА

Драма в 1 действии.

Антона Чехова.

(Посвящается А. С. Суворину).

С.-Петербург.

1889.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Оленина.
Кокошкина.
Матвеев.
Зоненштейн.
Сабинин.
Котельников.
Кокошкин.
Патронников.
Волгин, молодой офицер.
Студент.
Барышня.
О. Иван, кафедральный протоиерей, старик 70 л.
О. Николай } молодые священники.
О. Алексей }
Дьякон.
Дьячок.
Кузьма, церковный сторож.
Дама в черном.
Товарищ прокурора.
Актеры и актрисы.

Седьмой час вечера. Соборная церковь. Горят все паникадила и ставники. Царские врата открыты. Поют два хора: архиерейский и соборный. Церковь полна народа. Тесно и душно. Идет венчание. Венчаются Сабинин и Оленина. У первого шаферами Котельников и офицер Волгин, у второй — ее брат студент и товарищ прокурора. Вся местная интеллигенция. Роскошные наряды. Венчают: о. Иван в полинявшей камилавке, о. Николай в скуфейке и лохматый, очень молодой еще о. Алексей в темных очках; позади и несколько вправо от о. Ивана — высокий, тощий дьякон с книгой. В толпе местная труппа с Матвеевым во главе.

О. Иван (читает). Помяни боже и воспитавшые их родители: зане молитвы родителей утверждают основания домов. Помяни господи боже наш рабы твоя уневестившиеся, снедшиеся в радость сию. Помяни господи боже наш раба твоего Петра и рабу твою Веру и благослови я. Даждь им плод чрева, доброчадие, единомыслие душ и телес; возвыси я яко кедры ливанские, яко лозу благорозную. Даруй им семя кла́сяно, да всякое самодовольство имуще, изобилуют на всякое дело благое и тебе благоугодное; и да узрят сыны сынов своих, яко новосаждения масличная окрест трапезы их; и благоугодивше пред тобою, воссияют яко светила на небеси, в тебе господе нашем. С тобою же слава, держава, честь и поклонение, безначальному твоему отцу и животворящему твоему духу, ныне и присно, и во веки веков.

Арх. хор (поет). Аминь.

Патронников. Душно! Это какой у вас орден на шее Давид Соломонович?

Зонентштейн. Бельгийский. И зачем так много народу? Кто пускал? Уф! Русский баня!

Патронник. Полиция дрянная.

Дьякон. Господу помолимся!

Соб. хор (поет). Господи помилуй.

О. Николай (читает). Боже святый, создавый от персти человека и от ребра его воссоздавый жену, и спрягий ему помощника по нему, за еже тако угодно бысть твоему величеству, не единому быть человеку на земле; сам и ныне, владыко, ниспосли руку твою от святого жилища твоего и сочетай раба твоего сего Петра и рабу твою сию Веру, зане́ от тебе сочетовается мужу жена. Сопрези я в единомудрии, венчай я в плоть едину, даруй има плод чрева, благочадия восприятия. Яко твоя держава, и твое есть царство, и сила,

и слава, отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков.

Соб. хор (поет). Аминь.

Барышня (Зоненштейну). Сейчас венцы будут надевать. Смотрите, смотрите!

О. Иван (берет с налоя венец и обращается лицом к Сабинину). Венчается раб божий Петр рабе божией Вере во имя отца и сына и святого духа, аминь. (Передает венец Котельникову).

В толпе. Шафер как раз под рост жениху. Неинтересный. Кто это?

— Это Котельников. И офицер неинтересный. Господа, пропустите даму! Вы, madame, не пройдете здесь.

О. Иван (обращаясь к Олениной). Венчается раба божия Вера рабу божию Петру во имя отца и сына и святого духа (передает венец студенту).

Котельников. Венцы тяжелые. У меня уж рука отекла.

Волгин. Ничего, я вас скоро сменю. От кого это пачулями разит, желал бы я знать!

Товар. прок. Это от Котельникова.

Котельник. Врете.

Волгин. Тссс!

О. Иван. Господи боже наш, славою и честью венчай я! Господи боже наш, славою и честью венчай я! Господи боже наш, славою и честью венчай я!

Кокошкина (мужу). Какая сегодня Вера миленькая! Я на нее любуюсь. И не робеет.

Кокошкин. Привычная. Ведь второй раз венчается.

Кокошкина. Да, правда. (Вздыхает). Я ей от души желаю!... У нее доброе сердце.

Дьячок (выходя на середину церкви). Прокимент глас восьмый. Положил еси на главах их венцы от каменей честных, живота просиша у тебе, и дал еси им.

Арх. хор (поет). Положил еси на главах...

Патронников. Курить хочется.

Дьячок. Апостола Павла чтение.

Дьякон. Вонмем!

Дьячок (протяжно октавой). Братие, благодаряще всегда о всех, о имени господа нашего Иисуса христа, богу и отцу; повинующеся друг другу в страсе божии. Жены

своим мужем повинуйтеся, якоже господу, зане муж глава есть жены, якоже и христос глава церкви, и той есть спаситель тела. Но якоже церковь повинуется христу, такожде и жены своим мужем во всем...

Сабинин (Котельникову). Ты венцом давишь мне голову.

Котельников. Сочиняешь. Я держу венец на три вершка от головы.

Сабинин. Говорю тебе, давишь!

Дьячок. Мужие, любите своя жены, якоже и христос возлюби церковь, и себе предаде за ню: да освятит ю, очистив банею воднóю в глаголе. Да представит ю себе славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да есть свята и непорочна.

Волгин. Хороший бас... (Котельникову). Хотите, я вас сменю?

Котельник. Я еще не утомился.

Дьячок. Тако дóлжни суть мужие любити своя жены, яко своя телеса, любяй бо свою жену, себе самого любит. Никто же бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и господь церковь, зане уди есмы тела его, от плоти его и от костей его. Сего ради оставит человек отца своего и матерь...

Сабинин. Держи повыше венец. Давишь.

Котельников. Какой вздор!

Дьячок... и прилепится к жене своей, и будет два в плоть едину...

Кокошкин. Губернатор здесь.

Кокошкина. Где ты его видишь?

Кокошкин. Вон стоит около правого клироса рядом с Алтуховым. Инкогнито.

Кокошкина. Вижу, вижу. С Машенькой Ганзен разговаривает. Это его пассия.

Дьячок. Тайна сия велика есть. Аз же глаголю во христа и во церковь. Обаче и вы по единому, кийждо свою жену сице да любят, якоже и себя, а жена да убоится мужа своего!!

Соб. хор (поет). Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...

В толпе. Слышите, Наталья Сергеевна? Жена да убоится мужа своего.

— Отвяжитесь. (Смех).

— Тссс! Господа, неловко!

Дьякон. Премудрость прости услышим святого евангелия!

О. Иван. Мир всем!

Арх. хор (поет). И духови твоему.

В толпе. Апостол, евангелие... как все это длинно! Пора бы уж им отпустить душу на покаяние.

— Дышать невозможно. Я уйду.

— Не пройдете. Ждите, скоро кончится.

О. Иван. От Иоанна святого евангелия чтение!

Дьякон. Вонмем!

О. Иван (снимает камилавку). Во время оно, брак бысть в Кане Галилейстей, и бе мати Иисусова ту. Зван же бысть Иисус и ученицы его на брак. И не доставшу вину, глагола мати Иисусова к нему: вина не имут! Глагола ей Иисус: что есть мне и тебе жено? Не у прииде час мой...

Сабинин (Котелн.). Скоро конец?

Котельников. Не знаю, не грамотен по этой части. Должно, скоро.

Волгин. Еще водить будут.

О. Иван. Глагола мати его слугам еже аще глаголет вам, сотворите. Беху же ту водоносы каменни шесть, лежаще по очищению иудейску, вместящые по двимá или триéм мерам. Глагола им Иисус: наполните водоносы воды, и наполниша их до верхá. И глагола им: почерпите ныне, и принесите архитриклинови...

(Слышится стон).

Волгин. Кескесе? Задавили, что-ли?

В толпе. Тссс! Тише!

(Стон).

О. Иван....и принесоша. Якоже вкуси архитриклин вина бывшего от воды — и не ведяше откуду есть; слуги же ведяху, почерпшии воду — пригласи жениха архитриклин. И глагола ему...

Сабинин (Котельн.). Кто это сейчас стонал?

Котельников (всматриваясь в толпу). Что то такое движется... Какая то дама в черном. Должно быть, дурно... Повели...

Сабинин (всматриваясь). Держи повыше венец...

О. Иван... всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются тогда хуждшее, ты же соблюл еси доброе

вино доселе. Се сотвори начаток знамением Инсус в Кане Галилейстей, и яви славу свою, и вероваша в него ученицы его.

В толпе. Не понимаю, зачем это сюда истеричных пускают!

Арх. хор. Слава тебе, господи, слава тебе!

Патронник. Не жужжайте, Давид Соломонович, как шмель. И не стойте спиной к алтарю. Это не принято.

Зоненштейн. Это барышня жужжает, как шмель, а не я... хе, хе, хе.

Дьякон. Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем...

Соб. хор (поет). Господи помилуй.

Дьякон. Господи вседержителю, боже отец наших, молимтися, услыши и помилуй.

В толпе. Тссс! Тише!

— Да меня самого толкают!

Хор (поет). Господи помилуй!

В толпе. Тише! Тссс!

— С кем это дурно?

Дьякон. Помилуй нас боже, по велицей милости твоей, молимтися услыши и помилуй.

Хор (поет). Господи помилуй (трижды).

Дьякон. Еще молимся о благочестивейшем самодержавнейшем великом государе нашем императоре Александре Александровиче всея России, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его и господу богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех и покорити под нозе его всякого врага и супостата.

Хор (поет трижды). Господи помилуй.

(Стон. Движение в толпе).

Кокошкина. Что такое? (Соседке даме). Это, душечка, невозможно. Хоть бы они двери отворили, что ли... Умрешь от жары.

В толпе. Ее ведут, а она не хочет... Кто она? Тсс!

Дьякон. Еще молимся о супруге его, благочестивейшей государыне, императрице Марии Федоровне...

Хор (поет). Господи помилуй.

Дьякон. Еще молимся о наследнике его, благоверном государе, цесаревиче и великом князе Николае Александровиче и о всем царствующем доме.

Хор (поет). Господи помилуй!

Сабинин. О боже мой...

Оленина. Что?

Дьякон. Еще молимся о святейшем правительствующем синоде и о господине нашем преосвященнейшем Феофиле, епископе N-ском и Z-ском и всей во христе братии нашей.

Хор (поет). Господи помилуй.

В толпе. А вчера в Европейской гостинице опять отравилась какая-то женщина.

— Да. Говорят, жена доктора какого-то.

— Отчего, не знаете?

Дьякон. Еще молимся о всем их христолюбивом воинстве...

Хор (поет). Господи помилуй.

Волгин. Точно как будто кто плачет... Неприлично ведет себя публика.

Дьякон. Еще молимся о братиях наших, священницех, священномонасех и всем во Христе братстве нашем.

Хор (поет). Господи помилуй.

Матвеев. Важно нынче певчие поют.

Комик. Нам бы таких, Захар Ильич!

Матвеев. Ишь, чего захотел, харя! (Смех). Тссс!

Дьякон. Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении рабов божиих Петра и Веры.

Хор (поет). Господи, помилуй!

Дьякон. Еще молимся о блаженных...

В толпе. Да, докторша какая-то... в гостинице...

Дьякон. ...и приснопамятных, святейших патриарсех православных...

В толпе. С легкой руки Репиной это уж четвертая отравляется. Вот объясните ка мне, батенька, эти отравления!

— Психоз. Не иначе.

— Подражательность, думаете?

Дьякон... и благочестивых царех и благоверных царицах, и создателях святого храма сего, и о всех прежде почивших отцех и братиях...

В толпе. Самоубийства заразительны...

— Сколько психопаток этих развелось, ужас!

— Тише! Да перестаньте вы ходить!

Дьякон. ...зде лежащих и повсюду, православных.

В толпе. Не орите пожалуйста.

(Стон).

Хор (поет). Господи помилуй!

В толпе. Репина своею смертью отравила воздух. Все барыни заразились и помешались на том, что они оскорблены.

— Даже в церкви отравлен воздух. Чувствуете, какое напряжение!

Дьякон. Еще молимся о плодоносящих и добродеющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих, и предстоящих людях, ожидающих от тебя великие и богатые милости...

Хор (поет). Господи помилуй.

О. Иван. Яко милостив и человеколюбец бог еси и тебе славу воссылаем отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков.

Хор (поет). Аминь.

Сабинин. Котельников!

Котельников. Ну?

Сабинин. Ничего... О боже мой... Татьяна Петровна здесь... Она здесь...

Котельников. Ты с ума сошел!

Сабинин. Дама в черном... это она. Я узнал... видел...

Котельников. Никакого сходства... Только что брюнетка и больше ничего.

Дьякон. Господу помолимся!

Котельник. Не шепчись со мной, это не прилично. Публика следит за тобой...

Сабинин. Ради бога... Я едва на ногах стою. Это она.

(Стон).

Хор. Господи помилуй!

В толпе. Тише! Тссс! Господа, кто там сзади напирает? Тшш!

— За колонну увели...

— Нигде от дам проходу нет... Сидели бы дома!

Кто-то (кричит). Тише!

О. Иван (читает). Господи боже наш, во спасительном твоем смотрении, сподобивый в Кане Галилейстей... (оглядывает публику). Народ какой, право... (читает) честный показати брак твоим пришествием... (возвысив голос).

Прошу вас потише! Вы мешаете нам совершать таинство! Не ходите по церкви, не разговаривайте и не шумите, а стойте тихо и молитесь богу. Так то. Надо страх божий иметь. (Читает). Господи боже наш во спасительном твоем смотрении, сподобивый в Кане Галилейстей честный показати брак твоим пришествием, сам ныне рабы твоя Петра и Веру, яже благоволил еси сочетаватися друг другу, в мире и единомыслии сохрани, честный их брак покажи, нескверное их ложе соблюди, непорочное их сожительство пребывати благоволи, и сподоби я в старости маститей достигнути, чистым сердцем делающя заповеди твоя. Ты бо еси бог наш, бог еже миловати и спасати, и тебе славу воссылаем, со безначальным твоим отцем, и всесвятым и в благим и живототворящим твоим духом, ныне и присно и во веки веков.

Арх. хор (поет). Аминь.

Сабинин (Котельник). Пошли сказать жандармам, чтоб не впускали никого...

Котельник. Кого же еще не впускать? Церковь и так битком набита. Молчи... не шепчи.

Сабинин. Она... Татьяна здесь.

Котельник. Ты бредишь. Она на кладбище.

Дьякон. Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас боже твоею благодатью!

Соб. хор (поет). Господи помилуй!

Дьякон. Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у господа просим.

Соб. хор (поет). Подай господи.

Дьякон. Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших у господа просим.

Хор (поет). Подай господи!

В толпе. Этот дьякон никогда не кончит... То господи помилуй, то подай господи.

— Надоело уже стоять.

Дьякон. Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у господа просим.

Хор (поет). Подай господи!

Дьякон. Добрых и полезных душам нашим и мира мирови у господа просим.

В толпе. Опять зашумели! Ну, народ!

Хор (поет). Подай господи!

Оленина. Петр, ты весь дрожишь и тяжело дышишь.. Тебе дурно?

Сабинин. Дама в черном... она... мы виноваты...

Оленина. Какая дама?

(Стон).

Сабинин. Репина стонет... Я креплюсь, креплюсь... Котельников давит мне голову венцом... Ничего, ничего...

Дьякон. Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у господа просим.

Хор. Подай господи.

Кокошкин. Вера бледна, как смерть. Гляди, кажется, слезы на глазах. А он, он... погляди!

Кокошкина. Я же ей говорила, что публика будет дурно вести себя! Не понимаю, как она решилась тут венчаться. Ехала бы в деревню.

Дьякон. Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на страшном судилищи христове просим.

Хор (поет). Подай господи!

Кокошкина. Надобы попросить отца Ивана поторопиться. На ней лица нет.

Волгин. Позвольте, я вас сменю! (сменяет Котельникова).

Дьякон. Соединение веры и причастие святого духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш христу богу предадим!

Хор (поет). Тебе господи!

Сабинин. Крепись, Вера, как я... Да... Впрочем, скоро обедня кончится. Сейчас поедем... Она это...

Волгин. Тссс!

О. Иван. И сподоби нас, владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати тебя небесного бога отца и глаголати!

Арх. хор (поет). Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое...

Матвеев (актерам). Раздвиньтесь немножко, ребятки, я хочу на коленки стать (становится на колени и кланяется в землю) да будет воля твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша...

Арх. хор. ...да будет воля твоя, яко на небеси... на небеси... хлеб наш насущный... насущный!

Матвеев. Помяни господи усопшую рабу твою Татьяну и прости ей грехи вольные и невольные, а нас прости и помилуй... (поднимается). Жарко!

Арх. хор. ...даждь нам днесь и остави... и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим... нашим...

В толпе. Ну, затянули потное!

Арх. хор. ...и не введи нас... нас... нас! во искушение, но избави нас от лука-а-авого!

Котельник. (тов. прокурора). Нашего жениха муха укусила. Посмотрите, как дрожит!

Тов. прокурора. Что с ним?

Котельников. Даму в черном, что сейчас истерика была, за Татьяну принял. Галлюцинирует.

О. Иван. Яко твое есть царство, и сила, и слава, отца и сына и святого духа, ныне и присно, и во веки веков.

Хор. Аминь.

Тов. прокурора. Смотрите, как бы он какой нибудь штуки не выкинул!

Котельник. Вы-ыдержит! Не таковский!

Тов. прокурора. Да, круто ему приходится.

О. Иван. Мир всем!

Хор. И духови твоему.

Дьякон. Главы ваша господеви приклоните!

Хор. Тебе господи!

В толпе. Сейчас кажется, водить будут. Тссс!

— Докторшу вскрывали?

— Нет еще. Говорят, муж бросил. А ведь Сабинин тоже Репину бросил! Правда это?

— Да-а...

— Я помню, как Репину вскрывали...

Дьякон. Господу помолимся!

Хор. Господи помилуй!

О. Иван (читает). Боже, вся сотворивый крепостию твоею и утвердивый вселенную, и украсивый венец всех сотворенных от тебя, и чашу общую сию подавааяй сочетавающимся ко общению брака, благослови благословением духовным. Яко благословися твое имя и прославися твое царство всегда ныне и присно и во веки веков.

(Дает Сабинину и Олениной пить вино).

Хор. Аминь.

Тов. прокурора. Смотрите, как бы ему дурно не сделалось.

Котельник. Сильная скотина. Выдержит.

В толпе. Так вы же, господа, не расходитесь, все вместе выйдем. Зипунов здесь?

— Здесь. Надо будет окружить карету и свистать минут пять.

О. Иван. Позвольте ваши руки (связывает Сабинину и Олениной платком руки). Не туго?

Тов. прокурора (студенту). Давайте мне, юноша, венец, а вы шлейф тащите.

Арх. хор (поет). Исаие ликуй, дева име во чреве...

О. Иван (идет вокруг налоя; за ним молодые и шафера).

В толпе. Студент запутался в шлейфе.

Арх. хор. ...и роди сына Еммануила, бога же и человека, восток имя ему...

Сабинин (Волгину). Это конец?

Волгин. Нет еще.

Арх. хор. ...его же величающе, деву ублажаем.

О. Иван (идет вокруг налоя в другой раз).

Соб. хор (поет). Святии мученицы, добре страдальчествовавшии, и венчавшиися, молитися ко господу помиловатися душам нашим.

О. Иван (идет в третий раз и подпевает)... душа-ам нашим.

Сабинин. Боже мой, это бесконечно.

Арх. хор (поет). Слава тебе христе боже, апостолом похвало, мучеников радование, их же проповедь, троица единосущная.

Офицер из толпы (Котельникову). Предупредите Сабинина, что студенты и гимназисты собираются освистать его на улице.

Котельник. Благодарю. (Тов. прокурора). Однако, как длинно тянется эта история! Они никогда не кончат служить. (Утирает платком лицо).

Тов. прокурора. Да и у вас руки дрожат... Экие вы все неженки!

Котельник. У меня Репина из головы не выходит. Мне все чудится, что Сабинин поет, а она плачет.

О. Иван (принимая от Волгина венец, Сабинину). Воз-

величися, женише́, якоже Авраам, и благословися, якоже Исаак, и умножися, якоже Иаков, ходяй в мире и делаяй в правде заповеди божия!

Молодой актер. Какие прекрасные слова говорятся мерзавцам!

Матвеев. Бог у всех один.

О. Иван (принимая венец от тов. прокурора, Олениной). И ты, невесто, возвеличися, якоже Сарра, и возвеселися, якоже Ревекка, и умножися, якоже Рахиль, веселящися о своем муже, хранящи пределы закона, зане тако благослови господь.

В толпе (сильное движение к выходу).

— Тише, господа! Еще не кончилось!

— Тссс! Не напирайте!

Дьякон. Господу помолимся!

Хор. Господи помилуй.

О. Алексей (читает, сняв темные очки). Боже, боже наш, пришедый в Кану Галилейскую и тамошний брак благословивый, благослови и рабы твоя сия, твоим промыслом ко общению брака сочетавшыеся; благослови их входы и исходы, умножи во благих живот их, восприими венцы их в царствии твоем, нескверны и не порочны, и не наветны соблюдаяй, во веки веков.

Хор (поет). Аминь.

Оленина (брату). Скажи, чтобы мне дали стул. Мне дурно!

Студент. Сейчас кончится (тов. прокурора). Вере дурно!

Тов. прокурора. Вера Александровна, сейчас кончится! Сию минуту... Потерпите, голубушка!

Оленина (брату). Петр меня не слышит... Точно у него столбняк... Боже мой, боже мой (Сабинину) Петр!

О. Иван. Мир всем!

Хор. И духови твоему!

Дьякон. Главы ваша господеви приклоните.

О. Иван (Сабинину и Олениной). Отец, сын и святый дух, всесвятая и единосущная, и живоначальная троица, едино божество и царство да благословит вас, и да подаст вам долгожитие, благочадие, преспеяние живота и веры, и да исполнит вас всех сущих на земли благих! Да сподобит вас и обеща́нных благ восприятия, молитвами; святые бого-

родицы, и всех святых, аминь! (Олениной, с улыбкой). Поцелуйте вашего мужа.

Волгин (Сабинину). Чтож вы стоите? Целуйтесь!

(Молодые целуются).

О. Иван. Поздравляю вас! Дай бог...

Кокошкина (идет к Олениной). Милая моя, дорогая... Я так рада! Поздравляю!

Котельник (Сабин.). Поздравляю, окрутившись... Ну, будет бледнеть, кончилась канитель...

Дьякон. Премудрость!

(Поздравления).

Хор (поет). Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления бога слова рождшую, сущую богородицу тя величаем. Именем господним благослови о-отче!

(Народ валит из церкви, Кузьма тушит ставники).

О. Иван. Иже в Кане Галилейстей пришествием своим честен брак показавый, христос истинный бог наш, молитвами пречистые своея матере, святых славных и всехвальных апостол, святых благовенчанных царей и равноапостольных Константина и Елены, святого великомученика Прокопия и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец!

Хор. Аминь. Господи помилуй, господи помилуй, госпо-ди по-ми-и-луй!

Дамы (Олениной). Поздравляю дорогая... Сто лет жить... (поцелуи).

Зоненштейн. M-me Сабинин, вы, так сказать, как это говорится на чистом русском языке...

Арх. хор. Многая, мно-огая ле-та!! Многая лета...

Сабинин. Pardon Вера! (берет под руку Котельникова и быстро отводит его в сторону; дрожа и задыхаясь). Едем сейчас на кладбище!

Котельник. Ты с ума сошел! Теперь ночь! Что ты там будешь делать?

Сабинин. Ради бога едем! Я прошу...

Котельник. Тебе нужно с невестой домой ехать! Сумасшедший!

Сабинин. Плевать я на все хотел и будь оно все проклято тысячу раз! Я... я еду! Панихиду отслужить... Впрочем я с ума сошел... Едва я не умер... Ах, Котельников Котельников!

Котельник. Идем, идем... (ведет его к невесте).

(Через минуту слышится с улицы пронзительный свист. Народ мало по малу выходит из церкви. Остаются только дьячок и Кузьма).

Кузьма (тушит паникадила). Народу то навалило...

Дьячок. М да... Богатая свадьба. (Надевает шубу). Живут люди.

Кузьма. Все это ни к чему... Зря.

Дьячок. Что?

Кузьма. Да вот венчание... Каждый день венчаем, крестим и хороним, а все никакого толку...

Дьячок. А чего бы ты хотел собственно?

Кузьма. Ничего... Так... Все это зря. И поют, и кадят, и читают, а бог все не слышит. Сорок лет тут служу, а ни разу не случилось, чтобы бог слышал... Уж где тот и бог, не знаю... Все зря...

Дьячок. М да... (надевает калоши). Зафилософствуй и ум вскружится (идет гремя калошами). Досвиданция! (Уходит).

Кузьма (один). Сегодня в обед хоронили барина, сейчас венчали, завтра утром крестить будем. И конца не видать. А кому это нужно? Ни кому... Так, зря...

(Слышится стон).

(Из алтаря выходит о. Иван и лохматый о. Алексей в темных очках).

О. Иван. И приданое взял хорошее, полагаю...

О. Алексей. Не без того.

О. Иван. Жизнь наша, посмотришь! Когда то ведь и я сватался, венчался и приданое брал, но уж все это забыто в круговороте времени. (Кричит). Кузьма, чтож это ты все потушил? Этак я упаду в потемках.

Кузьма. А я думал, что вы уже ушли.

О. Иван. Что ж, отец Алексей? Пойдем ко мне чай пить?

О. Алексей. Нет, благодарствуйте, отец протоиерей. Не время. Мне надо еще отчет писать.

О. Иван. Ну, как знаете.

Дама в черном (выходит из за колонны, пошатываясь). Кто здесь? Уведите меня... уведите...

О. Иван. Что такое? Кто там? (испуганно). Что вам, матушка?

О. Алексей. Господи прости нас грешных...

Дама в черном. Уведите меня... уведите... (стонет). Я сестра офицера Иванова... сестра.

О. Иван. Зачем вы здесь?

Дама в черном. Я отравилась... из ненависти... Он оскорбил... Зачем же он счастлив? Боже мой (кричит). Спасите меня, спасите! (Опускается на пол). Все должны отравиться... все! Нет справедливости...

О. Алексей (в ужасе). Какое кощунство! Боже, какое кощунство!

Дама в черном. Из ненависти... Все должны отравиться... (стонет и валяется по полу). Она в могиле, а он... он... В женщине оскорблен бог... Погибла женщина...

О. Алексей. Какое кощунство над религией! (всплескивает руками). Какое кощунство над жизнью!

Дама в черном (рвет на себе все и кричит). Спасите меня! Спасите! Спасите!

Занавес.

А все остальное предоставляю фантазии А. С. Суворина.

ПАРОДИЯ ЛИ «ТАТЬЯНА РЕПИНА» ЧЕХОВА?

Статья А. С. Долинина.

Соприкасаются между собою во взаимном воздействии сюжеты литературные с сюжетами реальной действительности и бывает трудно порою установить те грани, за которыми Vahrheit была бы совершенно свободна от влияния какого нибудь элемента предшествующего ей вымысла. Талантливая провинциальная артистка Кадмина воплотила в жизни один из странствующих сюжетов мировой литературы: она заменила смерть в представлении смертью подлинною, покончив на сцене самоубийством там, где это требовалось по роли, в которой она в последний раз играла.

Были у Кадминой свои личные причины, побудившие ее застывшую форму заполнить столь трагическим содержанием. И после этого вновь ожил в русской литературе этот странствующий сюжет, и первый отдаленный отклик был дан ему Тургеневым в форме романтической, тоже соответственно, в известной степени, личной его жизни — в повести написанной за два года до смерти: «Клара Милич».

Прошло еще несколько лет и второй отклик дал ему А. С. Суворин в пьесе, три раза менявшей заглавие, пока она не получила последнее свое название: «Татьяна Репина», по имени главного действующего лица. В первый раз она была названа «Охота на женщин», потом изменена в: «Мужчины и женщины»; как публицист, воспринял Суворин личную трагедию артистки Кадминой; и следы такого восприятия остались и в последней редакции, хоть и сильно измененной в сравнении с первой. Не был им поднят сюжет до высоты истинно художественной, он, по выражению Чехова, легко отдал в жертву «журнальной добросо-

вестности» правду высшего порядка и построил драматичность пьесы на ярких кричащих эффектах в духе французской мелодрамы.—Недаром современники, как увидим ниже, сравнивали «Татьяну Репину» с «Дамой с камелиями».

Так предстояли перед Чеховым два художественных воплощения, диаметрально противоположных по построению и по основному стилистическому тону, когда он «спешно, в один присест», повидимому, «несерьезно», тоже прикоснулся к этому сюжету, восприняв его отраженно, ближе к последней разработке—через «Татьяну Репину» Суворина.

Чехов берет один из мотивов Суворинской пьесы и, дальше его развивая, осложняет до целого драматического действия, как бы отвечая некоему зрителю или читателю, вопрошающему о дальнейшей судьбе двух ее главных героев, виновников смерти артистки: Олениной и Сабинина.

Есть у Суворина в последнем явлении четвертого акта такой потрясающий эффект: отравившаяся Репина только что сыграла свою роль «Василисы Мелентьевны», игра была вдохновенно прекрасна, она покорила своей правдой весь зрительный зал, в том числе и соперницу Оленину и изменника Сабинина; и вот теперь она умирает в страшных мучениях у себя за кулисами; а там за сценой публика неистово орет: «Репину, Репину». У дверей ее уборной толпятся люди; и вдруг среди них появляется потрясенный Сабинин, он вбегает к умирающей Репиной, падает перед ней на колени и молит о прощении: «Простите меня, простите... Я поступил низко... как последний человек... простите меня..». Его просят удалиться, чтобы не отягчать ее агонию, он подчиняется, но отчаянием проникнуты последние его слова: «Все я, все я это сделал! Хоть бы убил меня кто...». Такой мотив нередко бывает переломным в подобном сюжетном сцеплении, когда на гибели чужой жизни слабовольный герой хочет строить свое личное благополучие, а автор еще заставляет его присутствовать при трагической кончине своей жертвы, чтобы тем сильнее возбудить в нем чувство раскаяния. На смерти Репиной кончается у Суворина его пьеса. Чехов финал осложняет, как бы рассказывая еще в одном, пятом, действии о том, как отразилась эта смерть и раскаяние в дальнейшей жизни Сабинина и Олениной.

И не только завязку с этими двумя центральными лицами взял Чехов из пьесы Суворина, но и всех остальных действую-

щих лиц, в ней играющих роль более или менее значительную. Только «автора» оставил он в неприкосновенности — резонера Адашева, приезжего из столицы журналиста, в ходе развития действия совершенно лишнего, присутствующего главным образом для того, чтобы кстати и не кстати за Суворина произносить возвышенные речи о жизни, о значении искусства, таланта, земства и наиболее патетически: о печалях и радостях деятеля печати. Чехов, когда будет говорить Суворину о достоинствах и недостатках его пьесы, то при всей своей осторожной чуткости скажет про Адашева заметно раздраженно, что нельзя произносить длинные монологи о необходимости жить — перед отравленной Репиной, когда у той нестерпимо болит желудок. Что же касается самого главного лица в пьесе Суворина — Репиной, то тень ее — как это увидит читатель ниже — пугающим призраком реет над всей одноактной драмой Чехова, реально воплотившись в некую «даму в черном», чьи предсмертные стоны время от времени врываются в ход действия, производя смятение среди праздно-шумной толпы и ужас в душе Сабинина и Олениной.

Так устанавливается прежде всего близость сюжетная между этим наброском неотделанным Чехова и комедией Суворина. Перед нами так. обр. творческий акт, дошедший до нас в форме чрезвычайно близкой к моменту его зарождения, и в то же время с самого начала ясно ограниченный пределами законченной художественной концепции с определенным психическим содержанием группы героев. Вспомнилась быть может Чехову — как будет дальше указано — и Тургеневская повесть с ее противоположной Суворинской пьесе сюжетной ситуацией, но если анализировать его «драму» в плоскости вопросов о влиянии, то лишь последнюю, «Татьяну Репину» Суворина нужно преимущественно иметь в виду, только в связи с нею можно определенно сказать, что здесь была сознательная реакция одного художника на большое и сложное построение, созданное художником другим, при чем план конструктивный, по скольку он определяет взаимные отношения героев, остался почти неизмененным.

И вот возникает первый вопрос — он же и главный — что побудило Чехова на этот акт отражения; не в смысле психологии творчества ставится этот вопрос, а в пло-

скости исключительно историко-литературной; должны же были быть у него какие-то художественные задачи, которые он так или иначе решал в этой драме; — положительного или отрицательного характера — это пока еще безразлично. Эти задачи должны были быть, если, конечно, не принять ее только, как шутку, как одну из шалостей играющего таланта. Впрочем, и при таком допущении самый вопрос отнюдь не устраняется, лишь плоскость указуется ему иная: пришлось бы отнести ее, эту драму, к полосе, в то время (в 1889 г.) уже исчезающей, к первой полосе его легких комических новелл и остроумно построенных водевилей. В литературе о Чехове ее обыкновенно называют пародией на ее первоисточник, на Суворинскую «Татьяну Репину».

Но так ли это? Есть ли в ней те элементы, без которых пародия и не мыслится? Неправильно думать, что единственным признаком пародии является «всякая невязка двух планов»: переднего, пародирующего, и второго, заднего плана — того, на который пародия ориентируется. Или, как еще иначе формулируют: всякое «смещение двух противоположных планов, так что пародией комедии может быть трагедия» (см. Ю. Н. Тынянов: «Достоевский и Гоголь»). Кажется еще в Пушкинскую пору, действительно, всякий перепев называется пародией, в том числе и такие, как «Подражание Корану» или Данту — Пушкина. Но с тех пор термин этот получил свои твердые границы, и если не соблазняться внешней красивостью эффектно заостренных, а внутренне до наивности ошибочных мыслей, то ясно станет, что только в плоскости комической должен проецироваться этот второй пародируемый план, чтобы иметь право назвать данное произведение пародией. Истории литературы по крайней мере пока еще неизвестна такая трагедия, за которой виднелась бы на заднем плане какая-либо художественная концепция комедийного характера; да и вряд ли когда-нибудь и станет известна уже по тому одному, что в фарс превратило бы трагедию это просвечивание за ней второго комического плана. И мы считаем этот признак — установку на комизм — признаком, для пародии обязательным в такой же мере и степени, как и первый: «смещение двух планов».

Неприкровенным стоит за одноактной драмой Чехова план Суворинской пьесы, и не подражание имеем мы здесь,

и не стилизацию под эту пьесу, а совершенно самостоятельную художественную концепцию с какой-то стороны—ниже мы увидим с какой — сильно контрастирующую концепции Суворина, хотя по сюжету и по психологической установке героев они и близки. Таким образом, первый признак пародии: невязка двух планов при ясном сознании присутствия второго заднего плана—налицо. Имеется как будто и второй признак: установка на комизм, по крайней мере, первая треть Чеховской драмы безусловно проходит в плане комическом. И все же ставим мы вопрос — пародия ли она? Можно пародировать какую-нибудь художественную концепцию в целом, можно пародировать отдельные эпизоды, художественные приемы, стиль (в смысле языка)—результат часто получается один и тот же: свет от пародирования хотя бы одной детали как бы отбрасывается на целое произведение, и в плоскость противоположную пародируемому переводится оно со всеми действующими в нем лицами.

Чехов воспринял Суворинскую пьесу, как вещь почти классическую, во всяком случае, как драму, построенную писателем, «воспитанным на строгом чтении классических образцов и любви к ним». Спрашивается: набросок его меняет ли в какой-либо мере основной подход к данному сюжету: к композиции в целом; отдельному ли приему? А может быть так: созидая свою драму, Чехов, свободно воспользовался обломками Суворинского сюжета лишь как материалом, быть может, главным, но не единственным, сочетая его с другим, случайно всплывшим тогда в художественной его памяти — с кусками каких-то эпизодов, почему то в слове еще не воплощенными. При чем целью у него было — отнюдь не дискредитирование путем пародии художественного канона Суворина, а наоборот—попытка положительного характера: обнаружить, в известном смысле, на опыте чужом, свой новый, в постепенном созревании, становящийся канон?

Одноактная драма, как мы увидим дальше, была признана Чеховым «вещью дешевой и бесполезной». Разнородный материал остался недостаточно сплавленным воедино, художественного синтеза не получилось. И тем важнее анализ ее, в таком именно недовершенном виде, с точки зрения историко-литературной; тем удобнее вскрыть на ней тот путь, по которому тогда шел Чехов: те новые эстетические принципы, которые—в борении с принципами, господ-

ствовавшими тогда в литературе, и с самим собой, — он устанавливал.

II

Обратимся прежде всего за ответом к самому Чехову. Попробуем разобраться в том материале, который мы находим в его письмах по поводу обоих анализируемых нами произведений.

О своей драме Чехов упоминает в первый раз в письме к Суворину от 5-го марта 1889 г., после того, как «Татьяна Репина» прошла на обеих столичных сценах, на Московской с большим успехом (в Петербурге — на Александринской, в Москве — в Малом театре), и большинство рецензентов уже высказалось о ней, и по нескольку раз.

Чехов пишет: «Я пришлю Вам подарок очень дешевый и бесполезный, но такой, какой только я один могу подарить Вам. Ждите» (письма Чехова, т. II, стр. 320). Эта невысокая авторская оценка повторяется еще раз при посылке подарка (через день); тогда в оправдание, почему подарок вышел такой неудачный, Чехов пишет следующее: «сочинил я его в один присест, спешил, а потому вышел он у меня дешевле дешевого». Дальше идет обычная Чеховская шутка: «За то, что воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд»; и снова возвращается к первой и главной теме письма — оценке подарка — и просит: «не показывайте его никому, а прочитавши бросьте в камин. Можете бросить и не читая. Вам я все позволяю. Можете даже по прочтении сказать: черт знает что! (там же, стр. 322). Помимо низкой оценки запомним еще просьбу: не показывайте никому.

Из писем выясняется и дальнейшая судьба «подарка». Суворин очевидно известил Чехова, что он решил подарок напечатать и один экземпляр ему послать. В письме от 22-го апреля Чехов спрашивает Суворина: «кстати: где же печатный экземпляр «Татьяны Репиной» в 1 акте?» (там же, стр. 344), а в письме от 14 мая уже благодарит за получение: «спасибо, получил свою Татьяну Репину. Бумага очень хорошая». В pendant к вышеуказанной просьбе, в этом письме любопытнее всего слдующее. Он пишет дальше: «фамилию свою я в корректуре зачеркнул и мне не по-

пятно, как это она уцелела? Зачеркнул, т. е. исправил я и многие опечатки, которые тоже уцелели. Впрочем все это вздор. Для большей иллюзии следовало бы напечатать на обложке не Петербург, а Leipzig» (т. II, стр. 363). Не совсем ясен смысл последней фразы; если она не заключает в себе ответа на какой-то пункт из неизвестного нам письма Суворина, то быть может ее следует поставить в связь с фразой предыдущей, где Чехов жалеет о том, что его фамилия осталась незачеркнутой: точно он опасается, что «драма» его когда-нибудь может выйти за пределы интимного дружеского круга и нельзя будет отрицать свое авторство. Все вместе взятое — не свидетельствует ли о том, что Чехов относился к своей «драме» гораздо более серьезно, чем к простой, пусть и неудачной, шутке? Во всяком случае одно безусловно: он сам пародией нигде ее не называет, и нет в его словах никаких даже намеков на то, что она вообще должна быть воспринята, как вещь, созданная в плане комическом. Пародией называет ее сестра Чехова, редактировавшая его письма, в примечании ко второму его упоминанию о «дешевом и бесполезном подарке»; примечание гласит так: «(пародия на Татьяну Репину А. С. Суворина. Напечатано было А. С. Сувориным в 3 экземплярах. Один экземпляр сохраняется в архиве А. П.)». И это единственный серьезный источник, с которым приходится считаться. Остальные поддерживают эту версию с ее слов. В «Петербургской Газете» № 241 от 2 сентября 1912 г. под заглавием: «М. Г. Савина о пьеске А. Чехова» приводится следующее сообщение: «Известие о том, что в бумагах А. С. Суворина найден отпечатанный экземпляр неизвестной пародии А. П. Чехова «Татьяна Репина», заинтересовал публику и артистов. Оказывается, что М. Г. Савина знает эту шутку, написанную не для сцены. Сестра Чехова..., в бытность Савиной в Крыму, давала ей прочесть пародию на пьесу Суворина»... Трудно на основании этого сообщения сказать, что Савина тоже восприняла ее как пародию. Определение: «шутка», «пародия» принадлежит как будто не ей, а репортеру. Но есть ли основание думать, что так смотрел на нее и Чехов? Не сама ли сестра — в раннем или позднем чтении, быть может, уже после смерти Чехова, — восприняла ее так, за некий комический элемент, имеющийся в драме, — комизм обстановки, но отнюдь не лиц

и тем более Суворинских приемов? Во всяком случае точной терминологии от сестры Чехова мы не в праве требовать...

Гораздо важнее для нас и показательнее — это, как Чехов относился к «Татьяне Репиной» Суворина, независимо от этого художественного на нее отклика своей неотделанной драмой. Не подлежит сомнению, что далеко не одна дружба или чувство уважения и преданности к Суворину проявляется в том глубоком и напряженном интересе, который Чехов обнаруживает к его пьесе. Почти в течение целого года находится она в поле его внимания, и совпадает это как раз с его упорными художественными исканиями в области драматургии.

Когда Репина ставилась на Московской сцене и Чехов принимал в ее постановке исключительно близкое участие, — в это самое время шел в первый раз его «Иванов» в театре Александринском в Петербурге, и писался спешно акт за актом «Леший», сценарий которого подробно излагается в одном из писем его к Суворину. И вся переписка Чехова в эту пору — с Плещеевым, со Щегловым, с тем же Сувориным и с братом в особенности — переполнена этими вопросами о новой драме (см., напр., письма, т. II, стр. 327, 358—59, 377 и т. д. и т. д.).

И искания его идут одинаково упорно и в области сюжетов, и стиля (в смысле языка) и композиции в целом, и отдельных приемов. Суворин пришел к драме, как человек свежий, не специалист, с требованиями к сцене отнюдь не рутинными, и Чехов пристально всматривается в его творение, но уже с первого знакомства вовсе не очаровывается им. Еще задолго до постановки Репиной на Петербургской сцене Чехов говорит о ней Суворину, и в первом отзыве его уже намечаются основные пункты их художественного расхождения.

Он пишет ему о ней в письме от 30-го мая 1888 г., очевидно в связи с ее последней редакцией (пьеса была в первый раз поставлена в Александринском театре с Савиной в заглавной роли 11-го декабря того же года). «Что касается Вашей пьесы, — пишет Чехов, — то Вы напрасно ее хаете. Недостатки ее не в том, что у Вас не хватило таланта и наблюдательности, а в характере вашей творческой способности. Вы больше склонны к творчеству строгому, воспи-

танному в вас частым чтением классических образцов и любовью к ним. Вообразите, что ваша Татьяна написана стихами, и тогда увидите, что ее недостатки получают иную физиономию. Если бы она была написана в стихах, то никто бы не заметил, что все действующие лица говорят одним и тем же языком, никто не упрекнул бы ваших героев в том, что они не говорят, а философствуют и фельетонизируют — все это в стихотворной классической форме сливается с общим фоном, как дым с воздухом, — и не было бы заметно отсутствие пошлого языка и пошлых мелких движений, коими должны изобиловать современная драма и комедия и коих в вашей Татьяне нет совсем. Дайте вашим героям латинские фамилии, оденьте их в тоги и получится то же самое... Недостатки вашей пьесы непоправимы, потому что органические» (т. II, стр. 102).

Здесь целый эстетический канон, в сущности обязательный для всякого художника реалиста; и не связан он, этот канон, непременно с театром бытовым — Островского и его школы. И прежде всего слышится здесь несогласие именно с точки зрения формальной, — с тем, *как* сделано, а не *что* — не с сюжетом и заполняющим его содержанием, а со стилем-слогом и его приемами. Упрек, что герои у Суворина «фельетонизируют или философствуют», отнюдь не направлен против того, что тематика вообще играет у него очень большую роль. Чехов сам всегда считал ее фактором в композиции чрезвычайно важным, а в эту пору в особенности. И на нее больше всего и ориентируется он, когда пытается определить основные задачи своих собственных творений. Так подчеркивается им в «Иванове» исключительно его *типическое*, то, что делает его человеком своей эпохи (см. его письма за этот период к Суворину). Так говорит он и о героях «Скучной истории» и «Имянин» (тоже приблизительно в это время в письмах к Плещееву). И идейная сторона в творчестве будет и впредь определяться им — выражаясь модным термином — как основная доминанта в произведении, в сравнении с которой все другие элементы единой композиции играют роль гораздо меньшую. Но как мастер, стоящий на перепутьи, с осторожностью открывающий двери мало еще знакомой ему области драматургии, он интересуется в чужих пьесах больше всего именно вопросами мастерства; и кажется ему пока, что та самая

реальная обстановка и принцип иллюзорности, которые и обуславливают эту необходимость в художественном произведении «мелких и пошлых движений и пошлого языка», должны стать руководящими и в драме. Только римские фамилии и тоги и классическая стихотворная форма могли бы скрыть органические недостатки пьесы. И это в утешающем письме звучит не очень утешительно, потому что в этих словах явно указывается на непоправимо ложный тон пьесы, дисгармонирующий и сюжету, и тематической ее части.

У героев нет своего языка, он заменен фельетонным стилем самого Суворина, не уловлены мелкие детали живых движений человеческой души и действий — к этим грехам Чехов вскоре прибавит еще другие,как будто не столь «органические», а потому, пожалуй и поддающиеся некоторому исправлению. «У Вас — говорит он Суворину по поводу его художественных писаний вообще — много излишнего напряжения, подозрительности к себе, добросовестности, и Вы держите себя на веревочке, а это значит, что Вы не свободны». А иллюстрирует он свои мысли следующим: «например: из боязни, что Вы недостаточно точны и что Вас не поймут, Вы находите нужным мотивировать каждое положение и движение. Репина говорит «Я отравилась!», но Вам недостаточно этого, — и Вы заставляете ее говорить лишние 2—3 фразы и таким образом своему чувству добросовестности жертвуете правдой» (т. II, стр. 225).

Эти слова могли бы служить удовлетворительным объяснением и к выше отмеченным дефектам «Репиной»: и в них, как и в отсутствии свободы и коренной художественной неправде пьесы, виновато не «творчество строгое, воспитанное на частом чтении классических образцов и любовью к ним», а все та же фельетонность Суворина, — то, что он по сущности своего дарования не художник, а публицист. Цели посторонние искусству вносит он в художественное творчество, и это сказывается больше всего стилистически — в фельетонном языке героев. Когда Чехов наставляет брата, как нужно писать пьесы, он говорит ему: «не讓 зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок». Логическая ясность и точность, как цель, с искусством не совместимы; искусство просто немыслимо без этих неуклюжих и дерзких угловатостей.

И как бы дальше и глубже вдумываясь в законы, которыми руководился Суворин в своей пьесе, Чехов обращается к сюжетному ее первоисточнику, к жизненной драме артистки Кадминой «— Я мало-по-малу изучаю Кадмину — пишет он в письме к Суворину от 18-го ноября 1888 г. — и прислушиваясь к разговорам, нахожу, что она в самом деле была не дюжинной натурой». Пусть говорит он это в связи с какими то личными настроениями, — он узнает не только сюжетную схему, но и конкретную первоисточную психологическую ее насыщенность, тем яснее делается ему вся концепция «Татьяны Репиной» и весь путь ее становления: от момента исходного, сюжетного ее зарождения, до конечного ее завершения — до последней редакции, в которой она и была поставлена в первый раз на сцене. Остался еще один момент — сценической ее реализации, и Чехов дважды просит Суворина сообщить, когда пойдет Татьяна: «я наровлю приехать к первому представлению».

Чехов присутствовал на этом первом представлении, о чем свидетельствуют его два письма к Ленским из Петербурга (1-ое от 8 декабря, 2-ое от 15 декабря, т. II, стр. 236—238), и видел, что успех был сомнительный, имел возможность убедиться, что и на сцене оказались не менее ощутимы все, уловленные им еще в чтении, ее недостатки, несмотря на выдающийся состав труппы с Далматовым и Давыдовым в главных мужских ролях и на изумительную игру Савиной, проводившую роль «Репиной» в подчеркнуто реальных тонах. Петербургская печать, начиная от «Петербургских Ведомостей», «Сына Отечества», «Новостей» и т. д. и кончая «Петербургской Газетой» резко и не без злорадства подчеркнула ее дефекты, единодушно осудив пьесу прежде всего именно за ее фельетонность, отсутствие типического языка у героев и психологических деталей. «Татьяна Репина» оказалась не более, не менее, как .... «маленький фельетон в нововременском вкусе—драматизированный маленький фельетон в четыре яруса, т. е. в четырех актах»,— пишет газета «Новости» (№ 343 от 12 декабря). Газетой отмечается еще дешевость и грубость сценических эффектов, которыми переполнен больше всего акт последний. Ту же мысль высказывает и «Сын Отечества» (№ 332). «Характеристику действующих лиц — пишет газета — Суворин де-

лает крайне упрощенным способом; каждый из них говорит длинные монологи, в которых сам себя расписывает... Когда все лица — иронизирует газета — прочитали перед публикой несколько бойких фельетонов г. Суворина, да столько же передовых статей из «Нового Времени», 1 акт кончен». Разбирая дальше каждое действие в отдельности, газета приходит к выводу, что «третий акт совершенно излишний, 4-й акт следует тоже сократить.... и тогда останется сценическая, но по шаблону скроенная пьеса с фельетонно-юмористической завязкой и мелодраматическим концом». Еще резче отзыв «Петербургских Ведомостей» (от 13 декабря 1888 г. № 344), для которых Суворин в этой пьесе не более, как «бездарность, возвышающаяся до такой игры слов, как «пивомер» вместо «пионер», до анекдотов о финансовом тузе и до прочих перлов остроумия...., несобравших ни одного шлепка даже с воскресной александринской публики». И уже помимо фельетонности и прочих недостатков, отмеченных другими газетами, говорится по существу о пьесе в целом, что «характеры и отношения действующих лиц и весь ход драматического действия являются решительно непонятными, необъяснимыми и не мотивированными». И даже «Петербургская Газета», говорившая о пьесе в тоне наиболее сдержанном,—только она одна признала, что «пьеса имела успех», — тоже соглашается, что пьеса мало содержательна, лишена сценического движения и больше всего страдает фельетонностью. Отзывы Петербургской прессы, как видим, во многом совпадают с отзывами самого Чехова. В другом освещении преподнесенные, проникнутые тоном вражды к опасному конкурренту на поприще журналистики, они только острее подчеркивают несостоятельность пьесы и не в одном стилистическом отношении, но и в композиционном и в смысле психологическом. О композиционных ее дефектах Чехов пока еще не говорил, но вскоре мы увидим, что и они ощущались им.

Чехов выехал из Петербурга не раньше 15-го декабря (ср. вышеупомянутые письма к Ленским) и знал эти отзывы и видел, как они беспокоили Суворина, «портили ему кровь». При своей необычайной чуткости к людям вообще, а к Суворину в частности, Чехов должен был относиться с особенной осторожностью к оскорбленному авторскому самолюбию, и это apriori несколько усиливает наше сомнение

в том, могла ли быть здесь пародия в правильном смысле этого термина.

Недостаткам, отмеченными Петербургскими газетами, Чехов, как мы знаем, давал в начале иное объяснение, воспринимая их в иной плоскости. Не был он ослеплен ни ненавистью, ни завистью, но и любовь ведь тоже не очень способствует правильному и трезвому пониманию. И вот он еще ближе соприкасается с этим чужим художественным замыслом, принимая на себя всю работу по постановке пьесы на Московской сцене. Сотворчество артиста становится для Чехова еще более ощутимым, и резко воспринимается грань между драмой, как литературное произведение, и драмой в сценической ее реализации (см. письмо к Суворину, где приведен разговор с Ленским, т. II, стр. 285—286).

Не успел Чехов вернуться в Москву, как уже пишет Суворину, что «ждет от него дальнейших полномочий» (письмо от 17-го декабря. Письма, т. II, стр. 239), и через два дня уже посылает ему афишу с подробным перечнем предполагаемого состава исполнителей на сцене Малого театра: «Репина — Ермолова, Кокошкина — Никулина, Оленина — Лешковская, Адашев — Ленский, Матвеев — Макшеев». Дальше сообщает он, что в роли Сабинина будет Горев или Южин, а Михайло Садовский исполнит Котельникова. А в это время мысль еще и еще раз вдумывается в существо пьесы, и растут его недоумения, а вместе с ними и колебания между пиэтетом к Суворину, как художнику, еще достаточно крепким, и внутренним, все более и более протестующим голосом против основной художественной неправды его пьесы. «Первый акт Вашей Репиной — пишет он ему дальше — сделан так странно, что я совсем сбился с панталыку.... Я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса, или же нет. В архитектуре ее есть что-то такое, чего я не понимаю» (Письма, т. II, стр. 242). Когда Чехов своего мнения не конкретизирует, он выражается мягко: «не понимаю».

Через несколько дней (в письме от 23-го декабря) он опять говорит о пьесе по существу: «Я прочел снова Вашу пьесу. В ней очень много хорошего и оригинального, чего раньше не было в драматической литературе, но и много не хорошего (наприм., язык)». Обвинение пока прежнее; но вот оно начинает осложняться, и постепенно раскрывается то,

что он разумел под словом: «не понимаю»; его не удовлетворяет уже самый ход действия, независимо от психологической установки героев или от той «мелочной» детализации, об отсутствии которой мы уже знаем. Когда перед ним стала развертываться архитектоника пьесы в частых репетициях, в упорно медлительном движении акта за актом и явления за явлением, то понадобились поправки, на первый взгляд чисто технического характера, но шли они в сторону, указанную именно Петербургской прессой, — в сторону большей естественности в самом построении, более правильной мотивированности поступков. Так, в третьем явлении последнего акта (Репина и журналист Адашев), там, где Адашев призывает Репину к жизни, говоря длинно и скучно обо всех униженных и оскорбленных, нуждающихся в нашей помощи, его монолог прерывается вставкой Репиной: «это легко говорить» — вставкой, делящей монолог почти пополам. И Чехов оправдывает необходимость этой вставки ссылкой на основные черты характера Репиной и на данное временное ее состояние. «Для молодого человека, утомленного жизнью, — в этом Чехов видит главную движущую пружину личности Репиной, — неубедительны никакие аргументы, никакие ссылки на бога, мать и проч. Утомление — это сила, с которой надо считаться. К тому же еще у Репиной болит нестерпимо желудок. Может ли она молча и не морщась слушать длинный монолог? Нет». Суворин мог бы ответить Чехову на первый его довод, что такое понимание главного лица вовсе не согласно с его художественной концепцией; виновата ли здесь слишком большая плененность эффектным сюжетом артистки Кадминой или недостаток творческого таланта — факт таков, что Суворин рабски следовал фабуле, ей подчиняя и характеры героев, в частности Репиной. Чехов чрезвычайно приблизил Репину, в плоскости психологической, к своему Иванову.— «утомление это сила» (см. его письмо по поводу «Иванова» от 10 декабря, стр. 259—268, т. II) в этом тоже, быть может, кроется отчасти та — хоть и слабая и только на первых порах — иллюзия, которую он создал себе относительно положительных качеств «Татьяны Репиной» Суворина. Но журналист Адашев ни с какой стороны не может быть приемлем, и Чехов не очень скрывает свое отрицательное отношение к этой роли. По Суворину доводы Адашева против

самоубийства должны быть настолько убедительны, что Репина вполне с ним соглашается, и тем трагичнее должно звучать ее запоздалое «да»: «да надо жить». Чехов тоном несколько повышенным, почти раздраженно, протестует против этой фразы: «не нужно, чтобы она соглашалась с Адашевым. Если ее заставит желать жить боль, то я пойму, но в силу слов Адашевских я не верю».

Но и это еще не все. По некоторым намекам можно думать, что Чехова перестал удовлетворять и самый тон пьесы, который кажется ему крикливо подчеркнутым. «Напрасно — пишет он Суворину — Татьяна часто употребляет слово: проклятый: «обидчик проклятый, жид проклятый». Или: «рассказ Котельникова о золотом тельце взят произвольно и составляет излишний орнамент». А про речь Репиной он говорит, что в ней «почти отсутствует сочная фраза», иными словами — она вся построена грубо-крикливо (т. II, стр. 247—249).

Разбросано, на протяжении почти целого года, то о пьесе в целом, то об отдельных ее сторонах и деталях — говорил Чехов Суворину об его «Татьяне Репиной». В течение этого года, в связи с упорным размышлением над вопросами драматургии и работой напряженной над своим собственным художественным каноном при решительном вступлении в новую творческую полосу, совершилась большая эволюция в его художественных воззрениях, и частично отразилась она в его отношении и к этой пьесе: от признания недостатков, но такого, которое почти превращает их в достоинства, через анализ все более и более вдумчивый и подробный, до ясного ощущения фальши: и в тоне, и в психологической установке героев, а еще раньше и в стиле.

Мы могли бы на этом закончить характеристику т. н. историко-литературного окружения, нужного при решении поставленного нами вопроса о месте Чеховской одноактной драмы в эволюционной цепи его творческих исканий и достижений. Но для полноты скажем еще несколько слов и о Московской постановке «Татьяны Репиной» и об отношении к ней и Московской прессы.

«Татьяна Репина» была поставлена в Москве 16 января 1889 г., и здесь, не в пример Петербургу, успех был верный и большой. Для Суворина оказалось чрезвычайно выгодным сотворчество таких больших талантов, как Никулина, Лен-

скій, Садовскій, в особенности Ермолова. Перед московской публикой, отчасти и прессой игра артистов затушевала на время основные недостатки пьесы — в особенности в последнем акте, в последних явлениях предсмертной агоніи, проведенных Ермоловым с потрясающим реализмом [1]). Московские газеты в сущности игру только и хвалят, а уж отраженно отзываются более или менее сочувственно и о самой пьесе. Только «Русскіе Ведомости» посвятили «Репиной» большую и серьезную статью, которую впрочем и некоторые Московскіе газеты (напр., «Театр и Жизнь») признали потом, как лучшую и наиболее обстоятельную. Sine ira et studio, стараясь не поддаваться восторгу театральной публики, серьезный орган подробно останавливается на главной идее пьесы, на каждой роли в отдельности и в общем тоже отзывается о ней сочувственно. Этот тон доброжелательный и дает «Русским Ведомостям» право сказать всю правду и об ее недостатках, не рискуя быть обвиненными в пристрастіи. И газета отмечает, что пьеса хотя и интересна по своей основной идее, и хороши в ней отдельные места, давшіе возможность проявиться так блистательно таланту Ермоловой, но в общем она «носит характер чисто публицистическій... автор наполнил пьесу публицистическими монологами и рассказами о земстве и судах, о полиціи, о государстве, о семье, о таланте, о театре, о детях, о людях», а «все (герои) написаны одним и тем же фельетонным языком». Про Адашева же сказано еще особо, что «по развитію фабулы ему не приходится действовать и тем развернуть

---

[1]) Некій фельетонист в газете «Театр и Жизнь» (№ 248) так передает в юмористическом тоне свои впечатленія о первом представленіи: «У всех капельдинеров Малого театра насморк. Слез было пролито столько, что в театре сделалось сыро, и капельдинеры схватили насморк. Ах, что делалось на первом представленіи!!? Дамы кричали, визжали, плакали, падали в обморок, при их паденіи возвышенные турнюры лопались. Плач начался со второго акта. Во втором дамы только куксились и усиленно сморкались. В третьем выли волком и ревели белугой. В четвертом и рыдали, и сморкались, и кричали, и голосили, и выкликали, и причитали, и истерически хохотали. Ермолова кричит отравленная, дамы визжат тоже, как отравленные крысы. Никогда еще Московскіе дамы не обнаруживали такой склонности к «паденію». Сначала падали по одиночке, потом начали падать целыми рядами. Выносили, выносили их, да перестали: пусть валяются... В конце концов даже с каким то студентом приключилась истерика, а стоявшій за кулисами пожарный упал в обморок».

перед нами свою личность». Рецензент обращает особое внимание еще на то, что Суворин назвал свою пьесу комедией, а между тем по сюжету и по центральной роли Репиной ее следовало бы назвать драмой. «Комедия требует яркости общественных типов и характеров, в пьесе их нет» — и в этом тоже один из ее недостатков. (Сопоставим с этим последним мнением тот факт, что Чехов назвал свою «Татьяну Репину» «драмой»).

Московская печать сказала о «Татьяне Репиной» по существу меньше, пожалуй и мельче, чем печать Петербургская. Неудовлетворенность старыми драматургическими сюжетами и приемами и искание новых путей ощущались в Петербурге, повидимому, гораздо острее, чем в Москве, где в драматическом комитете восседал сам Крылов. Суворина упрекали в шаблонности, в том, что по концепции своей Репина впадает в русло французской мелодрамы, в частности сопоставляли ее с «Дамой с камелиями». И этот упрек был тоже упрек справедливый, с которым Чехов в ту пору должен был безусловно согласиться. Так приходим мы к окончательному убеждению, что было у Чехова достаточно данных для того, чтобы попытаться активно в некоем творческом действии освободиться от всего пережитого и передуманного им в связи с «Татьяной Репиной» Суворина. Художнику в таких случаях представляется два пути: путь демонстрирования своего канона в разработке одного и того же сюжета, то, что мы называем влиянием контрастным, и путь пародирования, рассчитанного главным образом на то, чтобы дискредитировать канон чужой.

Так ставим мы теперь еще раз наш вопрос: что же представляет собою Чеховская одноактная драма? И отвечаем на него решительно: нет, это отнюдь не пародия; доказательства на основании внутреннего анализа пьесы в следующей главе.

III

Неотделанным наброском, быть может даже недоделанным назвали мы выше одноактную драму Чехова. Точно взят им был, из комплекса носившихся перед ним видений, разнородный материал, который так и остался как бы отдельными пластами, синтетически еще слабо объединенными:

Можно, хотя бы приблизительно, сконструировать этот незаконченный творческий акт в процессе его становления. Мы полагаем, что первый сюжетный слой, соответствовавший быть может первоначальной эмоциональной окраске, в которой впервые замысел предстал перед Чеховым, должен был явиться в плане комическом. И этим сюжетным слоем оказался один из эпизодов, до сих пор Чеховым еще не использованный, из старой его темы о современной свадьбе. Чехов вообще охотно рисует массовые движения, воспринимаемые им большею частью комически, поскольку толпа всегда примитивна и стадно заражаема в своих элементарных душевных переживаниях. При помощи мелких деталей набрасывает он фигуры, выхваченные на короткое мгновение из массы, и вновь их сейчас же с нею сливая, создает фон для восприятия на одном уровне этих отдельных фигур и толпы. Таков, например, один из его ранних этюдов «Брожение умов» и две его «Свадьбы» — рассказ и водевиль. В первом взяты два момента: до и после венца, во втором — момент последний. Самый же обряд венчания, до сих пор не воспроизведенный, взят здесь в одноактной драме, в качестве основного фона, на котором и протекает дальнейшее развитие сюжета. И поскольку этот фон дан в плоскости комической, в окраске, близкой к шаржу, он сделан довольно примитивно — реплики, которыми обмениваются выхваченные из массы, присутствующей при обряде, отдельные фигуры, лишь *иллюстрируют* комизм обстановки и носят случайный характер. При этом используются и рудименты элементарного комизма, имеющиеся и у Суворина, в виде коверкания языка евреем-банкиром (дважды) и приведения провинциальных сплетен (разговор о губернаторе). Приблизительно одна треть драмы — сказали мы выше — уделяется сплошь обрисовке этого комического фона. И потому, что сюжет пока задержан в своем движении, эта часть, при элементарности тех приемов, при помощи которых и создается впечатление комизма, кажется тягучей и скучной. Здесь видится нам при всем различии планов, в которых они взяты, в известном смысле ориентировка на «Татьяну Репину» Суворина, особенно на последний ее акт, поскольку самый образ венчания воспринимается публикой исключительно, как зрелище, как театральное действо. Оно открывается в присутствии многочисленной толпы («церковь полна

народу, вся местная интеллигенция, роскошные наряды» — дано в ремарке), по отношению к которой венчающиеся являются главными действующими лицами разыгрывающегося перед ней представления. Этим-то и определяется заранее характер комических средств, сводимых к своего рода qui pro quo; слова молитвы улавливаются машинально; изъятые из контекста, они тем самым легко переносятся в плоскость повседневных представлений и понятий, — получается в известном смысле словесный каламбур. Так адвокат Патронников после слов молитвы, произносимых венчающим о. Иваном: «слава, держава, честь и поклонение» обращается к банкиру Зонненштейну с вопросом: «это какой у вас орден, Давид Соломонович?». А тот отвечает с ярко выраженным акцентом: «Бельгийски». И с этим же акцентом, коверкая и синтаксис и морфологию, по еврейски интонируя, продолжает дальше: «И зачем так много народу? Кто пускал? Уф! Русский баня». Комический эффект подчеркивается так. обр. вторично резким контрастом между торжественным языком богослужения и испорченным языком еврея-банкира, присутствие которого ярче, чем чье-либо, должно создать впечатление зрелища. Патронников и Зонненштейн, — это первая пара фигур, на мгновение выделенных из толпы с тем, чтобы сейчас же вновь с ней слиться. На этом же фоне следуют за ними целый ряд других лиц, частью взятых из пьесы Суворина, частью новых (товарищ прокурора, Котельников, Волгин, Кокошкины). И характерно, что все они воспринимаются в плане комическом не сами по себе, как образы с определенным психологическим содержанием, а лишь в данной ситуации,— другими словами, здесь, как мы уже говорили, не комизм лиц и характеров, взятых из пьесы Суворина, — что в самом деле было бы пародией, а комизм обстановки.

Этот первоначальный слой Чеховской одноактной драмы занимает, сказали мы выше, около трети. Мы называем его первым *сюжетным* слоем, но лишь условно, так как действие еще не развертывается, картина дана в статике.

Первый динамический сюжетный мотив — и то лишь в виде намека — появляется только вместе со словами центрального героя, Сабинина, обращенными к шаферу Котельникову: «Ты венцом давишь мне голову». В свете отраженном, исходящем от первого слоя, эти слова, пожалуй, воспринимаются

пока еще комически, тем более, что ответ Котельникова своей арифметической точностью («Сочиняешь. Я держу венец на *три вершка* от головы») безусловно рассчитан на смех. Но когда та же жалоба, через несколько моментов, данных уже в ослабленной комической окраске и тем самым как бы подчеркивающих ее серьезность, раздается вторично («Держи повыше венец. Давишь» в ответе раздражение: «Какой вздор»), то уже иной смысл воспринимается в ней с другой, уже эмоциональной окраской, — смысл еще неясный, но чем то тревожный; это переход ко второму сюжетному слою — он же и главный: в нем мы и имеем настоящую драматическую завязку, и как ни разъединены между собою звенья-мотивы, воображение заполняет между ними интервалы, само синтезирует их в плоскости психологической. Появляется зловещая тень Татьяны Репиной вместе с где-то раздающимися стонами, наводя ужас на Сабинина; ужасом заражается и Оленина, и тревога растет, захватывает и толпу, когда тень реализуется в лице некоей «дамы в черном».

У нас нет данных, чтобы утверждать здесь определенно зависимость Чехова от сюжетного строения Тургеневской повести «Клара Милич». Но дана его драма безусловно в ее схеме, поскольку и у Тургенева и у Чехова активное участие в развитии действия покончившей самоубийством артистки наступает после ее смерти. В иной ситуации, при совершенно противоположной психологической установке героев — в этом смысле Чехов целиком придерживается той обрисовки характеров, которую мы имеем у Суворина — Тургеневская трактовка сюжета в стиле романтическом с его неизменным тяготением к лиризму, окрашенному в сантиментальный цвет преимущественно, была бы здесь немыслима. Тем более, что такой стиль вообще неприемлем для Чехова с его писательской манерой, с его художественными приемами, в основе своей всегда остающимися реалистическими, а потому Тургеневской манере совершенно чуждыми (см. мою статью «Тургенев и Чехов» в сборнике: «Творческий путь Тургенева» под ред. Н. Л. Бродского, изд. «Сеятель»). Но как схема, указавшая Чехову путь и способ осложнения мотива раскаяния из последнего явления 4-го акта Суворинской пьесы, — мотива, развернувшегося в этом втором сюжетном слое в главную двигающую силу, — «Клара Милич»,

повторяем, могла быть использована; сознательно или бессознательно, в виде лишь отдаленной реминисценции — это пока для нас безразлично.

Усиленным подъемом волны комической начинается эта часть одноактной драмы Чехова, в которой второй сюжетный слой и развертывается; точно в борьбе с вторгшимся мотивом тревоги, данным в конце первой трети лишь в виде намека, она, эта волна комизма, напрягает свои силы, чтобы уничтожить оставшееся после него впечатление. Приемы те же, тот же стилистический контраст между торжественностью венчального обряда, превращенного в зрелище, и пошлой болтовней рассеянной толпы, и в связи с этим тот же словесный каламбур, поскольку толпа машинально улавливает отдельные слова, изъятые из контекста молитвы, и переводит их в плоскость повседневных явлений и понятий. (Диалог Кокошкиных о губернаторе, присутствующем инкогнито и разговаривающем со своей «пассией, Машенькой Ганзен»; — диалогу предшествуют слова апостола: «и прилепится к жене своей и будет два в плоть едину», а после него сейчас же: «тайна сия велика есть»; так же и следующий комический мотив с Наталией Сергеевной после слов: «жена да убоится мужа своего»). Но мотив тревоги, на этот раз звучащий явственно, сразу побеждает этот взрыв комизма: тень Татьяны Репиной придвигается уже ощутимо близко, после дважды раздавшегося стона и взволнованного ответа Котельникова (на вопрос Сабинина «кто это сейчас стонал») — «что-то такое движется... какая то дама в черном» ... Должно быть дурно ... повели». С этого момента комический элемент оказывается побежденным. Прозвучит он еще раз в таком же диалоге адвоката Патронникова с банкиром Зоненштейном, какой мы уже знаем по началу пьесы («Не жужжайте, Давид Соломонович, как шмель — это барышня жужжает, как шмель, а не я.... хе, хе, хе) прозвучит как-то жалко, оторванно, дальше ничем не поддерживаемый, чтобы тем ярче оттенить совершившийся перелом в настроении присутствующих: обряд уже больше никого не интересует, центр внимания весь сосредоточен на Репиной, вокруг смерти которой и ведутся шепотом разговоры. И здесь, в смысле психологической трактовки героев в связи с дальнейшим развитием сюжета, Чехов целиком ориентируется на Суворина. Так выдержанным оказывается рису-

пок, данный последним Сабинину, в его быстрых переходах от ужаса, почти панического (его реплики в диалоге с Котельниковым: «о боже мой... Татьяна Репина здесь» и дальше: «я едва на ногах стою. Это она»; в особенности то место, где он просит Котельникова: «пошли сказать жандармам, чтобы не впускали никого» — до слов: «ты бредишь, она на кладбище»...), к жалкому раскаянию (слова Олениной: «Петр, ты весь дрожишь и тяжело дышешь... тебе дурно?» и его ответ: «дама в черном... она... мы виноваты...), потом к безвольным жалобам («Репина стонет... Я креплюсь, креплюсь... Котельников давит мне голову венцом... Ничего, ничего...), от жалоб к бессмысленному решению (уже после венца обращается к Котельникову дрожа и задыхаясь: «едем сейчас на кладбище... ради бога едем»), от которого он сейчас же отказывается. Так же выдержан и рисунок сильной волей Олениной, сдерживающей в себе тревогу, которой заразил ее Сабанин, и облик поверхностно сентиментальной хлопотливой Кокошкиной (ее диалог с мужем о состоянии Олениной), и единственного из всех искренно любившего Репину, антрепренера Матвеева (сцена, когда он становится на колени и молится за душу усопшей рабы Татьяны), и грубоватого, тоже относившегося к Репиной с особенной любовью и состраданием, Котельникова, непосредственно воспроизводящего один из самых удачных мотивов в третьем акте Суворинской пьесы («у меня Репина из головы не выходит. Мне все чудится, что Сабинин поет, а она плачет»).

В плоскости психологической, в сравнении с психологической схемой Суворина, Чехов ничего не меняет, ни одной черты не отнимает он у его героев и не прибавляет. В этом смысле мы еще больше убеждаемся, что процесс отталкивания от Суворинской концепции был отнюдь не в плане пародийном. В этом втором сюжетном слое, взятом в плоскости трагической, он же и главный, если и есть элементы комического, то лишь постольку, поскольку они восходят к первому слою — опять же к комизму обстановки, но не лиц и характеров, за исключением, конечно, тех случаев, когда они и у Суворина обрисованы комически, но тогда Чехов воспроизводит их почти текстуально.

Трагическая напряженность, поскольку она касается Сабинина и Оленина, разрешается в ничто. С концом обряда кончаются и его страхи, и пронзительный свист возле его

кареты, соответствуя между прочим контрастно овации, которую устроила публика Репиной в последнем акте у Суворина, завершает его участие, как главного актера в венчальнообрядовом зрелище. Психологическое становление образа, взятое у Суворина, предопределило заранее невозможность для Сабинина быть героем трагическим или романтическим.

Но тем ценнее для нас и показательнее сюжетный финал, поскольку он касается тени Репиной, «дамы в черном»: здесь первое яркое отражение исканий Чехова в области драматургии, его сознательного отступления от обычного драматического канона и Татьяны Репиной в частности.

Чехову не зачем было тратить силы на то, чтобы не делать Суворинских ошибок по отношению к основным принципам реалистической эстетики: я разумею всю ту же индивидуализацию языка героев и обрисовку характеров при помощи «мелких и пошлых движений души и действий». Здесь Чехов был мастер испытанный, и этим принципам он оставался верным до конца своих дней. Быть может, этим и объясняется, почему он сравнительно так небрежно отнесся к обстановочному фону, к тем средствам, при помощи которых осуществляется его комическая окрашенность, почему он в них так элементарно прост. В работе, сделанной «на спех в один присест» ему не об этом было заботиться: он «знал мощь свою». Его упорные искания шли совсем в другой области—сюжетно-композиционной. Суворин был в своей «Татьяне Репиной» целиком во власти господствовавшего тогда драматического шаблона, требовавшего от пьесы такого построения, чтобы она представляла собою нарастание сильных и ярких эффектов, число и сила которых по мере приближения к финалу должны были все более и более увеличиваться. В первой серьезной драме своей: в «Иванове», Чехов сам робко покорился этому шаблону и при всех попытках его новаторского характера, «Иванов» остается еще, в сущности композиционного своего построения, в пределах старой драмы. И вот в этом наброске-оклике Суворину, в этой одноактной драме и сделана первая попытка, на опыте чужом, отступления от шаблона; что и сказывается прежде всего в ее сюжетном финале. Был бы возможен здесь эффект, аналогичный самому сильному драматическому эффекту Суворинского финала, определяющему

всю композицию пьесы: «дама в черном» умирает в церкви на глазах у публики, проклиная Сабинина. Этот завершающий сюжетный мотив Чехов не отвергает, но дает его в иной ситуации, тоже определяющей характер всей драмы; даму в черном он оставляет после всех одну в ее предсмертных страданиях; торжествующее в жизни, в отдалении, лишь следом оставленным, противостоит ей контрастно, благодаря чему эмоциональная окраска мотива утончается, дав ему силу быть воспринятым в плоскости символической. От эффектности сценической, которая, повторяем, еще была приемлема для Чехова в «Иванове», центр тяжести переносится преимущественно в сторону эмоционально-лирическую, намечаются первые проблески так называемой драмы настроения. Так будут строиться завершающие финалы во всех его будущих пьесах («Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»), такова будет основная тенденция в переделке «Лешего» в «Дядю Ваню». Так набросок упережает тот путь, на который Чехов вступил твердо уже после «Лешего», созданного в том же 1889 г.

Но это еще не все. Одновременно и в связи с этим подчеркивается еще одна задача, не менее серьезная, нашедшая классическое свое разрешение только в «Трех сестрах», но стоявшая всегда перед ним — и до этого периода и после — так называемый прием лейтмотивности. Он шел к нему шагами верными и постепенно, как к непременному следствию своеобразного понимания им значения и роли детали в обрисовке отдельного образа и в композиции целого.

В письме к Плещееву по поводу «Скучной истории» (Письма, т. II, стр. 402, от 30 IX 1889 г.) Чехов так объясняет, почему он ввел в конце мотив письма с кусочком слова «страст.»: «так мне мое чутье говорит, что в финале повести или рассказа я должен искусственно сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести и для этого хоть мельком чуть-чуть упомянуть о тех, о ком раньше говорил». То же самое говорит он и по поводу «Имянин» и «Степи», а в его произведениях еще раньше проявлялось это *чутье* его, распространяясь не только на лица, но и на предметы и на отдельные детали, которые нередко оказываются у него главными носителями смысловой или эмоциональной тяжести, приобретая тем самым значение символическое.

Можно бы привести целый ряд примеров, в особенности из произведений последнего периода («Три сестры», «Вишневый сад», «Черный монах» и др.), свидетельствующих о том, какую огромную, можно сказать, исключительную роль играет у него этот композиционный прием; как при помощи частой повторяемости какой-нибудь одной детали, приобретающей благодаря этому особую силу ударности, ставит он свои человеческие фигуры и достигает величайших эффектов в плоскости эмоциональной. И здесь борьба между собою двух противоположных начал, двух противоположных воззрений на окружающую жизнь, является для него наиболее характерной конструктивной силой. Под пестрым и шумным покровом мира имманентного таятся глубины человеческих переживаний, и когда они, непрошенные, насильственно оттиснутые от сферы ясного сознания, внезапно врываются в обыденный ход наших представлений и понятий, то по новому окрашивают они этот мир, нам привычный, часто его обесценивая. Здесь Чехов, поскольку за миром видимым у него просвечивает мир невидимых грез и таинственных переживаний, вплотную подходит к символизму, по крайней мере, как к школе эстетической. Плоскость реалистическая еще не нарушена — позитивные основания он всегда находит для самых таинственных видений; в этом смысле он оставался врачем до конца — но уже поколеблена она в своей казавшейся нерушимой твердыне, за явлением имманентным стало как бы ощущаться иное бытие. Одноактная драма значительно опережает этот путь Чехова, если взять его достижения на нем в их последнем классическом завершении. В «Лешем», написанном в том же 1889 г., мотив тревоги в виде каких-то криков, которые слышит Соня (после самоубийства Войницкого), никакой роли композиционной не играет. Случайно появившийся, он вскоре тонет в этом мире повседневности, не оставляя после себя никаких кругов. Это пока еще только одна из тех деталей, с которыми ему вообще, как он неоднократно писал Плещееву, было жалко расставаться. Здесь же, в драме, на этом мотиве, на постепенном его нарастании, зиждется, как мы видели, все развитие действия, по крайней мере, поскольку в нем участвует центральное лицо — Сабинин.

Так рисуется нам значение этого неотделанного наброска-отклика на «Татьяну Репину» Суворина в эволю-

ционной цепи творчества Чехова. С Суворинскими приемами ему не зачем было бороться. Главные дефекты «Репиной» — стилистические (герои говорят одним и тем же языком) не угрожали ему никакой опасностью. Смещения планов здесь нет. Наоборот, там, где это можно, по крайней мере, в смысле сюжетном и в психологической схеме героев, Чехов — как мы видели — охотно ориентируется на Суворина и именно в его же плане. Кажется, отдаленно соответствует отвергнутому Чеховым журналисту Адашеву роль Кузьмы, высказывающего в конце пьесы, в контраст журнальному оптимизму, свои пессимистические воззрения на жизнь, на бессмысленное чередование в ней человеческих радостей и печалей. Но даже и здесь, по отношению к самой неудачной фигуре, вызывающей в Чехове раздражение, нет никакого намека на пародийность, поскольку комический элемент совершенно отсутствует — спор ведется в тоне серьезном.

Была проба новых художественных приемов, предощущение своего будущего пути — и в этом главное значение анализируемой нами одноактной драмы Чехова под тем же названием: «Татьяна Репина».

А. Долинин.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА

ПИСЬМА ЧЕХОВА К М. О. МЕНЬШИКОВУ

Приготовил к печати М. Д. Беляев

I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Свои отношения к адресату наших писем М. О. Меньшикову Чехов не то чтобы утаил, а как-то оставил в тени. В самом деле, если мы пересмотрим все шесть томов его «Писем», то среди массы автобиографического материала, среди целого леса имен тогдашних литературных деятелей, с которыми сталкивался Чехов, мы едва-едва найдем десяток-полтора упоминаний о Меньшикове, да и то эти упоминания сделаны как-то вскользь, и по ним совсем нельзя судить ни о характере отношений Чехова к Меньшикову, ни об оценке последнего как писателя и человека. Едва-ли не единственными двумя исключениями из этого является относимый нами к Меньшикову отрывок из дневника Чехова за 1896 год (приводимый нами текстуально в применении 50), где Чехов как бы дал волю своему наблюдательному уму и не без тонкого юмора, однако же и безо всякой злости, подметил смешные черточки в наружности и привычках своего Мелиховского гостя, а кроме того письмо его к брату Михаилу Павловичу Чехову от 13 июля 1902 года, где он, между прочим, пишет: «С тех пор, как N. N. стал жить в Царском Селе, писания его превратились черт знает во что. Он потерял и талант, и репутацию интересного, оригинального публициста. Журнальный работник, повторяю, должен жить в центре Петербурга, на Невском, работать каждый день и иметь тьму литературных знакомств». Однако, приведя эти два отзыва, мы спешим оговориться, что отне-

сение их по адресу Меньшикова является лишь нашей догадкой, а не безусловной достоверностью.

Письма, предлагаемые нами ниже вниманию читателей, подымают завесу над этой стороной биографии Чехова. Насколько можно судить по ним, отношения между двумя писателями держались по преимуществу в плоскости интересов литературных, на почве которых и завязались. При этом и с той и с другой стороны (особенно, конечно, со стороны Меньшикова) налицо было признание крупного беллетристического (в Чехове) и публицистического (в Меньшикове) дарования. Чехов, повидимому, с живым интересом следил за статьями Меньшикова, прочитывал их, продумывал и иногда соглашался, иногда полемизировал (в письмах), но делал последнее мягко, с большим уважением к мнению противника. Мало-по-малу отношения Чехова и Меньшикова с почвы исключительно литературной перешли и на более интимную. И тот и другой познакомились домами и до известной степени вошли в круг семейных отношений. Этому, очевидно, не мало способствовал весь уклад Мелиховской жизни Чехова, в период которого как раз и завязалось их знакомство. Меньшиков, как это отмечается в первом из наших примечаний, был пленен матерью, сестрой и отцом Антона Павловича; со своей стороны и Чехов платил Меньшикову неизменным вниманием к первой жене его Лидии Ивановне и к сыну Якову Михайловичу, постоянно справляясь об их здоровье, занятиях и т. д., а также лично переписываясь с Лидией Ивановной.

Однако особой близости, повидимому, все же не было. Общее, — то, что соединяет, лежало скорее в области ума, чем в области сердца, откуда, очевидно, и самый характер писем Чехова — вдумчивый, серьезный, почти лишенный тех заразительных взрывов веселости и остроумия, которыми отличаются его письма к «друзьям сердца».

К сожалению, мы не имеем и не знаем, сохранились ли вообще ответные письма Меньшикова к Чехову. Если бы они нашлись, то помогли бы без сомнения наметить более точно характер взаимных отношений между двумя корреспондентами. Однако, по счастью, Меньшиков был публицист и отчасти литературный критик, а потому нити его отношений к Чехову-писателю и Чехову-человеку можно искать в его статьях. В ряде примечаний к нашим письмам

мы отметили критические отзывы Меньшикова о произведениях Чехова, а из некоторых привели даже выдержки (как например из статьи о «Мужиках»). По этим примерам не трудно угадать, что Меньшиков стоял в ряду решительных поклонников Чехова-писателя, что он являлся одним из тех критиков, которые сразу оценили высокую роль и значение Чехова в русской литературе. Что же касается оценки Меньшиковым Чехова, как литератора и как личности, то ключем к этому может служить статья его, помещенная в № 10186 газеты «Новое Время». Думаем, что читатели не посетуют на нас за то, что мы приведем ряд выдержек из этой, теперь уже давно всеми забытой статьи.

Для начала ее Меньшиков не побоялся привести слова Тютчева о Пушкине: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет», утверждая, что Чехов был не первою, но последнею любовью России: «последнею надеждой на появление великого писателя на склоне как будто уже зашедшего золотого века нашей литературы». Уже одними этими словами, одним этим сопоставлением имен Пушкина и Чехова Меньшиков сразу же определяет весь дальнейший характер своей статьи, всю свою исключительно высокую оценку Чехова. «Тяжесть утраты», говорит он дальше, «этого большого таланта была бы неизмерима, если бы не была ослаблена четырнадцатью годами страха за эту жизнь. Уже четырнадцать лет назад вся образованная Россия была опечалена призраком того несчастья, которое наконец совершилось на днях». Следом за этим Меньшиков вспоминает о том, как Россия не умела уберечь своих литературных талантов: Пушкина, Лермонтова, Веневетинова, Полежаева, Языкова и ряда других талантливых людей, которые «сами истощили жизнь свою, сжигая ее с двух сторон». Так же, по словам Меньшикова, поступил с собой и Чехов. Тут он исчисляет все неосторожности Чехова в отношении своего здоровья: поездку на Сахалин, вечное тяготение к северу и особенно к его излюбленной Москве, вечное житье «на людях» и в то же время вечное одиночество. «На столе у Чехова лежала медная печать со словами «Одинокому мир пустыня». Я спросил его однажды, что это значит. «Это печать моего отца». Когда дед увидел ее, сказал: надо женить Павла, и его женили. «Мне кажется, недаром лежала эта печать на столе Чехова. Окруженный

крайне заботливым уходом сестры и матери, окруженный иногда сверх меры пестрым и шумным обществом, Чехов все же слишком часто чувствовал себя в пустыне и быть может умер, спасаясь от нее...».

Вспоминает Меньшикова о том, как еще в середине восьмидесятых годов в одном провинциальном кружке шел разговор на тему об измельчании литературы, и как он (Меньшиков), опровергая подобный взгляд, смело указал на Чехова, тогда еще «Чехонте», как на залог светлого будущего русской литературы. При этом Меньшиков говорит: «Поразительна скромность, с какою Чехов выступил в мелкой печати, очевидно не подозревая, что он большой писатель. Красота его таланта имела высшую прелесть — не сознавать себя; отсюда эта необычайная свежесть, непосредственность и стыдливая простота его милой музы, отсюда неистощимый юмор, подернутый грустью нашей природы. Крохотные рассказы Чехонте засверкали на газетных листах, как рассыпанные на сером сукне алмазы. Их многие заметили и оценили. После первого же крупного дебюта (в «Новом Времени») талант Чехова был признан сразу, и он тотчас-же без спора занял место дофина русской литературы, наследника Льва Толстого».

Интересно первое впечатление М. О. Меньшикова от встречи с Чеховым. «Помню — пишет он — мне очень хотелось увидеть Чехова, и когда это наконец случилось, я подумал, что никогда в жизни не встречал более прекрасного человека». Встреча Меньшикова с Чеховым произошла лет за 12 до написания им фельетона — на вечере у И. Л. Леонтьева (Щеглова). «Там были—по словам Меньшикова— и другие знаменитости: Чайковский, артист Свободин, Рачинский и др., и я не думаю вообще—добавляет он,—чтобы в обаянии, какое он произвел на меня, играло роль его имя. Чехов держался необыкновенно скромно, мне показалось, даже робко, — как бы пугаясь обычных комплиментов и внимания дам. В застегнутом на все пуговицы сюртуке мне тогда уже бросилась в глаза худая грудь. Тощая, среднего роста фигура, открытое и умное лицо, необычайная простота в разговоре и особенный честный тон — иначе я затрудняюсь назвать — эти черты мне показались страшно знакомыми и дорогими. Это черты хорошей тогдашней интеллигенции, нынче уже как будто исчезающей. Поколе-

ние Чехова, воспитанное на Белинском, Добролюбове, Писареве, выдвинуло ряд разнообразных типов, между ними были и грубые, с оттенком прошлого во всем цинизма, но были и удивительные по нравственной красоте. Мне показалось, что Чехов принадлежит к благороднейшим людям этого поколения, и я не ошибся».

«Скажу прямо, я встречал людей не менее искренних, чем Чехов, но людей до такой степени простых, чуждых всякой фразы и аффектировки, я не помню. Это не была напускная, как у многих, выработанная простота, а требование души, для которой всякая фальш былаь мучительна». Вспоминает Меньшиков об отвращении Чехова к Петербургу и о любви к деревне и дает описание Мелихова, приведенное нами в примечании к первому из публикуемых нами писем. Характеризуя Чехова в этот период его жизни, Меньшиков говорит: «Чехов одинаково пленял собою и мужчин и женщин, его боготворили. Молодость, привлекательность, свобода, загремевшее по России и по всему свету имя, чудная семья, собственное имение, практика врача, то есть возможность сближаться с народом и обществом, наблюдать жизнь в ее интимнейших складках и, в довершение всего, впереди огромный художественный труд, как высшее счастье... Все было дано судьбой, чтобы облегчить и одновременно усилить трагедию этой немой души. Он боролся, он жаждал жизни, он хватался за нее, пока она не выпустила его из слабых рук... Сколько было надежд!». Далее Меньшиков отмечает чисто западное стремление Чехова к жизни чистой, ясной, хорошо прибранной, обдуманной, художественно нарядной и параллельное отвращение от всего грязного, загаженного насекомыми, цинического, неуклюжего, будь то в обстановке, в одежде, в жилище, в обычаях, в характере, в таланте. Все это, по свидетельству Меньшикова, Чехов презирал, сторонясь от нашего варварства и всю жизнь мечтая «о настоящей, хорошей жизни». «В этом, мне кажется, — добавляет Меньшиков — вся разгадка его писательской души. Чехов был эпикуреец в благородном значении этого слова. Не сибарит, как нельзя назвать сибаритом англичанина, связавшего в одно комфорт и труд. Враг всякой романтики, метафизики и сентиментальности, Чехов был реалист чистейшей воды, только без грубости, свойственной дуракам этого типа. Реализм в своей

сущности есть честность души, нежелание ее обманывать ни других, ни себя. Чехов во всем брал достоверное, крепкое, прочное, во всем первосортное!..». Меньшиков выясняет и то обстоятельство, что Чехову одинаково далеки и чужды были как феодальная идеология консерваторов, так и буржуазная идеология либеральных кругов русского общества, хотя он и работал в либеральных органах тогдашней нашей прессы. «Он во всем требовал подлинного, а наш либерализм так часто поддельный. «Не лгите, не лгите, не лгите», вот что говорил этот писатель нашей интеллигенции, ни достаточно либеральной, ни достаточно интеллигентной». По словам Меньшикова, Чехов «реалист и либерал» глядел на русское общество «с презрительной усмешкой», как на «плохой товар». «Чехов со своею зоркостью был оскорблен нашей неудавшейся историей, нашим одичавшим народным бытом, нашею безвольной интеллигенцией. С ним случилось то же, что с большинством русских талантов: он был отравлен действительностью и страдал от нее. Но это вовсе не непреложный закон, — возможна иная жизнь, и Чехов это чувствовал. Возможна сильная, красивая действительность, заражающая здоровьем, и Чехов страстно ждал ее и верил в нее... Это, доходящее до пафоса убеждение, что счастье человечества так возможно и так близко, было для Чехова как бы нитью Ариадны в темном лабиринте его недолгой жизни».

Вслед затем Меньшиков вспоминает отдельные интимные подробности, мелкие черточки из своих наблюдений над Чеховым, отдельные его привычки, привязанности, словечки и между прочим говорит: «Чехов иногда был заразительно весел и смеялся почти детским смехом, но помню его и подавленным, с печатью какого то строгого соглашения с тем смертным приговором, который над ним висел. Что Чехов был несравненный собеседник, об этом говорить не нужно, но он был застенчив и раскрывался не для всех. Художественная память его была невероятна. Чувствовалось, что он наблюдает постоянно и ненасытно: как фотографические аппараты, его органы чувств мгновенно закрепляли в памяти редкие сцены, выражения, факты, разговоры, краски, звуки, запахи. Нередко в разговоре он вынимал маленькую записную книжку и что-то отмечал! «это нужно запомнить». Работал он с тщательностью ювелира. Его

черновик я принял однажды за нотный лист, — до такой степени часты были зачеркнутые жирно места. Он кропотливо отделывал свой чудный слог и любил, чтобы было «густо» написано: немного, но многое. У него было множество набросков и черновиков; выпросить у него что-нибудь для журнала было не так легко. «Будь я миллионер,— говаривал он, — я бы писал вещи только с ладонь величиной». Как Мопасана, которого Чехов читал со страстью и которым глубоко восхищался, Чехова тянуло не к длинному роману, где столько всегда придуманного, а к новелле, к мелкому рассказу, мгновенно выхваченному из природы или из своего сердца. Кажется Вогюэ назвал Чехова кинематографом русской жизни. Бесчисленные рассказы его только кажутся отдельными; вместе взятые, они сливаются в широкую и живую картину, в самодвижение русской жизни, как она есть». Тут Меньшиков вспоминает, как в угоду «бестолковой» критике и «сбитой ею с толка» публике Чехов, подавив раздражение, «пробовал вытянуть себя в длину, и неудачно».

«Огромный талант — добавляет Меньшиков — предостерегал его от дальнейших попыток». Говоря об отношениях писателей к Чехову и его к ним, Меньшиков отмечает исключительное благожелательство Чехова и полное отсутствие зависти к успеху своих литературных собратий, приводя в качестве примера отношения Чехова к Горькому. Касаясь отношений Чехова к Толстому, Меньшиков говорит: «Искренний поклонник художественного таланта Толстого, Чехов был под сильным впечатлением и моральной проповеди его, но к философии Л. Н. он остался совершенно холоден. Религии Чехов не любил касаться. Только один раз в Ялте, на берегу моря, у нас как то завязался разговор о боге и быстро оборвался. «Я не знаю», сказал Чехов: «что такое вечность, бесконечность, я себе об этом ничего не представляю, ровно ничего. Жизнь за гробом для меня что-то застывшее, холодное, немое... Ничего не знаю». Трезвая и честная душа его боялась бреда, боялась внушений, противоречащих опыту, боялась того «раздражения пленной мысли», которые многие принимают за голос свыше[1]). Но той поэзии, которая сопровождает веру, Чехов не был чужд».

[1]) Интересно сопоставить с этим слова Л. Н. Толстого, приводимые в книге Н. Н. Гусева, «Два года с Л. Н. Толстым»: М. 1912 г.,

Несколько далее Меньшиков пишет: «Я сказал уже, что Чехов по повышенной требовательности напоминал собою англичанина. Да, но это не мешало ему быть насквозь русским, и даже более русским, чем большинство русских»... «Глядя на Чехова, я часто думал: вот какими будут русские, когда они окончательно сделаются европейцами. Не утрачивая милой мягкости славянской души, они доведут ее до изящества. Не потеряв добродушия и юмора, они сбросят только цинизм. Не расставаясь с своей природой, они только очистят ее от заскорузлой тины, грязи, лени, невежества и еще раз лени. Русский европеец, — я его представляю себе существом трезвым, воспитанным, изящным, добрым и в то же время много и превосходно работающим. Таким был Чехов, как человек, помимо его прекрасного таланта».

Отношения Чехова к женщинам также затрагиваются в цитируемом нами фельетоне. «Как относился Чехов к женщинам? Для романиста знание женской души то же, что знание тела для скульптора. Не время, конечно, говорить об этой стороне жизни Чехова. В своей родной семье он мог наблюдать на редкость милые, прекрасные женские типы. Я был не раз свидетелем самого восторженного восхищения, какое Чехов вызывал у очаровательных девушек. Вероятно, он имел бы ошеломляющий «успех» у дам разного круга, если бы это было не ниже его души. Заметно было, что Чехову любовь — как и Тургеневу — давалась трудно. Вкушая, он здесь «вкусил мало меда»... Лет девять назад он говорил мне: «Вот, что такое любовь: когда Вы будете знать, что к Вашей возлюбленной пришел другой и что он счастлив; когда вы будете бродить около дома, где они укрылись; когда вас будут гнать как собаку, а вы все-таки станете ходить вокруг и умолять, чтобы она пустила вас на свои глаза — вот это будет любовь». А через пять лет мы как-то поздним вечером ехали из Гурзуфа в Ялту. Стояла чудная ночь. Глубоко внизу под ногами лежало сонное

стр. 108. Вот эти слова: «Меньшикова статью вы не читали? — обратился опять Л. Н. к Душану Петровичу, который любит читать Меньшикова. — Очень интересно. Интересно тем, что он приводит неизданное письмо Чехова, которое показывает, что он был человек совсем неверующий. Он всегда как-то сторонился христианства. Я знал таких людей. Они так дорожат своим внутренним спокойствием и боятся, что христианство лишит их его».

море, и точно горсть брильянтов — горели огоньки Ялты. Чехов сидел крайне грустный и строгий, в глубокой задумчивости. — Что-же такое любовь? спросил наш спутник в разговоре со мною. «Любовь — это когда кажется то, чего нет», вставил мрачно Чехов и замолк».

Вот собственно и все отрывочные, как бы взволнованные воспоминания Меньшикова о Чехове, написанные под свежим впечатлением его кончины. Говоря о смерти Чехова и давая оценку этому скорбному факту, Меньшиков справедливо замечает, что потеря Чехова является для всей России потерей громадной, оставляющей неизбежно после себя на долгое время пустоту, что для России Чехов был одним из тех ее представителей в человечестве, одним из тех, «кто отвечает за весь народ свой, сейчас и в будущем, и одинаково в Австралии и в Индии, во Франции и Америке». «Умерла — восклицает он — еще одна гордость наша, еще одна бесспорная слава».

Таковы печатные, предназначенные, так сказать, для всеобщего употребления мысли Меньшикова о Чехове. За неимением более интимных, более сокровенных мыслей его мы должны пока поневоле довольствоваться и ими, надеясь, что впоследствии станут доступными для научного изучения как письма Меньшикова к Чехову, так и другие материалы, которые дадут возможность более ярко осветить этот вопрос.

Что касается до самого адресата наших писем Михаила Осиповича Меньшикова, то он родился 30 сентября 1859 г., умер 21 сентября 1918 года в Валдае. По образованию он был моряк — гидрограф. Литературную деятельность свою Меньшиков начал в 1879 году, поместив в «Голосе», «Петербургских Ведомостях» и «Кронштадтском Вестнике» ряд очерков плавания своего на фрегате «Князь Пожарский» по Атлантическому океану и Средиземному морю. Как гидрограф, Меньшиков написал два труда: «Руководство к чтению морских карт» (С.-Пб. 1891 г.) и «Лоция Абосских и восточной части Аландских шхер» (С.-Пб. 1892 г.). Кроме упомянутых газет, Меньшиков вел фельетон в «Морской Газете» и помещал статьи в «Техническом Сборнике». С середины восьмидесятых годов Меньшиков начал писать в «Неделе», где постепенно становится одним из главных сотрудников.

Затем в 1901 году переходит в «Новое Время», постоянным фельетонистом которого и остается до самого конца своей литературной деятельности. Свои статьи и фельетоны Меньшиков неоднократно собирал и издавал отдельными книгами.

М. Беляев.

II

ПИСЬМА

23 апрѣля [1892 г.]. Ст. Лопасня.

Уважаемый Михаилъ Осиповичъ.

Извините Бога ради, разсказъ еще не готовъ. Хлопоты по хозяйству, въ которомъ я ничего не понимаю [1]), и поѣздка въ Москву [2]) по дѣламъ положительно мѣшаютъ мнѣ работать. Я постараюсь прислать разсказъ [3]) въ маѣ, но попрошу Васъ печатать его не тотчасъ же, такъ какъ придется прочесть его въ корректурѣ разъ, или два.

Будьте добры передать Павлу Александровичу [4]) мою сердечную благодарность за «Недѣлю», которую я получаю. Чтеніе ея доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Къ сожалѣнію она нѣсколько запаздываетъ, такъ как высылается въ Москву, гдѣ я уже не живу, а оттуда съ надписаніемъ въ Лопасню — длинная процедура. Мой адресъ: Ст. Лопасня Моск. Курск. дор., село Мелихово.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Уважающій Васъ А. Чеховъ.

*

Ст. Лопасня Моск. Курск. д. (Мелихово). [Середина мая 1892 г.].

Милостивый Государь Михаилъ Осиповичъ.

Я давно уже отвѣтилъ на Ваше письмо, но, по всегдашней своей разсѣянности, назвалъ Васъ въ адресѣ не Меньшиковымъ, а Мельниковымъ. Объ этомъ я вспомнилъ се-

годня, когда читалъ Вашу статью о журналистпстикѣ [5]). Если въ Редакціи получено письмо на имя Мельникова, то будьте добры, прочтите его. Извините. Повѣсть для «Недѣли» пишу [6]).

Уважающій А. Чеховъ.

*

19 май. [1892 г. Мелихово].

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ!

Повѣсть [7]) я постараюсь прислать въ концѣ этого мѣсяца, или же въ началѣ іюня. Мнѣ кажется, что къ этому времени она будетъ готова. Пишу я вообще медленно, съ натугой, съ частыми остановками и передѣлками — отъ этого и происходятъ мои всегдашнія запаздыванія. Радъ бы поскорѣй, да не умѣю.

Чтеніе корректуры я считаю необходимымъ и никогда корректуры не задерживаю. Адресъ, куда высылать ее, сообщу своевременно. Повѣсть будетъ содержать около трехъ листовъ обычнаго толстожурнальнаго размѣра. Этакъ между 3 и 4 листами. Если Вы пишите, что чѣмъ больше, тѣмъ лучше, то значитъ, придется какъ разъ въ пору.

Если случится Вамъ писать мнѣ, то не откажите сообщить мнѣ, гдѣ въ настоящее время находится И. Л. Щегловъ [8]).

Желаю Вамъ всего хорошаго.
Искренно уважающій А. Чеховъ.

*

12 окт. [1892 г.]. Ст. Лопасня.

Уважаемый Михаилъ Осиповичъ, сейчасъ я прочиталъ Вашу статью «О чтеніи» [9]) и вспомнилъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо. Простите за невѣжество. Трудно отвѣчать, когда не знаешь, что отвѣтить. Вы спрашиваете меня, скоро ли я пришлю въ «Недѣлю» разсказъ [10]), или повѣсть подлиннѣе; у меня нѣтъ на готовѣ ни повѣсти, ни разсказа, такъ какъ я заваленъ рабо-

той по уши, но все таки мнѣ не хочется отвѣчать Вамъ «нѣтъ, или нескоро»... Позвольте мнѣ отвѣтить Вамъ уклончиво, на манеръ дѣвицы, которая почему либо не можетъ отвѣтить «да», хотя и жаждетъ этого всею душой. Если въ началѣ ноября ничего не пришлю Вамъ, то постараюсь прислать въ декабрѣ.

Ваша статья интересна, умна и убѣдительна. Если бы я издавалъ журналъ, то непремѣнно пригласилъ бы Васъ въ сотрудники и былъ бы огорченъ, если бы Вы отказали мнѣ. Въ статьѣ есть — пропускъ — Вы удѣлили очень мало мѣста природѣ языка. Вашему читателю вѣдь важно знать, почему дикарь, или сумасшедшій употребляетъ только сотню-другую словъ, въ то время какъ въ распоряженіи Шекспира ихъ были десятки тысячъ. Въ этой области у Васъ есть кое какія неясности. Такъ Вы пишете (стр. 155), что каковъ языкъ, такова и степень культурной высоты народа. Выходитъ такъ, какъ будто, чѣмъ богаче языкъ, тѣмъ выше культура. А по моему наоборотъ — чѣмъ выше культура, тѣмъ богаче языкъ. Количество словъ и ихъ сочѣтаній находится въ самой прямой зависимости отъ суммы впечатлѣній и представленій: безъ послѣднихъ не можетъ быть ни понятій, ни опредѣленій, а стало быть и поводовъ къ обогащенію языка. Далѣе, на той же страницѣ [Здесь имеется помарка. М. Б.] два пункта, которые благодаря неполнотѣ, истолкуются пожалуй не такъ, какъ Вы хотите: во-первыхъ, неразвитые мужики и дикари могутъ обладать богатымъ и утонченнымъ языкомъ — значитъ богатство языка и неразвитіе могутъ уживаться въ одной шкурѣ? и во-вторыхъ, не совсѣмъ ясно, что значитъ «портится языкъ»? Понимать ли подъ этимъ его вырожденіе, или что другое? Вѣдь случается, что онъ не только портится, но даже исчезаетъ. Если богатый великорусскій языкъ въ борьбѣ за существованіе сотретъ съ лица земли бурятскій или чухонскій языкъ, то будетъ ли это порча послѣднихъ? Сильный пожираетъ

*

слабаго, и если фабричный и казарменный языкъ начинаетъ кое-гдѣ брать верхъ, то не они въ этомъ виноваты, а естественный порядокъ вещей.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Извините, захотѣлось покритиковать. На остальныхъ страницахъ все обстоитъ благополучно и я согласенъ съ Вами по всѣмъ пунктамъ. И взглядъ Вашъ на школьное дѣло не кажется мнѣ утопическимъ.

Благодарю за адресъ Ивана Леонтьевича [11]).

Желаю всего хорошаго.
Искренно Васъ уважающій А. Чеховъ.

*

3 дек. [1892 г. Мелихово]

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ.

У меня многое начато, но ни что не дотянуто даже до середины. Я не умѣю быть исправнымъ [12]). У меня семь пятницъ на недѣлѣ, я то начинаю, то бросаю, работаю медленно и неувѣренно, иногда по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаю, а при такихъ условіяхъ мои обѣщанія прислать разсказъ къ такому то сроку — пустой звукъ. Простите пожалуйста.

Такъ какъ въ Петербургъ я едвали попаду раньше 28-го декабря [13]), то Вамъ самимъ придется взять на себя трудъ и хлопоты (буде Вамъ не лѣнь возиться съ моей особой) по части карточки [14]) и т. п. При свиданіи поблагодарю.

Желаю Вамъ всего хорошаго.
Преданный А. Чеховъ.

*

31 января [1893 г.] Ст. Лопасня *)

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ,

возвращаю Вамъ фотографію [15]) и прошу передать ее Павлу Александровичу **). Простите за кунктаторство.

Я уже дома, но работаю отвратительно, такъ какъ чувствую себя сильно не въ духѣ. У меня больны отецъ и сестра [16]). У сестры, кажется, тифъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

*

4 марта [1893 г. Москва]

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, очень Вамъ благодаренъ за доброе расположеніе. Ваше желаніе, чтобы меня читали и англичане [17]), пріятно щекочетъ мое тщеславіе.

Кто это Юрьинъ, пишущій у Васъ «Въ надеждѣ славы и добра [18])?» Судя по тону и слогу, это московскій адвокатъ и человѣкъ уже не молодой. Очень мило пишетъ. Фигура адвоката-патрона очень ясна, супруга же немножко шаржирована, хотя впрочемъ и она сдѣлана хорошо. Очеркъ «На холерѣ» интересенъ [19]). Я разсчитывалъ, признаться, сдѣлать изъ этого очерка выдержки и прочесть ихъ коллегамъ въ Санитарномъ Совѣтѣ [20]), но... по прочтеніи второй книжки охладѣлъ къ этому намѣренію. Подожду продолженія.

Желаю Вамъ всего хорошаго и еще разъ благодарю.

Вашъ А. Чеховъ.

*

Ст. Лопасня 15 января [1894 г.] ***)

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, я слышалъ, что Вы недавно были въ Москвѣ, и мнѣ очень жаль, что мы не

---

*) Год написания письма определяется по сопоставлению с письмами к Н. А. Лейкину (от 28 января 1893 г.) и к А. С. Киселеву (от 31 января 1893 г.). См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 171—174.

**) Гайдебурову.

***) Год написания письма легко устанавливается вследствие упоминания о смерти П. А. Гайдебурова († 31 декабря 1893 г.).

повидались. Я хотѣлъ поговорить съ Вами о Павлѣ Александровичѣ[21]), посочувствовать и просить Васъ передать мое сочувствіе его семьѣ. Я мало былъ знакомъ съ покойнымъ, но если можно судить о редакторѣ по газатѣ, то это былъ даровитый и очень симпатичный человѣкъ.

Я у Васъ въ долгу: я не отвѣтилъ на Ваше письмо, въ которомъ Вы сообщили о переводѣ моей Палаты № 6 на англійскій языкъ[22]). Признаюсь, я сдѣлалъ это, т. е. не отвѣтилъ — умышленно. Вы желали получить отъ меня автобіографію[23]), а для меня это ножъ острый. Не могу я писать о себѣ самомъ.

За то, что высылаете Недѣлю и въ этомъ году, приношу Вамъ мою сердечную благодарность. Пожалуйста, продолжайте считать меня Вашимъ сотрудникомъ и не сердитесь на мою тугоподвижность. У меня скопилось много сюжетовъ для повѣстей и разсказовъ, но я въ плѣну и, какъ мнѣ кажется, раньше іюня изъ плѣна не пустятъ. Послѣ іюня до самаго конца дней моихъ я буду уже заниматься исключительно одною беллетристикой. Брошу даже медицину и, думаю, имѣю на это право, такъ какъ отдалъ уже ей дань въ видѣ книги о Сахалинѣ. Въ этомъ году я чувствую уже себя много посвободнѣе, чѣмъ въ прошломъ и третьемъ. Даже разгулялся и далъ по разсказу въ Русскую Мысль[24]) и въ Артистъ. Въ послѣднемъ (въ янв. книжкѣ) напечатанъ мой разсказъ «Черный Монахъ». Это разсказъ медицинскій, historia morbi. Трактуется въ немъ манія величія.

Въ этомъ году я едва ли попаду въ Петербургъ. Если Вамъ случится быть въ Москвѣ, то дайте мнѣ знать заранѣе, или же телеграфируйте изъ Москвы.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

*

Ст. Лопасня 20 января 1894 г.

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, мнѣ прислали изъ Москвы Вашу телеграмму. На пути, вѣроятно, она встрѣтилась съ моимъ письмомъ и такъ какъ это письмо уже дало Вамъ, хотя отчасти, отвѣтъ на Вашу телеграмму, то считаю излишнимъ тревожить телеграфное вѣдомство и возвращаю Вамъ квитанцію № 21. Тѣмъ болѣе, что уже прошло 5 дней и моя телеграмма все равно запоздала бы.

И. И. Горбуновъ [25]) вѣроятно ослышался, или не понялъ меня. Помнится, у насъ былъ разговоръ о разсказѣ, давно уже напечатанномъ. Былъ у меня одинъ маленькій разсказъ, Ивану Ивановичу не вѣдомый, но я уже сдалъ его въ "Русскія Вѣдомости [26]). Во всякомъ случаѣ благодарю Васъ за вниманіе. Желаніе Ваше исполню при первой же возможности. Буду имѣть Васъ въ виду, какъ говорятъ особы первыхъ четырехъ классовъ.

Въ мартѣ, вѣроятно, уѣду въ Крымъ. Желаю Вамъ всего хорошаго и прошу извинить за скуку, какую я причиняю Вамъ своими обѣщаніями [27]), въ которыя Вы по всей вѣроятности давно уже потеряли вѣру.

Гдѣ теперь Дѣдловъ [28]). Мнѣ нужно его видѣть, или написать ему. Не будетъ ли онъ въ Москвѣ? А если онъ въ Петербургѣ, то гдѣ живетъ?

Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

*

30 май [1895 г.]. Мелихово.

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ! Я вернулся изъ Москвы. 31-го мая вечеромъ 1-го іюня до вечера я долженъ быть на Санитарномъ совѣтѣ [29]): 31-го на Новой Мызѣ у д-ра Игнатьева [30]) и 1-го въ Васильевскомъ у нашего предсѣдателя Хмѣлева [31]); затѣмъ возвращаюсь и живу дома безвыѣздно всю первую половину іюня. Гдѣ Вы? Будетъ очень, очень грустно, если Вы уѣдете, не побывавши у меня. У меня на

хуторѣ скучно, природа скромная. Вамъ будетъ не особенно весело, но за то я былъ бы радъ. Мнѣ давно уже хочется поговорить съ Вами. Вы интересный человѣкъ и статьи Ваши наводятъ на тысячу мыслей и является желаніе написать Вамъ, или побесѣдовать съ Вами. Упустить случай — не вырвать Васъ изъ когтей гостепріимства Александра Петровича хотя на однѣ сутки — было бы досадно.

И такъ я жду Васъ. Если постараетесь пріѣхать ко мнѣ до 7 часовъ вечера, то навѣрное застанете меня дома [32]).

Вашъ А. Чеховъ.

Передайте Александру Петровичу, что его корреспонденція (судебная хроника) утеряна редакціей Русскихъ Вѣдомостей. Утерялъ М. А. Саблинъ [33]). Московскіе порядки.

*

4-го августа [1895 г. Мелихово.] *)

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, напишите Ювачову [34]), что самъ фонъ Фрикенъ [35]) говорилъ мнѣ, что Ново-Алекс. институтъ [36]) — не высшее учебное заведеніе (высшимъ, т. е. перворазряднымъ считается Петровская Академія) и что мѣсто свое онъ занялъ по особому ходатайству покойнаго А. Н. Корфа, бывшаго ген. губернатора [37]).

Мѣста продажныя есть, но надо жить около насъ, чтобы купить. Будущимъ лѣтомъ я найму по сосѣдству съ собой дачу для Васъ, Вы будете жить и приглядываться, анъ — и найдете то, что нужно. Но трудно найти мѣсто, которое подходило бы для Васъ совершенно; то земли много, то рѣки нѣтъ, то Мантюшка близко, то сосѣдъ съ претензіями на литераторство. При покупкѣ имѣнія необходимо быть уступчивымъ.

---

*) Год написания письма легко устанавливается путем сличения даты пребывания в Ясной Поляне с такой-же датой имеющейся в письме Чехова к брату А. П. Чехову от 11 августа 1895 г. (См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 394).

У меня гоститъ И. Ив. Горбуновъ [38]), посредниковецъ, ѣдущій сегодня въ Ясную Поляну. 8-го авг. поѣду и я туда же, если не будетъ дождя [39]).

Цвѣты у меня цвѣтутъ на славу. Запахи удивительные, особенно по вечерамъ. Вотъ бы Вы пріѣхали дней на пять, а то и на недѣлю! У насъ кстати молотьба, интересное время, и мы цѣлые дни проводимъ въ лѣсу, въ полѣ и около молотилки.

Новаго ничего нѣтъ и ничего новаго не предвидится. Что Короленко [40]) сталъ издателемъ Русск. Богатства, я радъ, радъ за журналъ.

Будьте благополучны и думайте порѣже о слабости своего сердца.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

4 августа.

*

16-го августа 1895 г. [Мелихово].

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, будьте добры, (если можно) пришлите по оттиску Вашей статьи «Дознаніе» [41]) слѣдующимъ лицамъ:

1) Доктору Ивану Германовичу Витте [42]), г. Серпуховъ.

2) Князю Сергѣю Ивановичу Шаховскому [43]), г. Серпуховъ, Земская Управа.

Пожалуйста пришлите. Очень нужно. Погода у насъ чудесная. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

16 августа 1895 г.

*

Среда. [Начало января 1896 г. Петербургъ] *).

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ!

Я въ Петербургѣ и хочу Васъ видѣть [44]). Гдѣ Вы? Напишите. Мы могли бы вмѣстѣ позавтракать, или пообѣдать,

*) Год написания письма устанавливается путем сличения с письмами: А. С. Суворину от 29 декабря (1895 г. Мелихово); М. П. Че-

или поужинать. Остановился я въ Hôtel d'Angleterre (Исаакіевская площадь), но вѣрнѣе всего, что скоро я уберусь отсюда въ другое помѣщеніе, и потому лучше адресуйтесь въ Новое Время, Суворину для передачи мнѣ. Съ Суворинымъ я видаюсь ежедневно.

Будьте здоровы.

Серпуховскій помѣщикъ.

12-го обѣдъ беллетристовъ, потомъ новая пьеса. Стало быть, въ сей день я не свободенъ.

*

Лопасня Московской губ. 14 января [1896 г.] *).

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, я долженъ былъ неожиданно выѣхать изъ Петербурга «по домашнимъ обстоятельствамъ» [45]). Льщу себя надеждой, что возвращусь въ Ваши палестины черезъ 1-2 недѣли. О прибытіи своемъ въ П. своевременно Васъ увѣдомлю — и тогда вмѣстѣ поужинаемъ въ какомъ нибудь кабачкѣ и поговоримъ о Мантейфелѣ [46]).

Теперь просьба: я привыкъ къ Недѣлѣ, высылайте мнѣ ее и въ этомъ году, ради аллаха!

Если до августа я ничего не напишу для Недѣли, то непремѣнно пришлю деньги.

У насъ на Лопаснѣ открылось почтовое отдѣленіе [47]). Адресъ теперь такой: Лопасня, Московской губ.

Желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Вышла ли въ свѣтъ Ваша книга? Если вышла, то пришлите мнѣ въ Лопасню [48]).

ховой от 9 января (1896 г. С.-Пб.), и Л. А. Авиловой от 17 января, Лопасня Московской губ. (1896 г.). См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 430 — 433.

*) Год написания письма устанавливается путем сличения с письмом Л. А. Авиловой от 17 января. Лопасня Московской губ. (1896 г.); См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 433.

2-го февраля [1896 г. Петербургъ] *).

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, «я вновь передъ тобою стою очарованъ», я вновь въ Петербургѣ [49]). Масляница уже на исходѣ и едва ли мы успѣемъ повидаться раньше первой недѣли поста. Остановился я въ Эртелевомъ пер. 6, кв. 11. Встаю въ 9 час. и сижу дома до 12—1 часа. Побывайте у меня какъ нибудь и мы сговоримся насчетъ обѣда или ужина.

Вашъ А. Чеховъ.

«Недѣлю» получаю. Merci!

2 февр.

*

Суббота. [5-го февраля 1896 г. Петербургъ] **).

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, очевидно, ресторанамъ не суждено поторговать: сегодня я уѣзжаю въ Москву!!

Вашъ А. Чеховъ.

*

11-го августа 1896 г. [Мелихово].

Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, былъ бы весьма и весьма радъ видѣть Васъ у себя. Во первыхъ, давно уже я не видѣлъ Васъ и хочется поговорить, и во вторыхъ, у меня теперь все въ цвѣту, погода хорошая — Вамъ не было бы скучно прожить у меня дня 3—4. Я собираюсь на югъ и былъ намѣренъ выѣхать послѣ 15-го августа и уѣду вѣроятно не ранѣе 20-го. Стало быть, Вы меня еще застанете въ Мелиховѣ [50]). Когда бы Вы не проѣзжали черезъ Лопасню, хотя бы послѣ 20-го, справтесь у жандарма, или

---

*) Год написания письма устанавливается путем сличения с письмами А. В. Амфитеатрову (1896, 24 января. Эртелев пер. (С.-Пб), и В. Г. Короленко (Суббота, С.-Пб. 1896 г. февраля 5). См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 434—435.

**) Дата написания письма устанавливается путем сличения с письмом к В. Г. Короленко (Суббота, С.-Пб. 1896 г. февраля 5). См. Письма А. П. Чехова, т. IV, стр. 435.

у начальника станціи, дома ли я. И такъ, буду Васъ ждать. Надѣюсь, что Яша уже на пути къ выздоровленію. Какой тифъ? Если брюшной, то онъ еще долго проваляется въ постелѣ.

Ну съ, новаго у меня нѣтъ ничего. Написалъ пьесу [51]), въ которую однимъ когтемъ вцѣпилась цензура; написалъ для Нивы повѣсть [52]) — пенязей ради. Повѣсть большая, утомительная, надоѣла адски.

Завидую Вамъ, что Вы ѣдете въ Ясную Поляну. Я стремлюсь туда всѣмъ существомъ своимъ и, должно быть, въ сентябрѣ мнѣ удастся побывать тамъ. Я собирался въ іюнѣ — въ іюлѣ, но не было увѣренности, что я не стѣсню. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, Ясная Поляна запружена гостями — французами и американцами. Не такъ давно я встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ доктора, который хвалился мнѣ, что онъ гоститъ у Льва Николаевича вмѣстѣ со своими малолѣтними дѣтьми и что [вмѣстѣ] одновременно съ нимъ гоститъ тамъ и Тищенко [53]), нудный хохолъ, читавшій вслухъ свою повѣсть. Вотъ пріѣхать, когда тамъ этакая компанія, было бы не совсѣмъ кстати. Когда у насъ бываетъ очень много гостей и рѣшается вопросъ, гдѣ кого положить, то всѣ бываютъ раздражены.

Я сталъ архитекторомъ. Построилъ школу [54]), построилъ колокольню [55]). Пріѣдете, посмотрите.

Желаю Вамъ всякихъ благъ. Жду.

Вашъ А. Чеховъ.

96. 11/VIII.

Мой адресъ сталъ теперь короче:

Лопасня Моск. губ.

Этого достаточно.

Вотъ устройте такъ, чтобы 15-го быть у меня.

Въ этотъ день у насъ бываетъ интересно.

*

16 апр. [1897 г. Москва] *).

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, у меня немножко подгуляли легкіе. 20-го марта я поѣхалъ въ Петербургъ, но на пути у меня началось кровохарканье, пришлось задержаться въ Москвѣ и лечь въ клинику на двѣ недѣли [56]). Доктора опредѣлили у меня верхушечный процессъ и запретили мнѣ почти все интересное.

Лидіи Ивановнѣ и Яшѣ передайте мой сердечный привѣтъ и благодарность. Я дорого цѣню и вниманіе, и дружеское участіе.

Сегодня голова болитъ. Испорченъ день, а погода прекрасная, въ саду шумно. Гости, игра на роялѣ, смѣхъ, — это внутри дома, а снаружи скворцы.

Изъ «Мужиковъ» цензура выхватила порядочный кусокъ

Спасибо Вамъ большое. Крѣпко жму руку и желаю счастья. Сестра шлетъ Вамъ поклонъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Нѣтъ худа безъ добра. Въ клиникѣ былъ у меня Левъ Николаевичъ [57]), съ которымъ вели мы преинтересный разговоръ, преинтересный для меня, потому что я больше слушалъ чѣмъ говорилъ. Говорили о безсмертіи. Онъ признаетъ безсмертіе въ кантовскомъ видѣ; полагаетъ, что всѣ мы (люди и животныя) будемъ жить въ началѣ (разумъ, любовь) сущность и цѣль котораго для насъ составляетъ тайну. Мнѣ же это начало, или сила представляется въ видѣ безформенной студенистой массы; мое я, — моя индивидуальность, мое сознаніе сольются съ этой массой — такое безсмертіе мнѣ не нужно, я не понимаю его, и Левъ Николаевичъ удивлялся, что я не понимаю.

---

*) Год написания письма устанавливается путем сопоставления с письмами к А. С. Суворину, от 15 апреля 1897 г. и А. И. Эртелю от 17 апреля того-же года. См. Письма А. П. Чехова, т. V, стр. 38 — 40.

Отчего до сихъ поръ не вышло [книги] Вашей книги? Въ клиникѣ у меня былъ И. Л. Щегловъ [58]). Онъ сталъ лучше, точно выздоравливаетъ. Переѣзжаетъ въ Петербургъ.

*

Лопасня Моск. губ. 28 Апрѣля 1897 г.

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, молоко съ овсомъ рекомендуется почти во всѣхъ учебникахъ, и я самъ иногда прописываю его своимъ паціентамъ. Это не дурное питательное, утучняющее средство и даютъ его легочнымъ больнымъ, когда нѣтъ кумыса или кефира. Для меня лично оно не пригодно, потому что я не переношу молока. Къ тому же у меня хорошій аппетитъ и питаніе не растроено, а при такихъ условіяхъ всякая обыкновенная пища, привычная и удобоваримая, такъ же питательна, какъ и молоко съ овсомъ— это во первыхъ; во вторыхъ лѣчиться скучно и мысль, что въ такомъ то часу я долженъ выпить столько то молока постоянно бы меня раздражала и угнетала, какъ насильственное представленіе. У меня верхушечный процессъ, но температура нормальная, я не худѣю, ѣмъ, сплю и двигаюсь какъ всѣ прочіе, и болѣзнь моя выражается только тѣмъ, что я кашляю по утрамъ и злюсь.

Цензура свирѣпствуетъ, но все же нужно, чтобы Ваша книга [59]) вышла. У Васъ свой большой кругъ читателей, а публицистъ не долженъ давать своимъ читателямъ остывать.

У Вашего пріятеля Мантейфеля [60]) опять былъ ударъ.

Погода у насъ чудесная, такая, что лучше и не надо. Вотъ пріезжайте-ка. Вмѣстѣ поѣдемъ въ Ясную Поляну; и я кстати пожалъ бы Вашу руку за Ваше дружеское участіе и за письма. Въ самомъ дѣлѣ пріѣзжайте, если можно.

Лидіи Ивановнѣ передайте, что [ея] за ея приписку въ Вашемъ письмѣ я благодарю ее безгранично. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ А. Чеховъ.

*

Лопасня Моск. губ. [14 Іюня 1897 г.].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, будьте добры, пришлите мнѣ, если сіе возможно и не очень затруднитъ Васъ, — адресъ сотрудника «Недѣли» Федора Сологуба [61]). Желательно знать его адресъ и отчество.

Давно уже собираюсь написать Вамъ, написать длинно обстоятельно, да все никакъ не соберусь. Лѣнь хохлацкая. Перо не держится въ рукѣ. Ваша статья о «Мужикахъ» [62]) вызвала во мнѣ много мыслей, подняла въ моей душѣ много шуму, но я все же не собрался написать Вамъ, рѣшивъ, что въ письмѣ всего не напишешь, что нужно говорить, а не писать. Когда мы увидимся? Я еще не былъ въ Ясной Полянѣ; буду тамъ послѣ 20 іюня. Потомъ я уѣду на Кавказъ, вернусь въ сентябрѣ, чтобы побыть дома недѣлю и опять уѣхать. Не увидимся ли мы до 10-го іюня въ Мелиховѣ, или не пожелаете ли Вы вмѣстѣ проѣхаться на Кавказъ (Военно-Грузинская дорога, Боржомъ, Батумъ)? Дорогой бы потолковали. Моя «истерія» за лѣто поуспокоилась, я отъѣлся, пополнѣлъ (въ доказательство прилагаю портретъ; снималъ гость-художникъ); как то дня два было прохладно, дуло съ сѣвера — и мои бациллы проснулись и я теперь кашляю чаще, чѣмъ въ маѣ. Но все же въ общемъ здоровье мое не дурно и путешествовать я буду какъ совершенно здоровый.

У насъ нѣтъ дождя, все сохнетъ. Но въ саду хорошо, мои розы цвѣтутъ изумительно.

Кстати объ «истеріи». Неужели Владиміръ Тихоновъ [63]) опять пьетъ? Вѣдь онъ бросилъ и увѣрялъ, что уже никогда не станетъ пить. Водка можетъ сгубить его нервную систему. «Истеріи» у него нѣтъ и не было, но до алкогольного паралича дѣло можетъ дойти въ какія нибудь пять-десять лѣтъ. Только Вы не говорите ему объ этомъ, а то онъ понесетъ чепуху.

Когда же мы увидимся? По возвращеніи съ Кавказа въ сентябре я буду стараться попасть въ Петербургъ хоть на

недѣлю и тогда пріѣду къ Вамъ въ Ц. С., но вѣдь Улита ѣдетъ да когда то будетъ, это на водѣ вилами писано [64]). Право, пріѣзжайте въ Мелихово до 10 іюля.

Нижайшій поклонъ Вашему Яшѣ и Лидіи Ивановнѣ. Желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Мои Вамъ кланяются.

1897 г. 14 іюня.

*

12 августа [1898 г. Мелихово].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать Васъ. Мнѣ давно уже хочется и нужно повидаться съ Вами.

Ежовъ [65]) получилъ Ваше письмо въ Батумѣ — и очень доволенъ.

Мое здоровье значительно поправилось, но все же осень и зиму придется провести не дома. Это досадно, и отъ мысли, что я долженъ уѣхать у меня опускаются руки и ничего не хочется дѣлать.

И такъ, буду ждать Васъ [66]). Желаю всего хорошаго и крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

12 августа.

*

22 сентяря [1898 г.]. Ялта *).

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, я въ Ялтѣ [67]). Погода здѣсь теплая, лѣтняя, но скука аспидская.

Посылаю Вамъ статью, написанную ялтинскимъ чиновникомъ А. И. Звягинымъ [68]), моимъ старымъ знакомымъ, очень добрымъ человѣкомъ. Она лежала у него безъ движенія,

---

*) Год написания письма устанавливается путем сличения с письмом к М. П. Чеховой от 23 сентября (1898 г. Ялта) и Т. Л. Щепкиной-Куперник (Ялта. 1898 г. сентября 28). См. Письма А. П. Чехова, т. V, стр. 222, 227.

я взялъ, и въ виду ея полезности, посылаю; прочтите и, если понравится, рекомендуйте Гайдебурову для «Недѣли». Эта статья какъ разъ во вкусѣ «Недѣли». Авторъ говоритъ, что статья написана небрежно и убѣдительно проситъ, если можно, прислать ему корректуру; въ корректурѣ онъ прибавитъ еще что нибудь. Его адресъ: Баку, Александру Ивановичу Звягину (Его перевели въ Баку).

Какъ Вы поживаете? Я очень радъ, что Вы побывали у меня, и часто вспоминаю о Васъ [69]). Спасибо за книжку [70]). А сестра, когда получила книжку, была прямо въ восторгѣ.

Здѣсь я проживу 30—40 дней. Если будетъ свободная минутка, то черкните 2—3 строчки. До отъѣзда изъ Мелихова было кровохарканье, но теперь ничего, все обстоитъ благополучно.

Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ А. Чеховъ.

Ялта, д. Бушева,

*

20 октября [1898 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, Викторъ Сергѣевичъ Миролюбовъ [71]), издатель «Журнала для всѣхъ», бывшій оперный пѣвецъ, Вашъ давнишній почитатель, желаетъ повидаться съ Вами, чтобы познакомиться и поговорить. Это добрый благодушный человѣкъ, простякъ. Рекомендую Вашему вниманію. Теперь онъ въ Ялтѣ, скоро уѣзжаетъ въ Петербургъ. Кстати сказать у Васъ много почитателей. На дняхъ въ Алупкѣ одна дама, мать семейства, долго распрашивала меня, какой Вы; я разсказывалъ, а она слушала, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ.

У меня умеръ отецъ [72]). Выскочила главная шестерня изъ Мелиховского механизма, и мнѣ кажется, что для матери и сестры жизнь въ Мелиховѣ утеряла теперь всякую прелесть и что мнѣ придется устраивать для нихъ теперь новое гнѣздо. И это весьма вѣроятно, такъ какъ зимовать въ

Мелиховѣ я уже не буду, а безъ мужчинъ въ деревнѣ не управиться. Спасибо за письмо. Читаю «Начало жизни» [73]), съ большимъ удовольствіемъ. Очень хорошо. Въ Ялтѣ пробуду еще долго.

Вашъ душевно А. Чеховъ.

*

15 ноября [1898 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, въ самомъ дѣлѣ, разсказъ Накрохина [74]) очень хорошъ. Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и тотчасъ же отдалъ другимъ читать.

Была сестра [75]) и мы рѣшили, что все останется, какъ было, по старому. Лѣто я буду проводить въ Мелиховѣ. Мать привыкла къ Мелихову, къ хозяйству, пейзане привыкли къ намъ, а мы къ нимъ, и было бы жаль продавать. Вы пишите, что въ Мелиховѣ сыро. Нѣтъ, тамъ сухо, лѣтомъ вовсе не бываетъ тумана; водораздѣлъ. Мое здоровье не дурно. Погода очаровательная. Конечно въ «Женскомъ дѣлѣ» [76]) работать не буду, ибо затрудняюсь: о чемъ бы я могъ писать тамъ? Въ «Недѣлю» же пришлю разсказъ [77]). У меня такое настроеніе, что такъ бы все сидѣлъ писалъ и посылалъ на почту разсказы. Очевидно работать буду. Спасибо Вамъ за письмо, желаю всего хорошого. Крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

*

9 декабря [1898 г. Ялта].

Какъ долго идутъ письма! Ваше письмо отъ 1 декабря получено 8-го. Изъ редакціи Недѣли ни слуху, ни духу, и я ужъ начинаю побаиваться, что тамъ въ редакціи не знаютъ моего адреса и послали корректуру [78]) въ Ниццу. Описаніе побоища у Палкина вышло у Васъ высокохудожественнымъ: такъ написано, что даже пріятно, что великіе люди подрались.

Что съ Яшей? Пока до весны давайте ему рыбій жиръ и обливайте водой въ 27 градусовъ, разъ въ день, а весной

привозите въ Крымъ; здѣсь въ началѣ апрѣля уже очень хорошо. Да и теперь хорошо.

Теперь просьба. Будьте добры пришлите мнѣ адресъ Баранцевича [79]). Спросите у кого нибудь въ телефонъ, гдѣ онъ живетъ, и пришлите. 23 декабря онъ празднуетъ юбилей. Вотъ кому бы слѣдовало дать пенсію! Служба была усердная и воистину безпорочная. 18 декабря юбилей Медицин. Академіи. Читали книгу Сергѣенки [80]) о Толстомъ! Онъ, т. е. Сергѣенко прислалъ мнѣ двѣ свои книги: о Толстомъ и повѣсть «Дэзи» — необыкновенно умственное произведеніе; дѣйствуютъ въ повѣсти не люди, а все какіе то сухіе пряники. С. юмористъ, комикъ, но вообразилъ себя великимъ писателемъ, сталъ серьезенъ и засохъ. Поклонитесь Лидіи Ивановнѣ и Яшѣ. Пишите, дорогой Михаилъ Осиповичъ, Ваши письма доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Крѣпко жму Вашу руку и желаю всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

9 декабря Ялта.

Не соблаговолитъ ли Вашъ редакторъ [81]) высылать мне «Русь» [82]) въ этомъ и будущемъ году?

*

19 декабря [1898 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, вчера 18 декабря я получилъ 300 р. — изъ «Недѣли» [83]). Ваша статья объ Иветтѣ Гильберъ [84]) обошла всѣ провинціальныя газеты, и я читалъ въ выдержкахъ, такъ какъ Русь не получается въ здѣшней читальнѣ. Желаю Вамъ всего хорошаго, крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Сегодня тепло, даже жарко. Зимы все еще нѣтъ. Похоже на нашъ апрѣль.

*

27 января [1899 г.].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, разсказъ, о которомъ Вы спрашиваете, былъ напечатанъ въ новогоднемъ номерѣ

«Семьи», издающейся въ Москвѣ при «Новостяхъ дня». Называется онъ «Душечка» [85]).

Если въ февралѣ поѣдете въ Москву, то пожалуйста побывайте у матери и сестры.

Онѣ живутъ въ Москвѣ, уголъ Мл. Дмитровки и Успенскаго пер., д. Владимірова кв. 10. Вамъ будутъ очень рады [86]). Побывайте также въ Художественномъ театрѣ [87]). Очень много говорятъ про этотъ театръ.

А «Черемуху» [88]) все таки я жду и прочту ее съ великимъ удовольствіемъ. Прочту и Вашу новую книгу [89]), хотя Вы послали ее въ Лопасню. Нашъ лопаснинскій почтмейстеръ злодѣй присылаетъ мнѣ все сюда въ Ялту.

Вы поѣдете на югъ... А куда именно?

Я продаю свои произведенія Марксу на вѣчныя времена [90])... Идутъ переговоры. Получу деньги — и поѣду играть въ рулетку. Справьтесь пожалуйста въ редакціи «Начала» [91]): продавъ Марксу свои сочиненія, буду ли я имѣть право называться марксистомъ?..

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

*

2 февраля [1899 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, будьте добры, пришлите мнѣ книжку Недѣли съ моимъ разсказомъ [92]) или оттискъ, или два оттиска моего разсказа — это для составленія «полнаго» собранія сочиненій, которое я, по договору, долженъ представить Марксу въ скорейшемъ времени. Простите, что я такъ часто надоѣдаю Вамъ разными пустяками.

Въ Ялтѣ дождь, но тепло. Скоро весна. Крѣпко жму Вашу руку.

Вашъ А. Чеховъ.

2 февраля.

*

27 апрѣля [1899 г. Москва].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, мой адресъ: Москва, М. Дмитровка, д. Шешкова. Можно и просто такъ: Москва, Дмитровка [93]).

Былъ у меня Л. Н. Толстой [94]), но поговорить съ нимъ не удалось, такъ какъ было у меня много всякаго народу, въ томъ числѣ два актера, глубоко убѣжденные, что выше театра нѣтъ ничего на свѣтѣ. На другой день я былъ у Л. Н., обѣдалъ тамъ. Татьяна Львовна была у меня до обѣда, сестры не застала дома. Она сказала мнѣ:—Михаилъ Осиповичъ писалъ мнѣ, чтобы я познакомилась съ Вашей сестрой. Онъ говорилъ, что мы многому можемъ научиться другъ у друга.

Вернувшись послѣ обѣда домой, я передалъ эти слова сестрѣ. Она пришла въ ужасъ, замахала руками:

— Нѣтъ, ни за что не поѣду! Ни за что!

То, что Т. Л. можетъ у нея поучиться, такъ испугало ее, что до сихъ поръ я все никакъ не могу уговорить ее поѣхать къ Т. Л.—и мнѣ не ловко. И какъ нарочно, сестра все время не въ духѣ, хандритъ, утомлена, и настроеніе у насъ вообще не важное.

Сегодня на телеграфѣ, когда я подавалъ телеграмму, телеграфистка, полная дама съ отдышкой, увидѣвъ мою подпись, спросила: Вы А. П.? Оказалось, что я лѣчилъ ее и ея мать 15 лѣтъ назадъ. Радость была велія. Но какъ я уже старъ. Уже 15 лѣтъ докторомъ, а мнѣ все еще хочется ухаживать за молоденькими барышнями.

1—3 мая я буду еще въ Москвѣ, по всей вѣроятности.

Въ «Недѣлю» пришлю разсказъ [95]), когда наконецъ поселюсь въ деревнѣ. Сюжетовъ много, но нѣтъ осѣдлости.

Крѣпко жму Вамъ руку; будьте здоровы и счастливы.

Вашъ А. Чеховъ.

Пишите, пожалуйста.

*

30 апрѣля [1899 г. Москва].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, вчера сестра была у Татьяны Львовны и вернулась домой очарованная — какъ и слѣдовало ожидать [96]).

3—4 мая я уѣзжаю въ Мелихово, буду тамъ работать. Пишите, гдѣ Вы будете и когда заглянете въ Мелихово.

Въ Москвѣ жарко.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ А. Чеховъ.

30 апрѣль.

Адресъ послѣ 3-го мая: Лопасня Моск. г.

*

4 іюня [1899 г. Мелихово].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, здравствуйте! Вы путешествуете? Очень радъ за Васъ и завидую. Правда, Вы въ концѣ концовъ утомитесь, соскучитесь, но за то потомъ, когда вернетесь въ свою любезную сѣверную Пальмиру, гдѣ такъ мокро, холодно и темно, — когда вернетесь, то будетъ о чемъ вспомнить. Радуюсь и за Яшу. Вы путешествуете, Вы въ эмпиреяхъ, а я сижу себѣ въ любезномъ Мелиховѣ, зябну и неистово читаю корректуру, которую цѣлыми пудами присылаетъ мнѣ Марксъ. Редактируя все то, что я до сихъ поръ написалъ [97]), я выбросилъ 200 разсказовъ и все не беллетристическое, и все же осталось болѣе 200 печатныхъ листовъ — и выйдетъ такимъ образомъ 12—13 томовъ. Все, что составляло до сихъ поръ содержимое сборниковъ, Вамъ извѣстныхъ, утонетъ совершенно въ массѣ матеріала, невѣдомаго міру. Когда я собралъ всю эту массу, то только руками развелъ отъ изумленія.

Сестра хочетъ продать Мелихово [98]) и уже послала объявленіе въ газеты, но едва ли удастся продать его раньше осени, или даже зимы. Въ іюлѣ я поѣду въ Крымъ, но въ августѣ вернусь и буду жить въ Россіи до глубокой осени.

Въ Пушкинскихъ праздникахъ [99]) я не участвовалъ.

Во первыхъ нѣтъ фрака и во вторыхъ, я очень боюсь рѣчей. Какъ только кто за юбилейнымъ обѣдомъ начнетъ говорить рѣчь, я становлюсь несчастнымъ и меня тянетъ подъ столъ. Въ этихъ рѣчахъ, особенно московскихъ, много сознательной лжи, къ тому же онѣ некрасиво говорятся. Въ Москвѣ 26 Мая и послѣ шли дожди, было холодно, праздники не удались, но говорилось много. И говорили конечно не литераторы, а одни только промышленники (литературные прасолы). Изъ всѣхъ кого я въ это время встрѣчалъ въ Москвѣ, симпатичнымъ показался только одинъ Гольцевъ [100]).

Въ лѣсахъ появились грибы. Цвѣтутъ ландыши. Вчера получилъ изъ Петербурга телеграмму: «погода гнусная».

Большое Вамъ спасибо за письмо, не забывайте меня и впредь. Лидіи Ивановнѣ и Яшѣ сердечный привѣтъ и поклонъ; желаю имъ всего хорошаго.

Мать и сестра благодарятъ за память и кланяются.

Крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

*

22 августа [1899 г. Москва].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, Ваше послѣднее письмо Вы писали по пути къ дому, значитъ, Вы уже въ Царскомъ Селѣ, въ родныхъ тундрахъ. Какъ бы ни было, адресую это письмо въ Царское.

Я, повидимому, уже не человѣкъ, а блуждающая почка. Судите сами: 20-го іюля я уѣхалъ на Кавказъ, оттуда въ Крымъ, въ началѣ августа возвратился въ Москву, а въ среду опять уѣзжаю въ Крымъ, гдѣ останусь вѣроятно на всю осень и даже зиму [101]). Въ Москвѣ отвратительная, мрачная погода, и холодно, и сыро, мнѣ не здоровится, надо торопиться съ отъѣздомъ, хотя уѣзжать совсѣмъ не хочется. Доколѣ я буду такъ блуждать, когда войду въ свою колею и стану вновь осѣдлымъ человѣкомъ—вѣдомо одному Аллаху.

И такъ, письма Ваши направляйте въ Ялту; при этомъ считаю не лишнимъ добавить, что будетъ грустно, если этотъ скромный провинціальный адресъ сотрется въ Вашей памяти, или наскучитъ Вамъ.

Пожалуйста, пришлите мнѣ Вашу фотографію съ автографомъ: Михаилъ Меньшиковъ. Это для Таганрогской Городской Библіотеки[102]), которая собираетъ портреты писателей. Мнѣ прислали списокъ, тамъ значитесь Вы и Лидія Ивановна. И вотъ если бы ходатайствовали передъ Лидіей Ивановной и прислали мнѣ четыре карточки (двѣ для библіотеки, двѣ для меня лично), то я прислалъ бы Вамъ въ отвѣтъ благодарственное письмо.

Мы продали Мелихово[103]), но какъ то странно. Новый владѣлецъ вступаетъ во владѣніе теперь же, деньги же платитъ въ отдаленномъ будущемъ, въ нѣсколько сроковъ.

Какъ Вы поживаете? Что у Васъ новаго? Какъ Яша? Будьте здоровы и благополучны. Крѣпко жму Вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

*

2 октября [1899 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, какъ то въ Москвѣ извѣстный Вамъ Н. М. Ежовъ[104]), узнавъ, что я собираюсь писать Вамъ, просилъ меня сдѣлать Вамъ слѣдующее заявленіе. Лѣтомъ онъ, Ежовъ, былъ на югѣ, объѣзжалъ придонецкій и приазовскій край, побывалъ на металлургическихъ и прочихъ заводахъ — и у него скопился матеріалъ «изъ жизни рабочихъ», матеріалъ для «Нов. Времени» не совсѣмъ подходящій. Не пожелаете ли Вы ознакомиться съ симъ матеріаломъ и то, что найдете достойнымъ, взять для «Недѣли»? Если да, то Еж[овъ] приведетъ все въ порядокъ, и пришлетъ Вамъ. Напишите ему: Москва, Мал. Песковскій пер., д. Кругликова. Или напишите мнѣ.

И такъ, со своей просьбой онъ обратился ко мнѣ еще

въ Москвѣ, а я забылъ, и вспомнилъ о ней только вчера, получивъ отъ него письмо.

Разсказъ для «Недѣли» пришлю, s'il vous plait [105]). Пришлю небольшой, листа въ полтора. Теперь у меня перестали стучать, столъ мой на своемъ мѣстѣ — и я могу работать.

Я читалъ Накрохина [106]). Это хорошее дарованіе, но робкое, слабо захватывающее. У сего писателя и віолончель прекрасна и талантъ виртуоза, но резонансъ плохой. Надо бы пободрѣе и посмѣлѣе, значительно расширивъ сферу наблюденій. Лучшія вещи «Странникъ» и «Стихия»—остальные же, по тону и по манерѣ, лишь повтореніе сихъ лучшихъ вещей. И еще одно: надо женщинъ изобразить. Безъ женщинъ никакъ нельзя. Не написалъ я Накрохину, какъ предполагалъ раньше, то той причинѣ, что никакъ не могъ придумать, что именно написать. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомиться съ нимъ и поговорить.

Спасибо Вамъ и Лидіи Ивановнѣ за обѣщаніе выслать свои фотографіи. Буду ждать.

Ахъ, какая тутъ чудесная погода! Солнце такъ и прётъ въ окно. Деревья еще не начали желтѣть, лѣто продолжается.

Будьте здоровы, крѣпко жму руку.

Душевно Вашъ А. Чеховъ.

*

5 октября [1899 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, я опять пишу Вамъ, опять съ просьбой.

Разные начинающіе и продолжающіе писатели ходятъ ко мнѣ и приносятъ свои рукописи для прочтенія. Одинъ разсказъ мнѣ понравился, показался хорошимъ, и я посовѣтывалъ автору послать его въ «Недѣлю», что онъ и сдѣлалъ. Все ограничилось этимъ совѣтомъ, больше я ничего не прибавлю — стало быть, не подумайте, что это рекомендація. Если разсказъ окажется непригоднымъ, то будьте добры

возвратить его заказною бандеролью по адресу: Ялта А. П. Чехову, для г. С. Воскресенского. Называется разсказъ «Глупости Ивана Ивановича», подпись «Сергѣй Воскресенскій» [107]). Вотъ и все. Идетъ теплый дождь. Кругомъ зелень. Климатъ у насъ благородный, не чета Вашему.

Должно быть, и меня какъ Савву Мамонтова [108]) посадятъ въ тюрьму. Я все растратилъ, что имѣлъ, и теперь съ нетерпѣніемъ жду декабря, когда Марксъ пришлетъ денегъ.

Будьте здоровы и благополучны. Жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

*

26 ноября [1899 г.]. Ялта.

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, посылаю въ «Недѣлю» разсказъ [109]), потому что Вы этого хотѣли. Посылаю заказною бандеролью и, такъ какъ Вашъ редакторъ наверное теперь гдѣ нибудь заграницей, то пишу Вамъ сію мою просьбу: пожалуйста пришлите корректуру. Разсказъ еще не конченъ въ деталяхъ, отдѣлаю его въ корректурѣ, теперь же сидѣть надъ черновой рукописью не хотѣлось долго, не здоровится немножко, да и тороплюсь послать. И такъ, пожалуйста корректуру.

Вчера принудилъ одну барышню подписаться на «Недѣлю». Принудилъ одну генеральшу прочесть Вашу статью.

Погода въ Ялтѣ очень хорошая, только жаль, нѣтъ настроенія, нѣтъ денегъ, нѣтъ хорошихъ книгъ. Можете себѣ представить немножко практикую, и это меня развлекаетъ и мѣшаетъ мнѣ. Если бы я захотѣлъ, то у меня здѣсь была бы большая практика [110]). Какъ Вы поживаете? Что новаго?

Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ А. Чеховъ.

26 ноября, Ялта.

*

26 декабря [1899 г. Ялта].

Здравствуйте, дорогой Михаилъ Осиповичъ, сколько зимъ, сколько лѣтъ! Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ и желаю Вамъ и Вашему Яшѣ здоровья и всего хорошаго. Вы писали мнѣ, я все собирался отвѣтить; потомъ собирался написать Вамъ по поводу Вашей превосходной статьи «Клевета обожанія» [111]), потомъ — по поводу статьи (Андрея?) Абрамова о Неплюевскомъ братствѣ [112]). Все собирался, мѣшали мнѣ разныя дѣла и люди, и наконецъ собрался сегодня на второй день праздника, послѣ двухъ дней безпокойныхъ, утомительныхъ, безполезныхъ, проведенныхъ въ бесѣдахъ и пріемахъ. Третьяго дня была мать именинница, вчера — праздникъ и у меня толклись люди, толклись, говорили и ѣли, и все это неизвѣстно для чего.

Ваша «Клевета обожанія», образцовая критическая статья, это настоящая критика, настоящая литература. Превосходна и Ваша замѣтка о Неплюевскомъ братствѣ. Это хорошо, что Вы написали ее. Вы поступили именно такъ, какъ уважающему себя человѣку поступить надлежитъ. Но какой ...... Вашъ * * *! Какъ ..... его примѣчаніе, гдѣ онъ Неплюева и Рескина ставитъ на одну доску. Должно быть, трудно работать съ такимъ ....

Новаго у меня ничего, живемъ по старому. Взбудоражила всѣхъ болѣзнь Льва Николаевича [113]). Я телеграфировалъ въ Москву проф. Черинову, но опредѣленнаго отвѣта не получилъ и до сихъ поръ не знаю, въ чемъ дѣло, какая болѣзнь, и до сихъ поръ безпокоюсь и не знаю, что отвѣчать, когда меня спрашиваютъ о здоровьи Льва Н-ча. Телеграфировать Софьѣ Андреевнѣ я не рѣшился, такъ какъ она и безъ того завалена письмами и телеграммами.

Въ послѣднее время я много писалъ. Послалъ повѣсть въ «Жизнь» [174]). Въ этой повѣсти я живописую фабричную жизнь, [и] трактую о томъ, какая она печальная,— и только

вчера случайно узналъ, что «Жизнь» — органъ марксистскій, фабричный. Какъ же теперь быть?

Когда мы увидимся? Не пріѣдете-ли Вы на югъ? Здѣсь было холодно, но теперь опять тепло, свѣтитъ солнце. Будьте здоровы, крѣпко жму руку.

Отъ братства Неплюева и отъ его письма въ редакцію попахиваетъ какимъ то извращеніемъ; какъ бы ни было, это люди ненормальные. *** же вполнѣ нормальный человѣкъ, но . . . . . .

Сестра Вамъ кланяется.

Вашъ А. Чеховъ.

*

20 января [1900 г.]. Ялта.

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, здѣшняя публика все спрашиваетъ о Васъ, и я говорю, что Вы ко мнѣ пріѣдете. Не будете ли Вы въ этомъ году на югѣ? Не купите-ли себѣ здѣсь участка, въ самомъ дѣлѣ? Только покупайте не въ Алуштѣ, кстати сказать; въ Алуштѣ скучно. Я давно собираюсь написать Вамъ, и все мѣшаютъ разныя пустяшныя дѣла. Книжку «Недѣли» получилъ, но еще не читалъ Вашей статьи о дружбѣ Вы спрашивали въ письмѣ, достаточно-ли 300 р. [115]). Не знаю, велите сосчитать буквы, или строчки; въ Нивѣ мнѣ даютъ 400. А Жизнь [116]), можете себѣ представить, предлагаетъ мнѣ 500! Жизнь зоветъ къ себѣ, а Начало [117]) къ себѣ, а я именно какъ разъ въ хохлацкомъ настроеніи, когда одолѣваетъ тяжелая лѣнь, лѣнь держать въ рукѣ перо, лѣнь считать... Вамъ не знакомо такое настроеніе, Вы не хохолъ.

Получилъ отъ И. Щеглова письмо [118]). Пишетъ, что ему тяжело живется. Получилъ письмо и отъ В. Тихонова [119]): пишетъ, что онъ очень счастливъ. Баранцевичъ [120]) послѣ юбилея прислалъ мнѣ письмо необыкновенно унылое. Поклонъ Яшѣ. Какъ его здоровье?

Вашъ А. Чеховъ.

*

28 января [1900 г.]. Ялта.

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, что за болѣзнь у Толстого, понять не могу. Черниновъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а изъ того, что я читалъ въ газетахъ и что Вы теперь пишете, вывести ничего нельзя. Язвы въ желудкѣ и кишечникѣ сказывались бы иначе; ихъ нѣтъ или было нѣсколько кровоточившихъ царапинъ, происшедшихъ отъ желчныхъ камней, которые проходили и ранили стѣнки. Рака тоже нѣтъ, онъ отразился бы прежде всего на аппетитѣ, на общемъ состояніи, а главное — лицо выдало бы ракъ, если бы онъ былъ. Вѣрнѣе всего, что Л. Н. здоровъ (если не говорить о камняхъ) и проживетъ еще лѣтъ двадцать. Болѣзнь его напугала меня и держала въ напряженіи. Я боюсь смерти Толстого. Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Во первыхъ, я ни одного человѣка не люблю такъ какъ его; я человѣкъ не вѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру. Во вторыхъ, когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не дѣлаешь, — не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ. Его дѣятельность служитъ оправданіемъ тѣхъ упованій и чаяній, какія на литературу возлагаются. Въ третьихъ, Толстой стоитъ крѣпко, авторитетъ у него громадный и, пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шаршавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ его нравственный авторитетъ способенъ держать на извѣстной высотѣ такъ называемыя литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безпастушное стадо, или каша, въ которой трудно было бы разобраться.

Чтобы кончить о Толстомъ, скажу еще о «Воскресеніи»[121]), которое я читалъ не урывками, не по частямъ, а прочелъ все сразу, залпомъ. Это замѣчательное художественное про-

изведеніе. Самое неинтересное—это все, что говорится [отъ объ отношеніяхъ Нехлюдова къ Катюшѣ, и самое интересное — князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцена у генерала, коменданта Петропавловской крѣпости, спирита, — я читалъ съ замираніемъ духа — такъ хорошо! А m-me Корчагина въ креслѣ, а мужикъ, мужъ Ѳедосьи! Этотъ мужикъ называетъ свою бабу «ухватистой». Вотъ именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повѣсти нѣтъ, а то, что есть, нельзя назвать концомъ. Писать, писать, а потомъ взять и свалить все на текстъ изъ евангелія — это ужъ очень по богословски. Рѣшать все текстомъ изъ евангелія—это такъ же произвольно, какъ дѣлить арестантовъ на пять разрядовъ. Почему на пять, а не на десять? Почему текстъ изъ евангелія, а не изъ корана? Надо сначала заставить увѣровать въ евангеліе, въ то, что именно оно истина, а потомъ ужъ рѣшать все текстомъ.

Я надоѣлъ Вамъ? Вотъ когда пріѣдете въ Крымъ, я буду Васъ интервьюировать и потомъ напечатаю въ «Новостяхъ дня» [122]). О Толстомъ пишутъ, какъ старухи объ юродивомъ, всякій елейный вздоръ; напрасно онъ разговариваетъ съ этими шмулями.

Я былъ не здоровъ недѣли двѣ. Перемогался. Теперь сижу съ мушкой подъ лѣвой ключицей и чувствую себя не дурно. Не съ мушкой, а съ краснымъ пятномъ послѣ мушки [123]).

Фотографію вышлю Вамъ непремѣнно. Званію академика [123]) радъ, такъ какъ пріятно сознавать, что мнѣ теперь завидуетъ Сигма [125]). Но еще болѣе буду радъ, когда утеряю это званіе послѣ какого нибудь недоразумѣнія. А недоразумѣніе произойдетъ непремѣнно, такъ какъ ученые академики очень боятся, что мы будемъ ихъ шокировать. Толстого выбрали скрѣпя сердце. Онъ, по тамошнему, нигилистъ. Такъ по крайней мѣрѣ назвала его одна дама действительная тайная совѣтница,—съ чемъ отъ души его поздравляю.

Я не получаю «Недѣли». Отчего? Въ редакціи хранится присланная мною рукопись С. Воскресенскаго «Глупости Ивана Ивановича» [126]). Если не пойдетъ, пришлите обратно. Будьте здоровы, крѣпко жму руку. Яшѣ и Лидіи Ивановнѣ привѣтъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Пишите!

*

20 февраля [1900 г.]. Ялта.

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ я писалъ Вамъ о «Недѣлѣ» и рукописи Воскресенскаго (Глупости Ивана Ивановича) [127]). «Недѣлю я уже получаю, большое Вамъ спасибо, а насчетъ рукописи все еще ничего не знаю. Между тѣмъ авторъ томится. «Недѣлю» читаю. Ваша статья о Неплюевѣ великолѣпна [128]). Что касается Вл. Соловьева, то мнѣ не хочется согласиться съ Вами. Правда, Левъ Толстой большой человѣкъ, но что же дѣлать, если Вл. Соловьевъ вѣруетъ въ тѣлесное воскресеніе, въ европ. культуру? Тонъ «Трехъ пальмъ» [129]) можетъ не нравится, но вѣдь «это дѣло вкуса» — могутъ сказать.

На дняхъ соберусь написать Лидіи Ивановнѣ, а пока передайте ей мой привѣтъ. Она спрашивала въ письмѣ, какъ здоровье сестры и понравилась ли ей т. е. сестрѣ моя повѣсть [130]). Вотъ отвѣтъ: 1) сестра живетъ въ Москвѣ, куда уѣхала еще осенью, 2) изъ писемъ ея не видно, читала [ли] она мою повѣсть, или нѣтъ; вѣроятно, не читала. Въ Москвѣ она очень занята.

Что Вы думаете о Горькомъ? [131]) Это очень талантливый человѣкъ. Сужу такъ не по «Фомѣ Гордѣевѣ», а по небольшимъ повѣстямъ, напримѣръ «Въ степи», «Мой спутникъ».

Произошло чудо: у меня въ саду въ грунту расцвѣла камелія [132]) — явленіе въ Ялтѣ, кажется, не бывалое. Она перезимовала, пережила 8 гр. морозы.

Мнѣ кажется, что я, если бы не литература, могъ бы быть садовникомъ.

Ну, будьте здоровы, храни Васъ Богъ.

Вашъ А. Чех[овъ].

*

26 марта [1900 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, въ Ялтѣ психіатрическихъ заведеній нѣтъ и я не слыхалъ, чтобы кто нибудь изъ мѣстныхъ врачей или содержателей пансіоновъ принималъ къ себѣ душевнобольныхъ. Я не могу вспомнить ни одной квартиры на всемъ южномъ берегу, которая могла бы удовлетворить семью Венгеровыхъ въ томъ смыслѣ, какъ Вы пишите, т. е. чтобы врачъ-хозяинъ былъ хорошій и чуткій человѣкъ, было дешево и проч[ее]. Отправку сюда туберкулезнаго душевнобольного я считаю хлопотливой, сложной и безполезной затѣей; ваши сѣверные врачи посылаютъ [на] его сюда, потому что не знакомы съ мѣстными условіями и по той же самой причинѣ, по какой то и дѣло присылаютъ сюда издалека больныхъ въ послѣднемъ градусѣ, умирающихъ здѣсь очень скоро, въ убогой обстановкѣ, на чужой сторонѣ, въ одиночествѣ... (Эти врачи почти каждый день угощаютъ меня сюрпризами, и я Вамъ многое разскажу при свиданіи). Если процессъ въ легкихъ только начинается, то есть смыслъ прислать сюда больного осенью, или зимой, но присылать неизлѣчимо больного, да еще на лѣтніе мѣсяцы, когда здѣсь бываетъ жарко и душно, какъ въ пеклѣ, и когда въ Россіи бываетъ такъ хорошо — это, по моему, совсѣмъ не по медицински, это значитъ, по просту, отдѣлаться отъ больного.

Здѣшнихъ душевнобольныхъ отправляютъ въ Симферополь, гдѣ есть спеціальное заведеніе. Если врачи настоятъ на отправкѣ сюда В[енгеро]ва[133]), придется сдѣлать одно изъ двухъ: водворить его въ Симферополѣ, или же нанять для

него дачу особнякъ гдѣ-нибудь недалеко отъ Ялты. Последнее не можетъ обойтись не дорого, такъ какъ пришлось бы нанимать прислугу, сидѣлку и проч. Я говорю — особнякъ, потому что въ семейный пансіонъ, въ отель, въ частную квартиру здѣсь [6] тяжело больныхъ не принимаютъ.

Вообще и кстати говоря, здѣсь въ знаменитомъ и хваленомъ русскомъ курортѣ, единственномъ у насъ, — для призрѣнія больныхъ еще ничего не сдѣлано и русскій человѣкъ еще пальцемъ не шевельнулъ, чтобы сдѣлать что-нибудь.

Рукопись Воскресенскаго получилъ, спасибо за хлопоты [134]).

Въ Ялтѣ все еще никакъ не начнется весна, какъ слѣдуетъ: то тепло, то холодно. Нерѣшительность какая то въ природѣ. Я бы съ удовольствіемъ бѣжалъ отсюда [135]).

Будьте здоровы, крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Читали «Сократа»? [136]).

*

13 іюнь 1900. [Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, гдѣ Вы? Вы писали, что пріѣдете, и я ожидалъ Васъ къ 10 мая, потомъ, два раза уѣзжалъ изъ Ялты и возвращался, а Васъ все нѣтъ и нѣтъ. Нынѣ, не дождавшись, беру перо и пишу съ нѣкоторымъ даже безпокойствомъ. Ужъ не болѣзнь ли задержала Васъ, не «Недѣля» ли? Что случилось? Напишите, пожалуйста, ждать ли Васъ, и вообще когда Вы пріѣдете въ Крымъ и думаете ли пріѣхать.

Теперь отвѣчаю на Ваше письмо, которое вотъ уже больше мѣсяца лежитъ у меня на столѣ. Прежде всего В. С. Тюфяева очень добрая и милая барышня, только напрасно она вступилась за меня, а не за студ. Венгерова, и напрасно заронила въ Васъ мысль, что будто Вы меня обезпокоили. Я прочелъ Ваше письмо и только руками развелъ.

Ваше обращеніе ко мнѣ насчетъ студ. Венгерова — дѣло обыкновенное, житейское, на сколько мнѣ извѣстно, Вамъ не къ кому было обратиться кромѣ меня, и было бы обидно, если бы Вы обратились не ко мнѣ, а къ кому нибудь другому, не знакомому Вамъ, и не врачу, кстати сказать.

Во вторыхъ, насчетъ портрета. Передайте Лидіи Ивановнѣ, что я вышлю ей карточку, непремѣнно вышлю, только не раньше, какъ самъ получу ее изъ фотографіи. У меня нѣтъ теперь ни одной карточки, а обратиться въ фотографію не совсѣмъ удобно, такъ какъ теперь въ Ялтѣ сезонъ, работы въ фотографіяхъ пропасть, мнѣ же мои карточки даютъ даромъ, не за деньги.

И такъ, до сентября, или самое позднее — до октября!

Какъ Вы живете? Какъ «Недѣля»?

Напишите мнѣ, пожалуйста, если Вы вообще расположены писать. Жить въ Крыму и не получать писемъ отъ хорошихъ людей — это скучно, ахъ, какъ скучно! Хоть коротко, но пишите.

Крѣпко жму Вамъ руку и шлю тысячу сердечныхъ пожеланій.

Вашъ А. Чеховъ.

*

25 іюня 1900 г. [Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, спѣшу отвѣтить на Ваше послѣднее письмо. До августа я буду дома. Если что измѣнится въ сихъ моихъ намѣреніяхъ, то немедленно сообщу Вамъ письменно или телеграммой. Какъ бы то ни было, буду сидѣть дома и ожидать Васъ. Я живу въ Алупкѣ, за мечетью. Пріѣхавъ въ Ялту (конечно, на пароходѣ), немедленно же пріѣзжайте ко мнѣ, или вызовите меня по телефону въ гостиницу, въ которой остановитесь. У меня есть телефонъ, кстати сказать.

Ну будьте здоровы и благополучны. Если меня не будетъ въ городѣ, то я, значитъ, въ Гурзуфѣ; подробности

узнаете въ книжно-табачномъ магазинѣ Синани[137]), на набережной.

Крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

25 іюня.

*

19 іюл[я 1900 г. Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, сей мой отвѣтъ на Ваше письмо повезетъ завтра одинъ молодой человѣкъ, уѣзжающій на сѣверъ — стало быть, Вы успѣете получить его. Дѣло въ томъ, что я просижу въ Ялтѣ до 15-го авг. Буду ожидать Васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. И дѣло еще въ томъ, что иногда я уѣзжаю въ Гурзуфъ[138]), и потому если въ магазинѣ Синани скажутъ Вамъ, что я въ Гурзуфѣ, то немедля поговорите со мной по телефону («Гурзуфъ, Гостиница № 1, прошу передать Чехову, что Меньшиковъ пріѣхалъ»)— и я пріѣду въ Ялту не медля ни одной минуты, ни даже секунды. Пріѣхавъ въ Ялту, Вы можете остановиться на набережной въ домѣ Волкова (это у Ливадійскаго моста), или — это пожалуй будетъ [еще] лучше — въ гостиницѣ «Ялта» Бѣгуна. Отъ сей гостиницы [на] у парохода на пристани бываютъ посыльные.

Буду очень радъ повидать Васъ и потолковать о томъ, о семъ. Особеннаго въ моей жизни ничего не произошло, и кругомъ на бѣломъ свѣтѣ не происходитъ ничего новаго, но все же, думаю, найдется о чемъ потолковать. Какъ Вы полагаете?

И такъ, до свиданья! Addio!

Вашъ А. Чеховъ.

*

3 авг[уста], на другой день послѣ Вашего отъѣзда [1900 г. Ялта].

Шлю Вамъ, дорогой Михаилъ Осиповичъ, телеграмму, полученную сегодня. Надѣюсь, что Вы здоровы и что все обстоитъ благополучно.

Въ Ялтѣ дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ. У меня закрыты поэтому всѣ окна, душно.

Будьте здоровы и благополучны. Пишите!!

Вашъ А. Чеховъ.

*

17 сент[ября] 1900. [Ялта].

Въ отвѣтъ на Ваше письмо, дорогой Михаилъ Осиповичъ, спѣшу сообщить Вамъ, что все сіе время, т. е. почти весь сентябрь я былъ не здоровъ и ничего не дѣлалъ. Въ Москву едва ли попаду, и такъ какъ Ялта мнѣ опротивѣла и уѣхать надо, то уѣду заграницу — по всей вѣроятности [139]). Въ «Жизнь» я не давалъ «Трехъ сестеръ» [140]) и оныхъ туда не обѣщалъ. Вамъ пришлю, тщусь прислать повѣсть [141]) и пришлю къ ноябрю. Не сердитесь, ради Создателя.

Будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

[NB]. Въ Ялтѣ былъ Сергѣенко.

*

(Телеграмма).

[1900 г. Ялта].

Повремените немножко. Кланяюсь. Желаю здравія. Чеховъ.

*

5 мая 1901 г. [Ялта].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, я разсчитывалъ выѣхать въ Москву къ 5 мая, но — увы! — заболѣлъ, сижу въ Ялтѣ, кашляю и не знаю, когда я выѣду. Вѣроятно, въ Москвѣ буду послѣ 10-го мая, или послѣ 12-го [142]) и, какъ только пріѣду туда, тотчасъ же сообщу Вамъ. Поговоримъ насчетъ Вашего водворенія въ «Новомъ Времени» [143]), пока же скажу только, что тамъ, т. е. въ Новомъ Времени, только одинъ Суворинъ [144]) литературенъ и иногда даже порядоченъ, все же остальное это арестантскія роты, которыя выживутъ или, вѣрнѣе, выжмутъ Васъ изъ своей среды, если Вы окажетесь не подходящимъ. Ужъ лучше бы Вы въ «Россію» [145]) шли,

или основали свою собственную большую газету. Ну, да поговоримъ обо всемъ этомъ при свиданіи, а пока крѣпко жму руку и желаю всего хорошаго.

Вы пишите: «Посылаю опытъ работы Яшиной». Таковаго опыта я не получилъ. Очевидно, Вы забыли приложить.

Поклонъ нижайшій Яшѣ и Лидіи Ивановнѣ.

Вашъ А. Чеховъ.

*

9 іюнь 1901 г. [Аксеново, Уфимской губ.].

Дорогой Михаилъ Осиповичъ, я теперь на кумысѣ, мой адресъ для писемъ: Аксеново Уфимск. губ.[146]). Пью кумысъ и въ одну недѣлю, можете себѣ представить, увеличился на 8 фунтовъ. Съ февраля мое здоровье немножко свихнулось, я сталъ сильно кашлять, теперь же повидимому, пошло на поправку.

Читаю Васъ в Нов. Времени. Вы печатаетесь по воскресеньямъ въ нижнемъ этажѣ; Вамъ бы слѣдовало печататься и въ верхнемъ, и во всѣ остальные дни недѣли. Теперь въ Новомъ Врем. работаетъ братъ мой Михаилъ, человѣкъ не дурной, но не опытный, и я не знаю, что изъ него выйдетъ[147]), и побаиваюсь. Если Вамъ случится познакомиться съ нимъ, то будьте добры, будьте милостивы, поговорите съ нимъ немножко; онъ Васъ давно цѣнитъ и уважаетъ.

Я женатъ!!! Моя супруга, она же Ольга Леонардовна[148]), которую Вы знаете, ужасно сожалѣетъ, что не видѣлась съ Вами въ Петербургѣ; Толивѣровы[149]) сказали ей, что Вы пріѣдете въ театръ, она ждала Васъ, но Вы не пришли; затѣмъ она хотѣла писать Вамъ, но Толивѣровы настаивали на томъ, что Вы придете въ театръ, такъ она и не написала, все время поджидая Васъ.

Напишите мнѣ, что новенькаго у Васъ.

Крѣпко, крѣпко жму руку. Будьте здоровы и благополучны, и Богомъ хранимы.

Вашъ А. Чеховъ.

III

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении примечаний к письмам Чехова к Меньшикову мы прежде всего стремились к тому, чтобы наивозможно тесно связать наши письма, с остальной, доселе опубликованной перепиской Чехова и тем вызвать в память наших читателей наиболее ясную и полную картину того или иного эпизода из жизни Чехова, придав ему именно то освещение в каком он представлялся самому Антону Павловичу. Пусть же не посетуют на нас за то, что, раз став на этот путь, мы невольно должны были иногда обращаться в своих примечаниях к фактам уже и ранее известным. Некоторым оправданием нам может послужить хотя бы то, что подробное комментирование писем Чехова дело еще новое, а потому, думается нам, требующее особой тщательности и полноты, необходимость в которой, быть может, и отпадет при дальнейших работах в этом направлении.

В заключение считаем долгом принести глубокую благодарность В. П. Семенникову и Б. Л. Модзалевскому, много помогшим нам при комментировании публикуемых ныне писем.

М. Б.

[1]) Зимой 1892 года Чехов смог выполнить давнишнюю свою мечту о покупке небольшого именья. Купленное им за 13 тысяч в рассрочку имение состояло из 213 десятин в двух участках и находилось в Серпуховском уезде Московской губ., при селе Мелихове. Как именье, оно, по словам М. П. Чехова, «ничего не представляло кроме старой, плохо скроенной усадьбы, громадных пустырей земли и вырубленного леса». В этот и ближайшие годы Чехов действительно занялся приведением в порядок усадьбы и имения (см. «Письма А. П. Чехова», том IV. (1892—1896). Адресат наших писем, М. О. Меньшиков так описывает Мелихово и тамошний уклад жизни: «Мне случалось быть два или три раза по приглашению Чехова в его деревне; это была старая мелкопоместная усадебка, запущенная и разрозненная, но Чехов быстро привел ее в приличный, даже элегантный вид. Через широкий пустырь, обсаженный вековыми березами, дорога шла

в старинную рощу, в глубине которой ютился низенький деревянный дом с верандой и цветником. По дороге на высоких деревьях висели скворешни с надписью: «Братья Скворцовы». Навстречу выбегали приветливые собаки. Приветливая прислуга говорила, что хозяева дома, пожалуйте. Приветливостью, лаской, изяществом, высокою порядочностью тона вы были окружены в этом скромном домике, как стихией. Летом 1895 года в Мелихове я застал отца и мать Чехова и его сестру. Прямо удивительно, до чего это была милая, симпатичная семья. Отец Чехова, теперь уже покойный, был высокий сильный старик, лет под семьдесят, чинный и строгий. Он хорошо знал хозяйство и управление, но имением заведывала менее строгая, идеально-добрая Мария Павловна, тогда еще молодая девушка, учительница гимназии. Отец методически вел журнал погоды, читал «Записки Болотова» и Четьи Минеи и отдыхал от трудовой жизни. Но самым трогательным и восхитительным членом семьи была мать А. П. — Евгения Яковлевна, исключительно редкая женщина, не менее замечательная, чем он сам. Он и физически был похож на нее. Такое это было редкое соединение сердечности, простоты, прирожденного ума и нежности. Нечего и говорить, что «Антоша» в семье был идолом, все желания его были предупреждаемы. Мать и сестра, сестра и мать, как два ангела, тихо веяли около дорогого им человека. Лучшая комната в доме, простая и светлая, был рабочий кабинет. Рядом с ним шла увешанная эскизами собственной работы комната Марии Павловны. Небольшая «Пушкинская комната» с портретом Пушкина служила библиотекой. Для гостей Чехов построил в саду особый флигель со всеми удобствами». Хотя это описание и относится к более позднему времени, но приводим его здесь, как свидетельство о том, в какую сторону были направлены хозяйственные заботы Чехова и какой был уклад деревенской жизни его семьи.

[2]) В письме от 7 апреля 1892 г. (Н. А. Лейкину) Чехов пишет: «Весною буду часто бывать в Москве», и действительно уже 8 апреля он в Москве (письмо А. С. Суворину). Затем оттуда же его письма от 26 апреля (В. А. Тихонову, Н. А. Лейкину и М. П. Чеховой; последнее без точной даты, но написано до 29 апреля).

[3]) Рассказ «Соседи», напечатанный в седьмой «Книжке Недели» за 1892 год, стр. 88—114. О нем см. в письме от 9 марта 1892 г. к И. Л. Леонтьеву-Щеглову: «Милый мой Жан, желание ваше будет исполнено: я пошлю в Неделю рассказ и сделаю это тем более охотно, что сей журнал мне симпатичен. Передайте штурману [т. е. М. О. Меньшикову], что я займу каюту на его судне не позже недели». О том же рассказе Чехов упоминает и в письме к А. С. Суворину от 4 июля 1892 г.: «Я пишу повесть — маленькую любовную историю. Пишу с удовольствием, находя приятность в самом процессе письма, а процесс у меня кропотливый, медлительный. Когда же болит голова, или около меня говорят вздор, то пишу со скрежетом зубовным. Голова часто болит, а слушать вздор приходится еще чаще». Имеется беглое упоминание о «Соседях» и в письме к Л. Я. Гуревич от 10 сентября 1892 г. и в письме к И. Л. Леонтьеву-Щеглову от 24 октября того же года (Письма Чехова, IV, стр. 29, 79, 129—130, 139—142).

[4]) Т. е. Павлу Александровичу Гайдебурову; о нем см. ниже, примечание 21-ое к письму от 15 января 1894 года.

[5]) Под статьей М. О. Меньшикова о журналистике Чехов вероятно подразумевает напечатанную в № 7 «Книжек Недели» за 1892 г., (на стр. 137—162) статью адресата «Призвание журналистики».

[6]) См. прим. 3.

[7]) См. прим. 3.

[8]) Иван Леонтьевич Леонтьев-Щеглов был одним из ближайших друзей молодых лет Чехова. Всех писем к нему Чехова доселе опубликовано 66, в том числе 48 в издании М. П. Чеховой (том I—VI) и 18 писем в книге «Чехов. Новые письма» (из собраний Пушкинского Дома), изд. «Атеней», под ред. Б. Л. Модзалевского. В последней книге содержится и краткая характеристика отношений Чехова и Леонтьева-Щеглова. Около этого времени И. Л. Леонтьев-Щеглов переехал на постоянное жительство во Владимир на Клязьме. В письме к А. С. Суворину от 4 июня 1892 г. Чехов пишет: «Когда я узнал, что Жан Щеглов избрал своим постоянным местом жительства Владимир, то меня пронял ужас: ведь его там заедят комары и скука там безысходная, историческая скука. Самый скучный из всех губернских городов, даже театра нет. Лучше бы ехал он в Тулу или Воронеж» (Письма Чехова, IV, стр. 78—79). Ближайшее по времени из опубликованных доселе писем Чехова к Леонтьеву-Щеглову относится к 24 октября 1892 г. и начинается словами: «Если бы не штурман Недели (т. е. М. О. Меньшиков), приславший мне Ваш адрес и писавший о Вас, то я не знал бы, на какой Вы планете и что с Вами». Далее в том же письме Чехов говорит между прочим о рассказе «Соседи», о котором упоминается в наших письмах: «Не писалось, да и медицина все лето мешала. А может быть и отвык писать. Я уже давно не писал с удовольствием, а это дурной знак. Сунулся я было в Неделю с рассказом (Соседи), но вышло нечто такое, что не следовало бы печатать: ни начала, ни конца, а какая-то бледная середка» (Письма, т. IV, стр. 139—142). За 1892 г. имеется 4 опубликованных письма Чехова к Леонтьеву-Щеглову (Письма, т. IV).

[9]) Статья М. О. Меньшикова «О чтении» помещена в 10-ой, октябрьской «Книжке Недели» за 1892 г., стр. 148—174.

Приводим здесь то место из нее, с которым полемизирует Чехов (стр. 154—156). «Кажется, важная вещь язык, однако и до сих пор приходится говорить о его важности. Во внимании заурядного человека язык разделяет участь стихий: воздуха, воды и т. п. Все мы ежеминутно и всецело зависим от этих стихий, но до сих пор не очень хлопочем об их чистоте и довольствуемся дрянной смесью, вводя в состав самых мельчайших клеточек наших порчу и нечистоту. Тоже и язык, родной язык, которого, повторяю, довольно для самого цветущего и психического здоровья человека: это молоко матери, включающее в своем растворе все питательные элементы — и поэзии, и религии, и знания. Ведь язык неотделим от идей, от мыслей — способности данного племени, и каков язык, такова и степень культурной высоты народа. Язык нашего невежественного народа хотя беднее языка наших классиков, но все же замечательно богат и в некоторых областях психики доведен до высокого совершенства — доказательство высокой душевной культуры простонародья при всем его невежестве. Поражала ли вас иногда удивительная красота на-

родной речи, сила, сжатость, меткость и остроумие народных пословиц и присказок, захватывающая поэзия песен и сказок? И все это где-нибудь в заброшенной непроходимой глуши (и, к сожалению, только именно там в настоящее время). Вы невольно задавали себе, конечно, вопрос: откуда сие у скромных неразвитых мужиков с миросозерцанием еще часто каменного века? Блестящий и утонченный, язык этот напоминает усовершенствованный карабин в руках дикаря или найденный дикарем после кораблекрушения хронометр. Дикарь может пользоваться чудесными механизмами, не постигая их устройства. Легко предположить, что высоко-оригинальный язык достался народу как готовое орудие, выработанное какою-то иною, высококультурной расой. Но это опровергается тем, что язык не портится (до последнего, впрочем, времени, когда строй души народной сильно поврежден фабрикой и казармой). Будь язык—оружие чуждое в руках дикаря, дикарь непременно-бы испортил это оружие и не сумел бы исправить. Народ же, если он свободен от психического нашествия иноплеменных, не портит доставшееся ему от предков сокровище, а исправляет и совершенствует. Все эти тонкие логические оттенки языка, все разнообразие их, вся музыка речи и точно из бронзы отлитые, «вечные» крылатые словечки — все это есть совокупное создание всего данного народа, всех его поколений с незапамятной старины. Какая-нибудь гениальная голова в глухой деревне придумывала выразительный оборот или словцо, этот оборот, привившийся в деревне, облетал окрестности и мало-по-малу делался достоянием всей страны, вытесняя менее стройный и в силу этого менее живучий оборот. Другая гениальная голова могла усовершенствовать словцо, распространить его в присловье и т. д. и т. д. Масса народная инстинктом чуяла красоту и силу открытых словечек, заучивала их и передавала потомству. Таким образом ни в религии, ни в поэзии, ни в какой иной стихии духа этот дух не отразился полнее, чем в языке». Считая таким образом язык как бы «идейным памятником некогда живой психики», М. О. Меньшиков все образование предлагал построить на «живом классицизме», т. е. на изучении родного языка. При этом он ставил основой средней школы чтение, как пропаганду литературы, а науке отводил место в высшей школе. По системе Меньшикова ученики средней школы должны были «переходить от изящных классиков к более отвлеченным—к священным книгам, нравственным, историческим, юридическим, философским, естественно-научным». Прообраз своей школы Меньшиков видел в древней античной школе и в еврейской синагоге.

10) Рассказ для «Недели» написан так и не был, только в № 1 этого журнала за 1899 г. напечатан был рассказ Чехова «По делам службы».

11) Т. е. Ивана Леонтьевича Леонтьева-Щеглова; о нем см. прим. 8.

12) Около этого времени А. П. Чехов работал над повестью «Рассказ неизвестного человека», предназначавшейся для «Русской Мысли». Кроме того им были обещаны рассказы А. С. Суворину и Л. Я. Гуревич. Последней он между прочим писал в письме от 9 января 1893 г.: «Я положительно не умею писать к сроку. Все, что я писал осенью, мною забраковано, а теперь я ничего не пишу, в ожи-

дании, когда посетит меня добрая муза и встряхнет мою вялую душу. Из всех беллетристов я самый ленивый и самый ненадежный» (Письма, т. IV, стр. 161).

[13]) В Петербурге Чехов был уже 18 декабря (письмо к В. А. Гольцеву) и пробыл там до 22 или 23 января (письмо к П. П. Гнедичу).

[14]) Хлопоты по части карточки и т. п. Повидимому речь идет о фотографической карточке А. П. Чехова для редактора-издателя «Недели» П. А. Гайдебурова. Насколько можно судить по настоящему и по следующему из наших писем, М. О. Меньшиков достал сам в одной из Петербургских фотографий карточку Чехова и препроводил ее к нему на подпись.

[15]) Фотография для П. А. Гайдебурова. См. выше, прим. 14.

[16]) В цитированных выше письмах к Лейкину и Киселеву Чехов пишет: «Хотел было я засесть здесь (т. е. в Москве) недели на две, чтобы кончить повесть для Русской Мысли, но судьба гонит в деревню. Тяжело заболел отец. Говорят, что у него немеют руки и белеют при этом, судороги в ногах и головокружения. Старческие явления, повидимому. Бедняга удручен и ждет смерти. Поеду лечить и утешать» (Лейкину). А в письме к Киселеву пишет: «Отец болен онемением рук. У бедной М. П. инфлуенца, или брюшной тиф — точный диагноз еще не поставлен, но положение не из легких. Я провел несколько унылых дней и ночей».

[17]) Речь идет очевидно о переводе на английский язык «Палаты № 6».

[18]) Н. Р. Юрьин — псевдоним Н. Н. Венцеля. Повесть его «В надежде славы и добра» помещена в февральской, мартовской и апрельской «Книжках Недели» за 1893 г. (стр. 78—114; 69—120; 39—88).

[19]) Очерки «На холере» с подписью В. П. печатались в январьской, февральской и мартовской «Книжках Недели» за 1893 г. (стр. 58—89; 52—76; 122—149).

[20]) Как известно, А. П. Чехов был членом Серпуховского Санитарного Совета, и как таковой, а также и просто как врач, принимал деятельное участие в борьбе с холерой. У него был свой участок в Серпуховском уезде, в который входило до 25 деревень и сел. В письме к А. С. Суворину от 24 февраля 1893 г. Чехов пишет: «Ждем холеры, но не боимся, ибо готовы, но не умирать, — нет, а тратить земские деньги. Если будет холера, то она много отнимет у меня времени» (см. Письма, IV, стр. 188). В письме к Я. А. Корнееву от 27 марта 1894 г. А. П. Чехов характеризует свою деятельность по холере: «Два последние лета я служил в Серпуховском земстве холерным доктором. У меня был участок в 27 деревень, но не было ни одного случая холеры, что, впрочем, не мешало мне называться холерным врачом. Это напоминает несколько стих: «По Гороховой я шел и гороху не нашел». (Письма, т. IV, стр. 296).

[21]) Павел Александрович Гайдебуров (род. 1841 г., ум. 31 дек. 1893 г.). В январьской «Книжке Недели» за 1894 г. помещена статья М. О. Меньшикова «Памяти П. А. Гайдебурова» (стр. 246—264), а в февральской «Книжке Недели» (стр. 1—14) помещен автобиографический очерк П. А. Гайдебурова, написанный им для литературного словаря С. А. Венгерова в 1892 г. Как видно из них, П. А. Г. происхо-

дил из казаков. Отец его был священником, а самого П. А. предназначал в математики, почему и отдал в 1857 г. на Математический Фак. С.-Пб. Университета. Литературная деятельность Гайдебурова началась еще в Университете. В «Сыне Отечества» Старчевского напечатан был его рассказ «Странная Доля»; затем он сотрудничал в «Иллюстрации» Баумана и В. Р. Зотова, в «Русском Слове», в «Библиотеке для Чтения» П. Д. Боборыкина, в «Искре», в «Современнике» и в «Неделе» Генкеля. В 1886 г. П. А. Гайдебуров приобрел вместе с Е. И. Конради и Ю. А. Росселем «Неделю», став одним из трех «издателей-сотрудников», а с 1875 г. стал единственным ее собственником и оффициальным редактором. В письме от 2 января 1894 г. к А. С. Суворину А. П. Чехов пишет: «Грустно, что Гайдебуров умер. Книжки Недели мне нравились, а без него их некому вести. И платил он, как говорят, хорошо. Я с ним мало был знаком и печатался у него только один раз» (Письма, т. IV, стр. 279).

[22]) Перевод на английский язык «Палаты № 6» к сожалению нам остался неизвестен.

Между прочим о «Палате № 6» имеется статья М. О. Меньшикова «Без воли и совести», в первой «Книжке Недели» за 1893 год.

[23]) А. А. Измайлов в своей книге «Чехов» дает сводку автобиографиям Чехова. По его словам, их всего две — одна вполне серьозная, написанная по просьбе доктора Б. П. Россолимо, и вторая полушуточная, написанная для В. А. Тихонова. Кроме того имеются записи в несколько строк в письмах к Ф. А. Куманину и И. П. Островскому. К этому следует еще присоединить и автобиографию, содержащуюся в письме к А. Г. Констатипиди от 11 октября 1900 г. и написанную Чеховым для журнала *«Τα Παναθήναια»* (Письма, т. VI, стр. 101).

[24]) В «Русской Мысли» в январьском номере 1894 г., на стр. 154—190, напечатан рассказ Чехова «Бабье царство». Отметим, что в этом и предшествующих годах в «Р. М.» печатался «Остров Сахалин»; в 1893 г. «Рассказ неизвестного человека»; в 1894 г. в названном журнале была помещена статья В. А. Гольцева «А. П. Чехов» (Опыт литерат. характер.), май, стр. 29—48. Упоминания о «Бабьем царстве» и о «Черном монахе» имеются в письмах Чехова А. С. Суворину. Между прочим в письме от 18 декабря 1893 г. он пишет: «В январьской книжке «Русской Мысли» печатается мой рассказ — Бабье царство. Описание одной девицы. В янв. книжке Артиста найдете изображение одного молодого человека, страдавшего манией величия; называется эта повесть так: «Черный монах» (Письма, т. IV, стр. 273). В письме же от 25 января 1894 г. он пишет тому же Суворину: «Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное. Во всяком разе, если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. Черного монаха я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении. Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись утром, рассказал о нем Мише. Стало быть, скажите Анне Ивановне [супруге адресата], что бедный Антон Павлович еще не сошел с ума, но за ужином много ест, а потому и видит во сне мона-

лов» (там же, стр. 283). «Черный монах» был напечатан в журнале «Артист» в январе 1894 года.

[25]) Иван Иванович Горбунов-Посадов — поэт и составитель книг для народа, деятельный секретарь известной издательской фирмы «Посредник», друг и последователь Толстого, сотрудник «Русских Ведомостей». Среди опубликованных писем А. П. Чехова имеется 12 писем его к И. И. Горбунову-Посадову за период времени с 18 июля 1891 г. по 19 марта 1903 г. Насколько можно судить по этим письмам, близости между Чеховым и Горбуновым-Посадовым не было, и их сношения ограничивались почти исключительно кругом вопросов, связанных с издательством «Посредник», где разновременно были напечатаны рассказы Чехова: «Бабы», «Жена», «Именины», «Палата № 6», «Рассказ старшего садовника» и др.

[26]) Рассказ «Бабье Царство»; о нем см. прим. 24.

[27]) Обещание касалось очевидно рассказа для «Книжек Недели».

[28]) Владимир Людвигович Кигн-Дедлов (род. 1856, ум. 1908 г.), писатель «беллетрист и интересный путешественник», по определению Чехова, долголетний сотрудник «Недели» и других журналов. В 1892 г. им была написана в журнале «Север» статья об А. П. Чехове. Краткие биографические сведения о В. Л. Кигн-Дедлове можно найти на стр. 51—53 книги «Чехов. Новые письма», под ред. Б. Л. Модзалевского; там же на стр. 54—66 помещены семь писем к нему Чехова. Письма эти свидетельствуют, что особой близости между обоими писателями не существовало, но что со стороны Чехова было по отношению к Дедлову и личное благожелательство, и признание за ним литературного дарования. Для нас наиболее интересным является письмо от 4 февраля 1894 года, т. к. оно написано следом за комментируемым нами письмом, тотчас вслед за получением от Меньшикова просимого адреса. В письме между прочим упоминается о статье Дедлова «Игрушечная Италия», помещенной в январьской «Книжке Недели» того года, и о том, что статья эта соблазнила Чехова ехать в Крым. Подписался в нем Чехов «искренним почитателем» адресата.

[29]) О поездке своей в Серпухов на Санитарный Совет Чехов упоминает и в письме к Н. А. Лейкину от 31 мая 1895 г. (Письма, т. IV, стр. 39).

[30]) Д-р Игнатьев — вероятно или Михаил Алексеевич Игнатьев, вольнопрактикующий Московский врач, или Михаил Васильевич Игнатьев — врач Константиновской лечебницы Долгорукова в Москве (см. стр. 110 «Российского Медицинского Списка на 1896 г.»).

[31]) Хмелев—Николай Николаевич (род. 1861), известный земский и общественный деятель; по окончании курса Историко-Филологического Факультета Московского Университета был мировым судьею в Серпуховском уезде, а потом избран Председателем Серпуховской Земской Управы; в 1895—1906 гг. был членом Московской Губернской Земской Управы, заведуя отделами народного образования и экономическим; с 1907 г. был гласным Серпуховского уездного и Московского Губернского земских собраний, членом управления общеземской организации помощи голодающим и других общественных, ученых и благотворительных организаций; сотрудник «Русских Ведомостей».

[32]) В письме от 16 июня 1895 г. из Мелихова Чехов пишет А. С. Суворину: «Был у меня один из редакторов «Недели» Меньшиков».

[33]) Михаил Алексеевич Саблин (род. 1842, ум. 1898), статистик и публицист, член редакции «Русских Ведомостей» и ее постоянный и деятельный сотрудник.

[34]) Ювачов — вероятно речь идет об Иване Павловиче Ювачеве (И. П. Миролюбове), члене-корреспонденте Николаевской Главной Физической Обсерватории, общественном деятеле, метеорологе и писателе-публицисте. Краткие сведения о нем и о его деятельности можно найти в книге его воспоминаний «Шлиссельбургская крепость», Москва. 1907.

[35]) Фон-Фрикен — Алексей Александрович, в 1898 г. занимавший должность Инспектора сельско-хозяйственной части в Управлении Острова Сахалина, где, как известно, Чехов был в 1890 г.

[36]) Ново-Александрийский Институт сельского хозяйства.

[37] Генерал-губернатор барон А. Н. Корф.—Приамурский генерал-губернатор, скончавшийся в Хабаровске 7 февраля 1893 г. Управлял слишком восемь лет этою самою отдаленною русскою окраиною и прилагал усиленные заботы к поднятию экономического значения русских побережий Тихого океана и местностей, расположенных по Амуру. Чехов познакомился с Корфом во время своей поездки на Сахалин.

[38]) Иван Иванович Горбунов-Посадов; о нем см. прим. 25.

[39]) О своей поездке в Ясную Поляну Чехов упоминает в цитированном нами выше письме к А. П. Чехову, прося последнего, как редактора журнала «Слепец», помочь указаниями слепому солдату Кирееву, а также в письмах к А. С. Суворину от 21 августа 1895 г. и И. И. Горбунову-Посадову от 8 сентября того же года (см. стр. 397 и 400, т. IV Писем Чехова).

[40]) Короленко Владимир Галактионович (1853—1921). Первое из опубликованных к нему писем А. П. Чехова относится к 17 октября 1887 г. и содержит в себе благодарность за присланную ему Короленком книгу своих сочинений; второе письмо—от 9 января 1888 г. с препровождением копии известного письма Д. В. Григоровича и с указанием на то, что Короленко уже и раньше наставлял Чехова «на путь истинный». Из последующих писем особенно интересны письма 1902 г. (19 марта, 19 апреля, 25 и 28 августа), касающиеся вопроса о выходе Чехова и Короленка из состава почетных академиков, в виде протеста прочив исключения М. Горького. Отметим еще письмо от 5 февраля 1896 года (Письма, т. IV, стр. 435), как затрагивающее вопросы, связанные с переходом «Русского Богатства» к Короленку и Н. К. Михайловскому. Общий тон писем Чехова к Короленку полон дружбы, уважения, признания крупного литературного таланта адресата. Всего опубликовано 13 писем Чехова к Короленку. Имеются воспоминания Короленка о Чехове в его книге «Отошедшие», С.-Пб. 1908 г.

[41]) Статья М. О. Меньшикова «Дознание» помещена в августовской «Книжке Недели» за 1895 г. (стр. 191—232). По своему содержанию статья эта является разоблачением легенды о князе Василии Васильевиче Вяземском, 82-летнем старике, жившем на берегах Нары

в Серпуховском уезде Московской губ. и умершем в 1892 г. в г. Серпухове. Биографы князя (А. П. Мантейфель, Оболенский) в «Русских Ведомостях» 1892 г. (№ 242, 257) и Корсаков («Северный Вестник» 1894 г.) хотели видеть в опростившемся князе Вяземском идейного предшественника Л. Н. Толстого, с которого, по их словам, этот последний чуть ли не списал свое «учение». М. О. Меньшиков на основании лично произведенного им в месте жительства князя «Дознания» установил, что князь В. В. Вяземский был не столько опростившимся, сколько просто опустившимся помещиком. От природы он не был лишен некоторых дарований, был довольно начитан, но все это сводилось «на нет» его жестокостью, циничным развратом, пьянством, беспутством, нечистоплотностью и т. п. качествами.

Статья Меньшикова вызвала большое волнение. Многие к нему писали укоры в том, что он разрушил возвышающую душу легенду. Ответом на это послужила вторая статья Меньшикова «О лжи и правде», помещенная на стр. 187—227 октябрьской «Книжки Недели» за 1895 г. О статье Меньшикова Чехов 8 сентября 1895 г. писал И. И. Горбунову-Посадову: «Читали Вы «Дознание» Меньшикова? Весь уезд стал на дыбы, особенно дамы» (Письма, т. IV, стр. 400).

[42]) Доктор Иван Германович Витте — земский врач и врач женской гимназии, в Серпухове Московской губернии (см. стр. 47 «Российскаго Медицинскаго Списка» на 1896 г.).

[43]) Князь Сергей Иванович Шаховской (род. 1865, ум. 1908 г.). Гласный Серпуховского Уездного и Московского Губернского Земских Собраний, член Серпуховской Земской Управы, деревенский сосед Чехова. В «Письмах» опубликовано 7 писем к нему Чехова, проникнутых дружелюбным чувством. Как соседи, они, повидимому, видались довольно часто; имеются упоминания о том, что А. П. вместе с Т. Л. Щепкиной-Куперник крестил дочь кн. С. И.—Наташу. В «Дневнике» Чехова под 26 ноября 1896 г. отмечено: «26 ноября вечером у нас в доме пожар. В тушении участвовал С. И. Шаховской. После пожара князь рассказывал, что однажды у него загорелось ночью, он поднял чан с водой, весивший 12 пуд. и вылил воду на огонь» (Письма, т. IV, стр. 526). С кн. Шаховским связывали Чехова дела по земству, напр., постройка школ.

[44]) Как видно из цитированного выше письма Суворину от 29 декабря 1895 года, Чехов намеревался 2 января 1896 года приехать в Москву, в тот же вечер посетить жившего тогда там Л. Н. Толстого, 3 — сесть на почтовый поезд и уже 4 — быть в Петербурге, где намеревался прожить либо месяц (если будет работать), либо 2—3 дня. От 9 января имеется письмо Чехова из Петербурга к сестре Марии Павловне, полное различных домашних распоряжений.

[45]) Какие именно «домашние обстоятельства» заставляли А. П. Чехова на время вернуться домой в Мелихово, не видно ни из его писем, ни из биографий, составленных М. П. Чеховым и А. А. Измайловым.

[46]) Очевидно, об А. П. Мантейфеле, Серпуховском помещике, земском гласном и мировом судье по Серпуховскому уезду, с которым М. О. Меньшиков полемизировал по поводу его восторженных статей о князе В. В. Вяземском, о чем см. выше, примечание 41. Мантейфель, кроме двух статей о князе Вяземском (1892 г., № 242 и

1895, № 245), поместил в «Русских Ведомостях» еще некролог А. М. Козлова (1893 г., № 96) и др. статьи.

[47]) Любопытно отметить заботы А. П. Чехова о том, чтобы открытое в Лопасне почтовое отделение оправдало себя и не было закрыто. Заботы эти доходили до того, что, даже бывая вне Мелихова, Антон Павлович всегда поручал своим близким покупать почтовые марки, переводы и т. д. в Лопасне, чтобы таким образом дать больше работы и дохода вновь открытому почтовому отделению.

[48]) Книга М. О. Меньшикова тогда не вышла; первый сборник его статей из «Недели», под заглавием «Думы о счастье», был издан лишь в 1898 г. «Думы о счастье» посвящены по преимуществу разбору нравственных вопросов, написаны под заметным влиянием идей Л. Н. Толстого и разделены на семь частей, озаглавленных: «Семья — Народ — Природа — Труд — Цивилизация — Прогресс — Бог».

[49]) Как видно из письма к Л. А. Авиловой от 17 января 1896 г., вторично в Петербург А. П. Чехов намеревался направиться после 20—25 января, и действительно от 24 января этого года мы уже имеем письмо его из Петербурга к А. В. Амфитеатрову. В Дневнике А. П. Чехова сохранилась следующая запись относительно этого пребывания его в Петербурге (Письма, т. IV, стр. 523): «В январе я был в Петербурге, останавливался у Суворина. Часто бывал у Потапенко. Виделся с Короленко. Часто бывал в Малом Театре. Как-то я и Александр спускались по лестнице; из редакции вышел одновременно Б. В. Г. [ей] и сказал мне с негодованием: — Зачем это вы вооружаете старика (т. е. Суворина) против Буренина? — Между тем я никогда не отзывался дурно о сотрудниках Нового Времени при Суворине, хотя большинство из них я глубоко не уважаю».

[50]) Едва ли не к М. О. Меньшикову относится следующая запись в Дневнике А. П. Чехова: «С 15-го по 18-ое августа у меня гостил N. Ему запрещено печататься, и он теперь презрительно отзывается о Г. (сыне), который сказал новому начальнику по делам печати, что из за одного N. он не станет жертвовать «Неделей» и что «мы всегда предупреждали желания цензуры». N. в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирание сердца. От меня он поехал к Л. Н. Толстому».

[51]) Пьеса эта та самая «Чайка», которая причинила Чехову столько волнений и огорчений при первой своей постановке в Петербурге на сцене Александринского театра 17 октября 1896 г. в юбилей Е. М. Левкеевой. Напечатана «Чайка» впервые в декабрьской книжке «Русской Мысли» за 1896 г.

Едва ли не первое упоминание о «Чайке» содержится в письме Чехова к А. С. Суворину от 21 октября 1895 г. из Мелихова... «Можете себе представить, пишу пьесу, которую кончу тоже вероятно не раньше как в конце ноября. Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви» (Письма, т. IV, стр. 409). Пьеса писалась в Мелихове, во флигеле. Насколько она занимала внимание Чехова, можно судить по тому, что письма его последних месяцев 1895 и всего 1896 гг. пестрят упоминаниями о ней. В письмах к А. С. Су-

ворину от 11 июля, 27 июля и 13 августа 1896 г. имеются указания на цензурные затруднения, которые Чехов пытался устранить через Виктора Крылова и И. Н. Потапенко. Первое представление ожидалось Чеховым с волнением, сначала радостным (см. письмо Г. М. Чехову от 12 сентября 1896 г. из Феодосии), а потом мрачным (письмо к М. П. Чеховой от 12 октября 1896 г., из Петербурга). От 18 октября 1896 г. имеются три письма (к А. С. Суворину, М. П. Чеховой и М. П. Чехову) с кратким упоминанием о «провале» Чайки. Чехов видимо бодрился, но на самом деле уязвлен был глубоко. Во всех своих подробностях история «Чайки» рассказана А. А. Измайловым в X главе биографии Чехова, озаглавленной «Катастрофа».

Весьма высоко ценивший талант Чехова Л. Н. Толстой, как известно, отрицательно относился к пьесам А. П. В частности о «Чайке» он, по словам В. Микулич (см. «Тени прошлаго», стр. 185) говорил: «Это Бог знает что. Сплетение сумбурных положений, в которых не разберешься»

О «Чайке» неоднократно упоминает в своем «Дневнике» и Суворин. Там между прочим на стр. 125 и 128, он критикует пьесу, а на стр. 147 приводит отрицательный отзыв о ней Толстого, сказавшего: «Чехов самый талантливый из всех, но «Чайка» очень плоха». О первой постановке «Чайки» смотри кроме того в помещенных в нашем Сборнике воспоминаниях А. И. Сувориной и А. Ф. Кони, а о второй (Московской)—в воспоминаниях Т. Л. Щепкиной-Куперник.

[52]) Повесть эта—«Моя жизнь» напечатана в №№ 10—12 «Нивы» за 1896 г. О ней содержится ряд указаний в письмах Чехова к тогдашнему редактору «Нивы» А. А. Луговому, через которого он вел переговоры о печатании ее в «Ниве», к А. С. Суворину и другим его корреспондентам. Между прочим Чехов долго не мог остановиться на названии: сперва повесть должна была называться «Моя женитьба», затем — «Моя жизнь», далее — «В девяностых годах» и наконец снова — «Моя жизнь».

Вспоминая об отношении Л. Н. Толстого к таланту Чехова, В. Микулич («Тени прошлаго», стр. 185) отмечает «Мою жизнь», как одну из наиболее нравившихся Льву Николаевичу повестей Чехова.

[53]) Федор Федорович Тищенко (род. 1858),—беллетрист, в молодые годы немало пострадавший за политические убеждения и с 1891 г. живший в Вологодской губ. в административной ссылке, по окончании которой жил в деревне и в Москве, служа на железной дороге. О нем сообщила А. П. Чехову в 1893 г. Александра Васильевна Линтварева, прося помочь приисканием каких либо занятий. В силу этого Чехов 8 ноября 1898 г. писал И. И. Горбунову-Посадову: «На днях я получил письмо от одной знакомой дамы, которая просит найти какое-нибудь занятие для литератора Тищенко, автора «Семена Сироты». Он живет в Сумах, имеет жену, шестерых детей, ему 32—33 года; служил раньше по акцизу, учился в Ветеринарном Институте и не кончил курса. Если принять во внимание количество детей и то, что г. Тищенко кормится исключительно одной литературой, то положение его дожно быть воистину бедственное. Не знаете ли, что он за человек, что он пишет и какое занятие для него подходило бы; и если знаете, нет ли у Вас в редакции для него ка-

кой нибудь работы. Или не укажете ли мне ту сферу, в которой я скорее бы всего мог дать заработок этому, неизвестному мне человеку» (Письма А. П. Чехова, т. IV, тр. 253—254). Повидимому, работа у Горбунова-Посадова нашлась, так как 23 ноября того же года Чехов уже сообщает ему адрес Тищенка. Тищенко сотрудничал с 1885 г. в провинциальных изданиях, в «Русском Богатстве», в «Вестнике Европы», «Северном Вестнике», «Русской Мысли», «Русских Ведомостях» и др. изданиях; в 1902 и 1908 гг. его рассказы были изданы отдельными сборниками. Его рассказ «Хлеб насущный» был напечатан в «Неделе» в 1897 г., № 10, с приложением письма Л. Н. Толстого.

[54]) Речь идет очевидно о школе в Талиже, о чем говорится на стр. XIX биографического очерка, составленного М. П. Чеховым и приложенного к т. IV «Писем А. П. Чехова». О постройке этой школы имеются упоминания в письмах Чехова к кн. С. И. Шаховскому, с которым он обсуждал различные технические вопросы, связанные с этой постройкой, к Г. М. Чехову, Е. З. Коновицеру, А. С. Суворину и др. Последнему между прочим он писал 13 августа 96 г.: «было освящение школы и мужики после молебна (который служили три попа), поднесли мне образ, две серебряных солонки, четыре хлеба на блюдах. Один старик говорил речь; говорил очень хорошо. Школа — лучшая в уезде». В «Дневнике» под датой 4 августа записано: «Освящение школы в Талиже. Талижские, бершовские, дубеченские и шелковские мужики поднесли мне четыре хлеба, образ, две серебряных солонки. Шелковский мужик Постнов говорил речь» (Письма, т. IV, стр. 525).

[55]) А. П. Чехов построил колокольню в Мелихове. Об этом см. в вышеупомянутом «Биографическом очерке», а также в письмах Ал. П. Чехову (где А. П. называет себя «храмоздателем»), А. С. Суворину и др. (Письма, т. IV).

[56]) В письмах к Л. А. Авиловой (март 1897 г.) А. П. Чехов рассказывает о том, как за обедом в Эрмитаже с А. С. Сувориным у него «кровь пошла горлом форменным образом» и как Суворин повез его в «Славянский базар», как затем он очутился дома, т. е. в «Большой Московской Гостинице», а затем в клинике.

Об этом периоде болезни Чехова подробные сведения приводятся на страницах 511—513 книги А. А. Измайлова «Чехов. Жизнь. — Личность. — Твочество». Сам Чехов в письмах этого времени к Ф. О. Шехтелю, А. С. Суворину, А. А. Луговому, А. И. Эртелю и др. неоднократно пишет о ней (Письма, т. V). О болезни Чехова имеются упоминания в «Дневнике А. С. Суворина» от 24, 26, 29 марта 1897 г., стр. 150, 151, 153.

[57]) В Дневнике Чехова (Письма, т. V, стр. 493) имеется следующая запись: «28 марта приходил ко мне Толстой Л. Н.; говорил о бессмертии. Я рассказал ему содержание рассказа Носилова «Театр у вогулов» — и он, повидимому, прослушал с большим удовольствием». А в письме к А. С. Суворину от 1 апреля 97 г. (там же, стр. 32) Чехов пишет: «После того вечера, когда был Толстой (мы долго разговаривали), в 4 часа утра у меня опять шибко пошла кровь». В письме к А. И. Эртелю от 17 апреля 1897 г. (там же стр. 40), Чехов пишет: «Толстой пишет книжку об искусстве. Он был у меня

в клинике и говорил, что повесть свою «Воскресение» он забросил, так как она ему не нравится, пишет же только об искусстве и прочел об искусстве 60 книг. Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли все умные старики во все века. Всегда старики склонны были видеть конец мира и говорили, что нравственность пала до nec plus ultra, что искусство измельчало, износилось, что люди ослабели и проч. и проч.—Лев Николаевич в своей книжке хочет убедить, что в настоящее время искусство вступило в свой окончательный фазис, в тупой переулок, из которого ему нет выхода (вперед)». Таковы подробности этого посещения по словам самого Чехова. Рассказывается о нем и в упомянутой выше книге А. А. Измайлова, на стр. 512.

58) На стр. 34, т. V «Писем» напечатано не имеющее точной даты письмо А. П. к И. Л. Щеглову, с приглашением непременно посетить «обитателя палаты № 14», как подписался Чехов, а на стр. 37 того же тома второе письмо к нему же от 11 апреля 1897 г. из Мелихова с просьбой писать, т. к. «злодеи доктора запретили мне все интересное, кроме переписки с друзьями». В письме от 28 апреля того же года Чехов зовет Щеглова к себе в деревню («Чехов. Новые письма», под редакцией Б. Л. Модзалевского, стр. 43). Об этом втором посещении имеются упоминания в письме к А. С. Суворину от 2 мая 1897 г. (Письма, т. V, стр. 49 и в Дневнике от 1 мая того же года, там же, стр. 494). В последнем между прочим упоминается о том, что Щеглов «бранит Меньшикова, которого «проглотил» Толстой»...

59) О книге М. О. Меньшикова «Думы о счастьи» см. выше, примечание 48.

60) Очевидно А. Н. Мантейфель, Серпуховской помещик, с которым М. О. Меньшиков полемизировал по поводу кн. В. В. Вяземского, о чем см. выше. «Приятелем» Меньшикова Мантейфель назван очевидно в шутку. В предыдущем году (28 марта 1896 г.) А. П. Чехов писал В. А. Гольцеву «Вчера у меня был с визитом знаменитый Мантейфель; поговорили о Меньшикове» (Письма, т. IV, стр. 445). О Мантейфеле, см. выше прим. 46.

61) Федор Сологуб — псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова (род. 1863 г.), известного поэта и беллетриста. Сборники его стихов и романов начали появляться с 1896 г. Во время, к которому относится наше письмо, ряд стихотворений Сологуба был напечатан в «Книжках Недели».

62) М. О. Меньшиков: «Критические заметки» («Мужики», рассказ А. П. Чехова—«Русская Мысль» 1897, IV)—в «Книжках Недели» за май 1897 г., стр. 194—208.

«Среди уличного гама раздался строгий Реквием — таково впечатление от нового рассказа А. П. Чехова» — так начинает свою статью Меньшиков. В ней он отмечает то, что Чехов, которого за последние годы критика была склонна счесть писателем исписавшимся, на самом деле все углубляет и развивает свой талант и теперь уже смело может быть причтен к числу великих писателей. Его «Мужиков» Меньшиков считает явлением исключительным как по художественному, так и по социальному своему значению. Рассказ этот, по его словам, является «событием, делающим эру в беллетристике, как когда-то «Антон Горемыка» (несравненно слабейший)

или «Записки охотника» (не более сильные)... В заключение Меньшиков говорит: «Новый рассказ г. Чехова, как и другие лучшие его вещи, поражает глубоким знанием предмета. Каждое слово, каждый оттенок мысли выдает в нем не поверхностного наблюдателя, а серьезного знатока тех областей, которые он изображает». Как в «Скучной истории» удивляет близкое его знакомство с типами ученых кружков, как в «Бабьем Царстве» выступает совершенно живой купеческий мир, так в «Мужиках» являются доподлинные великорусские мужики, во всех жестах и позах верные жизни. «Мужики», как вещь художественная, дают не только полное знание затронутой области, но и знание важное, по существу. Ни в чем так не нуждается интеллигентное общество, как в установлении правильных отношений к народу, в развитии сочувствия к нему и уважения, которое невозможно без знания народа. В отношении темной массы, в лоне которой рождается, растет и питается интеллигенция, в отношении крестьянства у нас господствует всеобщее и глубокое невежество. Обособленные в своей эгоистической, чуждой народу образованности, мы не замечаем, что в самом важном отношении мы дикари, что у нас установился неподвижный, окаменевший и грубый взгляд на родное нам человечество. Крестьянин, естественно связанный с этим человечеством, как органический член его, знает этот великий мир и его жизнь в интимных его движениях; мы этого не знаем. А мы призваны беспрестанно вмешиваться в судьбу народную, имеем претензии руководить ею, вести к свету и счастью. В этой гордой миссии нас встречают беспрерывные неудачи и причины их все видят в народном невежестве. Так ли это. Не в интеллигентном ли невежестве следует искать причину неудач—в невежестве относительно своего народа, в незнании его доподлинной жизни».

«Рассказ г. Чехова—драгоценный вклад в науку о народе, из всех наук, может быть самую важную. Вот общественное значение этой художественной вещи». Отметим, что в августовской «Книжке Недели» за 1897 г., в отделе «Литературная летопись», на стр. 293—295, имеется заметка—«Рассказ г. Чехова, как аргумент против «идеализации» деревни»,—посвященный пересказу статьи Н. К. Михайловского о «Мужиках».

Крайне характерен рассказ А. С. Суворина («Дневник», стр. 179) о том, что среди Союза Писателей оказалось несколько членов, которые говорили, что Чехова следовало забаллотировать за «Мужиков».

[63]) Речь идет о Владимире Алексеевиче Тихонове (род. 1857 г.), фельетонисте и драматурге. Насколько можно судить по письмам А. П. Чехова, отношения между ним и Тихоновым начались в 1888 г., когда последний прислал А. П. свою книгу с надписью, ответом на что со стороны Чехова послужило письмо от 21 апреля 1888 г. из Москвы (Письма, т. II, стр. 76). Из других писем интересно письмо от 10 февраля 1889 г. по поводу критической статьи Тихонова на пьесу Чехова «Иванов» (там же, стр. 300—301). Скоро письма Чехова приняли дружеский шутливый характер, столь типичный для него. Обычное обращение его к Тихонову: «Милый Сарду», «Ваше благородие, г. Сарду» и т. п. За период 1888—89 гг. имеется всего девять писем Чехова к Тихонову; за период 1890—91 гг. тоже девять писем. В это время Тихонов стал редактором журнала «Север», к сотрудничеству

в котором привлек и Чехова, поместившего там в 1891 г. рассказ «Попрыгунья». За период 1892—96 года имеется 9 писем Чехова к Тихонову. Из них особенно интересно письмо от 22 февраля 1892 г. из Москвы, содержащее в себе автобиографию Чехова, где вполне серьезные сведения и даты перепутаны с шуточными; так например имеется следующее упоминание: «В 1892 г. гулял на имянинах с В. А. Тихоновым». От 1897 г. известно доныне одно письмо от 6 авг., где Чехов шутливо советует адресату, в случае недовольства своей фамилией, обратиться в Департамент Герольдии и хлопотать о фамилии звучной и приятной, например — Беневоленский». Кроме того, под датой 23 июля этого года в Дневнике А. П. Чехова содержится следующая запись: «Я в Петербурге. Остановился у Суворина в зале. Виделся с Вл. Т...., который жаловался на свою истерию и хвалил свои произведения»... В последнем из опубликованных писем, от 5 января 1899 г. из Ялты (Письма, т. V, стр. 289), Чехов пишет Тихонову: «Вы когда то уверяли, что у Вас истерия. А теперь? Здоровы-ли. Как чувствуете себя». Над пристрастием В. А. Тихонова к вину Чехов подсмеивался неоднократно, особенно напоминая ему достопамятные имянины 1892 г. В № 8 журнала «Мир Божий» за 1905 г. помещены воспоминания В. А. Тихонова о Чехове.

[64]) Как известно, весь конец 1897 года А. П. Чехов провел за границей.

[65]) Николай Михайлович Ежов (род. 1862), беллетрист, начавший печататься около 1892 г. и в 1893 выпустивший первый свой сборник: «Облака и другие рассказы»; сотрудник «Северного Вестника», «Нового Времени», где в 1904 г., после смерти Чехова, поместил о нем статью (№ 1085).

[66]) В письме от 24 августа 1898 г. к А. С. Суворину (Письма, т. V, стр. 211—212), А. П. Чехов пишет... «в-третьих был у меня Меньшиков, приехавший прямо из Ясной Поляны, и говорил, что Л. Н. (Толстой) морщится и крякает при одной мысли, что к нему могут приехать 28 авг. поздравители; и в-четвертых я не поеду в Я. П., потому что там будет N. C N... это был комик, весельчак, остряк... Меньшиков говорил, что Толстой и его семья очень приглашали меня в Я. П. и что они обидятся, если я не поеду («Только пожалуйста, не 28-го», добавлял Меньшиков)».

[67]) В «Биографическом очерке», помещенном в томе V «Писем А. П. Чехова», М. П. Чехов на стр. XI—XII пишет: «После сравнительно благоприятного лета, начались спозаранку дожди, запахло осенью, и 14 сентября Антон Павлович отбыл в Ялту. Ему предстоял выбор между Ниццей и Ялтой, но ехать за границу ему не хотелось, и он предпочел Ялту, рассчитывая, что быть может зимою он улучит время и съездит ненадолго в Москву, где должны были идти его пьесы в Художественном театре. Его выбор его не обманул. Осень и зима в Ялте оказались превосходными и он чувствовал себя там отлично».

[68]) Александр Иванович Звягин в 1899 г. — чиновник Бакинской Карантинно-Таможенной Конторы ведомства Главного Управления Неокладных Сборов и казенной продажи питей. Очевидно, именно к А. И. Звягину относится следующая фраза в цитированном нами выше письме Чехова к сестре Марии Павловне от 23 сентября 1898 г.:

«В Ялте скучно. N переводят в Баку и он на этой неделе уезжает. С ним совсем неинтересно».

[69]) О пребывании М. О. Меньшикова у А. П. Чехова в Мелихове см. прим. 66.

[70]) Книга Меньшикова — «Думы о счастье», С.-Пб. 1898; см. прим. 48.

[71]) Виктор Сергеевич Миролюбов (по сцене Миров) состоял издателем ежемесячного «Журнала для всех», с № 9 1898 г., при редакторе П. В. Голяховском. Здесь Чехов в 1898 г. поместил свои рассказы: «Жилец» (№ 11), «Необыкновенный» (№ 12), «Муж» (№ 12), в 1902 г. — «Архиерей» (№ 4), в 1903 г. — «Невеста» (№ 12); в 1905 и 1906 г. посмертные, неоконченные рассказы: «Расстройство компенсации» и «Письмо». В № 7 «Ежемесячного Журнала литературы науки и общественной жизни» (июль 1914 г.) Миролюбов поместил два письма к нему Чехова от 19 октября 1901 г. и 9 февраля 1903 г. По своему содержанию письма эти касаются рассказов, помещавшихся Чеховым в «Журнале для всех».

[72]) В письме от 24 октября 1898 г. к Л. С. Мизиновой А. П. Чехов писал: «. . . Умер отец. У него сделалось ущемление кишки, захватили поздно, везли до станции по ужасной дороге, потом в Москве делали операцию, вскрывали живот. Судя по письмам, конец жизни у него был мучительный . . . » (Письма, т. V, стр. 241). Несколько раньше, 17 октября того же года, он писал А. С. Суворину (см. стр. 234—235): «Умер отец после мучительной болезни и операции, которая продолжалась долго; и этого не случилось бы, если бы я был дома. Я не допустил бы до омертвения». Чувство, что старый семейный уклад нарушился безвозвратно, с первых же моментов сказалось у А. П. Чехова весьма ясно и определенно. Он сразу заговорил о поездке матери в Крым, о продаже Мелихова, о «новом гнезде»; и действительно уже в октябре он покупает участок в Крыму (см. письмо к И. П. Чехову от 30 октября 1898 г.,—там же, стр. 249). Однако Мелихово продать сразу не решились и положили: «лето будем проводить в Мелихове, как всегда, зимовать же — я и мать — будем в Ялте».

[73]) «Начала жизни» — так назывались статьи М. О. Меньшикова, помещенные в октябрьской, ноябрьской и декабрьской «Книжках Недели» за 1898 г. (стр. 140—183; 126—174; 186—234) с подзаголовками: «Роль женщин; Охрана семьи; Дети».

[74]) Прокофий Егорович Накрохин (род. 1850, ум. 16 октября 1903 г.), беллетрист, автор рассказа «Часы» (1892), «Идиллий в прозе» (1899), «Современных идиллий» и др. М. О. Меньшиков написал о нем в «Неделе» 1899 г., № 13, статью «Добрый юмор»; см. также «Критические очерки» М. О. Меньшикова, С.-Пб. 1900 г. В письме к брату Ивану от 16 ноября 1898 г. Чехов писал: «Прочти в «Неделе» рассказ Накрохина «Странник». Написан очень хорошо». О нем см. также примечание 107-ое к письму от 2 октября 1899 г. Рассказ «Странник» напечатан на стр. 13—27 ноябрьской «Книжки Недели» за 1898 г.

[75]) В письме к М. П. Чехову от 26 октября 1898 г. А. П. Чехов пишет: «Завтра приедет Маша. Мы посоветуемся, обсудим все, как следует . . . » (Письма, т. V, стр. 246). Во время этого приезда М. П.

Чеховою и были приняты те решения, о которых мы упомянули в примечаниях к предыдущему письму, а также куплен участок земли в Ялте.

[76]) «Женское Дело»,—журнал, редактированный и издаваемый А. Н. Толиверовой-Пешковой. О первом номере этого журнала имеется статья М. О. Меньшикова в № 3 газеты «Неделя» от 17 января 1899 г.

[77]) Рассказ «По делам службы» напечатан в январьской «Книжке Недели» за 1899 г. О нем упоминается в письме А. П. Чехова к М. П. Чеховой от 8 декабря 1898 г. (Письма, т. V, стр. 272): «я послал в «Неделю» рассказ; сегодня пришел оттуда ответ: выслали мне 500 руб.».

[78]) Корректуры рассказа «По делам службы», о чем см. выше, прим. 77.

[79]) Казимир Станиславович Баранцевич (род. в 1851 г.), писатель-беллетрист. В 1873 г. появилась его переделка в драму (белыми стихами) романа графа А. К. Толстого «Князь Серебряный», а в 1874 г. первый рассказ «Один из наших старых знакомых». Затем с 1878 г. ряд повестей и рассказов Баранцевича появлялся в «Деле», «Вестнике Европы», «Отеч. Записках», «Русской Мысли», «Северном Вестнике», «Труде», «Живописном Обозрении», «Устоях», «Всемирной Иллюстрации», «Новостях», «Русских Ведомостях» и др.

25-летний юбилей Баранцевича исполнился 25 декабря 1898 г. Описание его см. в «Историч. Вестнике» 1899 г., №. В начале января 1900 г. А. П. Чехов ратовал перед жившим тогда в Крыму академиком Н. П. Кондаковым о выборе Баранцевича в члены Разряда изящной словесности Академии Наук. Об этом он в следующих выражениях писал А. С. Суворину (Письма, А. П. Чехова, т. VI, стр. 5): «Так как Кондаков будет участвовать в выборах будущих академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конножелезной дороге так же, как нуждался и служил в молодости. Жалование и покой были бы для него как раз кстати», но дальше добавляет, что «гипноз не удался, дело мое не выгорело». В «Письмах А. П. Чехова» не имеется его писем к Баранцевичу, однако часть их все же известна; так, например, весьма характерные выдержки приведены на стр. 450—451 книги А. А. Измайлова «Чехов».

[80]) Петр Алексеевич Сергеенко (род. 1854), писатель-беллетрист и публицист, сотоварищ Чехова по Таганрогской гимназии. К нему имеется 20 писем Чехова, начиная с 17 декабря 1884 г. Наибольшего оживления достигла переписка в 1899 г., т. е. в эпоху продажи Чеховым через адресата своих произведений А. Ф. Марксу («Чехов. Новые письма». Под ред. Б. Л. Модзалевского, Птр. 1922, стр. 95 и след.). Кроме воспоминаний детства, Чехова с Сергеенко связывала еще и общая любовь к Л. Н. Толстому. В начале своей литературной деятельности Сергеенко писал комические вещи под псевдонимом «Эмиля Пупа»; ему то и посвятил А. П. Чехов «Ночь перед судом». Книга, о которой говорится в нашем письме,—«Как живет и работает Л. Н. Толстой». В Сборнике Т-ва «Образование» Сергеенко поместил очерк (стр. 157—165): «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов».

[81]) «Ваш редактор»—В. П. Гайдебуров, вступивший в редактирование «Недели» после смерти своего отца, П. А. Гайдебурова (о нем см. выше, прим. 21).

[82]) «Русь»—ежедневная газета, издававшаяся В. П. Гайдебуровым, с приложением «Иллюстрированного Листка». Ближайшее участие в «Руси» принимал и М. О. Меньшиков.

[83]) Речь идет очевидно о получении денег в счет гонорара за рассказ «По делам службы», напечатанный в январьской «Книжке Недели» за 1899 г., о чем см. выше, прим. 77.

[84]) Статья М. О. Меньшикова об Иветте Гильбер в «Руси» напечатана в № 164 названной газеты, от 8 декабря 1898 г.

[85]) О напечатанном в № 1 «Семьи» за 1899 г. рассказе «Душечка» имеется несколько упоминаний в письмах А. П. Чехова. Едва ли не самое раннее из них относится к 17 декабря 1898 г. в письме к М. П. Чеховой (Письма, т. V, стр. 279), затем в письме к Н. Е. Эфросу от 20 декабря того же года (там же, стр. 279—280). Особенно интересно упоминание о нем в письме к А. С. Суворину от 27 января 1899 г. (там же стр. 315—316): «Я недавно — пишет здесь Чехов — написал юмористический рассказ в 1/2 листа и теперь мне пишут, что Л. Н. Толстой читает этот рассказ вслух, читает необыкновенно хорошо». О том, как Л. Н. Толстой сразу же оценил «Душечку», имеется любопытный рассказ П. А. Сергеенко в его очерках «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов» (см. «Л. Н. Толстой, Сборник Т-ва «Образование». Москва 1910г., стр. 158—160). Позднее Толстой, составляя в 1905 г. «Избранный круг чтения», пожелал поместить в нем с некоторыми сокращениями рассказы А. П. Чехова «Душечка» и «Беглец» (см. опубликованные Е. П. Населенко неизданные письма Л. Н. Толстого, «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 321). В своей книге «Тѣни прошлаго» В. Микулич на стр. 185 говорит: «Он (т. е. Л. Н. Толстой) восхищается «Душечкой» и особенно телеграммой со словом «сючала...» Лев Николаевич несколько раз повторяет это «сючала», прибавляя: «Как он это схватил удачно. Как вы думаете, какое это слово?»

[86]) В письме к М. П. Чеховой от 27 января 1899 г. (Письма, т. V, стр. 317) Чехов пишет: «В январьской книжке «Недели» мой рассказ «По делам службы». Кстати: в феврале у нас на Дмитровке побывает Меньшиков. Он в своих письмах все беспокоится, где мамаша, не покинули ли мы ее одну в Мелихове».

[87]) В Художественном Театре около этого времени как раз поставили «Чайку», принесшую на этот раз своему автору полный триумф.

[88]) «Черемуха» — повесть В. Микулич (псевдоним Лидии Ивановны Веселитской-Божидарович) (род. 1857 г.). Кроме этой повести перу В. Микулич принадлежат повести: «Мимочка невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась», «Зарницы», воспоминания «Тени прошлого» и др.

[89]) Книга М. О. Меньшикова. Речь идет очевидно о только что поступившей тогда в продажу новой книге Меньшикова «О любви» (О любовной страсти — Суеверия и правда любви. — Любовь супружеская. — Любовь святая), С.-Пб. 1899 г. О ней см. статью М. Протопопова: «По поводу одной сердитой книжки» — «Русская Мысль» 1899 г., кн. 2.

[90]) О продаже сочинений А. П. Чехова А. Ф. Марксу имеется длинный ряд упоминаний в письмах его к А. С. Суворину, к сестре, братьям и ряду закомых. Переговоры с Марксом А. П. Чеховым велись через П. А. Сергеенку. Продажа эта и в момент своего совершения и в последующие годы вызвала много шума и толков в печати и в обществе, где охотно проводили параллель между нею и продажей Эмилем Золя своей знаменитой серии романов «Ругон-Макар». Фактическая сторона всего этого дела с вполне достаточной подробностью разобрана Б. Л. Модзалевским в его предисловии к переписке Чехова с П. А. Сергеенко, А. Ф. Марксом и Ю. О. Грюнбергом (см. стр. 88—94 книги «Чехов. Новые Письма», под редакцией Б. Л. Модзалевского).

[91]) «Начало»—«Журнал литературы, науки и политики», марксистского направления, издававшейся с 1899 г. под редакцией А. А. Воейковой.

[92]) Речь идет очевидно о январьской «Книжке Недели», где, как упоминалось уже выше, был напечатан рассказ А. П. Чехова «По делам службы». Надо заметить, что вообще письма Чехова, сохранившиеся от этого периода, изобилуют аналогичными просьбами о присылке ему, по возможности, всех его рассказов, напечатанных до того времени в различных журналах и других изданиях. По договору с Марксом он обязался собрать все их в шестимесячный срок, что, видимо, сильно его беспокоило (см. Письмо к П. А. Сергеенко от 31 января 1899 года, Письма, т. V, стр. 321—322). Можно отметить здесь, что в письме к М. П. Чеховой от 4 февраля 1899 г. Чехов между прочим спрашивает: «Был ли [подразумевается у вас] Меньшиков, который теперь в Москве» (Письма, т. V, стр. 332).

[93]) В письме от 20 мая 1899 г. к В. К. Харькевич (Письма, т. V, стр. 394—396) Чехов так характеризует нанятую им квартиру: « . . . нанял квартиру на целый год в надежде, что мне позволено будет провести часть зимы в Москве. Квартира прекрасная, на Мал. Дмитровке — это в центре города, слышен чудесный звон, отовсюду близко; и одно только неудобство: гости приходят непрерывно, с 8 час. утра до 10 час. вечера. Бывали дни, когда буквально изнемогал от посетителей».

[94]) Путем сличения текста настоящего письма с текстом письма А. С. Суворину от 24 апреля 1899 г. (Письма, т. V, стр. 386) мы легко установим дату посещения Л. Н. Толстым А. П. Чехова. В указанном письме Чехов пишет Суворину: «Вчера был у Л. Н. Толстого. Он и Татьяна говорили о Вас с хорошим чувством; им понравилось очень Ваше отношение к «Воскресению».

[95]) Рассказ для «Недели», насколько нам известно, написан так и не был.

[96]) См. предыдущее письмо от 27 апреля 1899 г.

[97]) Относительно редактирования собрания своих сочинений А. П. Чехов неоднократно упоминает в своих письмах этого периода. Между прочим А. С. Суворину в письме от 16 мая 1899 г. из Мелихова он пишет: «... читаю корректуру, редактирую свои старые произведения. Марксу я уже послал около двухсот рассказов новых, т. е. еще не помещенных в сборниках, да почти столько же мною брошено за негодностью» (Письма, т. V, стр. 393). В письмах к А. Ф. Марксу

от 30 апреля 1899 года и к Ю. О. Грюнбергу от 21 мая 1899 г. содержится ряд сведений о рассказах, отобранных Чеховым для собрания его сочинений, а также ряд высказанных им пожеланий о порядке их печатания («Чехов. Новые письма», под ред. Б. Л. Модзалевского, стр. 109—112).

[98]) Продажа Мелихова намечалась Чеховым сразу же после смерти отца (см. выше, примечание 72), однако потом мысль эта была на время оставлена. Тем не менее, в переписке с сестрой М. П. Чеховой Чехов неоднократно возвращается к этому вопросу и к различным возможным при его разрешении комбинациям (то уступки земли крестьянам с оставлением себе усадьбы, то к продаже всего, исключая нескольких десятин во втором участке и т. п.). В «Биографическом очерке», приложенном к тому V «Писем А. П. Чехова», на стр. XIV—XV М. П. Чехов так характеризует это событие в жизни своего брата, начиная с переезда его в Мелихово в мае 1899 г. «И точно пережитого времени не существовало вовсе. Опять начались хлопоты по созданию, была достроена мелиховская школа, но самая усадьба в Мелихове уже потеряла свой интерес. Еще осенью, в октябре, умер отец писателя Павел Егорович. Он умер, и Антону Павловичу показалось, что вместе с дневником, который, изо дня в день, вел старик, порвалась и жизнь в усадьбе. Стало грустно, тоскливо; к тому же и сознание, что все равно осенью надо уезжать в Крым, расхолаживало писателя, и в его душе медленно, но настойчиво стала созревать мысль о необходимости продать Мелихово и уже навсегда переселиться в Крым. В июне 1899 г. Антон Павлович побывал по делу в Петербурге, но его испугали нагрянувшие холода, и он провел там всего только один день. А между тем постройка ялтинского дома шла, как говорится, во всю и требовала его присутствия. Начались публикации в газетах о продаже Мелихова, а затем Антон Павлович съездил через Таганрог и Новороссийск в Ялту на месяц и в августе снова вернулся в Москву. 29 августа Антон Павлович поселился на своей собственной даче в Ялте, а затем было продано Мелихово, и к нему переселились туда мать и сестра. Так в жизни Антона Павловича случился новый перелом — уже последний в его жизни, лишивший его любимого севера навсегда».

Приведенный отрывок из «Биографического очерка», почти вполне совпадает с тем, что написано самим А. П. Чеховым в его письмах этого периода. Видимо расставание с Мелиховым проходило для него не совсем безболезненно. Однако природная шутливость по временам и здесь брала верх. Так в письме к В. К. Харькевич от 20 мая 1899 г. он пишет: «Хотим продать Мелихово и не хотим; ничего еще не решено. Теперь у меня четыре квартиры; нужно будет в каждой завести по супруге, чтобы потом они после моей смерти все съехались в Ялте и передрались на набережной—к великому удовольствию Усатова» (См. Письма А. П. Чехова, т. V, стр. 397). Имеется также характерная фраза в письме к А. С. Суворину от 26 июня 1899 г, (там же стр. 406): «И в беллетристическом отношении после «Мужиков» Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену».

[99]) Пушкинские празднества в Москве в мае 1899 г. состоялись 26 мая (см. брошюру А. И. Фаресова «Александр Сергеевич Пушкин

и чествование его памяти», СПб. 1899, стр. 17—20). В три часа состоялось торжественное заседание Московского Университета. Речи говорили: ректор проф. Зернов и профессора Стороженко, Кирпичников, Муромцов и Ключевский. Вечером на обеде в гостинице «Эрмитаж» речи о Пушкине и о судьбах русской литературы произнесли А. Н. Веселовский, А. И. Чупров и В. П. Острогорский. «Последний напомнив, что Пушкинские торжества в 1880 году происходили при участии одних только писателей, отметил, что в настоящих торжествах принимает большое участие учащаяся молодежь»... Затем читал свои стихи К. Н. Фофанов, а в заключении Н. Н. Златовратский предложил открыть среди присутствующих сбор денег в пользу голодающих. 27 мая Общество любителей российской словесности устроило торжество в зале дворянского собрания. Говорили кн. Цертелев, Шенрок, Якушкин и другие ораторы, а затем читались адреса. Вечером там же состоялся литературно-музыкальный концерт с участием оркестра под управлением В. И. Сафонова. Кроме того торжества происходили: в «Обществе любителей естествознания» (речи: проф. В. Миллера, проф. Анучина); в «лагере Александровского Военного Училища»;, в Лазаревском Институте и в Историческом Музее; в последнем торжестве было устроено «Обществом содействия устройству общеобразовательных народных развлечений». 28 мая торжества происходили при участии почти тех же лиц, что и раньше, а 29 мая открылась в Историческом Музее «Пушкинская выставка». Независимо от этого, в память юбилея Городской Думой была открыта народная аудитория с читальней при ней, несколько начальных училищ имени А. С. Пушкина, а также учрежден ряд стипендий в средних и высших учебных заведениях гор. Москвы.

[100]) Виктор Александрович Гольцев (1850—1906), журналист, доцент Моск. Университета, редактор «Юридического Вестника», «Русского Курьера», и «Русской Мысли», сотрудник Русских «Ведомостей». К нему имеется ряд писем (39) А. П. Чехова от 1892 по 1904 г. Сначала письма эти носят почти исключительно деловой характер, но скоро тон их меняется: «многоуважаемый» переходит в «дорогой» и «Вы» в «ты». По содержанию письма Чехова к Гольцеву касаются почти исключительно редакционных вопросов, так как Чеховым печатались в «Русских Ведомостях» «Очерки Сахалина» и ряд рассказов, пьес и повестей,—всего с 1894 по 1905 г.—13. Следует отметить, что первоначально отношение «Русской Мысли» к Чехову и этого последнего к названному журналу было ярко отрицательное. Чехов в письмах к Суворину, Плещееву и другим не скупился на названия заправил журнала «копчеными сигами», «жабами и крокодилами» и т. д.; но вот с 1892 г., после письма к Чехову одного из редакторов «Русской Мысли» В. М. Лаврова, с приглашением стать постоянным сотрудником журнала, картина постепенно меняется. В 1903 г. Чехов принимает даже участие в редактировании журнала и письма его к Гольцеву этого периода пестрят отзывами о присылаемых ему этим последним на рассмотрение расказах и др. рукописях, представляемых авторами в редакцию. Для характеристики отношений Чехова к В. А. Гольцеву интересно письмо от 26 января 1903 г. из Ялты. Вот что он пишет: «Милый и дорогой Виктор Александрович, здравствуй. В феврале празднуют обедом твой юбилей—так я читал

в «Одесских Новостях». Если это правда, то, сидя за обедом, вспомни, голубчик, что я семь твой искренний, преданный друг и таковым останусь до конца дней моих, и что я тебя люблю и давно уважаю. Если же узнаю точно, когда твой юбилей и где вы будете обедать, то пришлю телеграмму (Письма, т. VI, стр. 274). При погребении Чехова Гольцев был главным распорядителем. Следует также отметить, что еще в начале 1890-х годов Гольцев прочитал публичную лекцию о Чехове, за что группа московских студентов «выразила ему порицание». Как видно из «Дневника А. С. Суворина» (стр. 151) в 1897 г. Чехов вместе с Гольцевым собирались издавать газету.

[101]) О переездах А. П. Чехова в этот период его жизни см. выше выдержку из «Биографического очерка» М. П. Чехова, а также соответствующие письма его различным лицам.

[102]) А. П. Чехов весьма интересовался судьбами Таганрогской библиотеки и заботился об ее пополнении. Вот как пишет об этом М. П. Чехов на стр. XXII—XXIII «Биографического очерка», приложенного к тому IV Писем А. П. Чехова: «Антон Павлович питал любовь к книгам. Кропотливо, изо дня в день, он собирал книги по всем отраслям знания, привозил с собою целые ящики их из Петербурга, и когда переселялся в Мелихово, то там у него составилась уже целая большая, дорогая библиотека. В 1896 г. он решил пожертвовать ее родному городу Таганрогу для Общественной Библиотеки. В Таганрог было послано только самое лучшее и самое ценное и все те издания и книги, на которых имелись собственноручные надписи авторов. Не довольствуясь этим, Антон Павлович, вместе с Таганрогским городским головою П. Ф. Иордановым решили продолжать это дело. Через Антона Павловича Таганрогская библиотека стала пополняться все более и более, целые транспорты книг отправлялись затем Антоном Павловичем из Петербурга и Москвы в Таганрог, а г. Иорданов посылал ему списки желательных изданий». При библиотеке по мысли А. П. Чехова был устроен особый справочный отдел, а также нечто в роде музея, для которого он лично, а также через сотрудника «Нового Времени» Павловского и др. усердно собирал портреты и бюсты как современных ему, так и прежних русских и иностранных писателей. Об этом часто говорится в его письмах к различным писателям, издателям и другим лицам, имевшим возможность помочь ему в этом деле. Переписка же с П. Ф. Иордановым почти исключительно касается библиотеки. В частности, например, в письме от 6 августа 1899 г. (Письма, т. V, стр. 414) Чехов пишет ему «Многоуважаемый Павел Федорович, посылаю Вам для альбома 3 фотографии: Буренина, Горького и Чехова. Буренина снимал любитель и другого такого снимка Вы не найдете на свете. Любитель схватил выражение. Моя фотография предназначена для альбома, отнюдь же не для рамки». Позднее Таганрогская Общественная библиотека была помещена в специально выстроенное для нее здание, посвященное имени А. П. Чехова.

[103]) О продаже Мелихова см. выше, прим. 99.

[104]) Имя Н. М. Ежова неоднократно встречается еще в 1894 году в письмах А. П. Чехова к В. А. Гольцеву, А. С. Суворину и другим. Однако, писем к самому Ежову нам неизвестно. В упомянутых выше письмах, как и в ныне публикуемом нами Чехов старается оказать

ему помощь по напечатанию его рассказов и статей. В частности в письме от 19 августа 1899 г. (Письма, т. V, стр. 416—417) Чехов пишет А. С. Суворину: «На юге в Таганроге я видел Ежова, который осматривал там заводы. Из него вырабатывается порядочный корреспондент». Очевидно об этих то корреспонденциях и идет речь в настоящем письме. Едва ли не к Н. М. Ежову относится следующая фраза Чехова в письме к П. Ф. Иорданову от 11 октября 1899 г. (Письма, т. V, стр. 467). «Я не ответил Вам ничего на счет Ежова, да и что было ответить. Обезопасить себя от корреспондентов ни от умных, ни от глупых—никак нельзя, а опровергать корреспондента, который по неряшеству или по безграмотству, надменно наврал, это все равно, что стараться перекричать злую бабу». О нем смотри также примечание 65.

105) Рассказ для «Недели» написан не был.

106) В 1899 г. появилась книга рассказов П. Е. Накрохина «Идиллии в прозе», о которой М. О. Меньшиков дал хвалебный отзыв в № 12 газеты «Неделя» (от 28 марта 1899 г.), ставя автора рядом с Чеховым. О Накрохине см. также прим. 74.

107) А. А. Измайлов в книге «Чехов» описывает те утеснения и неудобства, какие Чехов испытывал от начинающих писателей, которые ходили к нему со своими рукописями и оставляли их на прочтение и для дачи отзыва, а также и просто для того, чтобы попросить материальной помощи, в которой не встречали, кажется, никогда отказа. Упоминаемый в настоящем письме, а также и в письмах от 28 января, 20 февраля и 26 марта 1900 г. рассказ С. Воскресенского «Глупости Ивана Ивановича», повидимому, не подошел редакции и был возвращен Чехову для передачи автору.

108) Савва Мамонтов—известный Московский богач и меценат. Во время, к которому относится написание нашего письма, Мамонтов был арестован, вследствие обнаруженной ревизией недохватки денег в его торговой кассе. Об этом М. О. Меньшиковым была написана статья в «Неделе».

109) Рассказ для «Недели» написан не был.

110) В главе, названной «Между литературой и медициной», А. А. Измайлов (см. его книгу «Чехов», стр. 208—231) дает обстоятельную характеристику отношения А. П. Чехова к медицине практической и научной в разные периоды его жизни, а также анализ того влияния, которое несомненно оказало изучение медицины на его литературную деятельность.

111) Статья Меньшикова «Клевета обожания» помещена в октябрьской «Книжке Недели» за 1899 г., стр. 178—213. В статье этой Меньшиков полемизирует с Д. В. Мережковским, напечатавшим незадолго перед этим статью, в которой он доказывал, что истинное свое credo по отношению к народу и к задачам поэта Пушкин наиболее полно и ясно высказал в стихотворении «Чернь». Подтверждение и развитие этого credo Мережковский видит и в других произведениях поэта, напр. в «Медном Всаднике». Он говорил о том, что в представлении Пушкина народ, толпа, чернь сливались как бы в одно и что он, пренебрегая этим народом и его правами и пожеланиями, гордо шел по трупам и костям обыкновенных людей к своим особым, возвышенным целям. Далее Мережковский указывал на то, что вся последующая

русская литература резко уклонилась от пути, начертанного Пушкиным. Полемизируя с Мережковским, Меньшиков указывал, что не самом деле стихотворение «Чернь» принадлежит к числу наиболее загадочных из стихотворений Пушкина, что в нем едва ли речь идет не о светской черни. Что отношение Пушкина к народу, как и вообще отношение к последнему всякого «героя», не может быть таким презрительным, как это кажется Мережковскому. Обращаясь затем к разбору мировоззрения самого Мережковского, поскольку оно выразилось в этой статье, Меньшиков указывает автору на его собственное стихотворение о Будде и бедном парии, в котором выражаются совершенно иные, гораздо более человечные и демократические воззрения.

[112]) В № 7 (10) журнала «Русское Богатство», на стр. 177—194, появилась статья Ивана Абрамова «Неплюевская школа» (письмо из Глуховского уезда). В статье указывается, что уже многие органы русской и иностранной печати обратили внимание на учреждения Н. Н. Неплюева («Новое Время», «Виленский Вестник», «Рижский Вестник», «Неделя» (Н. П. Вагнер), «Русский Труд», «La Mission intérieure», «Revue Chrétienne», «Bulletin de St. Martin», «Church Army» и др.), а также и на то, что профессор церковной истории при парижской Сорбоне Гастон Боне-Мари сделал доклад о Неплюевском Братстве и о своеобразной системе воспитания в его школах в заседании парижской академии, а академик Анатоль Леруа-Болье написал об этом докладе статью в «Новое Время». «Наконец в настоящем году сам Неплюев пропагандирует свою школу и братство на страницах «Недели» (см. «Книжки Недели» 1899 г. I—VII, IX—X) в статьях, правду сказать, проникнутых значительной долей самовосхваления». После такого приступа И. Абрамов, сосед Неплюевского Воздвиженского и воспитанник Крестовоздвиженской трудовой школы, рассказывает на основании личных наблюдений уклад жизни и воспитания «Крестовоздвиженского Православного Трудового Братства», его «попечителя и посадника» Н. Н. Неплюева, приводит образцы «характеристик», «отлучений от товарищей», «дневников» и других обрядов братской школы, а также характеризует самого Неплюева и некоторых учеников, вскрывая все, что есть в них надуманного, неестественного и ложного. Статья эта, наделавшая в свое время немало шума в печати, вызвала на страницах газеты «Неделя» (№ 47 от 21 ноября 1899 г.) возражение со стороны А. Лютецкого («О школах Н. Н. Неплюева»), который в обстоятельной статье доказывал, что школьная организация Неплюева совсем не имеет тех смешных и отрицательных сторон, которые приписывает ей И. Абрамов, а является крайне интересным педагогическим опытом, привлекающим к себе внимание серьезных специалистов и по существу своему имеющим нечто общее с английской школьной системой, но с привнесением в последнюю идей братства и глубоких религиозных основ. Затем в № 49 той же газеты (от 5 декабря 1899 г.) вновь появилась, в отделе «Отклики», статья М. О. Меньшикова. В последней он передает свои впечатления от личного знакомства своего с Н. Н. Неплюевым, от его лекции об основанном им братстве и наконец от своего недельного пребывания в самом братстве. Оговорившись, что самого Неплюева он считает «человеком замечательным в своем роде,

религиозным утопистом, исполненным самых благих намерений, — но, к сожалению, не только благих», — Меньшиков затем говорит о том, что личное его пребывание в недрах Неплюевского братства привело его к отрицательным взглядам на всю затею Неплюева.

Печатая эту статью, редактор «Недели» В. П. Гайдебуров нашел необходимым присовокупить от себя, что он, на основании личных наблюдений и свидетельств таких лиц, как Леруа-Болье и Н. П. Вагнер, не согласен с Меньшиковым и, вне зависимости от практической осуществимости идей Н. Н. Неплюева, считает его попытку «замечательным усилием частного лица к культурному возрождению нашего народа», полагая при этом, что не ценить этого положительного и хорошего и не стараться дать ему развитие было бы со стороны русского общества и неблагодарностью, и неблагоразумием». После этого в № 50 той же газеты появилось письмо к редактору «Недели» священника при братском храме Сергия Жихарева, утверждавшего, что статья И. Абрамова написана «для удовлетворения личного раздражения» и притом с «сознательным отступлением от действительности», а в № 51 «Недели» обширная статья самого Неплюева «В защиту братства», полемизирующая с Меньшиковым и заканчивающаяся как бы двенадцатью тезисами, излагающими принципы, на которых построено Неплюевское братство.

[113]) Болезнь Л. Н. Толстого. Вот что читаем об этой болезни в № 52 «Недели» от 25 декабря 1899 г., стр. 1763. «Граф Л. Н. Толстой в настоящее время по словам Московских газет совершенно оправился от перенесенного им сильного приступа желчной колики; обычные осложнения таких приступов — расширение печени, слабость и пр. теперь совершенно прошли. Великий писатель пользуется теперь прекрасным аппетитом, совершает прогулки по улицам и снова с увлечением работает. Л. Н. остался верен своим убеждениям и не изменил вегетарианской пище, несмотря на советы докторов. Лечил больного все время доктор П. С. Усов; в начале болезни был два раза профессор Черинов. Желчной коликой Л. Н. страдает давно и признаки ее бывали и ранее. В общем же гр. Толстой представляет из себя натуру крепкую и здоровую».

[114]) Повесть для «Жизни», о которой говорится в настоящем письме, — «В овраге» (январь 1900 г., стр. 201 — 234). По поводу ее имеется ряд писем Чехова к В. А. Поссе, А. М. Пешкову и другим. В письме к Поссе от 19 ноября 1899 г. (Письма, т. V, стр. 450) Чехов писал о повести: «В ней всего листа три, но тьма действующих лиц, толкотня, тесно очень и приходится много возиться, чтобы эта толкотня не чувствовалась резко. Как-бы ни было, около 10 декабря она уже сформируется совсем, можно будет набирать. Но вот беда: разбирает страх, что ее пощиплет цензура. Цензурных помарок я не перенесу или кажется, что не перенесу. И вот потому, что повесть местами выходила не совсем цензурной, я не решался писать Вам определенно и отвечать наверное. Теперь, конечно, отвечаю наверно, но с условием, что Вы возвратите мне мою повесть, если она и Вам покажется местами не цензурной, т. е., если Вы также будете предвидеть опасность, что ее почиркает цензор». По напечатании своем повесть эта принесла Чехову не малое количество огорчений много-

численными и крайне досадными опечатками (см. его письма к В. А. Поссе и А. М. Пешкову).

115) Речь идет очевидно о гонораре за обещанный Чеховым в редакцию «Книжек Недели» рассказ, который однако так и не был прислан Чеховым в 1900 году.

116) В «Жизни» А. П. Чеховым была, как упомянуто уже выше напечатана повесть «В овраге». Напечатана она была с рядом опечаток, что очень сердило Чехова; вообще он был настроен по отношению к этому журналу критически, что можно видеть из писем его к А. М. Пешкову от 15 февраля 1900 г. из Ялты: «Жизнь» напечатала мой рассказ с грубыми опечатками (например «табельные» вместо «заговенье»), не взирая на то, что я читал корректуру. Раздражают меня в Жизни и провинц. картинки N и картина «С новым годом» и рассказ NN». (Письма, т. VI, стр. 53). Об этой повести имеется статья М. О. Меньшикова под заглавием «Три стихии», помещенная в третьей «Книжке Недели» за 1900 год.

117) «Начало» — см. прим. 92.

118) Очевидно то письмо, в котором И. Л. Щеглов подписался «Хворый Щегол» и ответом на которое послужило письмо А. П. Чехова от 19 января из Ялты (Письма, т. VI, стр. 15). О Щеглове см. прим. 8.

119) Об В. А. Тихонове и об отношениях его с Чеховым см. выше, прим. 63.

120) О К. С. Баранцевиче и об отношениях его с А. П. Чеховым, см. выше, прим. 80.

121) Письмо от 28 января 1900 г. с купюрами опубликовано на стр. 23—25 тома VI «Писем». Ныне приводим полный его текст. Письмо это, как трактующее главным образом об отношении Чехова к Л. Н. Толстому, неоднократно цитировалось в печати (см. например очерк П. Сергеенки «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов», стр. 165 в сборнике Т-ва Образование «Л. Н. Толстой», В. Каллаш, на стр. 7—8 того же сборника, в заметке «Слон русской литературы»; упоминает о нем и В. Микулич в своей книге «Тени прошлого», СПб. 1914, стр. 186). Болезнь Л. Н. Толстого к моменту напечатания настоящего письма, как видно из современных газет, уже почти совершенно прошла и он стал выходить на прогулки. Осталось лишь хроническое расстройство печени и атония кишек, в значительной мере обусловленная нежеланием Толстого отказаться от вегетарианской пищи.

Впервые А. П. Чехов услышал «Воскресенье» в Ясной Поляне во время чтения его по рукописи В. Г. Чертковым и И. И. Горбуновым и тогда же, «придя после чтения в кабинет Л. Н. Толстого, тихо и спокойно стал говорить, что все очень хорошо. Особенно правдиво схвачена картина суда. Он (Чехов) недавно сам отбывал обязанность присяжного заседателя и видел своими глазами отношение судей к делу: все заняты были побочными интересами, а не тем, что им приходилось слышать. Например в одном деле, которое шло в очередную сессию, адвокат или прокурор, вместо разбирательства дела, обратился с дифирамбами к сидевшему на скамье присяжных заседателей Антону Павловичу. Очень верно и то, что купца отравили, а не иначе покончили с ним. Во время его (Чехова) бытности на Сахалине он видел, что большинство женщин каторжанок сослано

именно за отравление. Неверным же ему показалось одно, что Маслову приговорили к 2 годам каторги. На такой малый срок к каторге не приговаривают. Самый меньший срок—4 года. Лев Николаевич принял это и в последствии исправил свою ошибку» (П. С. Сергеенко «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов», см. Сборник Т-ва «Образование» Л. Н. Толстой, стр. 162—163).

В письме от 12 февраля 1900 года из Ялты А. П. Чехов писал А. С. Суворину: «Воскресенье» замечательный роман. Мне очень понравилось, только надо читать сразу, в один присест. Конец не интересен и фальшив в техническом отношении» (Письма, т. VI, стр. 47). А 15-го того же февраля писал А. М. Пешкову (там же стр. 52—53) ...«я недавно прочел Воскресенье»; все кроме отношений Нехлюдова к Катюше, довольно неясных и сочиненных,—все поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и неискренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из свящ. писания».

[122]) «Новости дня»—газета, которую, повидимому, привыкли читать в семье Чеховых. По крайней мере в письме к М. П. Чеховой от 15 января 1899 г. из Ялты Чехов пишет: «Новостей дня» мы не получаем. Похлопочи, чтобы высылали. Если даром нельзя, то заплати сколько нужно. Мать скучает без газеты» (Письма, т. VI, стр. 9).

[123]) Вот что пишет М. П. Чехов в «Биографическом очерке», приложенном к т. VI «Писем», стр. III: «Январь 1900 г. застал Антона Павловича в Ялте. Он жил там с матерью. 17-го января были его грустные именины; ему нездоровилось. Он прохворал всю зиму и почувствовал облегчение только к весне».

[124]) 29 апреля 1899 г. в честь столетия со дня рождения Пушкина при отделении Русского языка и словесности Академии Наук был учрежден Разряд Изящной Словесности. При первых же выборах 8-го января 1900 г. Чехов был избран в почетные академики, одновременно с К. Р., Л. Н. Толстым, А. А. Потехиным, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужниковым, гр. А. А. Голенищевым-Кутузовым, В. С. Соловьевым и В. Г. Короленко. Письма А. П. Чехова этого периода времени свидетельствуют о том, что он живо интересовался образованием нового Разряда, хотя и далеко не во всем сочувствовал той форме, в которой это образование осуществлялось. Своему избранию он все-таки скорее был, повидимому, рад, хотя и говорил об этом в свойственном ему шутливом тоне, подписываясь «А. Чехов d'Académie», «Antonio academicus» и т. д. Подробности об избрании Чехова почетным академиком читатели могут найти на стр. 124—132 книги «Чехов, Новые Письма», под редакцией Б. Л. Модзалевского.

[125]) Сигма—псевдоним публициста и беллетриста Сергея Николаевича Сыромятникова (род. 1860 г.), сотрудника «Нового Времени», «России». Отдельно напечатаны «Петербургские негативы» (1900 г.); «Опыты русской мысли» (1901 г.). Кроме того, под псевдонимом «Сергей Нормандский», Сыромятников напечатал сборник легенд Бретани.

[126-127]) О рассказе «Глупости Ивана Ивановича» Сергея Воскресенского см. прим. 108.

[128]) Речь идет о статье Меньшикова в № 1 газеты «Неделя» за 1900 г. под названием «В чем братство», в № 2. (стр. 26—30) той же

газеты (стр. 61—68) и № 3 (стр. 107—110). Статьи эти являлись ответом на цитированную нами выше статью Н. Н. Неплюева «В защиту братства» и содержат в себе ряд новых подробностей об обычаях, порядках и внутренней сущности учрежденного Неплюевым трудового братства. См. также прим. 113.

[129]) Под «Тремя Пальмами» Чехов, очевидно, разумеет известные три разговора Вл. С. Соловьева «Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах», печатавшиеся тогда в «Книжках Недели» (1899 г. октябрь и ноябрь; 1900 г. январь и февраль).

[130]) Повесть, о которой идет речь, очевидно, «В овраге»; о ней см. выше, прим. 115.

[131]) В «Письмах А. П. Чехова» т. V и VI имеется 34 письма Чехова к А. М. Пешкову (Максиму Горькому), охватывающих период времени с ноября 1898 г. по декабрь 1902 г. Из них два первые начинаются со слова «Многоуважаемый», но уже с третьего письма это холодное официальное обращение заменяется «Дорогим», потом «драгоценным», «милым» и т. д., что одно уже свидетельствует о быстром и неуклонном нарастании самых дружеских чувств. Что касается содержания самых писем Чехова к Горкому, то в них на первом плане стоят интересы литературные. Сорокалетний Чехов наставляет своего более молодого собрата, наставляет мягко и осторожно и в то-же время не скупится на похвалы его таланту. Между прочим он советует ему покинуть провинцию и «потереться около литературы и литературных людей». «Бранитесь с литераторами», пишет он Горькому,—не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними» (см. «Письма», т. V, стр. 485). Он советует также Горькому раньше, чем идти по России пешком, поездить по ней года два—три «не пешком и в третьем классе и поближе приглядется к публике, которая Вас (т. е. Горького) читает» (там же, стр. 486). Между прочим, насколько можно судить по письмам Чехова, он сыграл немалую роль в том, что Горький начал писать пьесы. По крайней мере он упорно в ряде писем советовал последнему познакомиться с Московским Художественным Театром, познакомиться поближе на репетициях и потом написать для него пьесу. По прочтении «Мещан» и «На дне», которые автор выслал ему, повидимому, еще в рукописях, он в ответных письмах детально разбирает достоинства и относительные недостатки пьес и дает советы, кому именно из артистов труппы Художественного Театра поручить отдельные роли. В письме от 28 сентября 1900 г. Чехов между прочим пишет Горькому: «Сегодня получил я от Меньшикова письмо—приглашает Вас очень работать в Неделе. Там, кстати сказать, хорошо платят» (Письма, т. VI, стр, 98). 18 июня 1901 г. передает Горькому предложение А. Ф. Маркса о приобретении последним прав собственности на сочинения Горького (там же, стр. 153). Что касается упомянутых в нашем письме рассказов, то отзывы о них Чехова содержатся в ряде писем его к Горькому. Вот например отзыв его о «В степи» (Письма, т. V, стр. 477) «... В рассказе «В степи» он (т. е. талант Горького) выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видете ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство». Несколько далее, переходя

к недостаткам Горького, Чехов замечает. «Говорить о недостатках таланта—это все равно, что говорить о недостатках большого дерева, которое растет в саду; тут ведь главным образом дело не в самом дереве, а во вкусах того, кто смотрит на дерево». И лишь после этой оговорки мягко замечает о «несдержанности», частом употреблении слов совсем неудобных в рассказах Вашего типа», частом уподоблении природы человеку и т. д. В письме от 25 апреля 1899 г., передавая Горькому свой разговор о нем с Л. Н. Толстым, Чехов пишет: Ему нравятся Ваша «Ярмарка» и «В степи» и не нравится «Мальва» (там же, стр. 482). «Фому Гордеева» Чехов ждал с нетерпением, с радостью согласился на посвящение его себе, прося только не быть в последнем, т. е. в посвящении, многословным подобно Волынскому, и все выражал сожаление о том, что приходится читать «Фому Гордеева» по кусочкам, а не целиком. Когда у самого Горького повидимому возникли после «Фомы Гордеева» какие то сомнения, Чехов старался разубедить его в них и снова ободрить (письмо от 22 июня 1899 г.). О третьем из упомянутых рассказов Чехов писал в письме от 2 января 1900 г.: «Писал ли я Вам, что мне очень понравился в Вашем третьем томе «Мой спутник». Это такой же силы, как «В степи» (см. Письма, т. VI, стр. 1). Ряд упоминаний о Горьком и его таланте содержится и в письмах Чехова к ряду других адресатов, напр., к Поссе, Суворину, Соболевскому и др. (Сравни с приведенным в нашем предисловии свидетельством М. О. Меньшикова). Следует однако отметить, что на стр. 240 и 294 своего «Дневника» А. С. Суворин приводит мнения Чехова о Горьком, идущие несколько в разрез с вышеизложенным.

[132]) «Биографические очерки» М. П. Чехова, приложенные к шести томам писем его брата, неоднократно отмечают страсть А. П. Чехова «копаться в саду». О своем призвании «садовника» шутливо упоминает не раз и сам А. П. в ряде своих писем; укажем хотя бы на письмо к П. Ф. Иорданову от 11 декабря 1899 г. (Письма, т. V, стр. 468): «Когда я постарею, буду проситься у вас в городские садовники. Условие: комната в саду, в ротонде что-ли и запрещение касперовцам ходить зимой через сад». В письме от 14 февраля 1900 г. Чехов подробно описывает О. Л. Книппер свой ялтинский сад, а в письме к М. П. Чеховой от 7 марта того же года говорит, что под влиянием мороза камелии завяли (Письма, т. VI, стр. 49, 64).

[133]) Установить точно личность душевно-больного и туберкулезного студента Венгерова нам, к сожалению, не удалось.

Следует отметить, что со времени переселения А. П. Чехова в Крым к нему стали обращаться не только знакомые, но и совершенно посторонние лица, прося совета и помощи в устройстве их на лечение на Южном берегу. Чехов, повидимому, всегда очень внимательно и добросовестно старался оказать больным посильную помощь. Так, например, можно указать хотя-бы на помещенное на стр. 11-й т. VI «Писем» письмо его к неизвестному Сергею Феоктистовичу. В письме к М. П. Чеховой от 26 марта 1900 г. (там же, стр. 76) Чехов пишет: «Одолели посетители. Вчера 25 марта ко мне приходили непрерывно весь день; все доктора из Москвы и из провинции присылают с письмами, просят отыскать квартиру, «устроить», точно я комиссионер».

[134]) Рукопись Воскресенского — это все тот же рассказ «Глупости Ивана Ивановича», о котором Чехов упоминал в ряде предыдущих писем. Рассказ этот, видимо, был забракован редакцией «Книжек Недели» и возвращен Чехову для передачи автору. См. прим. 108.

[135]) Следует отметить, что вообще отношения А. П. Чехова к Ялте вскоре же после его переселения туда становятся все более и более отрицательными. Он не скупится на самые мрачные краски и эпитеты при описании ее. Достаточно хотя бы взглянуть на страницы 478—483 книги А. А. Измайлова «Чехов». О деятельности Чехова в Ялте на пользу неимущих чахоточных можно найти указания на стр. 486 той же книги Измайлова.

[136]) «Сократ» — драма П. А. Сергеенки. Л. Н. Толстой относился весьма сочувственно к этому произведению Сергеенки и неоднократно читал его. О Сергеенке и его отношениях к Чехову см. прим. 81.

[137]) Исаак Абрамович Синани, владелец книжно-табачного магазина в Ялте, бывший как бы контрагентом А. П. Чехова в Крыму при постройке дачи и в других хозяйственных делах. Известны три письма к нему Чехова.

[138]) В письме к М. П. Чеховой от 15 января 1900 г. А. П. Чехов пишет: «Я купил кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый черепицей, четыре комнаты, большие сени, одно большое дерево-шелковица». (Письма, т.VI, стр. 9-10). Примерно то же самое пишет Чехов и своему брату Ивану Павловичу (7 февраля 1900 г.), приглашая его приехать в Крым. При этом он прибавляет: «Кучукой придется продать» (там же, стр. 39—41).

[139]) В приложенном к тому VI «Писем» Биографическом очерке М. П. Чехов на стр. IV пишет: «Осень 1900 г. Антон Павлович провел в Москве, а в начале декабря уехал за границу на французскую ривьеру и поселился в Ницце. Его мечтою была поездка в Африку; он уже собрался в Алжир, но так сложились обстоятельства, что поездка в Африку не состоялась и он попал в Италию, в Рим. Здесь опять его встретили суровые холода. Он положительно бежал от них и в первых же числах февраля 1901 г. возвратился к себе в Ялту».

[140]) В марте 1900 г. в газетах появилось известие, что А. П. Чехов пишет новую пьесу. Однако сам он отрицал это, говоря, что «газеты врут», и что они вообще никогда не писали про него правды (письмо к О. Л. Книппер от 26 марта 1900 г.—«Письма», т. VI, стр. 74). Однако уже в письме к А. Л. Вишневскому от 5 августа 1900 г. Чехов признается: «Пьесу я пишу, уже написал много, но пока я не в Москве, судить о ней не могу. Быть может выходит у меня не пьеса, а скучная крымская чепуха. Называется она «Три сестры» (как Вам уже известно), для Вас приготовляю роль инспектора гимназии, мужа одной из сестер. Вы будете в форменном сюртуке с орденом на шее. Если пьеса не сгодится в этом сезоне, то в будущем сезоне переделаю» (там же, стр. 89—90). О том же он пишет и В. Ф. Коммиссаржевской от 25 августа и 13 сентября 1900 г. В письме к А. М. Пешкову от 16 октября 1900 г. (там же, стр. 102) Чехов сообщает: «Можете себе представить,—написал пьесу. Но так как она пойдет не

теперь, а лишь в будущем сезоне, то я не переписал ее начисто. Пусть так полежит. Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец и все три — генеральские дочки. Действие происходит в провинциальном городе, в роде Перми, среда — военные, артиллерия». Затем следует вновь письмо к В. Ф. Коммисаржевской с сообщением, что пьеса читается в художественном Театре и что на Александринке она вероятно «очень бы не понравилась». Затем о том же в письме к А. С. Суворину и Н. П. Кондакову. По отъезде А. П. Чехова за границу он продолжал и оттуда живо интересоваться судьбой новой своей пьесы, о чем свидетельствует ряд писем его к А. Л. Вишневскому и М. П. Чеховой, а по возвращении в Ялту признается Вишневскому, что ему ужасно бы хотелось посмотреть хотя бы один акт из «Трех сестер» (там же, стр. 136). На стр. 499—501 своей книги «Чехов» А. А. Измайлов рассказывает о том впечатлении, которое произвела эта пьеса на печать и на публику при первом ее представлении на сцене «Художественного Театра» 31 января 1901 г. По его словам «успех и «Трех сестер» определился не сразу»; таков удел почти всех без исключения постановок этого театра. Лишь первый акт имел огромный успех, один из самых больших успехов Художественного Театра. Потом отношение залы колебалось. В конце концов успех был хороший, но ниже ожидания театра. Повторилось то же, что было с «Дядей Ваней» и что потом повторилось с «Вишневым садом»: успех у публики — только со следующего сезона.» В печати «Три сестры» появились в 1901 г., во второй книжке «Русской Мысли». Напомним еще и о той колоритной подробности, которую приводит П. А. Сергеенко в своем очерке «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов» (см. стр. 164 сборника Т-ва «Образование» «Л. Н. Толстой»); а именно рассказ о том, как Толстому в период тяжкой болезни читали в Крыму «Трех сестер», как не понравилась ему эта пьеса и как ему хотелось поговорить об этом с Чеховым. Однако, когда Чехов приехал к нему в Гаспру, Толстому было настолько худо, что разговор не состоялся и только при прощании, целуя Чехова, Л. Н. с усилием прошептала ему на ухо: «А пьеса Ваша все-таки плохая».—Чехов, будто, несмотря на торжественную минуту, рассмеялся». На стр. 284 своего «Дневника» А. С. Суворин критикует «Трех сестер» и проводит параллель между ними и пьесами Гоголя и Островского.

[141]) Повесть для «Недели» написана так и не была.

[142]) Как пишет Чехов, 12 мая он был уже в Москве и остановился в гостинице Дрезден, откуда имеется его письмо к П. Ф. Иорданову. Целью его приезда было, повидимому, подвергнуть себя всестороннему осмотру доктора Щуровского. По крайней мере в письме к М. П. Чеховой (Письма, т. VI, стр. 141), помеченном просто маем 1901 г. и не носящем точной даты, А. П. Чехов пишет: « . . . Ну-с, был я у доктора Щуровского. Он нашел притупление слева и справа, справа большой кусок под лопаткой, и велел немедленно ехать на кумыс в Уфимскую губ., если же кумыса я не буду переносить, то—в Швейцарию. На кумысе, скучнейшем и неудобном, придется пробыть два месяца».

[143]) Переход М. О. Меньшикова в «Новое Время» состоялся, и он стал одним из деятельнейших сотрудников этой газеты, сделавшись

со временем едва ли не наиболее видною фигурою ее, особенно в эпоху реакции 1906 и следующих годов,—вплоть до февральской революции, которую он приветствовал восторженно.

[144]) Следует отметить, что и при жизни Чехова, и после его смерти в печати и в обществе всегда горячо и разноречиво обсуждались его отношения к Суворину и к издавшемуся последним «Новому Времени», в котором Чехов эпизодически сотрудничал, начиная с 1886 г. Не вдаваясь в подробности, которые завели бы нас слишком в сторону, отметим, что, судя по всему, сам Чехов, во все время своего знакомства и дружбы с Сувориным, резко отделял свое отношение к последнему от отношения к его газете. К первому он был настроен неизменно дружески, ко второй относился всегда отрицательно. Это, повидимому, знал и сам Суворин и никогда не неволил Чехова в этом отношении. Позднее, после дела Дрейфуса, Чехов окончательно разочаровался в «Новом Времени», но с самим Сувориным и тут не порвал, а лишь отдалился от него. Интересующихся этой стороной биографии Чехова, отсылаем как к «Письмам» его, так и к книге А. А. Измайлова «Чехов», где на стр. 463—475 дается достаточно подробный анализ их взаимных отношений. Много материала для обрисовки взаимных отношений Чехова и Суворина дает недавно опубликованный «Дневник А. С. Суворина», где о Чехове упоминается на стр. стр. 80, 82, 110, 112, 121, 122, 124, 125, 126, 128, 129, 144, 147, 150, 151, 153, 164, 165, 169, 178, 179, 180, 199, 204, 207, 220, 240, 246, 280, 282, 284, 294, 297, 334, 343. Упоминания эти далеко не равномерны по величине и не равноценны по своему значению. Самое ценное в них, как и во всем Дневнике,—исключительная интимность, заставляющая отнестись к ним с полной верой. Часть этого нового материала включена в наши примечания.

[145]) «Россия» — газета, издававшаяся Сазоновым, при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича и закрытая 13 января 1902 г. за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», где описывалась, в несколько, конечно, измененном виде, интимная сторона жизни последних поколений царствовавшего в России дома Романовых. Отношение А. П. Чехова к «России» и главным ее сотрудникам было, повидимому, самое благожелательное. Об этом может свидетельствовать хотя бы письмо его к А. В. Амфитеатрову от 4 декабря 1900 г. («Письма», т. VI, стр. 110).

[146]) Об отъезде А. П. Чехова на кумыс в Андреевскую санаторию, при станции Аксеново Уфимской губ., было уже упомянуто выше, в примечании к предыдущему письму. Выехал он на кумыс в последних числах мая 1901 г. и пробыл там до 2 июля, после чего возвратился в Ялту.

[147]) Брат А. П. Чехова Михаил Павлович довольно долго состоял на службе в принадлежавшем А. С. Суворину книжном деле. По образованию М. П. Чехов был юрист, по окончании Университета служил на государственной службе, затем у Суворина, потом был помощником присяжного поверенного. Кроме того, М. П. издавал журнал «Золотое детство» и писал рассказы, составившие несколько сборников. Перу его принадлежит биографический очерк Ант. П. Чехова, помещенный в шести томах писем, и в дополненном виде изданный в Москве в текущем году отдельной книгой.

[148]) 25 мая 1901 г., перед самым отъездом в Аксеново, Чехов женился на артистке Ольге Леонардовне Книппер, неоднократно с успехом выступавшей на сцене Московского Художественного Театра в пьесах Чехова. В переписке с нею Чехов состоял, на сколько можно судить по «Письмам», с 16 июня 1899 г. Всего до сих пор опубликовано 19 писем, при чем оговорено, что некоторые письма еще не могут быть напечатаны. Письма Чехова к Книппер, повидимому, полностью печатаются в настоящее время в Берлине (издательством «Слово»), отдельным изданием.

[149]) Толиверовы—семья А. Н. Толиверовой-Пешковой.

М. Беляев.

ПИСЬМА ЧЕХОВА А. А. ТИХОНОВУ-ЛУГОВОМУ

Приготовил к печати Л. К. Ильинский.

Знакомство Алексея Алексеевича Тихонова-Лугового с А. П. Чеховым относится к периоду редакторства Лугового в журнале «Нива»,—к 1895—1897 гг. [1]). Приглашение Чехову участвовать в «Ниве» было послано, очевидно, в середине 1895 г. [2]); с этого времени и (начинается знакомство Чехова с «Нивой», окончившееся продажей Марксу полного собрания сочинений [3]), а также и деятельная, хотя непродолжительная переписка Чехова с Луговым.

Часть этой переписки уже опубликована в собрании писем Чехова, где она напечатана по сообщенным самим Луговым копиям [4]). Оригиналы вместе с архивом Лугового поступили в 1915 году в Пушкинский Дом. Работа над описанием архива показала, что Луговой сообщил не все письма: часть их — более ранние — осталась ненапечатанной. Трудно уяснить причину этого, но с такими же фактами мы встречаемся и в переписке Лугового с В. С. Соловьевым, которая также захватывает не весь имевшийся у Лугового материал.

Правда, оставленные Луговым письма — чисто деловые, в них мало литературного материала, но для установления характера отношений писателей они интересны. Дают они материал и для установления биографических дат. Не без

---

[1]) См. письма А. П. Чехова, под ред. М. П. Чеховой, т. IV, (1892—1896). М. 1894; т. V. М. 1915; см. также: Чехов. Новые письма. (Из собраний Пушкинского Дома). Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пб. 1922. Изд. Атеней, стр. 88 и далее.

[2]) См. письмо 1-е.

[3]) См. Новые письма, стр. 88 и далее.

[4]) См. Письма, т. IV, стр. 445.

значения они и для уяснения процесса работы Чехова над своими произведениями.

С точки зрения последнего факта важно установить последовательность всей переписки Чехова с Луговым. Первое из публикуемых писем является наиболее ранним из всей переписки. Без него неясно письмо от 29-го марта 1896 г. [1]), которому предшествовало как оно, так и другие публикуемые теперь. Письмо датировано 14-м июля, несомненно, 1895 года. С этого времени и начинается участие Чехова в «Ниве», его отношения к журналу, правда, сначала выражавшиеся только в желании работать для «Нивы». Даже еще в декабре 1895 года он пишет, что у него нет ничего готового, ссылаясь, как обычно, на медленность своей работы: «работаю я лениво, муза моя капризна и непостоянна» [2]). Это часто встречающийся мотив писем Чехова. В марте 1894 года он снова повторяет это: „Но увы! я уже начинаю испытывать угрызения совести. Очень уж долго я обещаю, обещаю неопределенно, а это немножко похоже на «выжидательную политику», или попросту на обман [3]).

Объяснение этой медлительности мы находим в той же переписке. Чехов был уже писателем с именем. Но он живо откликается на приглашение Лугового работать в «Ниве», которая в это время пользовалась широкой известностью и большой распространенностью.

Маркс, как издатель, был популярен среди писателей, особенно в эти годы, когда «Нива» выступила на путь издания классиков. И в письмах Чехова, знавшего читателя, сквозит чуткость к журналу [4]). Естественен его ответ на приглашение [5]) и его заявление: «мне очень хочется попечататься в «Ниве» [6]). У Чехова всегда был запас написанного [7]), но для «Нивы», для начала работы в ней он хочет дать что-либо подходящее [8]). Повторяет он это и в декабре

---

[1]) Напечатано в письмах, т. IV, стр. 445—446.

[2]) См. письмо 2-е.

[3]) Письма, т. IV, стр. 445—446.

[4]) Письма, т. IV, стр. 446, 472—73, Ср. Письмо к Марксу от 25 фев. 1899 г. Новые письма, стр. 105.

[5]) См. письмо 1-е.

[6]) Письма, т. IV, стр. 446.

[7]) Ср. письмо к Ю. О. Грюнбергу: Новые письма, стр. 100; также. письмо 2-е.

[8]) Письмо 1-е.

1895 г. когда, судя по тону письма № 2, у него уже намечается что-то определенное. Но об этом он может говорить, когда работа над сюжетом, как он выражается в письме от 29 марта 1896 [1]), «перевалит через 2—3 листа». И действительно, в письме от 27 апреля 1896 г. [2]) сообщает, что «рассказ уже подваливает к концу второго листа» [3]). Теперь он может дать и заголовок — «Моя женитьба». Июнь месяц проходит в сомнениях, очень характерных для Чехова, — подойдет ли рассказ к читателям «Нивы». Часть рукописи он посылает для ознакомления, тем более что и заглавие перестает ему нравиться. И только 2 августа он смог послать Луговому открытку с заявлением: «я к Вашим услугам» [4]), извещая тем самым, что рассказ готов. 10 августа рукопись отсылается в целом виде [5]). Правда, он делает оговорку, что «финал я всегда делаю на корректуре» [6]). 31 авг. часть корректуры была уже у него [7]), но он желает иметь ее всю, о чем и телеграфирует [8]), а 13 сент. отсылает корректуру обратно [9]), исключая конец, ибо «финал» потребовал работы. Вместе с этим меняется и заглавие: «Моя жизнь», — хотя и не окончательно. У него еще сомнения. Разрешение их он предоставляет Луговому, как редактору.

6-е из публикуемых писем написано, как можно судить по сопоставлению со всей перепиской, между 13 сент. и 1 окт. Кроме дат для биографии письмо подчеркивает еще раз работу писателя над финалом. В дальнейшем [10]) переписка идет о цензурных исправлениях, а 21 окт. окончательно средактирован и финал [11]), но работа над финалом шла, когда уже рассказ печатался в «Литературных приложениях», где он появился в № 10 за 1896 г. Только отзвуки цензурных пометок заставляли при дальнейшем пе-

---

[1]) Письма, т. IV, стр. 445—46.
[2]) Письма, т. IV, стр. 451—452.
[3]) Письма 6 и 16 июня. См. Письма, т. IV, стр. 453—54 и 455—56.
[4]) Письмо 3-е.
[5]) Письмо 4-е.
[6]) Письма, т. IV, стр. 468—69.
[7]) Письмо 5-е.
[8]) Телеграмма не сохранилась.
[9]) Письма, т. IV, стр. 472—73,
[10]) Письмо 7-е.
[11]) Письма, т. IV, стр. 485.

чатании рассказа (№ 11, 12) пересматривать отдельные места и исправлять их совместно с Луговым [1]).

Этим кончается переписка с Луговым. В 1897 году мы находим лишь одно письмо Чехова к Луговому [2]).

Переписка с Луговым — один небольшой эпизод из обширной переписки Чехова. Но он интересен. Он в себе заключает ценные мелочи творческой работы писателя над произведением, отношение его к читателю. Не говорю уже о той деликатности Чехова по отношению к редакции в вопросе о гонораре и условиях печатания. О гонораре постоянно нуждавшийся Чехов впервые начинает говорить лишь после того, как весь рассказ был послан в редакцию, в письме от 10 авг. [3]), если не считать его милой шутки, когда он 6 июня, очевидно, в ответ на сообщение Лугового, писал, что Маркс «может уезжать когда ему угодно, так как аванс раньше осени мне не понадобится» [4]). Но и в дальнейшем он не поднимает вопроса о гонораре, предпочитая пока занять деньги у Суворина [5]), хотя свободной наличности у него не было настолько даже, чтоб по полной цене купить Данте и Лескова [6]). Что касается условий печатания в «Ниве», то о них Чехов узнает только в ноябре месяце [7]), а условия эти далеко не были для него удобны, ибо он на два года лишался права перепечатки помещенного в журнале рассказа.

Последние факты интересны не только для Чехова, но дают материал более широкого масштаба, определяя отношение издателей к писателю, что впоследствии еще ярче было иллюстрировано фактом продажи Чеховым собрания своих сочинений [8]), каковую он сам считал неудачной [9]).

Л. Ильинский.

---

1) Письма, т. IV, стр. 498.
2) Письма, т. V, стр. 44—46.
3) Письма, т. IV, стр. 468.
4) Письма, т. IV, стр. 454.
5) Письма, т. IV, стр. 485.
6) Ibid.
7) Письма, т. IV, стр. 498.
8) См. Новые письма, стр. 88—91.
9) Ibid, стр. 63—64.

1

Ст. Лопасня. 14 іюля [1895 г.]. [1]).

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, по возвращеніи домой получилъ отъ Васъ письмо, и не знаю, куда отвечать Вамъ, въ редакцію [2]) или въ Одессу. Пишу въ редакцію, это будетъ вѣрнѣе.

Большое Вамъ спасибо за приглашение. Я конечно воспользуюсь имъ и какъ только напишу что нибудь подходящее, то пришлю Вамъ, а пока позвольте пожелать Вамъ успѣха и пребыть уважающимъ.

А. Чеховъ.

P. S. Въ последнихъ числахъ іюля я буду (по всей вѣроятности) в Москвѣ, но гдѣ я могу увидѣть Васъ? Оставьте Вашъ адресъ въ редакціи Русской Мысли.

2

28 декабря [1895 г.] Ст. Лопасня М. К.

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, Вы напрасно послали Ваше письмо заказнымъ. На станціяхъ не выдаютъ заказной корреспонденціи, и поэтому оно пошло въ Серпуховъ, откуда прислали мнѣ повѣстку, потомъ я далъ довѣренность сотскому и т. д. и т. д. — и въ результатѣ мой отвѣтъ запаздываетъ на двѣ недѣли.

Въ Петербургѣ я буду въ январѣ и повидаюсь съ Вами. Готоваго у меня нѣтъ ничего, опредѣленнаго срока назначить не могу, такъ какъ работаю я лѣниво, муза моя капризна и непостоянна, но могу съ увѣренностью сказать, что разсказъ я Вамъ дамъ непремѣнно и что мнѣ хочется работать въ Нивѣ.

Журналъ я получалъ и читалъ, сердечно Васъ благодарю.

---

[1]) Датируется как по контексу со следующим письмом так и по месту отправления.

[2]) В редакцию „Нивы", коей Луговой был редактором.

Съ новаго года у насъ открывается почтовое отдѣленіе (Лопасня, Моск. губ.) съ ежедневной выдачей корреспонденціи; стало быть, съ новаго года я начну аккуратно отвѣчать на письма.

Желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

3

[На почтовой открыткѣ].

Я къ Вашимъ услугамъ. Куда прикажете выслать рукопись [1]): на Николаевскую [2]), или въ Редакцію [3])? Написалъ бы письмо подлиннѣе, но некогда. Будьте здоровы.

Дождь.

Вашъ А. Чеховъ.

1896. 2 Августа.

4

[На почтовой открыткѣ].

Многоуважаемый
Алексѣй Алексѣевичъ!

Рукопись [4]) и письма я послалъ Вамъ уже 10-го августа по адресу: редакция «Нивы» (личное).

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

1896. 17 августа.

5

[На почтовой карточкѣ — карандашемъ].

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, сегодня я получилъ корректуру [5]) и сегодня же выѣхалъ изъ Кисловодска.

---

[1]) Чехов имеет в виду рукопись рассказа „Моя жизнь“. О нем он пишет в письме от 27-го апр. 1896 г., когда начал писать рассказ. О ней же идет речь в дальнейшей переписке.

[2]) Николаевская, 4—Петербургский адрес А. А. Лугового.

[3]) «Нива».

[4]) О рукописи рассказа „Моя жизнь“ — см. предыдущее письмо. Рукопись пересылалась частями летом 1896 г.

[5]) Корректуру рассказа „Моя жизнь“. Рассказ напечатан в „Литературных Приложениях к Ниве“ 1896 г., кн. 10—12.

Пишу въ вагонѣ. Одновременно съ симъ посылаю Вамъ телеграмму съ просьбой выслать мнѣ конецъ корректуры, котораго я — увы! — не получилъ. Адресъ: Ѳеодосія, д. Суворина. Пробуду я здѣсь до 10—12 сентября. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

31 авг. [1896 г.].

6

[Вторая половина сентября 1896 г.].

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ! возвращаю Вамъ корректуру. Оставьте у себя двѣ послѣднія формы, которыя подержу еще некоторое время. Пришлю ихъ скоро.

Если названіе «Моя жизнь» нравится Вамъ, то пусть оно и остается.

До 1 октября я пробуду дома. Потомъ уѣду въ Москву, а 5—6 октября поѣду въ Петербургъ. 17-го въ бенефисъ Левкѣевой идетъ моя пьеса [1]).

Погода у насъ все еще продолжаетъ быть чудесной.

Желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

7

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, будьте добры, оставьте въ цензурной помаркѣ это написанное Вами «чтобъ» — тогда не будетъ шереховатости; поставьте въ помаркѣ № 2 «то», или «то вотъ вамъ и» — во второмъ случаѣ исключить «это».

Вотъ и все. Желаю Вамъ всего хорошаго.

А. Чеховъ.

10 октября [1896 г.].

---

[1]) „Чайка“, шедшая 17-го октября 1896 г. („Ежегодн. Имп. Театров. Сезон 1896—97 гг.“, Репертуар, стр. 17, 137).

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ЧЕХОВА

Приготовил к печати Б. Л. Модзалевский.

I

Н. М. ГАРШИНОЙ.

1.

27 Декабря [1891 г. Петербургъ] [1]).

Уважаемая Надежда Михайловна, я пріѣхалъ въ Петербургъ.

О капиталѣ Медынцевой я наводилъ справки въ Москвѣ [2]). Оказывается, что капиталъ этотъ завѣщанъ только на церкви. Разъ это такъ, то письмо А. С. Суворина къ Плевако я нахожу излишнимъ.

Желаю Вамъ всякаго успѣха и пребываю искренно уважающимъ и готовымъ къ услугамъ.

А. Чеховъ.

2.

10 января [1892 г. Москва].

Многоуважаемая Надежда Михайловна, я торопился въ Москву, куда звали меня мои домашнія дѣла, и потому не

---

[1]) Письмо писано в самый день приезда Чехова из Москвы; см. Письма Чехова, т. III, стр. 341.

[2]) По словам Н. М. Гаршиной, Чехов сам подал ей мысль воспользоваться для ее цели (о которой см. ниже) капиталом Медынцевой, наводил о нем справки и обещал достать письмо Суворина к известному адвокату Ф. Н. Плевако с просьбою взяться за хлопоты о предоставлении капитала на дело Н. М. Гаршиной.

успѣлъ побывать у Васъ. Простите ради Создателя. Если въ февралѣ я пріѣду въ Петербургъ, то непремѣнно побываю у Васъ, хотя бы Вы жили за тысячу верстъ отъ Малой Итальянской [1]). Ваша замѣтка [2]) была помѣщена въ Новомъ Времени тотчасъ же. Пришлось сдѣлать маленькія измѣненія, но не важныя. Помѣстилъ Суворинъ замѣтку въ видѣ корресподенціи изъ Москвы.

Когда будете въ Москвѣ, пожалуйте ко мнѣ. 14-го я уѣду въ Нижній [3]), 20 буду въ Москвѣ, 23 уѣду въ Воронежъ [4]), къ 30 буду дома. Весь февраль, если не поѣду въ Петербургъ, проведу въ Москвѣ. Видите, какъ хорошо, что я не пообѣщалъ Вамъ участвовать въ литературномъ вечерѣ! Вечеръ этотъ будетъ 12-го января, а между тѣмъ въ этотъ день я во что бы то ни стало долженъ быть въ Москвѣ [5]).

Желаю Вамъ всего хорошаго. Пусть Ваша счастливая звѣзда сіяетъ все ярче и ярче. Вы вѣдь ужасно счастливы [6]).

Уважающій
А. Чеховъ.

*

Вдова известного писателя Всеволода Михайловича Гаршина — Надежда Михайловна, рожденная Золотилова, женщина-врач, познакомилась с Чеховым, по ее нам сообщению, лишь в декабре 1891 г., после смерти своего мужа, хотя оба писателя, симпатизировавшие друг другу, давно стремились к личному знакомству. Это им, однако, так и не удалось: Чехов

---

[1]) В доме № 18 на Малой Итальянской жил тогда Суворин, у которого Чехов останавливался во время своих приездов в Петербург.

[2]) О задуманной Надеждой Михайловной Гаршиной лечебнице; Чехов содействовал помещению заметки в „Новом Времени" Суворина.

[3]) На голод; см. Письма Чехова, т. IV, стр. 1—3.

[4]) Тоже „на голод"; поездка состоялась 2 февраля, вместе с А. С. Сувориным; см. там же, стр. 8—10.

[5]) 12-е января — Татьянин день, — годовщина основания Московского Университета и ежегодный его праздник.

[6]) Речь идет о задуманной лечебнице, которая тогда, казалось, была близка к осуществлению на деле.

во время своих редких приездов в Петербург, — большею частию на непродолжительный срок, — желал повидаться с Гаршиным, хотел устроить свидание с ним у А. Н. Плещеева, раз даже зашел к Гаршину на квартиру, но к обоюдному сожалению, никого не застал дома... В. П. Бибиков свидетельствует в своих воспоминаниях, что в последний год своей жизни Гаршин «живо следил за крепнувшим и развивавшимся талантом Антона Чехова. Он предсказывал этому писателю блестящую будущность, и каждый новый рассказ Чехова поднимал и возбуждал Гаршина. Через два дня после выхода в свет книги журнала с новой повестью Чехова, В. М. встретил на Невском Ясинского и меня. Первый вопрос, который он задал нам обоим, был о «Степи» [«Сев. Вестн.» 1888 г., № 3]. Оказалось, что Ясинский тогда еще не успел прочитать этой повести; я отвечал Гаршину, что за «Степью» я провел почти всю эту ночь. — Ну, что̀ каково? — спросил быстро В. М. — Хорошо-то хорошо... начал я, но В. М. перебил меня, возразив, что таким тоном стыдно говорить об этой повести. Он считал «Степь» из ряду выходящим литературным явлением» и т. д.[1]) Трагическая смерть писателя (в марте 1888 г.) больно поразила Чехова, который писал Суворину: «Спасибо Виктору Петровичу [Буренину] за фельетон о Гаршине. Говорят, что Гаршин мечтал об историческом романе и, вероятно, начал его. Интересно, что за неделю до смерти он знал, что бросится в пролет лестницы, и готовился к этому концу. Невыносимая жизнь! А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная...»[2]). Когда же, вскоре, в кругу друзей поднялся вопрос об издании Гаршинского Сборника, Чехов счел долгом отозваться на эту идею и принять участие в ее осуществлении: «Что касается Гаршинского Сборника», писал он А. Н. Плещееву 15-го сентября 1888 г.: «то не знаю, что̀ и сказать Вам. Не дать рассказа — не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих, отказаться от участия в Сборнике, значит поступить не по товарищески, сиречь по свински

[1]) Сочинения В. М. Гаршина, изд. А. Ф. Маркса, 1910, стр. 75-76.
[2]) Письма Чехова, т. II, стр. 58.

се это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника...» [1]). Тема, однако, — и вполне подходящая, — вскоре нашлась, и Чехов написал и прислал для сборника «Памяти В. М. Гаршина» (С.-Пб. 1889, 4°) рассказ «Припадок», явившийся одним из украшений этой симпатичной по составу и изящной по изданию книги [2]). В марте 1890 г. Чехов, в одном из писем к И. Л. Леонтьеву-Щеглову, вспомнил о Гаршине и его преждевременной смерти [3]), а через год случай свел его со вдовой писателя, — и вот по какому поводу. Надежда Михайловна возымела мысль об устройстве под Москвою лечебницы — санаторного типа — для хронически-больных детей. Предпринимая ряд шагов для осуществления поставленной себе цели, она в декабре 1891 г. приехала в Москву [4]), где обратилась, между прочим, к Чехову, как к писателю и в то же время — собрату-врачу. Чехов с горячим сочувствием, по словам Надежды Михайловны, отнесся к ее идее и старался помочь ее осуществлению; по этому то поводу и написал он ей два приведенные выше письма — от 27 декабря 1891 и 10 января 1892 г. Мысль свою Н. М. Гаршиной тогда, однако, не удалось привести в исполнение, по совершенно не зависевшим от нее обстоятельствам, главным же образом потому, что Московский городской голова Н. А. Алексеев, обещавший сначала усту-

---

[1]) Там же, стр. 151—152; ср. в цитированных воспоминаниях В. И. Бибикова, l. c., стр. 75.

[2]) Стр. 295—319.

[3]) Письма, т. III, стр. 33.

[4]) В „Новостях Дня“ от 19-го декабря 1891 г. была помещена заметка о том, что накануне, в Александрийском дворце, Н. М. Гаршина представлялась Московскому ген.-губернатору в. к. Сергею Александровичу и лично ходатайствовала о разрешении ей открыть в одной из подмосковных местностей лечебницу для хронически-больных детей по типу существовавших тогда под покровительством б. имп. Марии Федоровны в Гатчине и в. к. Елизаветы Федоровны в Петербурге. Сергей Александрович, по словам хроникёра газеты, „с сердечным сочувствием отнесся к ходатайству г-жи Гаршиной. В. к. тоже обещала г-же Гаршиной свое высокое покровительство для этого доброго дела. В лечебницу г-жи Гаршиной будут принимается дети-рахитики, страдающие английской и подобными болезнями и, благодаря особой системе ухода и лечения, получающие там исцеление“. О предприятии Н. М. Гаршиной были тогда же заметки в „Русских Ведомостях“ и других газетах.

пить помещение для лечебницы в своем подмосковном имении, затем отказался от этого обещания...

Письма Чехова Н. М. Гаршина принесла в дар Пушкинскому Дому; она же любезно сообщила нам и некоторые объяснения к содержанию их; приносим ей за это глубокую благодарность.

II.

I. I. ЯСИНСКОМУ.

[Начало ноября 1892 г. Петербург].

Уважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, не хотите ли сегодня пообѣдать со мной гдѣ нибудь и вечеръ провести вмѣстѣ? Хотѣлось бы поговорить. Если можно, то до 6 часовъ дайте отвѣтъ Мал. Итальянская 18, кв. Суворина.

Вашъ А. Чеховъ.

Я пріѣхалъ на 2—3 дня.

Дата на письме выставлена нами лишь предположительно: в начале ноября 1892 г. Чехов экстренно приезжал на короткое время в Петербург, получив известие о тяжелой болезни Суворина, у которого и остановился, как и в следующий приезд свой, в декабре 1892—январе 1893 г., на М. Итальянской улице (Письма, т. IV, стр. 147, 158—171). Имя известного писателя И. И. Ясинского (псевд. «Максим Белинский»), редактора издававшегося недолгое время коммунистического журнала «Пламя», упоминается неоднократно в письмах Чехова.

Настоящее письмо Чехова передано в Пушкинский Дом самим адресатом, вместе с некоторыми другими бумагами его литературного архива.

III.

КНЯЗЮ А. И. УРУСОВУ.

Воскресенье. [Конец октября—начало ноября 1898 г. Ялта].

Дорогой Александръ Ивановичъ, сегодня вечеромъ мнѣ нельзя выходить, не велятъ доктора. Пожалуйста, ради небесъ, приходите ко мнѣ въ 8—9—10 часовъ, у меня и по-

ужинаемъ. Буду ожидать Васъ съ нетерпѣніемъ. Въ случаѣ, если, не дай Богъ, Васъ задержитъ что либо (напримѣръ, красивая татарка), то скажите мнѣ въ телефонъ.

Мнѣ очень, очень хочется повидаться съ Вами.

Вашъ А. Чеховъ.

Аутская, д. Иловайской [1]).

На конверте: Князю Александру Ивановичу Урусову. «Россія» [2]).

Известный присяжный поверенный, один из лучших русских ораторов и талантливый писатель князь Александр Иванович Урусов (род. 2-го апреля 1843, умер 16-го июля 1900), москвич по рождению и по воспитанию (в 1-й Гимназии и Университете), был большой театрал, остроумный критик и театральный рецензент, сотрудник «Порядка», «Русских Ведомостей», «La Plume», «Petersburger Herold», «Курьера» и др. изданий, член Русского Литературного Общества и «Шекспировского Кружка»... [3]). Чехов был знаком с ним уже в конце 1891 г. «Был у меня вчера кн. Урусов, сидел от 7 до $12\frac{1}{2}$ ночи и рассказывал про французских литераторов. Это упитанный, богатый, умеющий увлекаться Флобером и .... женщинами и повидимому очень довольный человек», — писал Чехов Суворину 3-го декабря 1891 г. «Но и у него есть заноза в мозгу... он думает, что у него спинная сухотка. Это его мучительная и ровно ни на чем не основанная idée fixe, поддерживаемая в нем подагрическими болями и частыми беседами с докторами» [4]); в феврале 1892 г., сообщая об Урусове одной своей знакомой, Чехов определял

---

[1]) К. М. Иловайская была владелицей дачи Омюр в Ялте; Урусов и Чехов называли ее „Екатериной Великой", по сходству ее с Екатериной II.

[2]) Гостиница в Ялте, в которой останавливался Урусов.

[3]) Об Урусове, кроме некрологов („Нов. Вр." 1900 г., № 8760, „Россия", № 441 и др. газеты), см. сборник „Русские Ведомости. 1863—1913", стр. 180—181, статью А. Ф. Кони в „Ниве" 1909 г., № 37, стр. 641—645 и его же книгу „На жизненном пути", т. I, изд. 2, С.-Пб. 1913, стр. 536—559, Воспоминания А. И. Соколовой („Ист. Вестн." 1910 г., № 5, стр. 456—464) и в книге Ю. Айхенвальда: „Отдельные страницы", т. II, М. 1910, стр. 199—201.

[4]) Письма, т. III, стр. 316.

его, как «известного присяжного поверенного, очень интересного человека»[1]), а Суворину сообщал, что Урусов написал о нем критическую заметку в журнале «La Plume»[2]). Дошли до нас письма Чехова к Урусову от 1-го марта 1892 г. (с благодарностью за указанную выше «грациозную» о нем статейку), 21-го ноября 1895 г.,—о «Лешем» и «Чайке» и 16-го апреля 1900 г.—тоже о «Лешем»[3]); наконец, в феврале 1903 г. Чехов писал А. А. Андреевой из Ялты: «Письма покойного А. И. Урусова я разыщу у себя непременно и в великом посту дам их сестре своей Марии Павловне, чтобы она привезла Вам их, или пришлю по почте»[4]); не знаем, сколько всех писем Урусова было у Чехова, но два восторженных письма — от 5-го и 27-го января 1899 г. — по поводу «Чайки» и «Дяди Вани» опубликованы во 2-м, «Чеховском», сборнике «Слово», под редакцией М. П. Чеховой (М., стр. 286—289); в первом из них Урусов благодарил Чехова «за милое письмецо», — но оно в печати не известно и его нет в остатках архива Урусова, переданных в Пушкинский Дом в 1918 г. княгинею М. Ф. Урусовою[5]); в них нашлась лишь одна, печатаемая выше записка Чехова, относящаяся к осеннему пребыванию Урусова в Ялте; о нем Чехов писал брату Михаилу 26-го октября 1898 г.: «Здесь адвокат кн. Урусов. Интересно рассказывает. Хочет тоже покупать участок»[6]). Намерение это, кажется, не осуществилось, и князь Урусов кончил дни, после тяжкой и мучительной болезни, которая недаром издавна его беспокоила, в своем барском Московском доме — на Арбате, в Никольском переулке.

---

1) Там же, т. IV, стр. 14.

2) Там же, стр. 17.

3) Там же, стр. 17—18, 423—424, и т. VI, стр. 79—80.

4) Там же, т. VI, стр. 280.

5) В собрании писем Чехова опубликовано письмо Чехова к Урусову от 1-го февраля 1899 г. (т. V, стр. 323—324), ответ на указанное письмо Урусова от 27-го января.

6) Письма, т. V, стр. 246.

IV.

П. В. БЕЗОБРАЗОВУ.

1.

9 дек. 1900. [Москва].

Многоуважаемый
Павелъ Владимiровичъ!

Каждый день собирался къ Вамъ и — не попалъ. Завтра уѣзжаю заграницу, и такимъ образомъ, волей-неволей, визитъ мой къ Вамъ приходится отложить.

Книжку получилъ. Большое спасибо. Суворину напишу изъ заграницы, изъ Вѣны.

Желаю Вамъ всего хорошаго. До свиданья до весны, или до Вашего прiѣзда въ Ниццу.

Искренно преданный

А. Чеховъ.

2.

22 сент. 1902. [Ялта].

Многоуважаемый Павелъ Владимiровичъ, я послалъ Вамъ письмо и потомъ уже встрѣтился съ Вами. Затѣмъ получилъ другое, на которое отвѣчаю теперь. Я не буду ничего писать, не буду работать еще мѣсяцевъ восемь, или девять — какъ обѣщалъ своимъ докторамъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго и жму руку.

Искренно преданный

А. Чеховъ.

Павел Владимирович Безобразов — известный византинист, магистр всеобщей истории (род. в 1859, ум. в 1919 г.), сын академика-экономиста В. П. Безобразова; он очень интересовался, между прочим, вопросами о положении женщины, выступал с лекциями и написал несколько книг на эти темы; из них книжка «О современном положении женщины» выдержала 4 издания (1892, 1893 и 1901); брошюра «О назначении женщины» издана была в 1893 г., а книжка «Об улучшении участи женщины» вышла в Москве в 1902 г.

V.

ГРАФУ Л. Л. ТОЛСТОМУ.

29 августа 1903. [Ялта].

Многоуважаемый Левъ Львовичъ, съ первыхъ чиселъ іюля я нахожусь въ Ялтѣ и буду здѣсь, вѣроятно, до ноября. Редакторомъ Русской Мысли въ настоящее время состоитъ В. А. Гольцевъ, къ которому и благоволите обратиться съ рукописью; я же, если начну читать рукописи, то по всей вѣроятности не раньше ноября — декабря, когда буду въ Москвѣ.

Желаю Вамъ всего хорошаго, а Вашей женѣ здоровья.

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

На конверт адрес: Козловка-Засѣка Моск.-Курск. ж. д. Льву Львовичу Толстому. Почтовые штемпеля: Ялта Таврич. г. 30. VIII. 1903 и 31. VIII. 1903.

Письмо обращено к сыну великого писателя, Льву Львовичу Толстому, довольно много выступавшему в разных родах литературы: в беллетристике, драматургии, публицистике; ныне он находится за границей. Упоминаемая Чеховым жена Л. Л. Толстого — Дора Федоровна, дочь известного шведского врача Вестерлунда.

Б. Модзалевский.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ.

А. И. СУВОРИНОЙ.

Помню, как восторженно и радостно сообщил мне Д. В. Григорович, что познакомился с молодым писателем Чеховым: «Талант, душечка моя, и настоящий талант, очень еще молодой, а уж чувствуешь, что настоящий литератор!». Муж тоже очень радовался появлению нового крупного таланта на поприще литературы. Однажды он пришел ко мне с радостной вестью, что Чехов будет у меня, прибавив при этом: «Ты сама увидишь, какой милый, интересный человек; жаль только, что живет не здесь, а в Москве»... Я конечно заинтересовалась этою восходящею звездою, горела желанием скорей с ним познакомиться и просила мужа, чтобы он привел Московского гостя ко мне, в мою гостиную: почему-то мне не хотелось знакомиться с ним в громадном, заваленном книгами кабинете мужа, всегда наполненном людьми, часто посторонними; у меня же был хорошенький, уютный и веселый уголок. Помню очень хорошо, что я положила на свой стол мои два любимых романа: «M-me Bovary» и «Анну Каренину», — для чего, сама не знаю. Но почему-то два-три дня прошли, а нового писателя все нет; я решила, что, очевидно, он уехал к себе в Москву и успокоилась, думая познакомиться с ним в другой его приезд. У нас в квартире, вопреки обычаю, зал был предоставлен детям в их полное распоряжение до вечера, и только с вечера его снова превращали в зал; до вечера таким образом это был скорее детский сад; кроме того, в одном из его углов стояла большая клетка с всегда зеленою сосною, где жили и умножались до 50 канареек и чижей, зал был на

солнце; птицы там заливались, дети, конечно, шумели, да еще надо добавить, что и собаки тоже принимали участие. Одним словом шум и гам стояли в зале. И вот, когда я уже совершенно не ждала и не приготовилась для встречи с новою восходящею звездою, явился А. П. Чехов. Несмотря на то, что я сказала, чтобы его провели в мою гостиную, он пришел сюда к нам прямо на «ярмарку»...

Я ужасно сконфузилась этою неподходящею обстановкою, да и он тоже как бы ошеломлен был неожиданностью картины. Улыбаясь, познакомился со мною, со всеми детьми, — и мы сели с ним около клетки на диванчик. Он спросил у детей название всех собак и сказал, что сам очень любит собак, при чем насмешил нас, сказав, что, по его мнению, комнатная собака думает про себя, что она вовсе не собака и собакой себя вовсе не считает, а остальных презирает и считает за собак. Это всех нас насмешило, и вскоре вся натянутость первой минуты прошла. Мы разговаривали довольно долго, Чехов передал мне поклон от моей семьи, жившей тогда в Москве.

Когда он уходил, я чувствовала себя с ним совсем просто и очень просила его остаться у нас пообѣдать. Он в этот день не мог остаться, но обещал непременно придти, как-то наивно прибавив: «Слушайте, у вас небось много будет народу»... Я обещала ему, что кроме его поклонника Д. В. Григоровича никого не будет. Мы расстались с ним уже совсем дружески, как будто это было не первое знакомство; я, по крайней мере, так чувствовала.

Как Григорович и муж мой, я тоже поддалась обаянию Чехова. Первое мое чувство или, вернее, впечатление было, что он должен походить на одного из любимых моих героев — на Базарова... Так почему-то мне представилось. Чехов был высокого роста, тонкий, очень стройный, с темнорусыми волнистыми волосами, серыми, немного с поволокою, чуть чуть смеющимися глазами и с привлекательной улыбкою. Он говорил приятным, мягким голосом и чуть чуть улыбаясь, когда обращался к тому, с кем вел беседу.

Я не могу нарисовать его портрет; у меня сохранилась моя любимая его карточка, на которой он снят у нас в Феодосии.

Мы с Чеховым быстро подружились, никогда не ссорились, спорили же часто и чуть не до слез, — я, по крайней

мере. Муж мой прямо обожал его, точно Антон Павлович заколдовал его. Исполнить какое-нибудь желание его, не говоря о просьбе, для него было прямо одно удовольствие. И со стороны Антона Павловича я видела тогда только любовь и уважение к мужу, и казалось, что они были такими друзьями, — на сколько может быть дружба между совсем еще молодым и пожилым уже человеком. Вообще Антон Павлович пришелся нам, как говорится, «ко двору», — его полюбила вся наша многочисленная семья и все наши домочадцы от старого до малого. Когда он приезжал к нам—для нас был праздник. Для него была у нас его собственная комната, так и называвшаяся «Чеховской комнатой», — с отдельным ходом прямо из передней, очень удобная для приема им своих приятелей и почитательниц. В комнате стоял огромный письменный стол, на котором перед приездом гостя укладывались огромные кипы всевозможной бумаги [1]), конвертов, перьев, карандашей — это его всегда смешило и забавляло. Он говорил, что это министерский стол, и ему остается только писать на нем приказы... «А хорошо, — добавлял он, обращаясь к моей дочери, — быть министром: сейчас, Настя, ваш папа написал бы в газете, что такой то министр проследовал из Москвы в Петербург». Я на это шутя возражала, что завидую больше градоначальнику: в какой бы зал или театр он ни приехал, — везде у него крайнее кресло в первом ряду...

Вообще Антон Павлович очень любил шутить и даже в самых серьезных разговорах часто переводил речь на шутку, чем всегда смягчал более или менее сухие и серьезные разговоры...

Наш Петербург очень нравился Чехову; он часто ходил в театры, к приятелям и к приятельницам, за которых ему от меня и доставалось: я его дразнила и стыдила, что за ним ухаживают женщины, как за итальянскими тенорами, а он меня стыдил в свою очередь, говоря, что не мне это говорить, что у меня в моей комнате все столы заставлены итальянцами... «Но я дама—возражала я—и мне это подобает; а вы,

---

[1]) Об этой «Суворинской» бумаге Чехов упоминает в письме своем к Д. В. Григоровичу от 14 декабря 1888 — см. Ежегодн. Имп. Театров 1910 г., кн. II, стр. 1. (Ред.)

литератор — учитель; ваше дело страдать за правду, учить и подымать нас, обывателей, до себя»...

После одного из отъездов Чехова въ Москву я, вытирая пыль с моих любимцев-итальянцев, нашла между ними совершенно неожиданно карточку Антона Павловича с итальянскою припискою: «All'incomparabile signora A. S. ricordo affectuoso di suo amico Antonio Chekhoffini». Я так и не могла узнать, когда он успел это сделать...

Карточка эта у меня и до сих пор хранится и напоминает мне дорогого Антона Павловича и его милые затеи.

Когда мы переехали в свой дом в Эртелев переулок, у Антона Павловича была в нем, так сказать, собственная квартирка в две комнаты, — над нашею; она так и называлась «Чеховской квартирой». Здесь у него бывало много его знакомых; там я познакомилась с его приятелем и горячим поклонником И. Л. Щегловым: он также его обожал и высоко ценил его мнение.

Антон Павлович гостил у нас по летам и в Феодосии, когда мы еще не имели там своей дачи. Он очень любил море, и мы, бывало, по целым дням лежали на раскаленном солнцем песке или лунными вечерами смотрели на бесконечную морскую даль... Муж и Антон Павлович, будучи вместе, всегда говорили или рассказывали друг другу, никогда не молчали и не скучали вместе. Там же мы познакомили Чехова с нашим знаменитым маринистом И. К. Айвазовским. В Феодосии к нему относились с благоговением — «бог на небе, а Айвазовский в Феодосии»... Айвазовский тогда еще не переехал из своего имения, лежавшего в нескольких верстах от города, — знаменитого «Шеих-Мамай» около самого Мамаевского кургана; это было живописнейшее местечко: старые каштаны, кипарисы, мимозы окружали его дом. Айвазовский пригласил нас с Чеховым приехать к нему, пока цветут розы, так как потом они переезжают-де в город. Мы с Чеховым собрались и поехали уже вечером, а приехали часам к 9-ти; был чудный лунный вечер; Ивана Константиновича не было дома, и нас провели прямо садом к террасе, где за большим белым столом была одна хозяйка — красавица, вторая жена Айвазовского, родом армянка. Она была в белом пеньюаре с распущенными длинными черными, не совсем просохнувшими после купанья волосами; залитая лунным светом, она разбирала и отбирала в кор-

зины только что срезанные и рассыпанные на столе розы — для варенья.

Дивная ночь, красавица, усыпанная розами, — вся эта картина прямо ошеломила Антона Павловича. Айвазовская, не ожидавшая нас уже так поздно, страшно сконфузилась, бросила розы и хотела бежать переодеваться... Ни мои просьбы, ни мольбы Антона Павловича не могли удержать ее и она скрылась... Антон Павлович уверял меня, что это волшебная сказка, что она заколдованная Персидская царевна и заколдована она злым волшебником Черномором... Через несколько минут наша царевна возвратилась в чем то более прозаичном и уже с завернутыми вокруг головы косами, и хотя она и в таком виде была прелестна, но волшебная сказка уже исчезла. На обратном пути Антон Павлович все время говорил о ней, все твердил, что Айвазовский заколдовал ее и спрашивал: «Что же женщинам надо? Любовь, красота, молодость или слава?». Зная роман Айвазовских от самой Айвазовской, я могла ему ответить, что здесь было слепое обожание, поклонение «морскому царю» и его славе.

У меня сохранилось несколько групп из Феодосии, снятых на нашей даче с Антоном Павловичем.

Ездили мы вместе с Чеховым и за границу, но подробности пребывания его с нами за границей как-то испарились у меня из памяти. Не помню, в каком именно году собрались мы как-то во время пребывания за границей посетить Д. В. Григоровича в его маленьком домике в Ветлингау, около Вены; к нам должен был присоединиться и Чехов. Но перед самым нашим выездом мы получили от Антона Павловича телеграмму, что он не может съехаться с нами на определенном месте, но следом за нами приедет прямо в Вену. Приехали мы в Вену. Там на вокзале встречал нас, точно радушный хозяин Вены, Д. В. Григорович. Он уж нанял нам помещение, экипаж. На свой вопрос: «Где же Чехов?» — он очень огорчился, узнав, что тот еще не приехал. Этот неприезд Чехова мрачно отозвался на настроение духа Григоровича и моего мужа, так что даже нарядная, веселая Вена их не развеселила.

На другой день муж и Григорович ездили на вокзал встречать северные поезда. Но, увы! Они возвращались мрачные, усталые от ожиданья, а Антона Павловича не было. Побывали мы и в Ветлингау, у жены Дмитрия Васильевича,

катались на Prater'е, осмотрели всю Вену, а Чехова все нет и нет. Телеграмм было послано множество. Муж и Дмитрий Васильевич возмущались и снова ехали встречать Антона Павловича. Но все тщетно! Наконец, прожив в Вене, в ожидании его, больше 10 дней, мы решили уехать в Insprück и там ждать, а здесь поручить Дмитрию Васильевичу встретить его и известить нас о его прибытии. Но он так-таки и не приехал, написав письмо с объяснениями, что какие то обстоятельства переменили его намерения. Не дождавшись его, мы поехали своей дорогой; встретились мы с ним только уж на обратном пути, в Париже. Конечно, все горечи были забыты; мне он по секрету сказал, что, едучи уже к нам на Запад, встретил «кого-то», и что этот «кто-то» переменил его маршрут, и вместо Запада он очутился, наоборот, на Востоке... Когда же я ему рассказала, как терзались муж и Григорович, он прибавил, что я должна все-таки его простить, так как имею на своей почтовой бумаге чудесный девиз, который ему очень понравился «Compendre— pardonner!». На этот же девиз он ссылается в одном из своих писем ко мне.

Я сказала уже, что Чехова все любили. Он как бы приколдовывал к себе людей. Д. В. Григорович особенно его любил. Так как Григорович относился хорошо также и к нашей семье, больше всех любя мою, тогда совсем молоденькую дочь, он все хотел ее сосватать за Антона Павловича. «Душечка моя! Лучшей партии для Насти и не найти». Но его мечту не разделяли ни та, ни другая сторона. Антон Павлович был тогда далек от мысли о женитьбе, а дочь моя еще была тогда слишком юна и увлекалась чем угодно, но только не славой писателей. Для Антона Павловича эта мечта Григоровича была предметом постоянных шуток. Дразня и шутя, он часто говорил моей дочери, что, пожалуй, он бы и исполнил желание Дмитрия Васильевича, но с условием: «Чтобы ваш папа, Настя, дал мне за вами в приданое свою контору в мою собственность». Разумеется, хохоту было немало! Он в шутку иногда звал Настю «Конторой» (в письмах его к мужу нередко можно встретить такого рода приписку: «Привет милой Конторе»). Потом он уже говорил моей дочке, что уступает Контору: «Очевидно, что ваш отец

не отдаст мне ее! Так пусть хоть даст за вами свой ежемесячный журнал, но обязательно с его редактором, в мою собственность!».

Однажды у нас с ним зашла речь о письмах. Я сказала, что очень люблю получать письма, но не люблю сама писать и вообще не умею писать. Он говорил, что это просто моя лень. Не отрицая совсем этого недостатка, я оправдывалась тем, что где же простой смертной угоняться в переписках с «литераторами»: «ведь вы все без исключения, писатели, пишете свои письма, даже и любовные, не тому только, к кому они адресованы, а так сказать для потомства, т. е. для «Русской Старины» или для «Русского Архива». И я указала на эти два журнала, лежащих у него на письменном столе. «Ну признайтесь мне, что это верно?». Он смеялся, отрицал, конечно. Вскоре я получила от него письмо, где на конверте под моим адресом было написано: «Не для Русской Старины».

Каким милым, веселым, исключительно остроумным собеседником знала я Антона Павловича! Кажется, вскоре он сделался «помещиком», купил свое Мелихово и оттуда я получала его милые юмористические письма [1]).

К нему многие общие наши знакомые ездили туда гостить и всегда рассказывали про необыкновенное радушие и гостеприимство хозяев.

Веселые пьесы Антона Павловича не сходили со сцены и пользовались большим успехом и на частных сценах, в провинции, и на домашних спектаклях. Но первою серьезною пьесой его была «Иванов». «Иванова» ставили в первый раз на Александринской сцене в 1889 году. Пока Чехов не приезжал из Москвы, муж бывал на репетициях «Иванова» и принимал большое участие в них. Играли лучшие силы труппы. Муж был уверен в успехе — и, действительно, все прошло великолепно. Я помню, Антон Павлович сидел в нашей ложе, самой крайней от сцены, конечно очень волновался и потому на вызовы выходил бледный. Стрепетова и Савина были превосходны, сам Иванов играл неподражаемо. Автор был, повидимому, доволен.

[1]) Не придавая им тогда особой цены, я не сберегала эти письма, о чем теперь очень сожалею.

Если я не ошибаюсь, вторая пьеса Чехова, которая была поставлена на Александринской сцене, была «Чайка».

Ставилась эта печальная из печальных пьес в бенефис самой веселой комической артистки, — Левкеевой, общей любимицы Александринского театра. Билеты все были раскуплены мигом, и у кассы висел столь всегда желанный и для авторов и для артистов аншлаг: «билеты все проданы».

На репетициях Антон Павлович и муж мой страшно волновались. Автор считал, что актеры не находят настоящего тона. Уезжали на репетиции к 11 ч. утра и возвращались только к обеду, утомленные и нервные. Наконец, не помню, после какой репетиции,—последней или предпоследней, — они пришли ко мне оба возбужденные, и муж еще из соседней комнаты радостно сообщил мне, что репетиция прошла живо. Все играли с темпераментом, а Коммиссаржевская неподражаемо.

Чехов, очевидно, разделял мнение моего мужа. Здороваясь со мною, он несколько сконфужено и шутливо сказал: «Вы будете сердиться на меня! Коммисаржевская своей мимикой и голосом чуть не довела меня до слез. Я почувствовал — что-то сжимает мне горло». Надо сказать, что я всегда дразнила знакомых авторов: «Как им не стыдно, говорила я, плакать и вообще реагировать на свои произведения». Антону Павловичу, я часто говорила шутя, что он не должен смеяться, а тем более рыдать над своими собственными произведениями: «Сами же вы выдумали и сами рыдаете,— ведь от вас же самих зависит сделать из грустного окончания — благополучный исход». Чехов всегда хохотал, когда я изображала перед ним выражение лица таких слезливых авторов, и обещал мне сделать лицо, для всех непроницаемое, — «каменое!». Вот почему он мне шутя и покаялся, что Коммисаржевская чуть-чуть не вывела его из «каменого» состояния. Я была рада за Антона Павловича, но, однако, не преминула добавить, что очевидно все авторы таковы: «вероятно, Шекспир тоже сам заливался над своим Лиром...» Обед прошел очень живо и возбужденно.

Так как после спектакля — предполагалось — автор будет наверное разорван на части и приятелями и артистами и ему будет не до меня, а мне страшно хотелось его поздравить раньше других, то мы уговорились с ним, что как только кончится представление, мы заедем тут же, очень

близко, в магазин Романова выпить по бокалу вина, и тогда он будет уже предоставлен себе и своим друзьям. Решили, и подписали. Но, увы!...

Мне до сих пор больно вспоминать этот вечер. Я забыла, что делал Антон Павлович днем, вечером же мы поехали в театр. Театр был набит веселой, нарядной, по-бенефисному одетой публикой с верху до низу. Поднялся занавес, в зрительном зале сделали мрак, и только тогда к нам в ложу вошел Антон Павлович. Он сел сзади меня. Я, хорошо зная состояние его духа, даже не пошевельнулась...

Начало прошло хорошо, спокойно. Аплодисментами, как всегда, встретили Коммисаржевскую. Но вот начала она читать проникновенным своим голосом в глубине сцены свой знаменитый монолог: «Люди, орлы, львы, рогатые олени»... и т. д. Внизу, как раз под нашей ложей, раздался какой-то дурацкий смех... Антон Павлович, как я заметила, страшно побледнел. Смех раздался и в другом месте и стал усиливаться. Поднялся шум. Коммисаржевская все продолжала, но с каждым мгновением — все труднее было слушать ее; в театре начался какой-то хаос: одни смеялись, другие шикали, чтобы остановить этот шум, и получился форменный кавардак. Несчастный автор до окончания ушел из ложи, в антракте кто вызывал автора, кто шикал, актеры выходили с изумленными лицами, ничего не понимая, в чем дело, да и публика шумела, тоже, кажется, ничего не понимая. Один сплошной ужас!

Второй акт прошел, сколько я помню, лучше, т. е. спокойнее. Антон Павлович сидел напротив нашей ложи, и я часто наводила свой бинокль на него, и часто мой бинокль встречал его взгляд, направленный в нашу сторону. В третьем акте опять началась какая-то кутерьма. Чехов сидел опять в нашей ложе, но, не дождавшись окончания акта, вышел из нее, и я увидала его только после полутора, кажется, месяцев! Я не буду описывать окончания спектакля. Его уже, вероятно, много раз описывали другие... Я только хочу сказать, что в жизни моей я никогда не присутствовала при таком ужасе. Подумать только, что должен был испытать сам автор! Муж мой волновался, выходил из себя, бегал на сцену, злился на всех, актеры тоже совершенно растерялись и едва находили себя...

Когда занавес опустился, Антона Павловича уже не было

в театре. Мы его немного подождали и уехали домой. Дома его тоже не было. Скоро к нам начали звонит по телефону, спрашивая, — где Чехов? Муж телефонировал всюду, где только мог быть Чехов. Никто и нигде не находил его. Было уже поздно. Я пошла спать, а муж остался все таки ждать его.— Утром мне сказали, что Антон Павлович пришел совсем поздно и с первым утренним ранним поездом уехал в Москву.— Муж мне рассказал, что он к нему все-таки пошел и что когда захотел зажечь электричество, Антон Павловичь закричал: «Умоляю не зажигать! Я никого не хочу видеть и одно вам только скажу: пусть меня назовут».... (он сказал при этом очень суровое слово), — «если я когда нибудь напишу еще что-нибудь для сцены». Тщетно муж мой старался его убедить, что было их ошибкою и очень крупною ошибкой,— дать такую серьезную и совершенно оригинальную пьесу в бенефис комической актрисы, для которой публика специально и пришла, чтобы вдоволь нахохотаться, и что второй и остальные спектакли наверное пройдут прекрасно: Чехов ничего не хотел слушать, решил чуть свет уехать и просил мужа передать мне свои извинения, что уезжает, не простившись со мною.

Я уже из Мелихова получила его, как всегда милое, сердечное письмо, где он опять просил меня вспомнить мой девиз. Это письмо до сих пор у меня [1]). Больше о «Чайке» я с ним никогда не говорила. Муж мой был прав: второе и третье представления прошли хорошо, и муж мог вполне искренно написать ему, что второе представление прошло при полном зале и при единодушных вызовах автора.

Последующие пьесы Чехова, как известно, были уже все успешны.

Моей любимой пьесой был «Дядя Ваня». Сколько раз Художественный Театр ни приезжал в Петербург, сколько раз ни ставили эту пьесу, я всегда была на ней. Лучше играть, правдивее, талантливее, чем Московский Художественный театр, невозможно.

Странно, не знаю почему, д-р Астров в исполнении Станиславского всегда очень напоминал мне самого Антона Павловича, и я с особенным волнением смотрела и слушала его в этой роли.

---

[1]) См. его ниже.

Потом я долго не видала Антона Павловича. Он начал хворать, жил довольно долго в Ницце, оттуда писал еще мне, но письма его были уже не те: хотя и перемешивались, как и раньше, шутками, но, очевидно, болезнь угнетала его. Как-то приехал из Ниццы в Петербург один доктор, привез мне привет от Антона Павловича и записочку, где он говорил, что с удовольствием бы приехал сам в Петербург, но, к сожалению, не может, что он очень соскучился по русскому балыку и просил меня прислать его ему. Я боялась расспрашивать подробно о состоянии здоровья Антона Павловича: тогда уже ходил слух, что он серьезно болен...

Проездом из-за-границы он был у нас, но лишь только я взглянула на него, — я увидела, что это уже был не тот, всегда приветливый Антон Павлович... Кроме того, что он похудел и побледнел, явилось какое-то сосредоточенное выражение лица и совсем уже не тот веселый, немножко насмешливый взгляд... После первых приветствий он как то внимательно посмотрел на форточки и просил меня закрыть их, несмотря на теплое время.

Потом, отдохнувши, он опять-было напомнил мне прежнего, всегда живого Чехова. Мы с ним долго разговаривали и даже спорили; но разница была та, что теперь уже не он шагал из угла в угол, как раньше бывало, а я; он же все время сидел смирно на кресле.

Больше, сколько я помню, я уже с Чеховым не видалась. К тому времени он купил имение в Крыму и большею частью жил там.

Я пишу это все — и так живо, так ясно вспоминаю и представляю себе Антона Павловича. Он как будто живой стоит передо мной, всегда милый, деликатный, ко всем такой чуткий и, главное, исключительно интересный... Не мн: воскрешать память его; да я и не пытаюсь сделать это, я просто набрасываю бледный облик Антона Павловичае и то лишь облик того времени, когда я его близко знала и таким, каким он лично мне представлялся.

А. Суворина.

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА К А. И. СУВОРИНОЙ[1]).

1.

19 октября [1896 г. Мелихово].

Милая Анна Ивановна, я уѣхалъ не простившись. Вы сердитесь? Дѣло въ томъ, что послѣ спектакля[2]) мои друзья были очень взволнованы; кто-то во второмъ часу ночи искалъ меня въ квартирѣ Потапенки; искали на Николаевскомъ вокзалѣ, а на другой день стали ходить ко мнѣ съ девяти часовъ утра, и я каждую минуту ждалъ, что пріидетъ Давыдовъ съ совѣтами и съ выраженіемъ сочувствія. Это трогательно, но нестерпимо. Къ тому же у меня заранѣе было предрѣшено, что я уѣду на другой день независимо отъ успѣха или неуспѣха. Шумъ славы ошеломляетъ меня, я и послѣ «Иванова» уѣхалъ на другой день. Однимъ словомъ, у меня было непреодолимое стремленіе къ бѣгству, а спуститься внизъ, чтобы проститься съ Вами было бы нельзя безъ того, чтобы не поддаться обаянію Вашего радушія и не остаться.

Крѣпко цѣлую Вамъ руку, въ надеждѣ на прощеніе. Вспомните Вашъ девизъ!

Всѣмъ низко кланяюсь. Пріѣду въ ноябрѣ.

Весь Вашъ А. Чеховъ.

19 октября.

2.

9 сентября [1897 г. Біаррицъ].

Лупитъ дождь. Холодно. Остановился въ Victoria, во второмъ этажѣ. Номеръ не дурной (14 фр. съ пансіономъ), постель широкая, бѣлая, но сосѣдъ тотъ же, что былъ въ

[1]) Из большой переписки Чехова с А. И. Сувориной (рожд. Орфановой) сохранились лишь печатаемые ниже три письма: остальные погибли во время революции вместе со всем архивом А. И. Сувориной.

[2]) Первого представления „Чайки".

Hôtel Vendome: день и ночь шумъ и плескъ, точно купается купчиха. Не смотря на дурную погоду, на plag'ѣ кипитъ жизнь. Ѣзда, крики, смѣхъ, трубные звуки. Въ общемъ пріятно.

Низко кланяюсь и шлю тысячу пожеланій. Привѣтъ Ал. Серг., Борѣ и Конторѣ. Жду обѣщанного письма, на которое отвѣчу подробно и обстоятельно.

Вашъ Antonie.

9 сентября.

На обороте: Russie. Petersbourg. Петербургъ, Эртелевъ 6. Аннѣ Ивановнѣ Сувориной. Почтовые штемпеля: Biarritz, 21 Sept. 97 и Петербургъ 13. IX. 27. Писано на бланке открытого письма с видом и адресом Hôtel Victoria.

3.

10 ноября [1897 г.]. Pension Russe, Nice.

Милая Анна Ивановна, большое Вамъ спасибо за письмо. Прочиталъ его и тотчасъ же сажусь писать отвѣтъ. Вы спрашиваете насчетъ здоровья. Самочувствіе у меня прекрасное, наружно (какъ мнѣ кажется) я здоровъ совершенно, но вотъ бѣда моя — кровохарканье. Кровь идетъ помалу, но подолгу и послѣднее кровотеченіе, которое продолжается и сегодня, началось недѣли три назадъ. Благодаря ему, я долженъ подвергать себя разнымъ лишеніямъ; я не выхожу изъ дому послѣ 3 час. пополудни, не пью ровно ничего, не ѣмъ горячаго, не хожу быстро, нигдѣ, кромѣ улицы, не бываю, однимъ словомъ не живу, а прозябаю. И это меня раздражаетъ, я не въ духѣ и мнѣ все время кажется, что русскіе за обѣдомъ говорятъ глупости и пошлости, и я дѣлаю надъ собою усиліе, чтобы не говорить имъ дерзостей.

Только ради Создателя никому не говорите про кровохарканье, это между нами. Домой я пишу, что я совершенно здоровъ, и иначе писать нѣтъ смысла, такъ какъ я чувствую себя прекрасно — и если дома узнаютъ, что у меня все еще идетъ кровь, то возопіютъ.

Теперь насчетъ интрижки, о которой Вы спрашиваете. Въ Біаррицѣ я завелъ себѣ для французскаго языка Margot дѣвицу 19 лѣтъ; когда мы прощались, она говорила, что непремѣнно пріѣдетъ въ Ниццу. И вѣроятно она здѣсь, въ Ниццѣ, но я никакъ не могу ее найти и ... и не говорю по французски.

Погода здѣсь райская. Жарко, тихо, ласково. Начались музыкальные конкурсы. По улицамъ ходятъ оркестры, шумъ, танцы, смѣхъ. Гляжу на все это и думаю: какъ глупо я дѣлалъ раньше, что не живалъ по-долгу заграницей. Теперь мнѣ кажется, что если буду живъ, я уже не стану зимовать въ Москвѣ, ни за какіе пряники. Какъ октябрь, такъ и вонъ изъ Россіи. Природа здѣшняя меня не трогаетъ, она мнѣ чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру... А культура претъ здѣсь изъ каждаго магазиннаго окошка, изъ каждаго лукошка; отъ каждой собаки пахнетъ цивилизаціей.

Что Настя? Что Боря? Привѣтъ имъ сердечный и нижайшій поклонъ. Не будьте горды и величественны, пишите мнѣ почаще. Я нуждаюсь въ письмахъ. Цѣлую Вамъ руку 100×100 разъ и желаю счастья, и еще разъ благодарю.

Вашъ душой и сердцемъ
А. Чеховъ.

Конст. Сем-у[1]) поклонитесь.

---

[1]) Тычинкину, сотруднику „Нового Времени“.

А. П. ЧЕХОВ.

Отрывочные воспоминания.

А. Ф. КОНИ.

В текущем году исполняется двадцать лет с тех пор, как мы лишились Антона Павловича Чехова, в самый разгар злополучной Японской войны, которая так тревожила его на закате дней. С тех пор грозные испытания постигли нашу родину, заслонив и затуманив собою многое из прошлого. Но память о Чехове пережила это. Его вдумчивое, глубокое по содержанию и сильное по форме творчество в своем былом проявлении переживет многое, что появилось с тех пор с горделивой претензией на художественность, в сущности сводящуюся к беззастенчивому натурализму. И в моем воспоминании образ его стоит, как живой — с грустным, задумчивым, точно устремленным внутрь себя взглядом, с внимательным и мягким отношением к собеседнику и с внешне спокойным словом, за которым чувствуется биение горячего и отзывчивого на людские скорби сердца. Чувство благодарности за большое духовное наслаждение, доставленное мне его произведениями, сливается у меня с мыслью о той не только художественной, но и общественной его заслуге, которая связана с его книгой о Сахалине.

Долгое время недра Сибири, принимавшие в себя ежегодно тысячи осужденных, которых народ сердобольно называл «несчастными», были для русского общества и в значительной мере даже для правящих кругов чем-то мало известным, неинтересным или загадочным по своей отдаленности. Представление о Сибири, как месте ссылки и при-

нудительных работ «в темных пропастях земли», слагалось у большинства зачастую также смутно и тревожно, как и народное представление о «погибельном Кавказе». Губернские тюремные комитеты, учрежденные в 1829 году, ведали — и притом в очень ограниченных размерах—лишь местное тюремное дело и вовсе не влияли ни на положение ссыльных во время бесконечно-длинного и тяжкого пути «по Владимирке», ни на условия их содержания в отдаленных острогах Сибири. Чтобы оживить их деятельность и придать ей заботливый, а не чисто-формальный характер, нужны были человеколюбивые бойцы и труженики в роде «утрированного филантропа» доктора Гааза, посвятившего свою жизнь попечению о ссыльных. Жизнь его представляет поучительный пример того, сколько упорства, трогательного самозабвения, душевной теплоты и неустанной энергии требовалось, чтобы часто не опустить рук в сознании своего бессилия перед оффициальным «тупосердием» и бездушными утверждениями, что все обстоит благополучно. Но такие, как Гааз, были на перечет. Только в начале шестидесятых годов Достоевский своими «Записками из Мертвого дома» привлек внимание к положению каторжников и в ярких, незабываемых образах ознакомил с отдаленным сибирским острогом и его населением. Затем, в 1891 году появилась за границей книга Кеннана с описанием сибирских тюрем и господствовавших там порядков, верная в подробностях, но ошибочно приписывавшая многие безобразные явления обдуманной системе, тогда как они были самостоятельными проявлениями личного произвола и насилия. Особенное внимание, возбужденное этою книгой за границей и вызванные ею негодующие отзывы о русских порядках недостаточно отразились на нашем общественном мнении, так как ни книга, ни ее автор не были допущены в Россию, а перевод ее появился лишь через шестнадцать лет. Значительно сильнее подействовали вести о самоубийстве сосланой в каторгу по политическому процессу Сигиды, подвергшейся, за нарушение тюремной дисциплины, по распоряжению властей, телесному наказанию, при чем примеру ее последовало несколько человек из единомышленных с нею товарищей по заточению. Затем, в 1896 году, вышли полные «трезвой правды» очерки Мельшина (Якубовича) «Мир отверженных», рисующие тяжкие картины Карийской и Акатуевской ка-

торги. Таким образом выяснялась постепенно картина Сибири, как места наказания, и явились твердые, почерпнутые не из буквы закона, а из самой жизни данные, дающие полную возможность судить, как осуществляется на месте это наказание.

Иначе обстояло дело с каторгой, учрежденной в 1875 г. на присоединенном к России, в обмен на Курильские острова, — Сахалине. О том, что и как там делалось, получало сведения только тюремное ведомство, да и то, конечно, в канцелярской, бесцветной обработке.

Нужна была решимость талантливого и сердечного человека, отзывчивую душу которого манила и тревожила мысль узнать и поведать о том, что происходит не на сказочном «море Окияне, на острове Буяне», а в далекой и отрезанной от материка области, где под железным давлением закона и произволом его исполнителей влачат свою страдальческую жизнь сотни людей, сдвинутых вместе без различия индивидуальности, бытовых привычек и душевных свойств. Эту задачу взял на себя А. П. Чехов. Его живому характеру и пытливому уму была свойственна некоторая непоседливость на месте, то свойство, которое прекрасно изобразил граф Голенищев-Кутузов в своем романе «Даль зовет». Он ясно сознавал практическую непригодность и нравственный вред нашей типической тюрьмы и наших сибирских острогов, для которых по его словам «прославленные шестидесятые годы» ничего не сделали и где мы с нашими пересыльными тюремными порядками «сгноили миллион людей зря, без рассуждений, и варварски таская их по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражая и развращая их, размножая преступления и сваливая всю вину на красноносых смотрителей». Ему казалось, что Сахалин, как поле для целесообразной и благотворной колонизации может представить могучее средство против большинства из этих зол. Он предпринял, с целью изучения этой колонизации на месте, тяжелое путешествие, сопряженное с массой испытаний, тревог и опасностей, отразившихся гибельно на его здоровьи. Результат этого путешествия — его книга о Сахалине—носит на себе печать чрезвычайной подготовки и беспощадной траты автором времени и сил. В ней, за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных, чувствуется опечаленное

и негодующее сердце писателя. Эта печаль слышится в разочаровании главной целью путешествия — изучения колонизации, ибо на Сахалине никакой колонизации не оказывается, так как она убита именно тюрьмою со всеми ее характерными у нас свойствами, переплывшими с материка и твердо осевшими на острове, не приспособленном ни в географическом, ни в климатическом отношении к земледелию. На нем не оказалось, по выражению Чехова, «никакого климата», а лишь «вечная дурная погода», связанная с постоянно надвигающимися с моря сплошною стеною туманами. Не даром поселенцы говорили про Сахалин: «кругом море, а в средине горе». Это горе, изображенное Чеховым в ряде ярких картин, стало другою причиной печали Чехова, присоединив к его разбитым надеждам ужасы очевидной и осязательной действительности.

Вот Сахалинская тюрьма, пропитанная запахом гнили и разложения, переполненная не только людьми, но и отвратительными насекомыми, — с разбитыми стеклами в окнах, невыносимою вонью в камерах и традиционной «парашей» — и с надзирательской комнатой, где непривычному посетителю почевать совершенно невозможно: стены и потолок ее покрыты «каким то траурным крепом, который движется как бы от ветра и в этой кишащей и переливающейся массе слышится шуршание и громкий шопот, как будто тараканы и клопы спешат куда то и совещаются»... Вот камеры для семейных, т. е. каторжных и ссыльных, за которыми, составляя сорок один процент всех женщин острова, пришли, влекомые состраданием и обманутые надеждами, жены и привели с собой детей. Они, по выражению многих из них, мечтали «жизнь мужей поправить, но вместо того и свою потеряли». В этой камере нет возможности уединиться, ибо кругом идет свирепая картежная игра, раздается невообразимая и омерзительная в своей изобретательности ругань, постоянно слышатся наглый смех, хлопанье дверьми, звон оков. В одной из таких, малых по размерам камер сидят вместе и спят на одних сплошных нарах пять каторжных: два поселенца, три свободные, т. е. пришедшие за мужьями женщины и две дочери их—пятнадцати и шестнадцати лет; в другой такой же камере содержатся десять каторжных, два поселенца, четыре свободные женщины и девять детей, из которых пять девочек... Вот «боль-

ничные околодки», где среди самых первобытных условий содержатся сумасшедшие и одержимые опасными заразными болезнями, при чем последним поручено щипать корпию для необходимых хирургических операций;—и лазареты, где оказывают помощь фельдшера, выдающие для внесения в церковные книги такого рода сведения об умерших: «умер от неразвитости к жизни», или «от неумеренного питья», или «от душевной болезни сердца», или «от телесного воспаления» и т. п. Вот поразительные картины торговли своим телом, производимые поселенками и свободными женщинами от юного до самого преклонного возраста (шестидесяти лет), и вот девочки, продаваемые родителями «с уступочкой», едва они достигают четырнадцати—пятнадцати лет, при чем попадаются и девяти и десятилетние. Вот—быстро сгорающие уроженцы юга, Кавказа и Туркестана, для которых Сахалинское «отсутствие климата» заведомо губительно. Вот два палача из ссыльных, исхудалые, с гноящимся телом, вследствие того, что, будучи конкурентами и ненавидя поэтому друг друга, «постарались друг на друге» при наказании плетьми. Вот насаждение крестьянских хозяйств посредством раздачи прибывших ссыльных женщин для «домообзаведения» в сожительство отбывшим каторгу поселенцам, обязанным за это построить себе домик или покрыть уже существующий тёсом; вот сарай, куда сгоняются эти белые рабыни на осмотр и выбор, при чем чиновники берут себе «девочек», а оставшиеся затем рассылаются по дальним участкам вследствие просьб «отпустить рогатого скота для млекопитания и женского пола для устройства внутреннего хозяйства». Вот, наконец, ссылка в отдаленные поселки, куда нет, обыкновенно, ни прохода, ни проезда, провинившейся каторжанки или поселенки — одной на тридцать человек холостых и одиноких мужчин. Рядом с этим, как редкие светлые блики на темном и мрачном фоне, описывает Чехов случаи обнаруженного им примирительного света в загрубелых сердцах с их жаждой справедливости и ожесточенным пессимизмом при ее отсутствии, — с трогательным уходом за сумасшедшими или парализованными сожительницами «по человечности», с их тоскою по материке и по родной земле. Он дает яркую картину «свадьбы», заставляющей участников и гостей на краткий срок забыть свою тяжкую долю, и рядом изображает местного мирового судью, ощущающего ра-

достное и своеобразное удивление, когда среди переполняющих Сахалинскую жизнь побегов, разбоев и убийств ему приходится встретиться, как с редким оазисом в пустыне, с делом о простой, «совершенно простой краже!»

Книга о Сахалине еще не была издана, когда, в декабре 1893 года, меня посетил Чехов, с которым я при этом впервые лично познакомился. Он произвел на меня всей своей повадкой самое симпатичное впечатление, и мы провели целый вечер в задушевной беседе, при чем он объяснил свой приход полученным им советом поговорить со мной о Сахалине: вынесенными откуда впечатлениями он был полон. Картины, о которых мною упомянуто выше, развертывались в его рассказе одна за другою, представляя как бы мозаику одного цельного и поистине ужасающего изображения.

Я был с 1891 года членом «Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных», во главе которого стояла его учредительница Е. А. Нарышкина, вносившая в осуществление целей Общества сердечное их понимание и большую энергию. Благодаря последней Общество получило, путем призыва к пожертвованиям, довольно значительные средства и могло открыть в Горном Зерентуе Забайкальской области приют на 150 детей, попавших в обстановку Нерчинской каторги, — и затем устроить его филиальные отделения еще в двух поселениях. Она же под влиянием вестей о расправе с несчастной Сигидой предприняла весьма решительные и настойчивые шаги, чтобы возбудить во властных сферах сознание необходимости отменить телесное наказание для сосланных в Сибирь женщин, и своим влиянием, просьбами и убеждениями дала несомненный толчек к последовавшему в 1893 году решению Гос. Совета о такой отмене. Я предложил Чехову познакомить его с Нарышкиной в уверенности, что она примет горячо к сердцу сообщаемые им факты и возбудит вопрос о расширении на Сахалине деятельности Общества попечения и о предоставлении ему для этого необходимых средств. Несмотря на полное согласие на это Чехова, свидание не состоялось, так как он должен был уехать в Москву, написав мне следующее письмо: «Я жалею, что не побывал у г-жи Нарышкиной, но мне кажется, лучше отложить визит к ней до выхода в свет моей книжки, когда я свободнее буду обращаться среди материала, который имею. Мое короткое Сахалинское прошлое пред-

ставляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно. Положение Сахалинских детей и подростков я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. Проституцией начинают заниматся девочки с 12 лет, иногда до наступления менструаций. Школа существует только на бумаге, воспитывают же детей только среда и каторжная обстановка. Между прочим, у меня записан разговор с одним десятилетним мальчиком. Я делал перепись в селении Верхнем Армудане; поселенцы все поголовно нищие и слывут за отчаянных игроков в штосс. Вхожу в одну избу: хозяев нет дома; на скамье сидит мальчик беловолосый, сутулый, босой; о чем-то призадумался. Начинаем разговор. Я.—Как по отчеству величают твоего отца? Он.—Не знаю. Я.—Как же так? Живешь с отцом и не знаешь, как его зовут? Стыдно. Он.—Он у меня не настоящий отец.—Я. Как так не настоящий? Он.—Он у мамки сожитель. Я.—Твоя мать замужняя или вдова? Он.—Вдова. Она за мужа пришла. Я.—Что значит за мужа? Он.—Убила. Я.—Ты своего отца помнишь? Он.—Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Каре родила... Со мной на Амурском пароходе ехал на Сахалин арестант в ножных кандалах, убивший свою жену. При нем находилась дочь, девочка лет шести, сиротка. Я заметил, когда отец с верхней палубы спускался вниз, где был ватер-клозет, за ним шли конвойный и дочь; пока тот сидел в ватер-клозете, солдат с ружьем и девочка стояли у двери. Когда арестант, возвращаясь назад, взбирался вверх по лестнице, за ним карабкалась девочка и держалась за его кандалы. Ночью девочка спала в одной куче с арестантами и солдатами... Помнится, был я на Сахалине на похоронах. Хоронили жену поселенца, уехавшего в Николаевск. Около вырытой могилы стояли четыре каторжных носильщика—ex officio, я и казначей в качестве Гамлета и Горацио, бродивших по кладбищу, черкес — жилец покойницы — от нечего делать и баба каторжная; эта была тут из жалости, привела двух детей покойницы, одного грудного и одного — Алешу, мальчика лет четырех в бабьей кофте и в синих штанах с яркими латками на коленях. Холодно, сыро, в могиле вода, каторжные смеются. Видно море. Алешка с любопытством смотрит

в могилу; хочет вытереть озябший нос, но мешают длинные рукава кофты. Когда закапывают могилу, я его спрашиваю: Алешка, где мать? Он машет рукой, как проигравшийся помещик, смеется и говорит: закопали! Каторжные смеются; черкес обращается к нам и спрашивает, куда ему девать детей, он не обязан их кормить... Инфекционных болезней я не встречал на Сахалине, врожденного сифилиса очень мало, но видел я слепых детей, грязных, покрытых сыпями — все такие болезни, которые свидетельствуют о забросе. Решать детского вопроса, конечно, не буду. Я не знаю, что нужно делать. Но мне кажется, что благотворительностью и остатками от тюремных и иных сумм тут ничего не поделаешь; по моему, ставить важное дело в зависимость от благотворительности, которая в России носит случайный характер, и от остатков, которых не бывает, — вредно. Я предпочел бы государственное казначейство. Позвольте мне поблагодарить Вас за радушие и за обещание побывать у меня».

Я дал прочесть Нарышкиной это письмо и рассказал ей все то, что слышал от Чехова. Вскоре подоспела и книга о Сахалине. Результатом всего этого было распространение деятельности Общества на Сахалин, где им было открыто Отделение Общества, начавшее заведывать призрением детей в трех приютах, рассчитанных на 120 душ. В 1903 году были выстроены новые приют и ясли на восемьдесят человек. Еще ранее на средства Общества был открыт на Сахалине Дом трудолюбия, при деятельном и самоотверженном участии сестры милосердия Майер. В Доме работали от 50 до 150 человек и при нем была учреждена вечерняя школа грамотности. Обществом попечения был задуман ряд коренных реформ положения семейств ссыльных на острове, составлены по этому поводу обстоятельные записки, и Нарышкиной было обещано внимательное и сочувственное отношение к намеченным в записке мерам при обсуждении последней в предположенном особом совещании министров.... Но грянувшая война обратила все задуманное в этом отношении в ничто. Занятие Сахалина победоносными японцами и дальнейшая его уступка по Портсмутскому договору прекратили работу всех этих учреждений на острове, и дети были выселены японцами в Шанхай, а оттуда перевезены в Москву.

Книга Чехова не могла не обратить на себя внимания

Министерства Юстиции и Главного тюремного управления, нашедших наконец нужным через своих представителей ознакомиться с положением дела на месте. Отсюда — поездки на Сахалин в 1896 году ученого криминалиста А. Ф. Дриля и в 1898 году тюрьмоведа Л. П. Саломона. Их отчеты, к сожалению, не сделавшиеся достоянием печати, вполне подтвердили сведения, сообщенные русскому обществу Чеховым, присоединив к ним несколько характерных особенностей.

Прошло три года со времени моего свидания и беседы с Чеховым. На «базаре» в Городской Думе в пользу Высших женских курсов, я встретил В. Ф. Комиссаржевскую, которую, будучи знаком с ее отцом, я знал, когда она была еще ребенком. Мы разговорились о драматической сцене, уровень и содержание которой не удовлетворяли замечательную артиску, и она советовала мне придти на первое представление новой пьесы Чехова «Чайка», намечающей иные пути для драмы. Я последовал ее совету и видел это тонкое произведение, рисующее новые творческие задачи для «комнаты о трех стенах», как называет в нем одно из действующих лиц театр. Чувствовалось в нем осуществление мысли автора о том, что художественные произведения должны отзываться на какую-нибудь большую мысль, так как лишь то прекрасно, что серьезно. Столкновение двух мечтателей — Треплева, который находит, что надо изображать на сцене жизнь не в обыденных чертах, а такою, какою она должна быть предметом мечты, — и Нины, отдающейся всею душою созданному ею образу выдающегося человека, — с тем, что автор называет «пискарною жизнью», оставляло глубокое и трогательное впечатление. Драма таится в том, что с одной стороны публика, на которую хочет воздействовать своими мыслями и идеалами Треплев, его не понимает и готова смеяться, а с другой богато одаренный писатель, весь отдавшийся «злобе дня», рискует оказаться ремесленником, едва поспевающим исполнять не без отвращения заказы на якобы художественные произведения, а также безвольным человеком, приносящим горячее сердце уверовавшей в него девушки в жертву своему самолюбованию. Сверх всякого ожидания, на первом представлении образ подстреленной «Чайки» прошел мимо зрителей, оставив их равнодушными, и публика с первого же

действия стала смотреть на сцену с тупым недоумением и скукой. Это продолжалось в течение всего представления, выражаясь в коридорах и в фойе пожатием плеч, громкими возгласами о нелепости пьесы, о внезапно обнаружившейся бездарности автора и сожалениями о потерянном времени и обманутом ожидании. Такое отношение публики, повидимому, отражалось и на артистах. Тот подъем, с которым прошли на сцене два первых действия, видимо, ослабел и «Чайка» была доиграна без всякого увлечения, среди поднявшегося шиканья, совершенно заглушившего немногие знаки сочувствия и одобрения.

Я вернулся домой в негодовании на публику за ее непонимание прекрасного произведения и в грустном раздумьи о том, как это отразится на авторе. Мне ясно представлялось, какие ощущения он должен был пережить, если был в театре или, если отсутствовал, что перечувствовать, когда «друзья» (как известно, это одна из их специальных обязанностей, исполняемая с особой готовностью) донесут ему о давно неслыханном провале его пьесы. Мне хотелось сказать ему несколько ободрительных слов и показать тем, что не вся публика грубо и непродуманно ополчилась на его творение, и что в ней, вероятно, есть не мало людей, оценивших его талант и в «Чайке». Мне вспоминался при этом Глинка, которого восторженно приветствовали после первого представления «Жизни за царя» и в театре, и в печати, и в тот же вечер на квартире у князя Одоевского, где даже была спета кантата, написанная в честь его Пушкиным и начинавшаяся словами: «Вышла новая новинка, — веселися русский хор, — этот Глинка, этот Глинка — уж не глинка, а фарфор». А на первом представлении «Руслана и Людмилы» не только публика демонстративно зевала, шикала, но даже музыканты, исполнявшие эту дивную музыку, шикали из оркестра ее автору, и когда он, смущенный всем этим, и не зная, выходить ли на сцену на требование небольшой группы зрителей, обратился к находившемуся с ним вместе в директорской ложе начальнику Третьяго Отделения, генералу Дубельту, то последний внушительно сказал ему: «Иди, иди, Михаил Иванович, Христос больше твоего страдал». Вспомнился мне и рассказ о свистках и ропоте публики, которыми сопровождалось первое представление оперы Бизе «Кармен», что тяжело отразилось на сердечной болезни та-

лантливого композитора и свело его через три месяца в могилу. А каким успехом пользовались потом обе эти оперы! Ночью я написал письмо Чехову, в котором, если не ошибаюсь, говорил об этих двух фактах, а когда утром прочел в нескольких газетах рецензию на «Чайку» с прямым злоречием, умышленным непониманием или лукавым сожалением о том, что талант автора явно потухает, я поспешил отправить мое письмо. Через несколько дней я получил следующий ответ: «Вы не можете себе представить, как обрадовало меня Ваше письмо. Я видел из зрительной залы только два первых акта своей пьесы, потом сидел за кулисами и все время чувствовал, что «Чайка» проваливается. После спектакля, ночью и на другой день, меня уверяли, что я вывел одних идиотов, что пьеса моя в сценическом отношении неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже бессмысленна и пр., и пр. Можете вообразить мое положение — это был провал, какой мне даже и не снился! Мне было совестно, досадно, и я уехал из Петербурга полный всяких сомнений. Я думал, что если я написал и поставил пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерял всякую чуткость и что, значит, моя машинка испортилась в конец. Когда я был уже дома, мне писали из Петербурга, что 2-ое и 3-е представление имели успех; пришло несколько писем, с подписями и анонимных, в которых хвалили пьесу и бранили рецензентов; я читал их с удовольствием, но все же мне было совестно и досадно и сама собою лезла в голову мысль, что если добрые люди находят нужным утешать меня, то значит дела мои плохи. Но ваше письмо подействовало на меня самым решительным образом. Я Вас знаю уже давно, глубоко уважаю Вас и верю Вам больше, чем всем критикам, взятым вместе — Вы это чувствовали, когда писали Ваше письмо и оттого оно так прекрасно и убедительно. Я теперь покоен и вспоминаю о пьесе и спектакле уже без отвращения. Комиссаржевская чудесная актриса. На одной из репетиций многие, глядя на нее, плакали и говорили, что в настоящее время в России это лучшая актриса. На спектакле же и она поддавалась общему настроению, «враждебному» моей «Чайке» и как будто оробела, спала с голоса. Наша пресса относится к ней холодно, не по заслугам, и мне ее жаль. Позвольте поблагодарить Вас за письмо от всей души. Верьте, что чувства, побуждавшие вас написать мне

его, я ценю дороже, чем могу выразить это на словах, а участия, которое вы в конце Вашего письма называете «ненужным», я никогда, никогда не забуду, что бы ни произошло. Искренно Вас уважающий и преданный А. Чехов».

С этого времени мы изредка писали друг другу. Он, между прочим просил меня выслать в Таганрогскую городскую библиотеку, которой он состоял попечителем, мою фотографическую карточку с автографом, ссылаясь на то, что в библиотеке имеются мои сочинения и прибавляя, конечно, из любезности: «в моем родном городе вас очень любят и уважают». Мы снова свиделись в апреле 1901 года в Ялте, которую он, в сущности, не любил за ее, как он писал, «коробообразные гостиницы с чахоточными», за «наглые хари татарских проводников» и за нестерпимый «парфюмерный запах», распространяемый приезжими гуляющими дамами. Принадлежавший ему дом, выстроенный на одной из окраин, имел какой-то неприятный вид, а записки на стенах передней и кабинета с просьбой «не курить» указывали, что с хозяином что-то не ладно. И действительно, застегнутое на все пуговицы осеннее пальто Антона Павловича, его задумчивый по временам вид и выразительное молчание или встречный вопрос из другой области в ответ на желание узнать о его здоровьи показывали, что он чувствует, как жизненные силы постепенно покидают его. Это сказывалось особенно в его взгляде, тревожно-вопросительном при встрече с новым лицом, хотя он держал себя бодро и отзывчиво по отношению ко всему окружающему. Но безнадежность, часто сквозившая в его умных глазах, и неожиданные задумчивые паузы в разговоре давали понять, что он предчувствует свой неотразимо близкий конец, как врач, и, быть может, оставаясь сам с собою, слушает звучащую в душе одну из мрачных раскольничьих песен:—«Смерть, а смерть, это ты?—Это я, это я!—А откуда ты пришла?—Где была, где была!—А пришла ты не за мной?—За тобой, за тобой!—А уйдем мы далеко?—Далеко, далеко!»—Часто на морской набережной или на террасе дома Прохаски, куда он не раз заходил ко мне и где мы сиживали, он—греясь на солнце, а я поджариваясь,—я, смотря на него, невольно вспоминал слова Некрасова: «Завтра встану и выбегу жадно—встречу первому солнца лучу,—снова все улыбнется отрадно и мучительно жить захочу,—а недуг,

подрывающий силы, будет так же и завтра томить и о близости темной могилы так же внятно душе говорить». Иногда к нам присоединялся Миролюбов, и в беседе время летело незаметно. Чехова очень интересовали мои личные воспоминания и психологические наблюдения из области свидетельских показаний. Однажды, по поводу лжи в их показаниях, я привел несколько интересных житейских примеров «мечтательной лжи», в которой человек постепенно переходит от мысли о том, что могло бы быть к убеждению, что оно должно было быть, а от этого к уверенности, что оно было, — при чем на мое замечание, что я подмечал этот психологический процесс в детях, он сказал, что то же бывает и с некоторыми очень впечатлительными женщинами. С большим вниманием слушал он также рассказы о виденных мною житейских драмах и иронии судьбы, которая в них часто проявлялась.

Вскоре после моего отъезда из Ялты, с подаренным мне прекрасным его портретом, где он одет в обычное теплое пальто, несмотря на надпись: «7-го мая, в ясный теплый день в Ялте», я получил от него письмо, в котором он говорил: «Сегодня я получил от поэта И. А. Бунина книгу стихов с просьбою послать ее на Пушкинскую премию. Будьте добры, научите меня, как это сделать: по какому адресу послать. Сам я когда-то получил премию, но книжек своих не посылал. Простите, что беспокою вас. Я нездоров и решил, что выздоровлю не скоро». Следующее письмо я получил уже от 12-го июня из Аксенова, Уфимской губернии. В нем он писал: «В самом деле, Анатолий Федорович, ваша фотография, которую я только что получил, очень похожа. Это — одна из удачнейших. Сердечное вам спасибо и за фотографию, и за поздравление с женитьбой, и вообще за то, что вспомнили и прислали письмо. Здесь на кумысе скука ужасающая, газеты все старые в роде прошлогодних, публика неинтересная, кругом башкиры и, если бы не природа, не рыбная ловля и не письма, то я, вероятно, бежал бы отсюда. В последнее время в Ялте я сильно покашливал и, вероятно, лихорадил. В Москве доктор Щуровский, — очень хороший врач, — нашел у меня значительные ухудшения; прежде у меня было притупление только в верхушках легких, теперь же оно спереди ниже ключицы, а сзади захватывает верхнюю половину лопатки. Это немножко смутило

меня. Я поскорее женился и поехал на кумыс. Теперь мне хорошо, прибавился на 8 фунтов, только не знаю отчего, от кумыса или от женитьбы. Кашель почти прекратился. Ольга шлет вам привет и сердечно благодарит. В будущем году пожалуйста посмотрите ее в «Чайке» (которая пойдет в Петербурге), там она очень хороша, как мне кажется».

Улучшение здоровья Антона Павловича было, однако, непродолжительным и по мере роста его славы, как выдающегося и любимого писателя, уменьшались его силы и подступала смерть. Она пришла к нему в далеком Баденвейлере во время страстных порывов вернуться в Россию, куда его постоянно тянуло. Судьба с обычной жестокостью относительно выдающихся русских людей не дала ему увидеть родину, за которую и с которой он столько болел душой, и равнодушно приютила в недрах чужой земли его горячее русское сердце.

Вспоминая характерные свойства личности Чехова и впечатления от большинства его произведений, я нахожу, что он был во многом сходен с покойным Эртелем, столь поучительным и своеобразным в своих письмах и столь несправедливо у нас забытым. В обширной переписке Чехова, в личных о нем воспоминаниях сказывается его духовная самостоятельность. Уже смолоду в нем чувствуется сознание своего человеческого достоинства, не склонного рабствовать перед чужим умственным авторитетом или принижаться, с боязливыми оговорками и оглядками по сторонам, перед авторитетом материальной силы. Он следовал завету Пушкина «идти дорогою свободной, куда влечет свободный ум». Еще юношей семнадцати лет он писал своему брату: «Ничтожество свое надо сознавать перед богом, природой, умом, красотой, но не перед людьми». И всю жизнь он был поклонником духовной свободы, свободы, как он говорил Плещееву, от давления ходячих идей, навязанных лозунгов, суждений по шаблону, одним словом от того, что столь ошибочно называется общественным мнением, которое редко бывает проявлением общественной совести, но зачастую является выражением общественной страсти, слепой в увлечении и жестокой при разочаровании. Недаром для него Капитолийский холм и Тарпейская скала находятся в очень близком друг от друга расстоянии. Он знал, какую цену имеют иногда громко провозглашаемые принципы, вовсе

не применяемые на практике, и по горькому опыту говорил: «фарисейство и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках, а их приходится встречать в науке, литературе и даже среди молодежи». Поэтому он сознавался, что относится с отвращением к «умственным эпидемиям». Тщательно охраняя свою душевную свободу от «всепокоряющего» чувства любви, он пессимистически начертал в своей записной книжке: «любовь — это или остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда то громадным, — или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь». — Не сквозит в его произведениях и страха смерти, чем он существенно отличается от Тургенева, в целом ряде произведений которого звучит ужас перед неотвратимостью и жестокостью смерти, и от Л. Н. Толстого, постоянное возвращение которого к мысли о смерти и к заботе о том, что будет после нее, указывает на обширное место, занимаемое мыслью о ней в его душе. И Тургеневское, и Толстовское отношения к смерти имело бы, конечно, не менее оснований гнездиться в душе Чехова: во всю вторую половину своей недолгой жизни он — неизлечимо больной — был приговорен к смерти и знал об этом, как врач, лишь стараясь утешать близких и друзей, скрывая от них возможность скорого исполнения этого приговора. В нем не было угрюмой отчужденности от людей или сосредоточения внимания исключительно на себе,—напротив он, как видно из его писем, отзывчиво и чутко относился к людям, хотя и не пускал к себе в душу безразлично всякого мимоидущего. Не раз проявляя искреннюю деятельную доброту, он сердечно заботился о помощи разным несчастливцам, голодающим, чахоточным, — содействовал учреждениям, которые работали в их пользу и помогал отдельным лицам, попавшим в Ялту по болезни и впавшим в нужду, и делал все это так, что «левая рука не ведала, что совершала правая».

Стоит затем припомнить его отношение к детям, полное нежного чувства, глубокой мысли и заботливости о смягчении суровых впечатлений жизни, не ускользающих от внимания детей и оставляющих в их душе неизгладимые рубцы. Характерно и не раз встречающееся у него, очевидно вынесенное из житейской вдумчивости отношение к «жертвам общественного темперамента», чуждое слаща-

вой чувствительности, но проникнутое глубоким состраданием, при котором банальное удивление: «как могут они (женщины)?!» — замолкает перед гневным удивлением: «как могут они (мужчины)?!».

И к природе он умел относиться с тонким пониманием ее красоты и примиряющего значения. Достаточно указать на описание растительности и в особенности цветов на Сахалине и на многие места в его сочинениях, которые можно назвать «очными ставками с природой».

К творчеству Чехова вполне применимы образные слова о том, что жизнь сеет семена, а творчество, при посредстве воображения, выращивает плод. В литературе встречаются нередко две противоположности: или правдоподобные, почти фотографические, взятые с живых определенных лиц образы вплетаются в совершенно неправдоподобное, вымученное и нарочито сочиненное содержание, — или, наоборот, полное житейской правды содержание замыкает в себе совершенно отвлеченных, безжизненных и автоматически мертвых действующих лиц. У Чехова обилие сюжетов, почерпнутых из жизни в самых разнообразных ее проявлениях, как о том свидетельствует его записная книжка, соединялась с тонкой наблюдательностью, умеющею из подмеченных черт отдельных лиц создавать полные жизни целостные образы, при чем глубокая вдумчивость и чувство меры идут у него рука об руку, не переходя, по выражению Л. Н. Толстого, «в пересоленную карикатуру на человеческую душу».

Наряду с его творчеством не меньшего внимания заслуживает его язык — ясный и простой, меткий и скупой там, где всякий излишек слов повредил бы силе впечатления и где необходима та «élimination du superflu», которая так блестяще достигнута братьями Гонкур, Доде и Мопассаном. Если припомнить, до какой степени искажается в настоящее время в разговорном и литературном отношении наш русский язык, — как вторгаются в него, без всякой нужды, иностранные слова и обороты, в забвении его законов и источников, — как втискиваются в него сочиненные словечки, лишенные смысла и оскорбляющие ухо, — как вообще на этот язык, который должен считаться народной святыней, смотрят многие, вопреки заветам Пушкина и Тургенева, как на нечто, с чем можно не церемониться, — то нельзя не

признать большой заслуги Чехова в его внимательном и почтительном отношении к русскому языку. Его возмущали и столь часто встречаемая у нас небрежность переводов с чужих языков, самовольные прибавки к подлинному тексту там, где не хватает умения передать его в точности и самодовольный покровительственный тон предисловий «от переводчика». В своей «Скучной истории» он зло, но справедливо указывает на недостаток большинства современных ему литературных произведений, в которых или все умно и благородно, но не талантливо, или талантливо и благородно, но не умно, или, наконец, умно и талантливо, но не благородно. Если прибавить к этому еще ряд произведений, которые изображают собою пересохший ручей мысли в пустыне вымученных слов, то нельзя не почувствовать, каким светом, ароматом и теплом веет от произведений Чехова. Его сравнивали нередко с Мопассаном. как по выбору сюжетов, так и по способу изложения, сразу захватывающего читателя. В этом, конечно, много верного. Но преобладающая черта их творчества разная. У Мопассана господствующая нота—ирония над человеческою глупостью, жадностью и низменностью натуры. У Чехова — печаль по поводу этих и других отличительных свойств русского человека. Тургенев нарисовал нам «лишних» людей, не нужных для общества и несчастных в своем личном существовании; — через несколько лет, когда начала заниматься заря общественной жизни, он-же изобразил нам бесполезных людей, непригодных для опередившего их времени («доголай, бесполезная жизнь!» Лаврецкого). Чехов застал уже хмурых или вернее унылых и тусклых людей, современниками которых мы долгое время были, — способных много го желать, не неумеющих ничего хотеть, не имеющих «вчерашнего дня» и проводящих настоящий день в бесплодных жалобах и жадном ожидании завтрешнего дня без ясного представления о том, что же предпринять, чтобы он — этот желанный день — наступил и что надо делать, когда он наступит. — Он прозорливо сознавал, как тонок у нас слой истинно культурных людей, пролегающий между шумливыми критиками без всякой способности к созиданию и упорными «охранителями» без критического отношения к своим действиям и их неизбежным последствием. Недаром он находил, что в нас «достаточно фосфору, но совсем нет

железа» (как виден в этом врач!); что «нам необходим темперамент, а не кисляйство», и его возмущала «кущая бескрылая жизнь общества, в представителях которого так много житейской беспомощности». И это были не теоретические положения, а практические выводы, приобретенные на тернистом житейском пути от веселого «Чехонте», которому приходилось по пяти раз стучаться в маленькие редакции за получением заработанных трехрублевок, до выдающегося глубокого «Чехова», которому на первых шагах, по нашему обычному недоброжелательству ко всякому таланту, никто не подвязывал творческих крыльев, пока он сам их не вырастил и не развернул во всю ширь...

А. Ф. Кони.

1924.

В ЮНЫЕ ГОДЫ.

(Мои встречи с Чеховым и его современниками).

ВОСПОМИНАНИЯ Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК.

Большой меблированный дом в Москве, выходящий на три улицы: Тверскую, Леонтьевский и Брюсовский переулки С Тверской — комнаты пошикарнее; там останавливаются разные приезжие знаменитости. Подъезд внушительный, с зеркалами, коврами, широкой лестницей и важным швейцаром: эта часть дома называется «Лувр». С Леонтьевского — все поскромнее: и вход, и комнаты, и цены; это — «Мадрид». Но везде одинаково чисто, благопристойно и по возможности — комфортабельно. В «Лувре» живет моя подруга, восходящая театральная звезда, Лидия Борисовна Я. — У нее целое отделение — три комнаты, огромная полукруглая синяя гостиная в 5 зеркальных окон, выходящих на Тверскую и Брюсовский; из них видна вся площадь (ныне Советская) и движение шумной артерии Москвы. В «Мадриде» — живу я. У меня скромная комната, вернее — полторы, там очень уютно: это мой мирок, мне большего не надо. Отделение для спаленки; а в большой комнате — мягкая мебель, письменный стол, этажерка с книгами, всегда свежие цветы и кое-какие, еще детские безделушки и портреты, привезенные из дому. Мне 18-й год. Я живу одна: моя мать умерла, отец с другой семьей живет на юге; я живу своим трудом. И в то время, как мои сверстницы и бывшие товарки по гимназии еще не выходят на улицу без гувернантки, — я вполне свободна и самостоятельна. Это немножко опьяняет, и кажется, что всё: весь мир, будущее, жизнь — в моих руках и принадлежит мне.

Моя подруга — артистка. Она года на 4 старше меня. Сразу из школы заняла в театре К*** первое положение, сыграла «Даму в камелиях», «Мадам Сан-Жен» и т. п. Поклонники воспевают ее в стихах и в прозе, говорят, что у нее глаза русалки, сравнивают ее со всевозможными картинами Ботичелли, статуями Кановы и пр. У нее золотистые волосы, великолепные серо-голубые глаза, большой, но очень красивый рот, умеющий быть и нежным, и жестоким. Она оживлена, всегда вся горит, любит и умеет кокетничать; когда мы остаемся одни и она сидит в белом капоте, с распущенными волосами, и рассказывает мне о романе своей юности, о несчастном замужестве и обиженном сердце — она как две капли похожа на Мадонну Мюнхенского скульптора Бейрера. Иногда, готовясь к какой-нибудь роли, она носит травести и тогда в нее вселяется мальчишеский бес; она дурачится, шутя ухаживает за мной и дразнит наших серьезных друзей. Ее любят и ненавидят; в газетах то рвут на части, то превозносят; и вся Москва о ней говорит.

Видимся мы часто и много. Мы открыли, что «Лувр» и «Мадрид» соединяются общим ходом: это какие-то темные подземелья, катакомбы, переходы — ими пользуются только служащие (кажется, у обоих домов общая кухня) и — мы. Соединение этой «Франции» с этой «Испанией» один из наших друзей, Гольцев, окрестил «Нет больше Пиринеев», и с тех пор «Пиринеи» видели много неожиданных гостей: разные Московские знаменитости, артисты, профессора пробирались по ним; шелестели шелковые юбки, и в подвальном, спертом воздухе «Пиринеев» оставались струйки тонких духов. Иногда часа в 2 ночи раздавался по коридору быстрый-быстрый стук каблуков, и в нашу дверь стучались: это была какая-нибудь из наших подруг с миссией «разбудить, если спят» — и тащить куда-нибудь, на тройку, к цыганам и пр. И этого мы не боялись: мы умели работать, но умели и веселиться.

Работать мы действительно умели. Чтобы не быть голословной, я хоть приблизительно укажу, что̀ я успела сделать с конца 1892 по 1895 г., как раз эпоха, о которой я пишу, т. е. с моих 17 по 21 год.

Я написала 6 одноактных пьес, из них 2 в стихах (Летняя картинка, Ирэн, Вечность в мгновеньи, В детской, Месть Амура — шли в Малом театре; На станции — в част-

ном театре Корша). Перевела в стихах 3-актную пьесу Ростана «Романтики», которая идет и до сих пор; выпустила сборник рассказов «Странички жизни» и «Ничтожные мира сего»; написала роман «Счастье» (печатавшийся впоследствии в «Неделе»); сотрудничала в «Русск. Ведомостях», «Русской Мысли» и «Артисте»; год играла на сцене (бросила ее, чтобы окончательно посвятить себя литературе). Участвовала в бесконечном количестве благотворительных, студенческих и др. концертов, дежурила в яслях для детей рабочих и работала в воскресной читальне у И. П. Чехова, где-то за Басманной. Этого, кажется, одного довольно бы, чтобы заполнить жизнь; но сил и энергии было непочатое количество, и времени хватало на все.

Когда нам нужно было серьезно поработать и мы хотели укрыться от посетителей — мы «менялись»: я уходила писать в комнаты Лидии, она — учить роль в мою. Тогда каждая могла безжалостно отсылать гостей другой, и являлась возможность заниматься. Когда я возвращалась после такого отсутствия к себе, я всегда находила на своем столе или свежие цветы, или какую-нибудь нежную записочку «в благодарность за приют» — мы были очень молоды, очень восторженны и немножко сентиментальны...

Другие приятельницы мои, чаще всего делившие наши досуги, были: молодая певица Варвара Аполлоновна Э., Лидия Стахиевна М., тоже учившаяся петь, и Мария Павловна Чехова, через которую я и познакомилась с ее братом Антоном Павловичем.

Лидия М., так называемая Лика, была девушкой необычайной красоты, настоящая «Царевна Лебедь» из русской сказки; ее пепельные, вьющиеся волосы, чудесные серые глаза под очень темными бровями, вся необыкновенная мягкость и непередаваемая прелесть в соединении с полным отсутствием ломанья и даже слегка суровой простотой, делали ее обаятельной. Она как будто не только не понимала, как она красива, но стыдилась и обижалась, если об этом заводили речь; но как ни старалась, не могла помешать тому, что на нее оборачивались на улицах и засматривались в театрах.

Ее близкий друг, Варвара Аполлоновна Э., была тоже очень интересна в своем роде: высокая, стройная, с темно-рыжими волосами, — цвета спелого каштана, освещенного за-

катом, — с зелеными глазами. У нее был милый голос. В Большом театре она поэтично и свежо спела Татьяну, а вот так, в дружеском кругу, сидя на полу на подушках в моей комнате и держа в руках балалайку, на которой знакомые художники писали ей всякие головки и пейзажи, а я — свои стихи, — она чудесно пела русские песни: «Хуторок», «Перекати-поле», как может только петь русская степная девушка, и заставляла навертываться слезы на глаза слушавших. Я думаю, будь это позже, она могла бы превзойти успехом Плевицкую и ей подобных; но тогда русские песни еще не вошли в моду. Она была необыкновенно, заразительно весела и жизнерадостна. Иногда, когда она живала у своих в деревне, она приезжала ко мне в Москву «на один день, переночевать и домой»; и этот один день растягивался в две — три недели, — так цеплялись одно за другое приглашения, выставки, спектакли... У меня остался в памяти яркий день ранней весны, голубой и золотой, в Москве. Варя только что была у какой-то гадалки, куда заставила меня ее сопровождать; гадалка наговорила ей всякого вздору, и выходя мы веселились, как дети. Мы садились в пролетку; кругом сновала оживленная толпа, ярко блестела, как свеже вымытая, зелень бульваров, горели купола церквей. Мы обе рассмеялись, сами не зная чему, — и тут же на улице звонко расцеловались, радуясь тоже не зная чему: солнечному дню, свободе... а главное своей молодости. Ничего не случилось, а нам обеим казалось, что нам подарили что-то драгоценное... Много лет спустя, когда я встретила ее в трауре по мужу и в повязке сестры милосердия, мы вспомнили эту минуту...

Все мы были так или иначе «профессионалки», кроме Марии Павловны Чеховой; впрочем, и она тогда занималась живописью и преподавала в гимназии историю. Она была немного старше, немного, я бы сказала, серьезнее и сдержаннее нас на вид; и первое время я слегка дичилась ее; но скоро поняла всю ее душевную простоту, Чеховский юмор и тихое веселье, освоилась с ней совсем; и в нашем кругу она всегда была ноткой «Тургеневской» женственности, тихо веющей от нее даже в самые шумные минуты. Она вся, с ее лучистыми глазами, неслышными шагами и тихим голосом, была олицетворением женственности и чистоты. Но — не даром она была Чехова: умела и понимать шутку и сама подразнить, — все это незлобиво и умно.

Я остановилась на описании некоторых моих подруг потому что мы тогда составляли довольно интересный и очень «новый» кружок, подобного которому до нас собственно не бывало. Дело в том, что раньше женщины как-то подразделялись на два разряда: женщины из так называемого «общества», это были жены, матери, сестры... их уважали, почитали, берегли — и с ними скучали. Другой разряд был — те женщины, к которым ездили кутить, с которыми не кланялись в обществе и которых можно было купить. На них раззорялись, с ними пили — и в конце концов тоже скучали.

В те годы, о которых пишу я, была тупая и глухая реакция. Женщине не давали доступа к высшему образованию; большая часть высших учебных заведений и курсов была закрыта; и девушке с жаждой свободы, труда и самостоятельности была одна дорога — в искусство. От того-то лучший сорт девушек, которые в 60-е годы пошли бы на медицинский факультет и т. п., — кинулся так или иначе в искусство. И образовался новый тип — такие, как «мы», и явился новостью для мужчин. С нами не было скучно... Мы умели веселиться, выпить глоток шампанского, спеть цыганский романс, пококетничать; но мы умели и поговорить о Ницше, и о Достоевском, и о богоискательстве, мы умели прочесть реферат, продержать корректуру и пр. и со свободой нравов соединяли то, что они привыкли видеть в своих матерях, женах и сестрах: «порядочность», благовоспитанность, чистоту. Знали, что нас то нельзя «купить», что мы требуем такого же уважения, как «жены, матери и сестры», а вместе с тем с нами можно говорить, как с товарищами, серьезно и по делу, но при этом чувствовать тот «аромат женственности», без которого скучно.

Я говорю об этом подробно, чтобы объяснить, почему наш кружок заключал в себе так много серьезных, умных, даже пожилых людей, которые у нас чувствовали себя, как рыбы в воде, и рады были каждому предлогу, чтобы с нами провести время. Это своеобразный момент в жизни Москвы прошлого века, и я не могу его не отметить.

Одним из наших ближайших друзей был «дедушка» Саблин; наш милый «серебряный дедушка»! Вспоминаю о нем с глубокой нежностью и благодарностью. Это был один из редакторов «Русских Ведомостей», ведавший главным обра-

зом административной частью. По образованию статистик, он очень серьезно и много работал на этом поприще. Брат его был известный революционер Н. Саблин, покончивший самоубийством. Сам Михаил Алексеевич был человек хрустальной души и честности... Ему было всего 52 года, когда мы встретились с ним, но его Московская «лента», его седые волосы, неизменная мягкая сорочка, в которой он всюду, даже на торжественные заседания и юбилеи, ходил, его добродушная манера с нами, молодежью, его баловство, а иногда и воркотня на нас за «легкомыслие»,—все это вместе заставило меня прозвать его «дедушкой», и с моей легкой руки все, и Чехов в том числе, иначе его уже не звали.

«Дедушка» всегда готов был придти на выручку во всяком затруднительном случае; всегда у него был наготове и дружеский совет, и проборка, и помощь. Никогда не забуду, как в первый раз он явился мне в роли «доброго волшебника». Мы всей компанией, в том числе он и Лидия, поехали на Курский вокзал провожать Чехова, уезжавшего на юг. Привезли ему лимонно-желтых тюльпанов и светло-лиловых гиацинтов и сидели все вместе за круглым столом в буфете, желая Антону Павловичу счастливого пути за стаканом вина. На другой день должна была уезжать и моя подруга в Италию. Я грустно сказала:

— Вот, как в старом анекдоте: все разъедутся, одна я не разъедусь...—Лидия тоже начала вздыхать по этому поводу.

— Отчего же вы не едете с Л. Б.?—Спросил кто то.

— Вот так вопрос, а деньги на поездку? ведь это не мало нужно.

Тогда дедушка Саблин спокойно спросил:

— А на что же «Русские Ведомости» и авансы?

Я так недавно еще была на литературном поприще, что идея аванса была мне незнакома... Я раскрыла рот от удивления, а Лидия воскликнула, всплеснув руками:

— Какое счастье, дедушка! Неужели это можно устроить? Ты едешь со мной!

— Постойте, да ведь у меня и паспорта нет, на это тоже нужно несколько дней, а ты едешь завтра?...

— Кому нужно, а кому и не нужно,—засмеялся дедушка:—даром что ли у меня вся Москва знакомые?

И на другой день, прямо из великопостной распутицы грязной Москвы, я в первый раз ехала за границу... Попала прямо под цветущие камелии, под цветущее небо Флоренции... Мне тогда это казалось сказкой — и сказку эту я пережила благодаря дедушке.

У этого милого, серьезного, бесконечно много работавшего человека, была одна слабость: он любил покушать и еще больше — угостить и очень ценил во мне мой здоровый молодой аппетит. Очень часто он приезжал за мной и увозил меня завтракать в Эрмитаж, где у него был свой столик и где при его появлении ослепительно-белый оффициант осклабляясь приветствовал его по имени: «Здравствуйте, Михаил Алексеевич!» и тащил ему какой-то его излюбленный коньяк под названием «журавли», так как он подавался в графинчиках с граненым изображением журавлей. Тут за бесконечными беседами дедушка поучал меня разным вещам: критиковал последний рассказ, советовал, какую книгу прочесть, рассказывал что-нибудь из прошлого газеты, предлагал темы для фельетона. И наряду с этим учил, что после чего пьют, в каком порядке что едят, и прибавлял:

— Не люблю я женщин, которые не понимают, что едят: дай ты ей вареную картошку, дупеля, пре-сале или жареную калошу — не разберет. Культурный человек даже в таких жизненных функциях, как еда и питье, должен быть культурным.

Но сильно подозреваю, что его любовь завтракать со мной именно — была вызвана его неоднократным присутствием при моих 40-копеечных «мадридских» обедах, когда я наспех глотала какую-нибудь миниатюрную «жареную калошу»... Как сейчас вижу я его красивое, розовое лицо, его яркие и ясные, как у ребенка, голубые глаза и серебряную седину волос и бороды и слышу добродушный его голос с Московской оттяжечкой. И всегда — чувство спокойствия при нем и уверенности в рыцарской защите и уважении этого «дедушки» к своим молоденьким и в сущности таким беспомощным и беззащитным «внучкам».

Но если завтраки его были «альтруистического характера», за то ужины, особенно когда приезжал Антон Павлович, делались уже для собственного удовольствия. Устраивал их дедушка на славу, а после них любил возить к цыганам

в Грузины, куда захватывались кульки вина и фруктов и где какая-нибудь старая ведьма жарила для всей компании шипящую яичницу—в то время, как дедушка по-Пушкински и по-Апухтински упивался низкими нотами какой-нибудь бледной, узкоглазой Наташи...

А какие приятные «чаи» задавал нам иногда дедушка в редакции «Русских Ведомостей», после осмотра типографии, где мне так сладок казался запах свежей краски и бумаги, где я с восторгом присматривалась к работе наборщиков, и такое в юной душе было радостное чувство любви к этим людям, к гордости М. А.—ротационной машине, казавшейся мне живой и вместе с ними помогающей мне передавать в мир мои мысли и чувства, роднящей меня с этим миром,—это может понять только тот, кто сам испытывал это! И в этой обстановке особенно приятно было чувствовать себя «дома», распивать чай под улыбками радушно хозяйничавшего дедушки. Для него редакция «Русских Ведомостей» была смыслом и целью существования, дорогим детищем. В то время, как Соболевский и др. были «Мариями» газеты, он был тою «Марфой», без которой, может быть, остановились бы все колеса этого большого механизма, этой лучшей в то время в России газеты, жившей тревожной жизнью, с постоянными запрещениями, приостановками, штрафами и т. д.

Иногда в ту-же редакцию днем попадала и настоящая внучка М. А.,—трехлетняя хорошенькая Леля, и не знаю, с кем из нас он был добрей.

Я в то время сотрудничала в «Артисте», «Русских Ведомостях» и «Русской Мысли». Моя литературная карьера началась довольно неожиданно для меня самой. Я по требованию моей тети, артистки Малого театра А. П. Щепкиной, в один вечер написала полу-шутя одно-актную пьеску «Летняя картинка». Тетя помимо меня провела ее через все мытарства и ее поставили в Малом театре. Почему-то 17-летняя героиня 17-летнего автора нашла дорогу в сердце зрителя, «Летняя картинка» прошла с редким для одно-актной вещицы успехом и была отмечена прессой. Через несколько дней после постановки ко мне приехал Ф. А. Куманин: длинный, нескладный, с длинными спутанными волосами, падавшими на глаза, и темной бородкой. Он издавал художественный журнал «Артист», единственный в своем роде

в России, который просуществовал всего года три и поглотил все его состояние. Ф. А. умер не старым и почти не пережил своего возлюбленного «Артиста». Этот журнал был исключительно посвящен театру и искусству; велся он широко; в нем печатались все новые пьесы; много серьезных статей по истории искусства, критике, вопросам культуры; новые переводы классиков и т. д.

Участвовали там первоклассные по тем временам силы.

Куманин искренно изумился, увидав такого автора — я благодаря маленькому росту выглядела еще моложе, чем была на самом деле. Он приехал просить у меня пьесу! «Настоящий» редактор, в «настоящий» журнал! Гордости и радости моей предела не было!

На другой день я по его просьбе приехала в редакцию, помещавшуюся на Страстном бульваре, и познакомилась кое с кем из сотрудников.

В кабинете у Куманина было много интересных картин и этюдов, — те оригиналы, снимки с которых помещались в журнале.

Чтоб рассмотреть их, я попросила позволения становиться на стулья, так как все висели слишком высоко для меня. Это привело всю редакцию в веселое настроение, и Куманин тут-же заявил, что так как я несомненно «старейшая из всех сотрудников», то он просит позволения звать меня бабушкой. Вообще над моим возрастом и детской наружностью не мало потешались, и Антон Павлович звал меня «маститым беллетристом», «коллегой» и «великой писательницей земли русской»...

Тут-же в «Артисте» я встретилась с публицистом и критиком Виктором Александровичем Гольцевым; видная в то время в Москве фигура, один из редакторов «Русской Мысли», сотрудничавший в «Артисте». Он предложил мне дать ему рассказ. А через него я вскоре познакомилась и с Саблиным и так вошла в «Русские Ведомости».

Когда я теперь вспоминаю об этих серьезных, умных людях, так сердечно и ласково принявших меня в свою среду, так облегчивших мне мои «первые шаги» в литературе, — я невольно удивляюсь этому; но тогда мне все это казалось вполне естественным, и я смело шла вперед, не спрашивая, за что мне все это?

К Чехову, таким образом, со всех сторон протягивались

нити: с одной стороны через Марью Павловну и Лику, с другой — через Саблина и Гольцева, с которыми он был в хороших дружеских отношениях, особенно с последним; с ним он сошелся даже на ты; на дедушку он иногда сердился, потому что в «Русск. Вед.», опасаясь цензурных придирок, иногда «урезывали» его рассказы; но в общем очень его любил. Гольцев, со своей стороны, очень дружный с Саблиным, был совсем не похож на нашего дедушку. Он был моложе его лет на 10, еще темный, но с лысинкой; не было в нем того добродушия и круглой мягкости, как в дедушке, — больше остроты и сухости. Умные, оживленные глаза всегда смотрели насмешливо.

Он легко зажигался, способен был на всякие увлечения и за стаканом своего любимого красного вина говорил такие вещи, что слушавшие иногда начинали опасливо посматривать на стены, зная что и у них есть уши. Он был непримиримый враг существовавшего режима, не скрывал этого, страдал за это, подвергался в свое время высылке и т. п.

Со мной он часто ссорился, пытаясь всячески свести меня с пути «искусства для искусства», по которому, боялся он, я имею наклонность идти, — на стезю «искусства гражданского»; это было его любимое словечко, и он постоянно цитировал мне разные стихи, вроде

«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан».

И первый мой рассказ на общественные темы я посвятила ему. Но, пока, мои пробы в «Артисте», мои фельетоны под названием «Цветы» в «Русских Ведомостях» он критиковал строго, — и вдруг к моему большому изумлению расхвалил «Восточные розы», довольно смелую экзотическую миниатюру из гаремной жизни, — найдя в ней гражданскую ноту: стремление вывести турецкую женщину из-под ига порабощения. Я, признаться, совсем не имела в виду этого, когда писала все фантазии, приходившие мне в 18-летнюю голову, но очень была рада, что ему понравилось. Он донимал меня необходимостью «общей идеи» в произведениях, а я никак не могла уяснить себе, что это такое; он же пылил и уверял, что я нарочно выдумываю; и вот, когда старичек профессор Стороженко, один из членов Литературно-театраль-

ного комитета, пропустив мою пьесу «Вечность в мгновеньи», напечатанную в «Артисте», сказал мне, что ему «особенно понравилась общая идея произведения», я прямо задохнулась от радости и непосредственно после этого с торжеством заявила В. А.:

— Вот у меня есть-же общая идея в «Вечности»!

Он сердито посмотрел на меня и сказал:

— Ну, да, есть: отчего-же я вам толкую, что вы обязаны писать не одни свои цветочки!

Он написал целую шуточную поэму в прозе, в которой изобразил себя — Лаптем «народнического направления», Чехова — орлом, а меня малиновкой, и в этой поэме, — както под общий смех прочтенной за ужином, — Лапоть предостерегал малиновку от орла, который может «съесть ее и пустить по ветру ее красивые перышки», и читал ей нотации, пока его вместе с пустой бутылкой от шампанского (это попало его другу «дедушке») не выметала какая-то метла. «А малиновка все пела... Боги Греции, как она пела!» кончалась поэма. Это была маленькая пика Ант. П—чу за то, что все мы, конечно, уделяли ему, как редко приезжавшему гостю, больше внимания, чем нашим Московским друзьям; пика очень добродушная, потому что сам-то он любил и ждал приездов Ант. П—ча как праздника.

В то время и в этих кружках я и познакомилась с Чеховым, но как-то не в плоскости «известного литератора», а скорей «брата Маши», которую я очень полюбила.

Мне жаль, что я не вела дневников этого периода, очень жаль: помимо того, что это была юность моя — это еще было интересное для Москвы время. Тогда жизнь искусства и литературы шла очень интенсивно, как всегда, говорят, в эпохи реакции, когда—только в театре,—под иносказанием поэмы, — на холсте картины, — могут подготовляться и вызываться к жизни заглушенные силы протеста и борьбы.

В Москве зародился и расцвел Художественный Театр; моя подруга ставила в свой бенефис «Борьбу за счастье», первую пьесу, в которой затрагивался рабочий вопрос; у Мамонтова пел «вышедший из народа» молодой Шаляпин; на выставках чаровал еврей Левитан; поклонение этим двум было уже «протестом»...

Новая картина была событием, новая пьеса — волнением, бенефис любимой актрисы — сенсацией. Рефераты и лекции,

разрешенные и запрещенные, сменялись концертами, выставками и пр. Жизнь кипела; все вертелось около искусства. Среди этого иногда собирались у нас и веселились, как дети, вдруг увлекаясь игрой в фанты или мнения, в большой синей гостиной моей подруги; и так как правилом было — от фантов не отказываться, что́ бы кому ни вышло, — то получались такие картины, что, например, почтенный, корректный профессор политической экономии, седовласый И***, — лез под стол и лаял собакой, а толстый, как воздушный шар, писатель М*** — танцовал балетное па.

Оживленнее всего проходили вечера, когда наезжал А. П. Чехов в Москву. Он останавливался всегда в «Большой Московской гостинице», напротив Иверской (там у него был свой излюбленный номер) и давал знать о своем приезде. С быстротой беспроволочного телеграфа разносилась весть: «А. П. приехал!» — и дорогого гостя начинали чествовать. Его так усиленно чествовали, что это дало повод прозвать его «Авеланом»: это тогда был морской министр, которого в виду «франко-русских симпатий» беспрерывно чествовали во Франции. И вот, когда приезжал «Авелан», начинались так называемые «общие плавания».

Вот передо мною записочка, написанная его тонким, насмешливым почерком: «Наконец волны выбросили безумца на берег»... (несколько строк многоточий). «И простирал руки к двум белым чайкам»...

Это не отрывок из таинственного романа: это просто записка, означавшая, что приехал Ант. П. и хочет нас видеть.

С нами у него были своеобразные отношения.

Ко мне он относился очень хорошо, хвалил мои вещицы, любил мои стихи, звал меня Таня и немилосердно дразнил — как дразнил он только тех, к кому питал расположение.

К моей подруге чувство у него было двойственное: она ему то нравилась, то не нравилась и безусловно интересовала его, как женщина. Он ее первый рекомендовал Суворину, в театр которого она впоследствии перешла. У них шел своего рода легкий флирт. Между прочим, я помню, она тогда играла какую-то индусскую драму, в которой героиня, с голубыми цветами лотоса за ушами, становится на колени перед своим избранником и говорит ему: «Единственный, непостижи-

мый, дивный!..» И когда А. П. приезжал и входил в синюю гостиную, Лидия принимала позу индусской героини, кидалась на колени и протягивая к нему тонкие руки, восклицала: «Единственный! Непостижимый! Дивный!». Отголосок этого я нашла в «Чайке», в том месте, когда Аркадина становится на колени перед Тригориным и называет его «единственным, великим», что-то в этом роде.

Но дальше легкого флирта у них не шло, и А. П. был как-то этим раздосадован.

К этому периоду относится фотография, на которой мы сняты втроем: моя подруга, Ант. П. и я. Сниматься нас возил Куманин.

Это была его идея; он издавал маленькие изящные книжки в роде парижских «Collection Guillaume» — сборники стихов и прозы — и на уголках страниц помещал миниатюрные портреты авторов, а также и виньетки брал с фотографий. Он и повез нас всех сниматься к Трунову: Ант. П—ча в качестве автора, Лидию, Лику и Варю — для виньеток, а меня — и как автора, и для виньеток.

Снимались все порознь, мы вчетвером, по две и т. д. Наконец было решено на память нам сняться втроем. Мы долго усаживались. Когда фотограф сказал «смотрите в аппарат» — Ант. П. успел отвернуться и сделал каменное лицо, а мы всё не могли успокоиться, продолжали смеяться и приставать к нему; в результате карточка вышла такая, что А. П. окрестил ее «Искушение св. Антония».

После съемки, конечно, воспоследовал завтрак в Эрмитаже и т. д. — все по ритуалу.

Антона Павловича затаскивали по обедам, театрам, собраниям литераторов и пр.

Как он сам писал, «он жил в беспрерывном чаду», так что в конце концов он с облегчением уезжал в свое Мелихово до нового «плавания».

В синей гостиной у Лидии он читал только что написанную им «Чайку».

Было много народа, и я смутно помню то впечатление, которое произвела пьеса. Она удивила своей новизной; и тем, кто, как Лидия, признавал только трескуче-эффектные драмы Дюма, Сарду и т. п. — понравиться не могла: Лидия была актриса «французского» жанра и в свое время занималась в Париже с актером «Comédie Française» То. —

Мне, помню, страшно понравился и взволновал меня монолог Нины, а многие увидели в нем только насмешку (!) над новой литературой. Я, впрочем, не могла объективно отнестись к этой пьесе, так как мне казалось, что героиней ее выведена одна близкая мне девушка, близкая также и А. П., которая в это время переживала тяжелый и печальный роман с одним писателем, и помимо всего меня смущал вопрос: неужели ее судьба сложится так же несчастно, как у бедной «Чайки».

Я помню споры, шум, помню неискреннее восхищение Лидии и какое-то, не то смущенное, не то суровое лицо Антона Павловича. Эту пьесу, конечно, по настоящему понял и показал нам только, несколько лет спустя, Художественный Театр.

Компания наша часто пополнялась новыми лицами: И. Н. Потапенко с «интересной бледностью чела» и романсами, которые он пел приятным голосом; сдержанный, серьезный С. Н. Муромцов, впоследствии Председатель 1-й Думы; представительный А. И. Южин, артист Малого театра и драматург; то вдруг какой-нибудь моряк из Японии; то буддийский проповедник; то болгарский певец...

Наезжал и Дм. Нарк. Мамин-Сибиряк, которого любил Чехов и которого дети одних знакомых встречали так:

— Мама, мама, иди скорей, — твой «Сибиряк» приехал!

Крупный, плечистый, с лицом сибирского купчика, совсем не похожий на «писателя», как его себе представляют, а скорей так, на «прасола». С ним вспоминается забавный эпизод. Он очень любил выпить; в семейной жизни он был несчастлив; у него была больная дочка Аленушка, для которой он писал свои прелестные «Аленушкины сказки». В Москве, среди друзей, он оттаивал душой, и когда выпивал, становился необыкновенно чувствительным. Тогда он чувствовал нежность к своей соседке, кто-бы она ни была, и говорил ей трогательные и проникновенные вещи. Не избегла общей участи и я, и провожая меня как-то в санях, морозной ночью, под ярким звездным небом, он говорил мне:

— Милая, чистая девушка, такая-же чистая, как эти звезды... Будь я моложе! будь я достойнее! я сказал-бы вам: стань моей звездой, свети мне на моем трудном пути. Но я несчастный, обреченный...» Тут мы подъехали к «Ма-

дриду» и появление швейцара остановило его красноречие.

Вскоре после этого пришла ко мне одна из моих приятельниц и начала мне с волнением рассказывать.

— Бедный, бедный Мамин-Сибиряк... как мне жаль его...

— А что?

— Да вот, представь, вчера он провожал меня от Тихомирова и вдруг так трогательно, со слезами на глазах, стал говорить мне...

— Милая, чистая девушка! — прервала я ее. — Такая-же чистая, как эти звезды... и т. д.

— Почем ты знаешь? Изумленно спросила она — и осталась очень недовольна и моим объяснением, и смехом...

В нашем кружке всегда было немножко романтически-повышенное настроение; к Лидии многие были неравнодушны, в том числе и «дедушка». В Лику понемножку все были влюблены и т. д. Но должна сказать, что, несмотря на это, отношение к нам было поистине рыцарское: и все, с дедушкой во главе, не только видели в нас женщин, но и уважали в нас товарищей по работе, и никто не вносил никакой ноты пошлости. Да ее и не было в этих людяхъ.

У всех у нас, как всегда в таких кружках, были какие-то шутливые прозвища, на которые особенно был неистощим Ант. П.

Между прочим, себя он называл «Авелан» и «иеромонах Антоний», — это были его любимые названия.

Гольцев прозвал меня «Конституцией» и так и записочки мне писал: «Милая конституция!» Поклонники звали нас с Лидией «поэзия» и «фантазия», уверяя, что мы нераздelимы, как эти два понятия; Ант. П. звал нас «Лиловая безумная» и «Зеленая безумная» — за наше пристрастие к этим цветам. Чаще всего меня звали Фарфадетта, что означает чертик женского пола, как я и подписывала иногда свои стихи. Впрочем, Куманин звал меня, как я уже говорила, — «бабушкой», а Саблин «внучкой» — как видите, прозвища на все вкусы.

Вся эта шумная, праздничная и вместе перегруженная работой, делом и волнениями Московская жизнь иногда становилась нестерпима; мы срывались и уезжали куда-нибудь на два-три дня, например к Сергию-Троице, при чем Гольцев укоризненно качал головой и говорил нам:

— Мало вам живых людей — угодников смущать поехали!

Но лучшим моим отдыхом, моей отрадой бывали поездки в Мелихово, к Чеховым.

Уже одно ощущение, когда после пыльной, шумной, грязной Москвы, грохота ломовиков, теснящейся толпы, душного и спертого воздуха в вагоне — выйдешь бывало на маленькую станцию Лопасня, и вдруг глотнешь чистого воздуха — особенно чистого, ароматного, с запахом поля, травы, сосны, ароматного даже зимой, словно под снегом таилось что-то душистое, — потом сядешь в тарантас или сани и едешь — полями, полями, вдыхая ту благословенную тишину, тот простор, задумчивый и грустно-благостный, какой бывает только в русской природе, — уже одно это ощущение было радостно и успокоительно для утомленных от Московской суеты нервов. Словно вдруг приостановился во время быстрого бега — и делаешь передышку... И от серенького неба, от белых берез, краснеющей рябины по дороге веяло покоем и отрадой (Чехов побранил-бы эту фразу, но она выражает охватывавшее тогда настроение). И это ощущение продолжалось и усиливалось, когда я подъезжала к низенькому дому, когда попадала в уютные комнаты Мелихова, в атмосферу всей этой семьи, такой дружной, такой «настоящей». Я была дитя города, — я жила без семьи, одиноко, в постоянном калейдоскопе новых лиц и впечатлений; и — немного в роде того чувства, которое любят описывать старомодные писатели в наивных рассказах — ребенка, у которого нет елки, смотрящего с улицы на ярко освещенную елку — может быть от того мне так и правилось у Чеховых, что у них было именно то, что так не хватало мне: семья и деревенская жизнь.

Ант. П. в Мелихове был совсем другой, чем в Москве. Там, в Москве, правда, он разделял наши развлечения и интересы, говорил обо всем, о чем говорила Москва, бывал на тех же спектаклях, в тех же кружках, что и мы: просиживал ночи, слушал музыку так же, как и мы; но я не могла отделаться от того впечатления, что он «не с нами», что он—зритель, а не действующее лицо, зритель далекий и

точно старший, играющий с детьми, делающий вид, что ему интересно, — а ему не интересно; и где-то, за стеклами его пенсне, за его юмористической улыбкой, за его шутками — чудилась грусть и отчужденность. Болезнь-ли была тому причиной, которая давала себя знать и, как врачу, была ему слишком ясна; неудовлетворенность ли в личной жизни — потому что девушка, к которой у него было серьезное и глубокое чувство, плохо скрытое той вечной шутливой маской, которую он надевал всегда, — не отвечала ему ничем, кроме дружбы, — но радости в Ант. П. не было; и всегда «издали» на все смотрели его умные, прекрасные глаза.

Он носил брелок с надписью, которую как-то показал мне: «одинокому весь мир—пустыня».

Но Мелихово являлось для него оазисом в этой пустыне. И там он бывал другим. Там он играл активную роль; там всё его интересовало.

Я попала в Мелихово впервые, когда он им владел уже около года, и из запущенной, неказистой усадьбы, которую он купил заглаза, оно успело превратиться под его умелыми руками в полную чашу. Каждая посадка, каждая постройка, каждое новое приобретение, лошадь, собака, всё это увлекало его, и никогда я там не видела того рассеянного, отсутствующего взгляда, какой ловила часто в Москве на какой-нибудь красивой женщине, сквозь которую он смотрел на что-то своё.

Он очень полюбил свое Мелихово. Он писал о нем: «Тут всё в миниатюре: маленькая липовая аллея, пруд величиною с аквариум, маленькие сад и парк, маленькие деревья; но пройдешься раз-другой, вглядишься — и впечатление маленького исчезает, очень просторно, не смотря даже на близкое соседство деревни. Кругом много леса. Изобилие скворцов. А скворец может с полным правом сказать про себя: пою богу моему, дондеже есмь. Он поет целый день, не переставая».

. . .« Да, в деревне теперь хорошо; не только хорошо, но даже изумительно. Весна настоящая, деревья распускаются, жарко. Поют соловьи и кричат на разные голоса лягушки. У меня ни гроша, но я рассуждаю так: богат не тот, у кого много денег, а тот, кто имеет средства жить теперь в роскошной обстановке, какую дает ранняя весна».

И действительно, каждый тюльпан, каждый розовый куст, которые он сам сажал, казались ему богатством, отмечались им и пробуждали в нем действенность.

Он очень много работал в Мелихове. Помимо того, что он писал, и писал много, — он возился с сельским хозяйством, увлекался земской деятельностью — и без конца лечил окружных крестьян и на дому, и за несколько верст; но никогда не уставал от Мелихова так, как от Москвы.

Любопытно, что когда я только что приехала в Москву, окончив гимназию в Киеве, и еще никого почти не знала, я поехала в эту самую Лопасню, в деревню Векшино, где жила моя кормилица, чудесная женщина, заболевшая к сожалению чахоткой.

И когда я ее спрашивала, как она лечится, есть ли у нее доктор и пр. — она мне ответила:

— Не бойся, родимая, дохтур у нас тут такой хороший, что и в Москве не сыщешь, наш «Антон Павлович». И только несколько месяцев спустя, когда я подружилась с Чеховыми и узнала адрес их усадебки, я поняла, что моя кормилица говорила о Чехове.

Я обыкновенно ездила в Мелихово или осенью, или зимой, или ранней весной, не пугаясь распутицы (мы раз с Ив. Павл. ехали из Мелихова на станцию 13 верст около 5 часов: то сани провалятся и примерзнут, их вырубать надо, то лошади провалятся и примерзнут, их вытаскивать приходится). Но летом я обыкновенно скиталась и в Москве не жила. Благодаря этому я обычно попадала туда, когда гостей не было. Летом их наезжало столько, что иногда укладывать было негде, мать Чехова Евгения Яковл. и Марья Павловна с ног сбивались, а Ант. П. сбегал в крохотный флигелек из дома, чтобы работать без помехи. Но я бывала только с семьей. А так как Ант. П. знал, что я приезжала не к нему, а к Марье П., то не было никакого стеснения, и принимали меня радостно и радушно. Он писал сестре в Мелихово, из Москвы, зная, что я там: «Таня обязана остаться и ожидать нашего приезда, иначе ей будет плохо». Обыкновенно перед моими приездами он посылал мне реестры, чего надо привезти, вроде: «Милая Таня, привезите 2 бут. красного вина Удельного, 1 ф. швейцарского сыру, одну вареную колбасу с чесноком и одну копченую, и 1 ф. прованского масла. Обязательно привезите, а то

вам-же самим нечего будет трескать. Любящий вас иеромонах Антоний. Если довезете, то привезите 2 ф. сыру».

Или: «Дорогая Кума, возьмите у Келера на Никольской и привезите 2 фунта крахмалу самого лучшего, для придания нежной белизны сорочкам, а так же панталонам. Там же взять 1/2 фунта прованского масла, подешевле, для гостей. А также побывайте на Арбате у портного Собакина и спросите у него, хорошо ли он шьет. Остаюсь любящий Вас Кум—Мирошник или сатана в бочке».

В осеннюю распутицу он предостерегал меня от поездки: «Я буду в восторге, если Вы приедете ко мне, но боюсь как бы не вывихнулись Ваши вкусные хрящики и косточки. Дорога ужасная, тарантас подпрыгивает от мучительной боли и на каждом шагу теряет колеса. Когда я в последний раз ехал со станции, у меня от тряской езды оторвалось сердце, так что я теперь уже не способен любить».

Но когда я не послушалась его совета, он был очень рад, потому что чувствовал, что я любила и его, и всю их семью, и весь их уклад.

Дом у них был одноэтажный, небольшой, очень уютный. Кабинет Ант. Павл., давший идею художнику для декорации «Чайки», — с тамбуром, чтобы не дуло, с большой тахтой, книжными полками, камином и окнами, в которые весною глядели цветущие яблони, а зимою—доходившие до пол-окна сугробы снега; комната Марьи Павловны, комнаты стариков, уютная столовая с висячей лампой, гостинная, проходная, носившая громкое название «Пушкинской» потому что в ней висел портрет Пушкина, вот почти и всё. Кухня и людские были отдельно. Шутя, приезжих иногда водили по всем комнатам 2—3 раза и каждый раз называли комнату иначе: сейчас — «Пушкинская», а следующий раз «диванная» и т. д. Антон Павл. говорил, что это, как в плохих провинциальных театрах, чтобы усилить впечатление, тех же самых статистов, изображающих войска или народ, несколько раз подряд проводят по сцене.

Жили в доме старики, Ант. Павл., Марья П. и часто наезжали братья — Иван Павл. с головой Христа, тихий и серьезный, и младший, веселый, остроумный Михаил.

Старики были чудесные. Отец, Павел Егорович, высокий, крупный, благообразный старик, в свое время, говорят,

бывал крутенек и властен, но в те дни, когда я узнала его, он признал главенство Ант. П. Он чувствовал всей своей крепкой стариковской справедливостью, что, вот, он дела свои вел неудачно, не сумел обеспечить благосостояния своей семье, — а «Антоша» взял все в свои руки и вот теперь поддерживает их всех, и оба они, и он, и старушка, считали главой дома «Антошу». Евгения Яковл. с умилением рассказывала мне о той, для нее незабвенной минуте, когда «Антоша», тогда еще молоденький студентик, пришел и сказал ей: «Ну, мамаша, с этого дня я сам буду платить за Машу в школу!» (до тех пор это делали какие-то доброжелатели). «С этого времени все у нас и пошло», говорила старушка, «а он первым делом, чтобы все самому платить и добывать на всех... а у самого так глаза и блестят: «сам», говорит, «мамаша, буду в школу платить»... И Пав. Егор. всегда подчеркивал, что он в доме не хозяин и не глава, — несмотря на трогательно-почтительную и шутливую нежность, с которой Чеховы с ним обращались; но в этой самой шутливости конечно уже было доказательство полнейшего освобождения от родительской власти, которая бывала в детстве довольно сурова... Однако ни малейшего по этому поводу озлобления или раздражения у старика не чувствовалось.

Он жил в своей светелке, похожей на монашескую келью, с темными образами, старинными «божественными» фолиантами, с особым запахом каких-то лекарственных трав и кипариса и большими книгами, похожими на толстые конторские, в которые день за днем он записывал всё, что случалось.

Вот драгоценный материал для биографа семьи Чеховых! Там против каждого дня старинным крючковатым почерком были написаны — одна, две строки, но в них содержался главный смысл всего дня, в роде:

14. М. Женился.
15. Превосходно удались Марье налистники.
16. Девченки принесли ландыши из лесу.
17. Пастуха молнией убило.
18. Приехали гости, не хватило тюфяков.
19. Антон сердит.
20. Пиона расцвелась. И т. д.

— Эпически спокойно — радости, горести — все в одной строке...

Из этой книги можно было понять, откуда у Ант. П. дар так кратко и сжато в одной фразе дать всю картину, «в горлышке бутылки, блестящей на плоту» — дать всю лунную ночь...

Пав. Ег. был очень богомолен; любил ездить в церковь, курил в доме под праздник ладаном, а у себя в келье отправлял один вечернюю и всенощную службы, вполголоса читая и напевая псалмы в тишине вечера...

Ко мне он благоволил. Я всегда любила стариков и старушек, часто, в годы юности, именно их делала героями своих повестушек, и мне не было скучно слушать стариковские рассказы и поучения; поэтому он охотно принимал меня у себя в келейке, давал мне читать свою книгу, возил меня в церковь и т. д. — Милый Павел Егорович... Когда он внезапно заболел и скончался — никогда я не забуду, как плакала и убивалась кроткая Евгения Яковлевна и все повторяла беспомощно:

— «Голубчик мой (с характерным южным придыханием на букве г), голубчик мой, а сливы-то я намариновала, так он их любил: и не попробует, голубчик мой»... И было в этой бесхитростной «Чеховской» фразе столько любви и жалости и заботы прожитой вместе жизни, сколько не вместилось бы в длинной, пышной речи.

Дом и уклад Мелиховский, по моему, хорошо мог бы описать только сам Чехов. Это была настоящая «Чеховская» усадьба: совсем не Тургеневская — не старинный дом с колоннами, вековым парком и беседкой-Миловидой, не романтический уголок из «Фауста» или «Затишья»; нет, новый, низкий дом без всякого стиля, всё нового поколения, и новые посадки сделанные руками хозяина. А у всех Чеховых есть одно замечательное свойство, их слушаются, цветы и растения, и все, что бы они не посадили — принимается хорошо. Ант. П. сам сажал, высеивал, обрезал розы, копал гряды, чем то белым обмазывал свои яблони и гордился своим садом. Каждую аллею, каждое дерево показывал в особом освещении: «вот эти сосны особенно хороши на закате, когда красные стволы; а дуб надо смотреть в сумерки» и т. п. И прудик свой он любил, хотя на том берегу его была деревня, но это ему не мешало; и завалинку перед гумном, смотрящую прямо в поле...

Не могу сказать чтобы места там были особенно красивы, но большая прелесть была в просторе полей, в темно-синей черте леса на горизонте, в алых закатах, ложившихся на полосы сжатого хлеба. . и потом, как писал А. П.: «Глушь, тишина, соловьи, лоси». . .

Близость деревни ему не мешала. Отношения с крестьянами установились отличные. Шли они к нему за всем и без церемонии. Полна деревня была каких-то старух, «бабка Вера», «бабка Анна», которых он и Марья П. лечили и содержали. Отправляясь иногда с М. П. в обход по этим «бабкам» я видела как просто и хорошо делалось Чеховыми все что делалось: без слащавой сантиментальности, все с той же шуткой которая является отличительной чертой Чеховых. У всех у них эта немножко юмористическая складка губ, и собирающиеся в морщинки углы глаз, и уменье пошутить и любовь поддразнить, как сам А. П. писал: «Вы знаете, мы не можем жить, если возле нет мишени, куда бы мы пускали свои юмористические стрелы».

Не могу не вспомнить чисто Чеховского эпизода. В один из таких обходов мы с Мар. П. встретили мальченку лет 6—7, которого она не могла припомнить. Она его спросила:

— Кто твой тятька?

— Нет у меня тятьки! Мрачно ответил он.

— А мамка кто?

— И мамки нету.

— Чей же ты?

— А я от двух теток пошел, последовал неожиданный ответ! Оказалось, что его, круглого сироту, действительно воспитывают две тетки. Ант. П. очень веселился, когда мы рассказали ему это.

Мария П. занималась всем по имению. Хрупкая, нежная девушка надевала толстые сапоги, повязывалась белым платочком, из-под которого так хорошо сияли ее глаза, и целые дни пропадала то в огороде, то в поле, то на гумне, стараясь, где возможно, оберечь «Антошу» от лишней работы. Такой дружбы между сестрой и братом, как между М. П. «Ма-па», как он ее звал, и А. П.—мне видеть не приходилось. М. П. не вышла замуж и отказалась от личной жизни, чтобы не нарушить течения жизни Ант. П.; а она то имела все права на личное счастье; но отказывала всем,

думая, что Ант. П. так и не женится. Он, действительно, не хотел жениться, неоднократно уверял, что никогда не женится и «счастье, которое продолжается изо дня в день от утра до утра» — он не выдержит. И женился он поздно, когда трудно было и предположить это; но, я думаю, и вообще не женился бы, если бы не видел, что его будущую жену связала с М. П. очень теплая дружба.

Жизнь в Мелихове шла мирно и тихо. Иногда разнообразилась прогулками по окрестностям или поездкой к соседям С., где хозяйка чудесно играла Бетховена. Ант. П. любил музыку и умел слушать ее. Он много занимался затворившись у себя в кабинете, работал, но когда отдыхал, то отдыхал от души, и бывал тепло радушен и оживлен. Его хорошее отношение ко мне выражалось главным образом тем, что он неимоверно дразнил меня. Кажется никто никогда не дразнил меня так. А больше, чем меня, дразнил он разве Лику. Даже, когда он хвалил меня, он всегда почти делал это под соусом шутки: то уверял, что какие то мои стихи так хороши, что я конечно списала их в каком-нибудь старом журнале; то писал, например: «Сегодня в 9 часов утра, сидя в холодной классной комнате на Н. Басманной, я прочел Ваше «Одиночество» и простил Вам все Ваши прегрешения... Рассказ положительно хорош и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа. Впрочем Вы ничего не понимаете. Ваш А. Чехов».

Правда, бывало, что он и серьезно писал мне, напр.: «Говорят, что Ваша повесть будет напечатана в «Неделе» (речь идет о повести «Счастье»). Радуюсь за вас и от души поздравляю: Неделя — солидный и симпатичный журнал. До свидания, милый дружок. Ваш А. Чехов». Я очень всегда радовалась его добрым отзывам, а его поддразнивание было так добродушно, что я первая над ним хохотала.

У себя на камине, например, он поставил мой портрет (в бальном платье и с веером) и написал на нем «Lisez Schepkina-Coupernik!» — «Читайте Щепкину-Куперник!». Это был такой известный адвокат, князь А. И. Урусов, большой друг Щепкинской семьи, человек европейски образованный и страстно любивший Флобера; в свое время, когда у него попросили автограф для его портрета в какое-то издание, он к большому негодованию патриотов

написал по-французски: «Lisez Flaubert», что и дало повод Ант. П. к этой шутке.

Дразнил он меня всячески. Например, прозвал «Татьяна ***-ва», по имени одного из самых своих не любимых знакомых журналистов, ***-ва, человека к тому же очень невзрачного на вид (я впрочем его так ни разу в жизни и не видала...) и грозил меня выдать за него замуж.

Один из любимых рассказов был такой: как он, Ант. Павл., будет «директором императорских театров» и будет сидеть в кресле, важно развалясь, «не хуже Вашего П.». И вот курьер доложит ему: «Ваше Пр—во, там бабы с пьесами пришли!» (вот как у нас бабы с грибами ходят)... — Ну, пусти!.. И вдруг входите вы, кума, и — в пояс. — Кто такая? — Татьяна ***-ва — с... — А! Татьяна ***-ва!.. Ну, по старому знакомству так уж и быть, приму Вашу пьесу...».

Кумой стал звать меня Ант. П. с тех пор, как мы с ним крестили дочку у его соседа, кн. Шаховского, известного своей деятельностью во время голода. И уверял меня при этом, что он нарочно со мною крестил, а то бы я непременно заставила его жениться на себе!

Как-то Ант. П. затеял писать со мной одноактную пьесу и написал мне для нее длинный первый монолог. Пьеса должна была называться «День писательницы». Монолог тоже заключал множество всяких шуток по моему адресу и начинался так: «Я—писательница. Вы не верите? Посмотрите на эти руки: это руки честной труженицы: вот, даже чернильное пятнышко» (У меня всегда бывало чернильное пятно на среднем пальце...)

Почему-то я запомнила это начало; запомнила еще, как писательница мечтает уехать в деревню: «Чтобы был снег... тишина—тишина... вдали собаки лают и кто-то на гармошке играет, а-ля какой-нибудь Чехов»... Я не успела дописать свою часть, как тетрадка эта у меня куда-то пропала, а с ней и написанный Чеховской рукой монолог... Тогда я даже не пожалела об этом... Странно, но совсем не думалось тогда, что ведь он писатель, которого уже знает и любит вся Россия, что будет время, когда каждую его строчку будут собирать и прятать бережно... А был он просто милый Антон Павл., шутивший со мной так просто... Так мне теперь больно, что я не вела дневника, не заносила в него каждой меткой фразы Ант. П., каждого его доброго слова;

их было так много, так умел он к чужому, самому скромному творчеству подойти с интересом и глубокой внутренней деликатностью; так бы надо было это все сохранить. Но когда человек с нами, жив, здоров — нам в юные годы кажется, что это вечно будет так, призрак потери еще не смущает нас, и мы не считая расточаем все то богатство, о котором после так будем жалеть...

Помню, как то раз шли мы в усадьбу после дождя, который мы долго пережидали в какой-то пустой риге, и Чехов, держа мокрый зонтик, сказал: «Вот бы надо написать такой водевиль: пережидают двое дождь в пустой риге; шутят, смеются, сушат зонты, объясняются в любви; потом дождь проходит, солнце, и вдруг он умирает от разрыва сердца.

— Бог с вами! изумилась я: — какой-же это будет «водевиль»?..

— А за то жизненно. Разве так не бывает? Вот шутим, смеемся, и вдруг — хлоп, конец!..»

Конечно «водевиля» этого он не написал. Как-то вытащил он записную книжку, из которой любил нам иногда прочитывать поразившие его фразы, названия станций, имена (в роде «Розалия Аромат») и сказал: — Вот, кума: когда будете замужем, непременно так с мужем разговаривайте. Это я слышал, когда из Ялты на пароходе ехал: дама говорила мужу: «Jean, твою птичку укачало!».

Надо было слышать его капризно-детский тон, которым он передразнил эту даму! Я после нашла эту фразу в его рассказе «Ариадна». Вообще много каких-то черточек, разбросанных и подмеченных им тогда, встречались мне потом, как старые знакомые. Напр., Варя Э., о которой я упоминала, девушка 22 лет (к которой очень хорошо относился А. П.), поражала нас всех своей забавной в молодой и красивой девушке привычкой: она нюхала табак, как женщины XVIII века. И Чехов свою 22-летнюю Машу в «Чайке» заставляет нюхать табак.

Иногда впрочем А. П. не только шутил со мною, но и делал кое-какие указания, особенно советовал отделываться от «готовых слов» и шаблонных форм, в роде: «причудливые очертания гор... Ночь тихо спустилась на землю...» и т. п. и не выносил, когда попадались в стихах «птички», «звездочки», «цветочки» и т. п. уменьшительные. Одно время

он очень увлекался психиатрией (как раз он писал для «Артиста» рассказ «Черный монах») и говорил мне:—Если хотите сделаться настоящим писателем, изучайте психиатрию, — это необходимо.

Серьезные разговоры скоро сменялись поддразниванием, но и тогда обыкновенно он говорил так серьезно, что я часто попадалась на удочку. Напр., в Мелихове бродили по «наивному», как его называл Чехов, двору кофейного цвета с белым египетские голуби и совершенно такой же расцветки кошка; и А. П. уверил меня, что эти голуби произошли от скрещения этой кошки с обыкновенным голубем; лучше всего было то, что я не решалась не верить такому авторитету, как А. П., и кому-то в Москве потом рассказала о замечательных Чеховских голубях; только когда меня подняли на смех, я устыдилась своего биологического невежества...

Самыми веселыми часами Мелиховского дня были трапезы, за которыми Ант. П. бывал всегда необычайно приветлив, весел и радушен—почти так же, как Евгения Яковлевна, до того любившая всех кормить, что она даже на ночь ставила к моей кровати то кусок курника, то еще что-нибудь: «а вдруг детка ночью проголодается»...

Ант. П. угощал и приглашал к «мутному источнику». Это выражение имеет свою историю.

Пав. Ег. любил ездить в церковь и иногда брал меня с собой. Как то раз в воскресенье были мы с ним у обедни, и деревенский батюшка говорил крестьянам проповедь, которая очень понравилась старику.

Вернувшись из церкви, он сказал:

— Вот, Антон, ты в церковь не ходишь, а какую батюшка хорошую проповедь сказал—приятно было слушать!

А. П. серьезно, но с смеющимися глазами попросил меня рассказать ему содержание проповеди: «что в ней так понравилось папаше?».

Проповедь гласила приблизительно следующее:—«Что бы вы сказали»,—обращался батюшка к прихожанам, «если бы увидали путника, томимого жаждой, и рядом с ним два источника: один прозрачно чистый, другой же мутный и загрязненный, и вдруг путник для утоления жажды пренебрегает чистым источником и утоляет свою жажду в мутном? Вы бы назвали его неразумным! Но не то же-ли самое

делаете и вы, когда в праздничный отдых свой, вместо того, чтобы идти к чистому источнику церковной службы, душеспасительного чтения и пр., — отправляетесь в кабак и там пьянствуете?..» и т. п. (Это было еще до введения монополии и тогда такие проповеди поощрялись). Антон Павл. выслушал проповедь, похвалил ее и сказал:

— Ну а теперь пойдемте к мутному источнику, ибо по берегам его растут великолепные соленые грузди!

С тех пор выражение «мутный источник» получило право гражданства.

После обеда обыкновенно начиналась игра с собаками. В доме жили две таксы, любимицы А. П.: коричневая Хина Марковна, которую он звал «страдалицей» и уговаривал лечь в больницу, чтобы ей полегчало; — и Бром Исаич, черный с подпалинами, о котором А. П. уверял, что у него глаза Левитана: и действительно у него были скорбные, томные, темные глаза, как у Левитана.

Любимая игра была дразнить собак моим собольком, которого я носила на шее. Собаки сходили с ума и лаяли, прыгая кругом него. Мне надоел шум, да я и боялась за судьбу моего соболька, и я его спрятала. После этого меня стало удивлять, что собаки с такой же яростью лаяли, как только Ант. П. покажет им сигарную коробку, стоявшую у него на камине. Так и заливаются, так и рвутся к коробке! Наконец я поняла, в чем дело. Ант. П. потихоньку стащил моего соболька из комода, показал им и при них спрятал в сигарную коробку.

Я упомянула о Левитане и не могу не вспомнить одного эпизода с ним. Левитан был большим другом Чеховых и играл большую роль в молодые годы Чехова.

Я с ним познакомилась еще раньше, чем с Ант. П., там же, где и с Ликой—у одной художницы, Софьи Петровны К.—женщины очень интересной. Это была женщина лет за 40, некрасивая, с смуглым лицом мулатки и вьющимися темными волосами (только не такими, как у негров, а очень мягкими) и с великолепной фигурой. Она была очень известна в Москве, да и была «выдающейся личностью», как принято тогда было выражаться. Она писала красками (и очень хорошо, главным образом цветы), прекрасно играла на фортепиано; в молодости носила мужской костюм и ходила на охоту, а позже ездила с художниками на этюды на

Волгу в качестве полноправного товарища. В городе у нее бывала «вся Москва»,— писатели, артисты, главным образом художники,— в скромной казенной квартире под одной из Московских полицейских частей, где ее муж занимал должность участкового врача... Эту квартиру она устроила оригинально, «не как у всех»: в столовой поставила лавки, кустарные полки, солонки и шитые полотенца, «в русском стиле», спаленку свою задрапировала на манер восточного шатра, по комнатам у нее гулял ручной журавль и т. п. Муж у нее был терпеливый, молчаливый, вся его роль сводилась к тому, что он часам к 12 отрывался от шахмат, за которыми сидел с каким-нибудь приятелем, и, входя в гостиную, где читали, пели, играли и разговаривали,— приглашал:

— Пожалуйте закусить, господа!

За ужином он продолжал оставаться молчаливо гостеприимным; ужин всегда был скромный, но вкусный, и Софья Петровна с гордостью хвалила мужа, подчеркивая, что «хозяйка дома» он, а не она.

Ант. П. не долюбливал Софью П—ну. В то время в Москве прошла трагедия Грильпарцера «Сафо», которую изумительно играла Ермолова, изображая трагедию стареющейся Сафо, любимый которою Фаон увлекается юной Мелитой. Ант. П. прозвал С. П.—Сафо, Лику—Мелитой и уверял, что Левитан сыграет роль Фаона... Софья П. действительно была близка с Левитаном. Левитану тогда было за 30 лет. Очень интересное лицо, слегка вьющиеся темные волосы, очень высокий лоб; великолепные бархатные глаза, остроконечная бородка — тип семитический в его наиболее благородном выражении, испано-арабском. Не даром у Чеховых его любили наряжать бедуином, и Ант. П. устраивал с ним целые театральные представления, где он «творил намаз», подползал из-за кустов с ружьем, или его убивали и т. д. В своих бархатных рабочих блузах он совершенно казался сошедшим со старинного портрета кисти Веласкеза... Он знал, что им любуются и сам обращал внимание на свою наружность, на свой галстук, повязанный бантом, и прочее. Вот насколько Ант. Павл. внешностью не походил на «писателя», каким его себе представляют читатели романов, настолько Левитан был типичен для художника: если бы вывести художника на сцене, то лучшего грима нельзя бы было придумать, чем изобразив его.

Первое же лето по моем приезде в Москву я провела с Софьей Петр. и Левитаном; они сняли старинное именье у обедневших помещиков «Островно» в очень красивой местности на озерах, недалеко от Мсты; и Софья П. на все лето пригласила меня с молоденькой приятельницей: она любила окружать себя молодыми лицами, и права была... Ее горе пришло не от молодого существа. — Левитан очень нас полюбил, звал «девочками», играл с нами, как с котятами, писал нас в наших платьицах «ампир»—меня в сиреневом, а ее в розовом, на серебристых от старости ступенях террасы, заросшей сиренью; возил нас на лодке на островок и оставлял там до 6 часов, когда опять приезжал, чтобы отвезти домой. На этом островке мы оставались одни и жили жизнью лесных нимф: купались, обсыхали на солнце, опять купались, рвали землянику, а потом она учила какие-то монологи,—она была ученицей театральной школы, тоненькая девушка с наивными глазами и толстой косой, — а я писала бесконечные стихи. Когда раздавался плеск весел по озеру в предзакатной тишине, мы набрасывали свои платьица и бежали к берегу,—и уже с озера слышали веселый голос Левитана:

— Девочки, ужинать! Раки сегодня!..

Софья Петр. была ласкова, весела, ходила в каких-то невероятных греческих хитонах или утрированно-Васнецовских шушунах и по вечерам играла Лунную Сонату или Appassionat'у, а Левитан слушал, жмурил от удовольствия глаза и по своей привычке протяжно вздыхал...

Но идиллия нашей жизни к середине лета нарушилась. Приехали соседи, семья видного Петербургского чиновника, имевшего поблизости усадьбу. Они, узнав, что тут живет знаменитость, Левитан, — сделали визит Софье П. — и отношения завязались. Это была мать и две очаровательные девушки наших лет. Мать была лет Софьи Петровны, но очень soignée, с подкрашенными губами (С. П. краску презирала), в изящных, корректных туалетах, с выдержкой и грацией Петербургской кокетки... И вот завязалась борьба.

Мы, младшие, продолжали свою полу-детскую жизнь, а на наших глазах разыгрывалась драма... Левитан хмурился, все чаще и чаще пропадал со своей Вестой «на охоте», Соф. П. ходила с пылающим лицом, и кончилось все это

полной победой Петербургской дамы и разрывом Левитана с Соф. П—ной.

Нам было жаль Соф. Петр., но с бессознательной жестокостью 17 лет мы удивлялись: неужели в такие годы можно любить?

И я серьезно говорила:

— Когда мне будет 40 лет, я или умру, или в монастырь пойду...

Вот эта-то бедная Соф. Петр. и послужила в свое время предметом раздора между Ант. П. и Левитаном, бывшими однако настоящими, большими друзьями.

Ант. П. написал рассказ «Попрыгунья», на который его несомненно натолкнуло что-то из жизни Соф. Петр.—Только писатель знает, как преломляются и комбинируются впечатления от виденной и слышанной жизни в жизнь творческую. С наивностью художника, берущего краски, какие нужно и где можно, Ант. П. взял много внешних черточек из обстановки С. П.; он сделал свою героиню очаровательной 20-летней блондинкой, и ему казалось, что этого довольно; однако Соф. П. себя «узнала» и обиделась. Ант. П. писал по этому поводу одной из своих корреспонденток:

...«Можете себе представить, одна знакомая моя, 42-летняя дама, узнала себя в 20-летней героине моей «Попрыгуньи» и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор, и живет она с художником».

Левитан, «узнавший» себя в художнике Рябовском, тоже обиделся, хотя в сущности обидного ничего для него не было, и за одну несравненную талантливость этого рассказа надо было автору «простить все прегрешения». Тут вступились друзья, приятели, пошли возмущения, негодования, разрасталась тяжелая история, и друзья больше года не виделись и не разговаривали, что обоим было очень неприятно...

Как-то зимой, отправляясь в Мелихово, я заехала по дороге на вокзал к Левитану, обещавшему мне показать этюды, написанные в «Островно», в его красивую, в коричневых тонах, мастерскую, отделанную для него Морозовым в своем особняке. Я была нагружена всякими покупками, радостно оживлена, как всегда, когда ехала к Чеховым. Когда Левитан узнал, куда я еду, — он стал по своей привычке

длительно вздыхать и говорить мне, как ему тяжел этот глупый разрыв и как-бы ему хотелось туда поехать.

— Зачем-же дело стало? Говорю я с энергией и стремительностью 19-и лет; — раз хочется, так и надо ехать. Поедемте со мной сейчас!

— Как? Сейчас? Так вот и ехать?..

— Так вот и ехать.

— А вдруг это будет не кстати... А вдруг он не поймет...

— Беру на себя, что будет кстати! безапелляционно решила я. Левитан заволновался, зажегся... и вдруг решился. Бросил кисти, вымыл руки — и через несколько часов мы подъезжали по зимней дороге к низенькому Мелиховскому дому. Всю дорогу Левитан волновался, протяжно вздыхал и с волнением спрашивал:

— Таничка, а вдруг (он очень приятно грассировал) — мы глупость делаем?..

Я его успокаивала, но его волнение невольно заражало и меня, и у меня сердце стало ёкать: а вдруг я его подведу под неприятную минуту? Хотя с другой стороны, зная Ант. П., я была уверена, что нет.

И вот мы подъехали к дому; залаяли собаки на колокольчик,—выбежала на крыльцо Марья Павл., вышел закутанный Ант. П. — в сумерках вгляделся, кто со мной—маленькая пауза — и оба кинулись друг к другу, так крепко-крепко схватили друг друга за руки — и вдруг заговорили о самых обыкновенных вещах — о дороге, о погоде, о Москве... будто ничего и не случилось.

Но за ужином, когда я видела, как влажным блеском подергивались прекрасные глаза Левитана и как весело сияли обычно задумчивые глаза Ант. П.,—я была «ужасно довольна сама собой».

Историю с С. П. Чехов очень не любил и между прочим писал мне по поводу моего рассказа «Одиночество»:

— «А все-таки вы не удержались, и на строке 180 описали С. П.» — Но он напрасно поддразнил меня этим: я ее не описывала в этом рассказе. А много лет спустя, когда ни ее, ни Левитана уже не было на свете, — я описала их историю в рассказе «Старшие», напечатанном в «Вестнике Европы»; теперь можно в этом сознаться.

Когда Чехов продал Мелихово и окончательно переселился в Ялту, у меня точно оторвался кусочек сердца

В это же время умерла и моя кормилица, — и больше мне незачем стало ездить в Лопасню.

Вскоре и я уехала из Москвы, жила то за границей, то в Петербурге, но в Крым мои скитания меня не приводили.

Время от времени мы обменивались письмами с Ант. П.

Он писал в обычно-шутливом тоне, напр., просил меня прислать пьесу. «Любезная Кума, окажите услугу, пришлите мне пьесу Вашу «Вечность в мгновении» и поскорее пожалуйста, хотим поставить ее, уплатив Вам авторского один рубль. Афишу пришлю своевременно, а также и рецензию. (Тут тоже водятся рецензенты. Хорошо пишут).

Если почему-либо не можете выслать пьесу, то поскорее уведомьте. Мой адрес — Ялта д. Бушева. Кстати напишите как делишки. Мне здесь скучно, как белуге. Не забывайте и иногда пишите. Вообще же поменьше об себе понимайте и почитайте старших.

Ваш благодетель и кум Повсекакий. Пишите. Пробуду тут весь месяц.

Где можно купить «Романтики?». Очень нужны. Видите как я забочусь о Вашей славе. Как только заговорили о любительском спектакле, я тотчас-же Вам эстафету».

Следующее письмо он писал мне в ответ на мою просьбу — разрешить играть в Малом театре его пьесу «Медведь», которую хотела поставить А. Н. Щепкина.

— «Милая Кума, спешу ответить Вам насчет «Медведя». Повторяю, я очень рад. Пишу — повторяю, потому что года 2 назад, по Вашему произволению, я уже писал о своем согласии и чут-ли кажется не подписал условие. Мой «Медведь» пойдет на Малом театре (или правильнее — на сцене Малого театра) — для меня это только лестно.

Татьяна ***-ва-с, я на сих днях послал Вам открытое письмо, просил у Вас «Вечность в мгновении». Пришлите, пожалуйста. Я хочу здесь прочесть лекцию «об упадке драматического искусства в связи с вырождением» и мне придется прочесть отрывки из Вашей пьесы и показать публике фотографии — Вашу и артиста Г.

Да, Вы правы: бабы с пьесами размножаются не по дням, а по часам, и, я думаю, только одно есть средство для борьбы с этим бедствием: зазвать всех баб в магазин Мюр и Мерилиза, и магазин сжечь.

Компания здесь есть, мутные источники текут по всем

направлениям, есть и бабы—с пьесами и без пьес, но все же скучно: давит под сердцем, точно съел громадный горшок постных щей. Приезжайте, мы поедем обозревать окрестности. Еда тут хорошая.

Ваш кум А. Чехов».

Я первая написала ему о постановке его «Чайки» в Художественном театре, на которой к сожалению он не присутствовал. Он откликнулся письмом:

— «Милая кума, поздравляю Вас с новым годом, с новым счастьем, желаю провести оный в добром здравии и благополучии и дождаться многих предбудущих. Телеграмму Вашу получил, и был тронут до глубины сердца. И письмо Ваше пришло первым, и, так сказать, первой ласточкой, принесшей мне вести о «Чайке» были Вы, милая, незабвенная кума.

Как Вы поживаете? Когда пришлете мне Вашу книжку стихов? Кстати, Ваше стихотворение «Монастырь» просто прелесть, одно великолепие. Очень, очень хорошо. Здесь в Ялте продолжается теплая погода, хочется снегу. Жму руку. Будьте здоровы. Не забывайте Вашего кума кучера Антона».

А стихотворение, о котором упоминает Ант. П., было навеяно, как раз, похоронами его отца в Новодевичьем монастыре...

Так время от времени мы писали друг другу, но встречались уже редко.

Последняя наша встреча живо осталась в моей памяти...

Ант. П. приехал в Москву осенью, но медлил уезжать, несмотря на ужасную погоду. Он остановился в небольшой квартирке, которую его жена делила с Марьей Павловной. Я изумилась происшедшей в нем перемене: бледный, землистый, с ввалившимися щеками, он совсем не похож был на прежнего А. П.

Трудно было поверить, что он живет в Ялте — ведь это должно было поддержать его, и все говорили, что в его возрасте болезнь эта не опасна для жизни. Он горбился, зябко кутался в какой-то плед, и то и дело подносил к губам баночку для сплевыванья мокроты.

Его жена, прекрасная артистка О. Л. Книппер, не мыслила себя без Художественного театра, как и театр не мыслил себя без нее.

Ант. П. шутя писал как-то одному своему приятелю: «Извольте, я женюсь если Вы хотите этого; но мои условия — всё должно быть как было до этого, т. е. она должна жить в Москве, а я в деревне, и я буду к ней ездить. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая как луна являлась-бы на моем небе не каждый день». Он писал это лет за 6 до своей женитьбы, но то, что так весело звучало в шутливом письме, оказалось не совсем так на деле. Ант. П., очень ценя талант О. Л., разумеется не допускал и мысли, чтобы она отказалась от сцены, но скучал без нее в Ялте, рвался в Москву и застревал там дольше, чем позволяли доктора и благоразумие.

В этот вечер О. Л. участвовала в каком-то концерте, за ней приехал корректный Влад. Ив. Немирович во фраке с безупречным белым пластроном. О. Л. вышла в нарядном туалете, повеяла тонкими духами, ласково и нежно простилась с Ант. П., сказав ему какую-то шутливую фразу, чтобы он «не скучал и был умником», и исчезла.

Ант. П. поглядел ей вслед, сильно закашлялся и долго кашлял. Поднес свою баночку к губам, и когда прошел приступ кашля, сказал — без всякой видимой связи с нашим разговором, весело вертевшимся около воспоминаний прошлого, общих знакомых и пр.

— Да, кума.. помирать пора..

После этого раза я больше не видела Ант. П. и даже не была на его похоронах, так как о его кончине узнала в путешествии. Я приехала на его могилу в Новодевичий монастырь только несколько лет спустя после его смерти... и застала там свежие цветы и какую-то молодежь, пришедшую поклониться праху тогда еще любимого писателя. С башенных часов, отбивающих каждую минуту, слетали и, как жемчужины, падали минуты в чистый воздух, и под их звон слагались в душе стихи. Я стояла над его могилой и думала:

«Но полно... Здесь-ли он? под тяжестью гранита
Ужель его душа погребена и скрыта?
Ужели нет его?.. В прозрачной тишине,
Где слышен ход минут, как звон жемчужных четок,
Он верно с нами здесь, печален, но и кроток;
Он с нами — навсегда; и в каждом сером дне,
И в русских сумерках, и в летней дрёме сада,

И в нежной девушке с задумчивостью взгляда,
И в скорбной женщине с надломленной душой;
В молитвенной тоске и чистой и большой;
В осеннем вечере и в музыке Шопена;
Он с нами, наконец, и в светлой вере той,
Что человечество разрушит узы плена,
«И будет жизнь еще прекрасной и святой»...
Он с нами — навсегда; душа его родная,
Все наши тягости, сомненья, муки зная,
Нам издали дарит свой грустный тихий свет,
Как тихая звезда над темными волнами...
И верю: с Чеховым для нас разлуки нет;
Пока душа жива — я знаю, Чехов с нами!».

Т. Щепкина-Куперник.

Ленинградский Институт Книговедения

М. П. КЛЕНСКИЙ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СОЧИНЕНИЙ

А. П. ЧЕХОВА

(1880—1904).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Чтобы понять ход развития творчества Чехова, надо изучать все им созданное, как бы это все ни было пестро, мелко и — на перый взгляд — малосодержательно. Только глубокое знание всего творчества является надежным условием правильных выводов. Слишком поверхностный взгляд на первый период (1880—1887) творческой деятельности нашего писателя держится до сих пор потому, что никто из его исследователей и критиков не изучал, по возможности, всех произведений за эти годы. Говорят, например, что молодой Чехов был юмористом, и полагают, что этим все или почти все сказано. Между тем, знакомство со всеми его произведениями заставляет признать, что он обладал изумительно «многогранным» талантом. Он, в годы формирования, был — реалист, юморист, сатирик, шаржист, пародист, каррикатурист, фельетонист, рецензент, судебный хроникер... Не все эти черты его обаятельного таланта были одинаково сильно выражены, многие из них, с годами, блекли, другие — расцветали, писательский образ его видоизменялся.

Кропотливый труд изучения его «лицейских» рассказов, очерков, сценок, набросков и проч. вознаграждается проясняющейся картиной постепенного и быстрого превращения автора Письма Донского помещика... (1880) в автора Панихиды (1886) через целый ряд промежуточных творческих моментов.

Мой список вырастал постепенно и был вызван недостатками так наз. «Полного собрания сочинений Ант. П. Чехова», изд. А. Ф. Марксом, в виде приложений к «Ниве», и несовершенством двух списков — предшественников.

О недостатках издания Маркса говорить много не приходится. В этом издании сочинения Чехова напечатаны не в хронологическом порядке, в нем нет историко-литературных указаний, под многими произведениями дополнительных томов поставлены неправильные даты... Словом, читая произведения Чехова в этом издании, — нельзя получить даже приблизительное понятие о развитии идейной и художественной стороны его творчества. Кроме всего этого, издание Маркса не может быть названо «полным»: в нем нет более ста работ Чехова.

Неполнота списка сочинений Чехова (А. В. С—въ. Из «Владимирских Губернских Ведомостей», г. Владимир. 1904) признается самим составителем.

Второй список составлен И. Ф. Масановым («Библиография сочинений А. П. Чехова». — «Русский Архив», 1906 г., № 6, стр. 281—306 и отдельно: М., 1906). Несравненно полнее предыдущей, эта работа ценна перечнем «отдельных изданий» сочинений Чехова, начиная со «Сказок Мельпомены» (1884) и кончая «Вишневым садом» (1904). И. Ф. Масанов распределил сочинения по журналам, газетам и сборникам, как бы гнездами, а не в порядке появления их в печати вообще.

Мой список отличается от предыдущего, во 1) хронологическим порядком расположения сочинений, вне зависимости от того, в каком органе они впервые появились; 2) указанием не только №№ изданий, но и дат; 3) указанием на время «цензурных дозволений»; 4) указанием на изменения в текстах полного собрания сочинений сравнительно с текстами первоначальными; 5) внесением

«нового» материала; 6) указанием на томы и страницы «Писем» Чехова, где упоминаются им самим его же произведения.

Под «новым» материалом я разумею, главным образом, — фельетоны «Осколки Московской Жизни», которые Чехов писал в 1883—1885 гг., — и судебные отчеты по делу Скопинского банка («Дело Рыкова и Комп.»), писавшиеся им в конце 1884 г. для Петербургской Газеты.

Кстати сказать, Чехов, прекратив фельетоны «Осколки Моск. Жизни» («Осколки», 1885), участвовал, мне кажется, в фельетонах «О том и о сем» («Будильник», 1886—1887). Анализ содержания и стиля, общая манера письма, форма, тон, приемы юморизации, характер шаржа и каррикатуры, соответствие взглядов по вопросам, общим для тех и других фельетонов, и многое другое—заставляет меня предполагать это авторство. Есть о нем и свидетельство, с ошибкой во времени и неточностью в названии фельетонов (см. «Чеховский Юбилейный Сборник». М. 1910, стр. 364—365). Однако, в виду трудности установить точно принадлежность этих фельетонов Чехову, в настоящий список они не включены. Исследование этого вопроса будет мной решено, в том смысле, что Чехов принимал деятельное участие в фельетонах «О том и о сем».

Есть в моем списке и другие отличия сравнительно со списком И. Ф. Масанова. Мне удалось найти несколько произведений, несомненно принадлежащих Чехову; мною введены произведения, которых И. Ф. Масанов не мог знать почти 20 лет тому назад, когда издавал свой ценный труд; одно произведение, помещенное в списке И. Ф. Масанова, как Чеховское, я отвергаю; есть мелкие несходства в начертании названий произведений и т. п.

Теперь наступает пора детального исследования творчества Чехова. Оставленное им литературное наследство—громадно. Чтобы не потеряться в «бесконечности» его про-

изведений, следует, по завету Гёте, — сперва различать их и затем связывать («Dich im Unendlichen zu finden, musst unterscheiden und dann verbinden»).

По условиям современного печатного дела, я сократил работу, по крайней мере, — на три четверти; сокращения коснулись текстовых и историко-литературных примечаний.

Необходимо иметь в виду следующие условные обозначения: Будильник (Буд.), Зритель (Зр.), Мирской Толк (М. Т.), Москва (М.), сб. «Невинные речи» («Нев. р.»), Новое Время (Н. Вр.), Новости Дня (Н. Д.), Осколки (О.), сб. «Пестрые рассказы» («П. р.», Петербургская Газета (П. Г.), Развлечение (Р), Русская Мысль (Р. М.), Русские Ведомости (Р. В.), Русский Сатирический Листок (Р. С. Л.), Сверчок (Св.), Свет и Тени (С. и Т.), Северный Вестник (С. В.), сб. «Сказки Мельпомены» («Ск. Мельп.»), Спутник (Сп.), Стрекоза (С.), сб. «Хмурые люди» («Хм. л.»).

Другие условные обозначения: упомянутое выше издание А. Ф. Маркса везде пишется в сокращении: С.; «дозволено цензурой» (д. ц.); «Письма» Чехова, VI томов, под ред. М. П. Чеховой,—означаются одной буквой—П; числа в скобках — даты цензурных разрешений; перемножаемые числа: строки и «знаки» в строках, напр., 66 × 60 — следует понимать так: в данном произведении 66 строк, по 60 знаков в каждой; «нивскими» строками я называю везде строки «Полного собр. соч. Чехова» в изд. А. Ф. Маркса (приложения к «Ниве»).

Что касается заметок об изменениях в тексте, то охарактеризовать их одним — двумя словами — невозможно. Важно количество изменений, но еще важнее их характер. Есть у Чехова произведения, в которые он внес сто—двести поправок, и есть произведения, где изменений не так уж много, но они чрезвычайно интересны сами по себе. В изменениях текста видна рука большого мастера слова,

который, как опытный хирург, уничтожал все «вредоносное» в организме своего же создания. Иной раз перестановка слов, выпуск слова, ничтожная перемена в форме или другое какое-нибудь изменение — мгновенно давало то, чего нехватало прежде.

Сравнив тексты, я могу сказать пока следующее: ни одно произведение не было испорчено внесенными изменениями; чем лучше было произведение в первопечатном виде, тем меньше претерпевало оно изменений впоследствии; Чехов не изменял поправками основы произведения (есть ничтожные исключения из этого общего положения); в поправках он стремился к простоте, естественности, правдоподобию, углублял и расширял психологический элемент, безжалостно выбрасывал все лишнее, как бы проводя свое же правило, высказанное в одном из писем: чтобы из куска мрамора получить лицо, надо удалить из него все, что не есть лицо — и он удалял, не смущаясь количеством уничтожаемых строк.

Вследствие разнообразия изменений, я принужден был ограничиться в списке простыми указаниями, несмотря на то — много или немного изменений мною замечено (я записывал каждое измененное место в двух редакциях, старой и новой, одну против другой), значительны или незначительны они, т. е. важны или не важны, хотя должен оговориться, что изменений, которых можно было бы не делать, у Чехова — нет.

Без Российской Публичной Библиотеки моя работа никогда не осуществилась бы. Поэтому считаю своим нравственным долгом принести глубокую благодарность В. И. Саитову — за доверие ко мне и неизменно-благожелательное отношение к моему труду. Сердечно благодарю М. А. Садову, отпускавшую мне книги, журналы, газеты

*

и др. материалы — в течение нескольких лет. Благодарю и всех других сотрудников Р. П. Б., услугами которых я пользовался: А. В. Николаева, Н. Р. Политура, Д. Д. Шамрая... Выражаю самые теплые чувства признательности А. И. Лященке, дававшему мне разные материалы, а также Н. Т. Бызову, — никогда не отказывавшему мне в источниках, экстренно требовавшихся для моего труда.

Обязан я и Петроградскому Институту Книговедения: он одобрил мою работу и признал ее заслуживающей опубликования. Такое большое внимание я высоко ценю и глубоко благодарю за него.

С чувством особой признательности отношу последние строки моего предисловия к двум сотрудникам Петроградского Института Книговедения: А. Г. Фомин — первый обратил внимание на мой труд и дал указания, которыми нельзя было не воспользоваться, а С. Д. Балухатый — также дал мне ценные указания и советы и убедил — пока — воздержаться от одного очень важного заявления по вопросу об авторстве Чехова.

М. Кленский.

30 мая 1923 г.

ОТ ИНСТИТУТА КНИГОВЕДЕНИЯ.

Считая, что любая библиографическая работа нуждается в периодическом обновлении и пополнении, Петроградский Институт Книговедения признал вполне своевременным появление библиографического обзора сочинений Чехова, составленного М. П. Кленским, несмотря на наличие в прошлом двух опытов того же рода (А. В. С—в. Ант. П. Чехов. Владимир. 1904 и И. Ф. Масанов. Библиография сочинений А. П. Чехова. Русск. Архив, 1906, № 6 и отдельно), впрочем, достаточно устарелых. Сознательный отбор своих произведений, сделанный Чеховым еще при жизни для первых двух изданий «полного» собрания сочинений, систематическая переработка им начальных текстов, участие Чехова в многочисленных изданиях с меняющимися подписями-псевдонимами, наконец, не совсем внимательное и разборчивое отношение последующих редакторов к «забытому» или «не вошедшему» в полное собрание сочинений материалу, создали необходимость неизбежного при работах над произведениями Чехова обращения к первоисточникам. В этом отношении исчерпывающий и авторитетный библиографический указатель, созданный на основе внимательного пересмотра журналов и газет, должен был бы явиться надежным ключом.

Новое обращение составителя предлагаемого указателя

к первопечатным источникам позволило значительно пополнить коллекцию имевшихся в предшествующих указателях номеров произведений писателя и поставить в известность интересующихся творчеством раннего Чехова о наличии ряда еще непереизданных рассказов и фельетонов. Помимо того указатель М. П. Кленского дает впервые выдержанный хронологический список произведений писателя с приведением всех известных дат, подготовляя тем самым канву творчества Чехова.

Помимо других особенностей указателя, о которых составитель говорит в предисловии, надлежит отметить наличие в списке ценных замечаний о работе Чехова над текстом своих произведений, равно как о характере и объеме этой работы. Выходя собственно за пределы элементарного указания на местонахождение и время напечатания произведений писателя, эти замечания явились в результате, скрытой как бы от читателя, многолетней, трудной и терпеливой работы по сверке текста. И нужно лишь сожалеть, что по издательским условиям, М. П. Кленский лишен возможности опубликовать полностью свои наблюдения. Мы еще не имеем текстологии Чехова и в этом отношении соответствующие замечания составителя списка дают необходимые отправные указания. Не менее важно для историко-литературного изучения произведений Чехова ссылки М. П. Кленского на места-комментарии в письмах Чехова. Эти указания выполняют как бы часть работы по систематическому обследованию шеститомного собрания писем Чехова.

Полное обследование этих писем, как по составлению именного указателя, так отчасти и систематического, было предпринято еще в 1921 году Петроградским Институтом Книговедения, ныне им закончено и подготавливается к печати. Появление подобных работ под знаком Института объясняется тем, что помимо составления и публи-

кации текущей библиографии, Институт Книговедения, унаследовавший картотеку и архив С. А. Венгерова, включает в свои специальные задачи разработку библиографии на историко-литературные темы. К этим работам и примыкает предлагаемый ниже указатель сочинений А. Чехова, одобренный и признанный Институтом заслуживающим опубликования.

Примечание ред. «Чеховского Сборника». При составлении «Чеховского Сборника» Пушкинский Дом при Российской Академии Наук получил от Ленинградского Института Книговедения в лице А. Г. Фомина и от М. П. Кленского предложение включить в Сборник, в качестве приложения, составленный М. П. Кленским и одобренный Институтом Книговедения «Библиографический список сочинений А. П. Чехова». Охотно идя навстречу пожеланиям автора и Института Книговедения, Пушкинский Дом и Редакция Сборника публикуют ныне труд М. П. Кленского и тем, по мере сил, способствуют введению в научный оборот библиографической работы, надобность в которой уже давно назрела.

1880.

Письмо Донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху. — *С.* № 10, 9 марта (6). Подп.: ..... въ.

Что чаще встречается в романах, повестях и т. п.? — *С.* № 10, 9 марта. Подп.: Антоша. 37×60. В С. — нет.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (Роман в одной части без пролога и эпилога). — *С.* № 19, 11 мая (7). Подп.: Чехонте.

Каникулярные работы институтки Наденьки N. — *С.* № 24, 15 июня (12). Подп.: Чехонте. 72×57. В С. — нет.

Папаша. — *С.* № 26, 29 июня (26). Подп.: Ан. Ч.

Тысяча одна страсть, или Страшная ночь (Роман в одной части с эпилогом). (Посвящаю Виктору Гюго).—*С.* № 30, 27 июля (24). Подп. Антоша Ч.

За яблочки. — *С.* № 33, 17 авг. (14). Подп.: Чехонте.

Перед свадьбой (Посвящаю милой сердцу).—*С.* № 41, 12 окт. (9). Подп.: Антоша Чехонте.

По-американски. — *С.* № 49, 7 дек. (4). Подп.: Антоша Ч. 66×60. В С. — нет.

Во второй год студенчества (1880—1881) А. П. Чехов написал большую пьесу, которую хотел поставить на сцене Моск. Малого театра в бенефис М. Н. Ермоловой. Так говорит М. П. Чехов в биографическом очерке (П. II, стр. IV). Это самая ранняя пьеса Чехова, если не считать гимназических опытов: драмы „Безотцовщина" и водевиля „Не даром курица пела". Пьеса нашлась в архиве писателя и была издана в Москве (1923 г.).

1881.

Двадцать девятое июня (Шутка). С удовольствием посвящаю охотникам, плохо стреляющим и не умеющим стрелять. — *Буд.* № 26, 29 июня (19). Подп.: Антоша Чехонте. Есть другой р. с этим же з. (Сп. 1882 г., № 12, 29 июня).

Темпераменты (По последним выводам науки). — *Зр.* № 5, 18 сент. (14). Подп.: Антоша Ч***. 127×58. В С. — нет.

Извлечение из путевого журнала. — *Зр.* № 9, д. ц. 29 сент. Подп.: Извлекал Антоша Ч.

Салон де-Варьете. — *Зр.* № 11, д. ц. 4 окт. Подп.: Антоша Ч. В С. — нет.

Сельские картинки. а) Суд. — *Зр.* 14, д. ц. 23 окт. Подп.: Антоша Чехонте.

Контора объявлений Антоши Ч. для удобства гг. публикующих арендовала в Зрителе на 1881 год отдел для помещения реклам и объявлений разного рода. — *Зр.* № 15, д. ц. 24 окт. и № 19—20, д. ц. 18 н. Строк 60+76, равных приблиз. 90 нивск. В С. — нет.

Поэзия и проза. — *Зр.* № 16, д. ц. 29 окт. Подп.: Антона Ч. 79×43. В С. — нет.

Свадебный сезон (К рис. Н. Чехова). — *Зр.* № 18, д. ц. 10 н. В левом нижнем углу журн. страницы подписи: „Сочинял Антоша Ч.". — „Рисовал Н. Чехов. 81". В журн. 98 рукописных строк (повидимому, Н. П. Чехова), равных приблиз. 50 нивск. „Антоша Ч." написано рукою Ант. П-ча, если судить по почерку. В С. — нет. Первые намеки на будущую „Свадьбу".

Сара Бернар. — *Зр.* № 21—22, д. ц. 30 н. Подп.: Антоша Ч. 219×37. В С. — нет.

Жоны артистов (Перевод с... португальского). — *Альманах „Буд."*. М. 1882 г., д. ц. 5 дек. 81 г. Под текстом: „10-го марта 1881 года. Сант Яго-де-Компостелла. Антоша Чехонте". Сб. „Ск. Мельп." (1884 г.).

Опять о Саре Бернар. *Зр.* № 23—24, д. ц. 6 дек. Подп.: Антоша Ч. 237×37. В С. — нет.

Письма и телеграммы. — *Зр.* № 23—24. Подписи нет, но в „Содержании" журн. № сказано: „И то и се. — Письма и телеграммы Антоши Ч.". 88×52. В С. — нет.

Грешник из Толедо (Перевод с испанского). — *Зр.* № 25—26, д. ц. 23 дек. Подп.: Антоша Ч.

1882.

Гамлет на Пушкинской сцене. — *М.* № 3, д. ц. 19 янв. Подп.: Человек без селезенки. 104×50. В С. — нет.

Дополнительные вопросы к личным картам статистической переписи, предлагаемые Антошей Чехонте. — *Буд.* № 5, 1 ф. (29 янв.). 18×37. В С. — нет. После слова „переписи" в „Содержании" журнала напечатано: „в Москве".

На волчьей садке. — *М.* № 5, д. ц. 3 ф. Подп.: Антоша Ч. 158×65. В С. — 3 незначит. несходства.

Комические рекламы и объявления. — *Буд.* № 7, 12 ф. (12). Подп.: Сообщил Антоша Чехонте. 84 строки разной величины, равн. приблиз. 50 нивск. В С. — нет.

Задачи сумасшедшего математика. — *Буд.* № 8, д. ц. 20 ф. Подп. Сообщил Антоша Чехонте. 30×58. В С. — нет.

Забыл!! *М.* № 8, д. ц. 25 ф. Подп.: Человек без селезенки.

Жизнь в вопросах и восклицаниях. — *Буд.* № 9, 29 ф. (26). Подп.: Антоша Чехонте.

Календарь „Будильника" на 1882 год.—Март.—*Буд.* №№ 10, 11, 12 и 14 (д. ц. 6, 13, 20 марта и 9 апр.). Подп. в первых трех №№ журнала: Заведующий календарем „Будильника" Антоша Чехонте; в № 14: За заведующего календарем „Будильника" Г. Балдастов. Около 500 нивск. строк. В С. — нет.

Исповедь, или Оля, Женя и Зоя. — *Буд.* № 12, д. ц. 20 марта. Подп.: Г. Б—въ. Эту подп. следует считать сокращением „Г. Балдастов“ (См. предыдущее сочинение).

Встреча весны (Рассуждение). — *М.* № 12, д. ц. 23 марта. Подп.: Человек без селезенки. 113×53. В С. — нет.

Зеленая коса (Маленький роман). — *М.* №№ 15 и 16 (д. ц. 23 и 30 апр.). Подп. в обоих №№: Антоша Чехонте. Помещено в „Литер. приложении“ журнала „Москва“. В № 15 вслед за з. идет выноска: „К рисунку художника Чехова“. На рисунке (картина в красках) изображена веранда роскошной дачи; на пороге полуоткрытой двери стоит старуха с восточным носом; она сурово, по орлиному, смотрит на девушку, идущую домой со свидания. Под рисунком подпись: „После свидания“ (К рассказу „Зеленая коса“ (Рисунок художника Н. П. Чехова).

Свидание хотя и состоялось, но... (**Из дачных рассказов**). — *М.* № 17, д. ц. 7 мая. Подп.: Антоша Чехонте.

Корреспондент. — *Буд.* №№ 20 и 21 (д. ц. 21 и 27 мая. Подп.: в обоих №№ журнала: Антоша Чехонте.

Ненужная победа (Рассказ). — *Буд.* № 24, 18 июня (17); № 25, 25 июня (24); № 26, 2 июля (1); № 27, 9 июля (8); № 29, 23 июля (15); № 30, 30 июля (29); № 32, 13 авг. (12); № 33, 20 авг. (19); № 34, 27 авг. (26). Подп. в каждом из этих №№: А. Чехонте. В № 34 рядом с з.: (Посвящается Н. И. Коробову).

Сельские эскулапы. — *С. и Т.* № 22, 18 июня (18), № 178. Подп.: Антоша.

Пропащее дело (Водевильное происшествие). — *Сп.* № 11, 22 июня. (19). Подп.: Антоша Чехонте.

Скверная история (Нечто романообразное). — *С. и Т.* № 23, 26 июня (26) и № 24, 4 июля (5 июля...!?). Подп. в обоих №№: Антоша Чехонте.

Двадцать девятое июня (Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего). — *Сп.* № 12, 29 июня (27). Подп.: Антоша Чехонте. Есть др. р. с таким же з., но др. подзаг. (См. „Буд.“ 1881 г., № 26).

Который из трех (Старая, но вечно новая история). — *Сп.* № 14, 13 июля (10). Подп.: Антоша Чехонте.

Фантастический театр Лентовского. — *М.* № 27, д. ц. 17 июля. Подп.: Человек без селезенки. 57×71. В С. — нет.

Он и она. — *М. Т.* № 26, 23 июля. Подп.: А. Чехонте. Сб. „Ск. Мельп.“.

Ярмарка. — *М.* № 28, д. ц. 25 июля. Подп.: Антоша Чехонте. Повидимому, описана ярмарка в г. Воскресенске.

Барыня. — *М.* № 29, д. ц. 30 июля (I гл.), № 30, д. ц. 7 авг. (II и III гл.) и № 31, д. ц. 17 авг. (окончание). Подп.: Антоша Чехонте. 763×61. В С. — с 4 изм., которые, м. б., не принадлежат Чехову (типографские отступления?!).

Живой товар (Посвящается Ф. Ф. Попудогло). — *М. Т.* №№ 28, 29, 30 и 31 (6, 14, 22 и 27 авг.). Ценз. дат нет. Подп.: А. Чехонте (в каждом из этих №№).

Цветы запоздалые (Посвящается Н. И. Коробову). — *М. Т.* №№ 37, 38, 39 и 41 (10, 17, 23 окт. и 11 ноября). Подп. в каждом №: А. Чехонте. П. I, 24.

Нарвался (Из летописи Лиговско-Чернореченского банка). — *О.*

№ 47, 20 н. (19). Подп.: Антоша Чехонте. В С. — без подзаг. Начало сотрудничества Чехова в „Осколках“.

Неудачный визит. — *О.* № 48, 27 н. (26). Подп.: Человек без селезенки.

Два скандала (Посвящается Ф. О. Шехтель). — *М. Т.* № 46, 16 дек. Подп.: А. Чехонте. В С. — одно незнач. изм. Сб. „Ск. Мельп.“.

Идиллия — увы и ах! — *О.* № 51, 18 дек. (ценз. даты нет), Подп.: Антоша Чехонте.

Барон. — *М. Т.* № 47, 20 дек. Подп.: А. Чехонте. Сб. „Ск. Мельп.“.

Добрый знакомый. — *О.* № 52, 25 дек. (24). Подп.: Человек без селезенки.

Месть. — *М. Т.* № 50, 31 дек. Подп.: А. Чехонте. Есть др. р. с тем же з.: Месть (Житейский водевиль). — *О.* 1886 г., № 41, 11 окт. Сб. „Ск. Мельп.“.

1883.

Пережитое (Психологический этюд). — *Зр.* № 1, д. ц. 31 дек. 1882 г. Подп.: Антоша Чехонте.

Философские определения жизни. — *Зр.* № 1, д. ц. 31 дек. 1882 г. Подп.: Из разных философских сочинений повычеркнул Антоша Чехонте. *В* С. — нет.

Мошенники по-неволе (Новогодняя побрехушка). — *Зр.* № 1, д. ц. 31 дек. 1882 г. Подп.: Человек без селезенки. В С. — 2 незнач. несходства.

Гадальщики и гадальщицы (Новогодние картинки). — *Зр.* № 1, д. ц. 31 дек. 1882 г. Подп.: Человек без селезенки.

Кривое зеркало (Святочный фантастический рассказ). — *Зр.* № 2, д. ц. 5 янв. Подп.: А. Чехонте. 8×37 и 69×57. В С. — без подзаг., около 40 изм.

Ряженые. — *Зр.* № 2, д. ц. 5 янв. Подп.: Человек без селезенки.

Двое в одном. — *Зр.* № 3, д. ц. 8 янв. Подп.: А. Чехонте.

Велика честь. — *Зр.* № 3, д. ц. 8 янв. Подп.: А. Чехонте. 92×44. В С. — под з. „Радость“, более 30 изм.

Два романа. 1. Роман доктора. — 2. Роман репортера. — *О.* № 2, 8 янв. (7). Подп.: Человек без селезенки.

Мысли читателя газет и журналов. — *О.* № 3, 15 янв. (14). Подп.: Человек без селезенки. 20×52. В С. — нет.

Исповедь. — *Зр.* № 5, 19 янв. (16). Подп.: А. Чехонте.

Единственное средство (A propos процесса Петерб. Общества Взаимного Кредита). — *О.* № 4, 22 янв. (21). Подп.: А. Чехонте. В С. — без подзаг.

Случаи „Mania grandiosa“ (Вниманию газеты „Врач“). — *О.* № 4, 22 янв. (21). Подп.: Человек без селезенки. 42×50. В С. — нет.

Темною ночью. — *О.* № 4, 22 янв. (21). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“ (1886 г.).

На магнетическом сеансе. — *Зр.* № 7, 24 янв. (21). Подп.: Человек без селезенки. (См. П. I, 23).

Ушла. — *О.* № 5, 29 янв. (28). Подп.: А. Чехонте. В С. — с 2 незнач. изм.

Злостные банкроты. — *О.* № 5, 29 янв. (28). Подп.: Человек без селезенки. 37×50. В С. — нет.

На гвозде. — *О.* № 6, 5 февр. (4). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Роман адвоката (Протокол). — *О.* № 6, 5 ф. (4). Подп.: Человек без селезенки. 20×51. В С. — нет.

Что лучше? (Праздные рассуждения штык-юнкера Крокодилова). — О. №6, 5 ф. (4). Подп.: Человек без селезенки. 20×52. В С. — нет.

Драма в цирульне. — *Зр.* № 10, 7 ф., д. ц. 31 янв. Подп.: Человек без селезенки. 150×58. В С. — п. з. „В цирульне“, с 65 изм.

Современные молитвы. — *Зр.* № 10, 7 ф., д. ц, 31 янв. Подп.: Ч. без с. 55 × 43. В С. — нет.

Женщина без предрассудков (Роман). — *Зр.* № 11, 10 ф. (6). Подп.: А. Чехонте.

Крест. — *О.* № 7, 12 ф. (11). Подп.: Человек без селезенки. 20×51. В С. — нет.

Совет. — *О.* № 7, 12 ф. (11). Подп.: Человек без селезенки.

Благодарный (Психологический этюд). — *О.* № 7, 12 ф. (11). Подп.: А. Чехонте.

Ревнитель. — *Зр.* № 12, 15 ф. (15). Подп.: Человек без селезенки.

Коллекция. — *Зр.* № 13, 18 ф. (15). Подп.: Человек без селезенки. 24×62 и 46×24. В С. — нет.

Репка (Перевод с датского). — *О.* № 8, 19 ф. (18). Подп.: Человек без селезенки. 18×51. В С. — нет.

Баран и барышня (Эпизодик из жизни „милостивых государей“). — *О.* № 8, 19 ф. (18). Подп.: А. Чехонте.

Размазня. — *О.* № 8, 19 ф. (18). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Ядовитый случай. — *Зр.* № 14, 22 ф. (22). Подп.: Человек без селезенки.

Патриот своего отечества. — *М. Т.* № 8, 24 ф. Подп.: Ч. Б. С. 126×38. В С. — около 10 изм. Подп. — единственная, но рассказ принадлежит Чехову: помещен в „П. р.“ (изд. ред. журн. „Осколки“, 86 г.).

Торжество победителей. — *О.* № 9, 26 ф. (25). Подп.: А. Чехонте. 127×51. В С. — п. з. „Торжество победителя“, с подзаг. (Рассказ отставного коллежского регистратора) и 30 изм.

Мораль. — *Зр.* № 16, 3 марта (2). Подп.: А. Чехонте. 98×56. В С. — п. з. „Умный дворник“, с 45 изм.

В наш практический век, когда, и т. д. — *О.* № 10, 5 марта (4). Подп.: А. Чехонте.

Дурак (Рассказ холостяка). — *Зр.* № 18, 9 марта (5). Подп.: Человек без селезенки.

Рассказ, которому трудно подобрать название. — *О.* № 11, 12 марта (11). Подп.: А. Чехонте.

Братец. — *О.* № 11, 12 марта (11). Подп.: А. Чехонте. В С. — с 2 несходствами.

Филантроп. — *Зр.* № 19, 14 марта (14). Подп.: Человек без селез.

Случай из судебной практики (Уголовный рассказ). — *Зр.* № 20. 17 марта (17). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Загадочная натура. — *О.* № 12, 19 марта (18). Подп.: А. Чехонте. 79×52. В С. — около 20 изм. Сб. „П. р.“.

Америка в Ростове-на-Дону. — *Зр.* № 21, 21 марта (21). Подп.: Человек без селезенки. 35×44. В С. — нет.

Следуя принятому порядку, я должен был бы поместить теперь очерк из быта поволжских рабочих — „Зимогоры“ (Зр. № 22, 26 марта), подписанный буквой „Ч“ и считающийся г. Масановым за чеховский. „Зимогоры“ — реальная картинка, характеризующая группу рабочих, занятых летом случайной работой на пристанях, а зимой — промышляющих неизвестно чем. Мне думается, что „Зимогоры“ ошибочно попали с список произведений Ант. П-ча. Основания так думать следующие: 1) тема и содержание этого очерка не гармонируют с общим творчеством Чехова за те годы, врезаются клином; чувствуется иной автор с другими наблюдениями; 2) стиль—не Чехова. В этом легко убедиться по след. выдержке: „На одной из поволжских пристаней, примитивно уставленной на двух, прикрепленных к берегу цепями, барках, спит в повалку несколько удивительных субъектов могучего телосложения, с мохнатой, едва прикрытой пропитанной дегтем рубашкой, грудью, грязные, всклокоченные, они развалились в повалку на полу, подложив под голову кто рогожу, кто куль, кто просто мускулистую, огромную руку“; 3) бытовая картинка (жанр) из жизни рабочих-сплавщиков на *степной* реке есть у Чехова („На реке“), но она, несомненно, принадлежит ему; 4) нет никаких данных полагать, что Чехов знал в 1883 г. быт поволжских рабочих, не побывав еще ни разу на Волге; 5) подписывал Чехов свои произведения в „Зрителе“ псевдонимами: „Антоша Чехонте“, „Человек без селезенки“, „А. Чехонте“ и „Ч. без с.“. Трудно представить, чтобы он вдруг изменил псевдоним под *бытовым* очерком — и 6) в С. этого очерка *нет*, что косвенным образом указывает, что в архиве Чехова такого произведения не было. Основываясь на этих соображениях (главное из них — второе), я отрицаю принадлежность „Зимогоров“ перу Ант. П—ча.

К сведению трутней (К рис. В. И. Порфирьева). — *О.* № 13, 26 марта (24). Подп.: Человек без селезенки. 17×45. В С. — нет.

Хитрец. — *О.* № 13, 26 марта (24). Подп.: А. Чехонте.

Благодетели. — *О.* № 13, 26 марта (24). Подп.: А. Чехонте. В С. — пропущена одна фраза: „В гроб лучше, чем видеть...“, место которой на стр. 172 С. — ния, после: „как начальник плачет?“.

Рыцари без страха и упрека. — *О.* № 14, 2 апр. (1). Подп.: А. Чехонте. В С. пропущено: „Хе-хе...“ после „с места долой“ (в самом конце).

Верба. — *О.* № 15, 9 апр. (8). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“. П. I, 32.

Обер-верхи. — *О.* № 15, 9 апр. (8). Подп.: Человек без селезенки. 27 × 51. В С. — нет.

Вор. — *О.* № 16, 16 апр. (15). Подп.: А. Чехонте. В С. — с 2 ничтожн. изм. Сб. „П. р.“. П. I, 32.

Лист (Кое-что пасхальное). — *О.* № 16, 16 апр. (15). Подп.: Человек без селезенки.

Слова, слова и слова. — *О.* № 17, 23 апр. (22). Подп.: А. Чехонте. Первое из „осколочных“ произведений Чехова, напечат. в фельетоне, на первой стр. журн. №, под чертой.

Закуска (Приятное воспоминание). — *О.* № 17, 23 апр. (22). Подп.: Человек без селезенки.

Двадцать шесть (Выписки из дневника). — *О.* № 17, 23 апр. (22). Подп.: Человек без селезенки.

Теща - адвокат. — *О.* № 18, 30 апр. (29). Подп.: А. Чехонте.

Съезд естествоиспытателей в Филадельфии (Статья научного содержания). — *О.* № 18, 30 апр. (29). Подп.: Человек без селезенки. 35 Х 52. В С. — нет.

Ваня, мамаша, тетя и секретарь. — *О.* № 19, 7 мая (6). Подп.: А. Чехонте. 117 Х 52. В С. — п. з. „Случай с классиком", около 20 изм. П. I, 33.

Кот. — *О.* № 20, 14 мая (13). Подп.: А. Чехонте. П. I, 337.

Бенефис соловья (Рецензия). — *О.* № 21, 21 мая (20). Подп.: А. Чехонте. В С. — введено лишь несколько „красных" строк.

Моя Нана — *О.* № 21, 21 мая (20). Подп.: Человек без селезенки.

Летающие острова. Соч. Жюля Верна. Перевод. — *Буд.* № 19, д. ц. 21 мая. 104 Х 49. Подп.: А. Чехонте.

Кое-что, 1. Мамаша и г. Лентовский. — 2. Злодей и г. Егоров.— 3. Находчивость г. Родона. — *Буд.* № 19, д. ц. 21 мая. Подп.: Брат моего брата. 122 Х 41. В С. — нет.

Кое-что. 1. Г. Гулевич (автор) и утопленник. — 2. Картофель и тенор. — *Буд.* № 24. д. ц. 24 июня. Подп.: Брат моего брата. В С.—нет.

Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало (Посвящается А. И. Пальмину). — *О.* № 22, 28 мая (27). Подп.: А. Чехонте.

Герой — барыня. — *О.* № 23, 4 июня (3). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.".

О том, как я в законный брак вступил. (Рассказец). — *О.* № 24, 11 июня (10). Подп.: А. Чехонте.

Весь в дедушку. — *О.* № 25, 18 июня (17). Подп.: А. Чехонте. В С. — одно изм. в форме глагола.

Из дневника помощника бухгалтера. — *О.* № 25, 18 июня (17). Подп.: Человек без селезенки. 50 Х 50. В С. — 10 изм.

Осколки Московской Жизни. — *О.* №№ 27, 29, 31 (2-го, 16, 30 июля); №№ 33, 35 (13-го, 27 авг.); №№ 37, 39 (10-го, 24 сент.); №№ 41, 43 (8-го, 22 окт.); №№ 45, 47 (5-го, 19 ноября); №№ 49, 51 (3-го, 17 дек.). Подпись: Рувер. См. П., I, изд. 2-е, стр. 56, 57, 61, 69, 70, 72, 77, 81, 82. За 1883 г. „Оск. Моск. Жизни" составляют около 1400 нивск. строк.

Осколки Московской Жизни. — *О. № 27, 2 июля.* (1). Московские гробовщики и свахи. — Русский стиль в Москве. — Пушкарев и его свеча. — Катастрофа на Моск.-К. жел. дор. из-за быков. — *№ 29, 16 июля.* (15). Моск. губ. земство и страхование скота. — „Новые христиане" Леонтьева. — Московские увеселения („Эрмитаж"). — *№ 31, 30 июля.* (29). Женихи и невесты в Москве. — Женихи и невесты на даче. — Судебное дело г. А-ва. — Конец Пушкинского театра. — *№ 33, 13 авг.* (12). Издатели: Сталинский и Кланг. — Зоологический сад в Москве. — Судебное дело г. С-ва. — Мошенничество г-жи П. — *№ 35, 27 авг.* (26). Бега у Лентовского.—Альбом Лентовского „Весна-Красна".— Начало театрального сезона (Русский т. Корша). — Адрес для г. Кланга (в связи с заметкой в № 33). — *№ 37, 10 сент.* (9). Москва осенью 1883 г. — Московская пыль и вонь. — Дача проф. Захарьина. — Кандидаты в гор. гол. Москвы: Алексеев, Пороховщиков, Аксаков, И. С. (редактор „Руси"). — Проделка гимназиста на ж. д. — Колокольный звон на заводе Финляндского. — *№ 39, 24 сент.* (23). Потоп в маг. бр. Елисеевых. — Московские водовозы. — К 50-летн. юбилею Училища Живо-

писи, Ваяния и Зодчества. — *№ 41, 8 окт.* (7). Праздничный отдых приказчиков; торговые мальчики. — 50-летний юбилей И. В. Самарина. — г. Южин в „Гамлете" и др. пьесах. — Продажа Артистического кружка.— Salon de variétées. — Русское гимнастическое общество (гг. Тарасов и Селецкий). — *№ 43, 22 окт.* (21). Затяжные выборы гор. головы. — Должники Общества вспом. нужд. студентам. — Отставка балерин в Москве (Пчельников и Гершельман). — Переделка романа „Бездна" в драму „Чад жизни" Б. Маркевичем. — *№ 45, 5 н.* (4). Цены на пьесы в т. библ. Рассохина. — Пьеса Рассохина „Теплые ребята" (отношение Чехова к этой пьесе; притязания г. Полушина). — Судебное дело Мичинера и художника Кошелева. — Судебное дело Корсова и Закжевского (певцы). — *№ 47, 19 н.* (18). Статьи Гилярова - Платонова. — Статьи „Московского Листка" о воздухоплават. снаряде. — „Налог на болезни", установленный дирекцией импер. театров. — Изобилие в Москве частных театров.— Театр „Фоли-Бержер".—Лентовский и его театр. — Мелодрама „Лесной бродяга" — *№ 49, 3 дек.* (2). Результат катастрофы на Моск.-Курск. ж. д. — Окончание судебного дела Солодовникова и гонорар адвоката Лохвицкого. — Слухи об издании газеты г. Шестеркиным. — О г. Шестеркине. — Шум в опере после суд. дела Корсова и Закжевского. — Гиляров - Платонов и раки. — *№ 51, 17 дек.* (16). Об адвокате Столповском на деле г. Костко. — Нищие в Москве. — Временное пребывание в Москве арт. Ленского. — Дезертиры Москвы (Плевако и Ленский). — См. П. I, 56, 57, 61, 69, 70, 72, 77, 81, 82. За 1883 г. „Оск. Моск. Жизни" составляют около 1400 нивск. строк. Подп. везде: Рувер.

Смерть чиновника (Случай). — *О.* № 27, 2 июля (1). Подп.: А. Чехонте. 106 × 52. В С. — без подзаг., с 10 незнач. изм. Сб. „П. р.".

Сущая правда. — *О.* № 28, 9 июля (8). Подп.: А. Чехонте.

Скверный мальчик (Рассказ для маленьких дачников). — *О.* № 30, 23 июля (22). Подп.: А. Чехонте. 99 × 52. В С. — п. з. „Злой мальчик", без подзаг., около 20 изм.

Козел или негодяй. — *О.* № 30. 23 июля (22). Подп.: Человек без селезенки.

Приданое (История одной мании). — *Буд.* № 30, д. ц. 30 июля. Под.: А. Чехонте. 318 × 39. В С. — без подз., с изм.

Добродетельный кабатчик (Плач оскудевшего). — *О.* № 32, 6 авг. (5). Подп. А. Чехонте. Сб. „П. р.".

Дочь Альбиона. — *О.* № 33, 13 авг. (12). Подп.: А. Чехонте. 152 × 52. В С. — с 8 незнач. изм. Сб. „П. р.". П. I, 62.

Краткая анатомия человека. — *О.* № 34, 20 авг. (19). Подп.: Человек без селезенки. 74 × 52. В С. — нет.

Протекция. — *О.* № 35, 27 авг. (26). Подп.: А. Чехонте.

Ошибка. — *О.* № 36, 3 сент. (2). Подп.: А. Чехонте. 84 × 52. В С.— п. з. „Справка", около 20 изм. П. V, 178.

Отставной раб.—*О.* № 37, 10 сент. (9). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.".

Майонез. — *О.* № 38, 17 сент. (16). Подп.: Человек без селезенки. 29 × 48. В С. — нет.

Дура, или капитан в отставке. (Сцена из несуществующего водевиля). — *О.* № 38, 17 сент. (16). Под.: А. Чехонте.

Осенью. — *Буд.* № 37, д. ц. 24 сент. Подп.: А. Чехонте. Из этого очерка А. П. Чехов создал драм. этюд в 1 д.: „На большой дороге" (т. XXIII, 1—24). Сб. „П. р.".

В ландо. — *О.* № 39, 24 сент. (23). Подп.: А. Чехонте. П. I, 70.

Die Russische Natur (к рис. Н. Чехова). — *О.* № 39, 24 сент. (23). Подп.: А. Чехонте. В С. — одно изм.

Толстый и тонкий. — *О.* № 40, 1 окт. (30 сент.). Подп.: А Чехонте. 75 X 52. В С. — 30 изм. Сб. „П. р.“.

Признательный немец. — *О.* № 40, 1 окт. (30 сент.). Подп.: Человек без селезенки.

Трагик (Историйка). — *О.* № 41, 8 окт. (7). Подп.: А. Чехонте. 157 X 52. В С. — без подзаг., с 45 изм. Сб. „Ск. Мельп.“. П. I, 61.

Дочь коммерции советника. (Роман). — *О.* № 42, 15 окт. (14). Подп.: А. Чехонте.

Мои остроты и изречения. — *О*, № 42 15 окт. (14). Подп.: Человек без селезенки. 22 X 52. В С. — нет.

Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме. — *О.* № 42, 15 окт. (14). Подп.: Человек без селезенки. 22 X 52. В С. — нет.

Опекун. — *О.* № 43, 22 окт. (14). Подп.: А. Чехонте.

Знамение времени. — *О.* № 43, 22 окт. (14). Подп.: Человек без селезенки.

Из дневника одной девицы. — *О.* № 44, 29 окт. (28). Подп.: Человек без селезенки.

Юристка. — *О.* № 44, 29 окт. (28). Подп.: Человек без селезенки.

В почтовом отделении. — *О.* № 44, 29 окт. (28). Подп.: А. Чехонте. 49 X 52. В С. — около 10 изм.

В море. — *М. Т.* № 40, 29 окт. Подп.: А. Чехов. 237 X 39. В С. — с подзаг.: (Рассказ матроса), около 70 изм.

Относительно женихов. — *Буд.* № 42. д. ц. 29 окт. Подп.: А. Чехонте. В С. — 2-ая глава р. „В бане“ (т. I, 5—12), с мн. изм.

Последнее прости (Е. И. Ю . . . . й). Стихотворение в 12 строк, посланное к Е. И. Юношевой. Подп.: Известный. Дата: Москва. 1883 года. 2 ноября. Полночь. П. I, 76.

Начальник станции. — *О.* № 45. 5 н. (4). Подп.: А. Чехонте.

В Москве на Трубе. — *Буд.* № 43, д. ц. 5 н. Подп.: А. Чехонте. 126 X 45. В С. — п. з. „В Москве на Трубной площади“, с изм. П. I, 70.

Клевета. — *О.* № 46, 12 ноября (11). Подп.: А. Чехонте. 157 X 52. В С. — с 6 незнач. изм. Сб. „П. р.“. П. I, 170.

Ирония судьбы. — *О.* № 48, 26 н. (25). Подп.: А. Чехонте. 58 X 52. В С. — п. з. „В гостиной“, с изм.

Сборник для детей. — *О.* № 49, 3 дек. (2) и № 50, 10 дек. (9). Подп. в обоих журн. №№: А. Чехонте. 79 X 52 и 71 X 52. В С. — пропущено в первой ск. „яблоко — 75 коп.“, что вызывает недоумение, а в четвертой — „Дурак“.

Он понял! (Этюд). — *Природа и Охота*, 1883 г., ноябрь, д. ц. 3 дек. Подпись: А. Чехов. В журнале, влево от подписи, пометка: „29 июня 1883 г. г. Воскресенск“. Я полагаю, что вначале этот рассказ назывался „Петров день“. Это выражение в рассказе „Он понял!“ встречается два раза, что заставляет обратиться к письму (П. I, 57) на имя Н. А. Лейкина. Отсылая р. в „Природу и Охоту“, Чехов изменил заглавие. Я искал других р. Чехова в этом журнале (с 1879 по 1884 г.) и не нашел ни одного, поэтому слова Чехова: „Полной фамилией я подписуюсь только в „При-

роде и Охоте“ (П. I, 78) нельзя понимать, как указание на многократное его сотрудничество в этом журнале.

Шведская спичка (Уголовный рассказ). — *„Альманах Стрекозы“* на 1884 г. Изд. журн. „Стрекоза“, д. ц. 5 дек. 1883 г. С рис. (всего 11) худ. Соймонова или Семенова (подпись неразборчива). Подп.: А. Чехов.— В С. — с 43 изм. П. I, 70, 220, 227. Сб. „П. р.“.

В Рождественскую ночь (Посвящается М. П. Чеховой). — *Буд.* № 50, д. ц. 22 дек. Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Экзамен (Из беседы двух очень умных людей). — *Н. Д.* № 178, 25 дек. Подп.: А. Чехов. — В С. — нет. П. I, 79.

1884.

Завещание старого 1883-го года. — *Буд.* № 1, д. ц. 5 янв. Подп. Брат моего брата. 50 × 40. В С. — нет.

Либерал (Новогодний рассказ). — *О.* № 1, 7 янв. (5). Подп.: А. Чехонте. — В С. — одно несходство в форме глагола.

Осколки Московской Жизни. — *О.*

№ 1, 7 янв. О московской жизни в 1884 г. — Дело Мельницкого. — Безнравственные объявления кн. маг. Леухина. — Французский бал и гуляние в манеже.

№ 3, 21 янв. — „Путешествие на луну“. — Празднование Татьянина. дня. — Прекращение „Русского Сатирического Листка“. — Редактор „Русск. Сатир. Листка“ Полушин.

№ 5, 4 ф. — Немецкий театр Парадиза. Маскарад в Большом театре. Дело Штольце. — О посвящении г. Харламову рассказа Ф. Коппе.

№ 7, 18 ф. — Исключение адвоката из совета присяжных поверенных. — Опись „Фоли-Бержер. — Заявление артиста Градова-Соколова. — Привлечение И. М. Желтова к суду. — Процесс Лентовской. — Книга Алексея Журавлева. — Вызов в суд артисток — Ермоловой и Гламы-Мещерской (в качестве экспертов). — Актеры-любители в Москве. — „Чад жизни“ Б. М. Маркевича. Подпись: Улисс — впервые после псевдонима: Рувер.

№ 9, 3 марта. — Шекспировское общество и г. Юрьев. — О г. Шостаковском (пианист).

№ 11, 17 марта. — Скандал, учиненный Лентовским, поэтом Марком Яроном и Леонидовым-Гуляевым. — Случаи отравления в Москве. — Скандал купца Фирганга. — Высокие цены в итальянской опере. — „Солошка“ (увесел. заведение „Салон де-Варьете“). — Бенефисная афиша артиста Тамарина, кассира Юдина и машиниста Федотова. — Чтение артистом Кремневым „Змея-Горыныча“.

№ 13, 31 марта. — Дело Амедея Филибера и артистки Голодковой.— Мода в Москве на зверей. — Об артистах — Свободине и Далматове, по поводу перевода их в Петербург. — „История купеческих родов“ купца Найденова.

№ 15, 14 апр. — Пасхальный звон в Москве. — Проделка Барановского и фон-Витте. — Дело околоточного Сергеева, полиц. писаря Цветкова и др. — Проект Народного Дома (Бегичев и Германович).

№ 19, 12 мая. — О закладе Беловым чужого имения в Моск. Зем. Банке. — Свадебная карета. — Картины в музее Винтера. — Предстоящее прибытие в Москву индейцев (нравы индейские и московские).

№ 21, 26 мая. — Дело Анны Гиптер и Наталии Булах. — Дело Иванова, посадившего в тюрьму тестя, тещу и жену, — О теще. — Дамы, члены Общества покровительства животным. — О тараканах Севастьянова и Филиппова (булочники). — Открытие сада „Эрмитаж“ и г. Лентовский. — Сад „Аркадия“.

№ 23, 9 июня. — Перевозка больных. — Редактор „Русского Курьера“ Н. П. Ланин и его книга передовых статей; попутно о „Русских Ведомостях“. — О г. Просинге, взявшем на откуп столбы. — Грубость служащих на Моск.-Курск. жел. дор.

№ 25, 23 июня. — Семь бр. Сабанеевых и задуманный ими журнал. — Порядки на заводе Малкиеля. — Сатирическое объявление (в рамке) г. Шестеркина, извещающее о прекращении „Московской Летописи“. — Художник Васнецов и его картины. — Увеселение на дачах (по поводу дачных спектаклей актеров-любителей).

№ 27, 7 июля. — Порядки в Ремесленном Обществе. — Московские мостовые. — Поливка моск. улиц. — Порядки провинциальной Земской Управы. — „Падшая“ Галкина и о том, как 1.200 экз. этой книги переплетчик Третьяков продал на „завертку“.

№ 29, 21 июля. — Фармацевты: Феррейн и Келлер (их конкуренция и ссоры). — Крах шапочного магазина Поша и К°. — Получение скопинскими „баши-бузуками“ копии обвинительного акта; роль некоторых моск. редакторов в предстоящем судебном деле. — Черти в доме Масляникова.

№ 31, 4 авг. — Пожар в пожарном депо. — Правила варшавских докторов (отношение публики к врачам и обратно). — О московском враче, применившем откачивание. — Врач Штробиндер и его пластырь, будто бы излечивающий от рака. — О московск. докторах, любящих жениться на богатых. — Доктора: Моргулис, Гефтер и Фронштейн—любители рекламы. — Вывески д-ра Добронравова. — Бега, устроенные врачами на военном празднике, в пользу бесплатной лечебницы военных врачей. — Бега в Москве и г. Лентовский. — Дело о колл. регистраторе Иванове и 2 коп.

№ 33, 18 авг. — Объявления чайного маг. Киселева и г. Окрейц. — Клоун Дуров—дрессировщик гуся; клоун Танти и свинья, съеденная купцами. — Анатолий Дуров и его брат. — Скандал на „бегах“.

№ 35, 1 сент. — Возвращение москвичей с дач. — Минувшее лето.— Полковник Петрашкевич. — Кассир сада „Аркадия“. — Богородское. — Покупка Иорданом „Московской Летописи“ г. Шестеркина. — Московские альфонсы. — Бешеная собака на фабрике Кнопа.

№ 37, 15 сент. — О Малкиеле и его доме (Салон де-Варьете и ред. „Будильника“). — Антрепренер Кузнецов. — Артистка Вронская и ее проделка с рецензентом. — О Германовиче. — Даровые посетители театра (список лиц, пользующихся бесплатным входом в театр). — Прекращение выдачи контромарок актерам для посещения театра.

№ 41, 13 окт. — Московские альфонсы. — г. Шестеркин и его отношение к репортерам (тут же об Уманце, издателе „России“). — О вывеске „Русский Драмат. Театр“ (Корша). — Тайная продажа ликеров. — Московский балет. — Антисанитария на фабрике Сиу и К°.; о том же — в колбасной Генералова.

№ 43, 27 окт. — Грязь в Мещанской богадельне. — Влад. Немирович - Данченко и его ревнивое отношение к известности.

№ 45, 10 н. — Кузнецов и Малкиель. — Французская оперетта. — Рецензент Ник. Базунов. — Нравы в ссудных кассах.

№ 47, 24 н. — О певице Лукка и Мержинском. — „Подкова“ в Екатерининской зале Моск. Окружн. Суда (к делу Рыкова). — Уголовные романы в газетах.

№ 49, 8 дек. — Портреты — шаржи адвокатов, выступавших в деле Рыкова. — Ясновидец Бишоп. О мыслях Федора Гилярова, найденных Бишопом. — Заметка о газ. „Голос Москвы“ и об ее редакторе г. Васильеве.

№ 51, 22 дек. — Выборы в Моск. гор. думу (засилье стародумцев).— Заявление Николая Морес об убийстве им Сарры Беккер. — Секретарь „Современных Известий“ г. Орлов и его визитные карточки.—О г. Александрове. — О г. Мансфельде („Радуга“). — Газетомания в Москве.

„Осколки Моск. Жизни“ за 1884 г. составляют около 2700 нивск. строк. См. П., I, 82, 91, 92, 93, 94, 100, 110, 113, 114, 116, 122, 128.

75000. — *Буд.* № 2, д. ц. 13 янв. Подп.: А. Чехонте.

Орден. — *О.* № 2, 14 янв. (13) Подп.: А. Чехонте. 130 × 48. — В С.— 14 изм. Сб. „П. р.“.

Перепутанные объявления. — *О.* № 2, 14 янв. (13). Подп.: Человек без селезенки. 32 × 52. — В С. — нет.

Контракт 1884 г. с Человечеством. — *О.* № 2, 14 янв. (13). Подп.— Нотариус: Человек без селезенки. 31 × 52. — В С. — нет.

Комик. — *О.* № 4, 28 янв. (27). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Нечистые трагики и прокаженные драматурги (Ужасно-страшно-возмутительно-отчаянная тррратедия. Действий много, картин еще больше). — *Буд.* № 4, д. ц. 28 янв. Подп.: Брат моего брата. 172 × 46. — В С. — нет.

Месть женщины. — *Р. С. Л.* № 4, 2 ф. Подп.: Анче. 96 × 64.

Молодой человек. — *О.* № 5, 4 ф. (3). Подп.: Человек без селезенки. П. I, 114.

Ванька. — *Р. С. Л.* № 5, 9 ф. Подп.: А. Чехонте. Не см. с р. того же названия (П. Г. 1886 г., № 354, 25 дек.)

Репетитор (Сценка). — *О.* № 46, 11 ф. (10). Подп.: А. Чехонте. 111 × 52. — В С. — без подзаг., с 13 изм. Сб. „П. р“.

Дядюшка и собака (По случаю выставки собак). — *Буд.* № 6, д. ц. 11 ф. Подп.: А—н. Ч—те. В С. — з.: „Дядюшкина собака“.

О женщины, женщины!.. — *Н. Д.* № 45. 15 ф. Подп.: Анче.

Наивный леший (Сказка). *О.* № 7, 18 ф. (17). Подп.: Человек без селезенки.

Прощение. — *О.* № 7, 18 февр. (17). Подп.: Человек без селезенки.

Французский бал (Сонная фантазия). *Буд.* № 7, д. ц. 18 ф. Подп.: А. Чехонте.

Певчие. — *О.* № 8, 25 ф. (24). Подп.: А. Чехонте. 193 × 52.—В С. — около 30 изм. Сб. „П. р.“.

Два письма. 1. — Серьезный вопрос. 2.—Обстоятельный ответ.— *О.* № 10, 10 марта (9). Подп.: С подлинным верно. Человек без селезенки. 22 × 52 и 34 × 52. В С. — 11 изм.

Жалобная книга (Копия). — *О.* № 10, 10 марта (9). Подп.: А. Чехонте. 54 × 52. — В С. — 9 изм.

Perpetuum mobile (Рассказ). — *О.* № 11, 17 марта (16). Подп.:

А. Чехонте. 283 × 48. В С. — около 75 изм. Резче всего изм. ссора следователя с доктором в доме Ежова. П. I, 91.

Осторожней с огнем! (Рассказ „старого воробья"). *О.* № 12, 24 марта (23). Подп.: А. Чехонте. 141 × 52 В С. — п. з. „Чтение", в подзаг. уничтожены кавычки и около 30 изм. текста.

Трифон. — *О.* № 13, 31 марта (30). Подп.: А. Чехонте. 149 × 52. — В С. — с изм. Сб. „П. р.".

Марья Ивановна. — *Буд.* № 13, д. ц. 31 марта. Подп.: А. Чехонте. П. I, 85.

Плоды долгих размышлений. — *О.* № 15, 14 апр. (13). Подп.: Человек без селезенки. 16 × 52. — В С. — нет.

Несколько мыслей о душе. — *О.* № 15, 14 апр. (13). Подп.: Человек без селезенки. 24 × 52. — В С. — нет.

Гордый человек. (Рассказ). — **„Московский листок".** № 112. 24 апр. Подп.: А. Чехов. С 2 рис. 211 × 43.

Альбом. — *О.* № 18, 5 мая (4). Подп.: А. Чехонте. 99 × 52. — В С. — около 20 изм.

Несообразные мысли. — *О.* № 19, 12 мая (11). Подп.: Человек без селезенки. 44 × 52. — В С. — нет.

Самообольщение (Сказка). — *О.* № 20, 19 мая (18). Подп.: Человек без селезенки. П. I, 94.

Троицын день (К рис. К. А. Трутовского). — *Буд.* № 20, д. ц. 26 мая. Подп.: Брат моего брата. 39 × 46. — В С. — нет.

Дачные правила. — *О.* № 21, 26 мая (25) Подп.: А. Чехонте. 72 × 52. — В С. — нет.

Дачница. — *О.* № 22, 2 июня (1). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.". П. I. 176.

С женой поссорился (Случай). — *О.* № 23, 9 июня (8). Подп.: А. Чехонте 46 × 52. — В С. — с 2 незнач. несходствами.

Письмо к репортеру. — *О.* № 23, 9 июня (8). Подп. — Сообщ.: Человек без селезенки. 15 × 52. — В С. — нет.

Идеальный экзамен (Краткий ответ на все длинные вопросы). — *Буд.* № 23, д. ц. 16 июня. Подп. А. Чехонте. 99 × 50 — В С. — нет.

Брожение умов (Клочок из летописи города Нищегладска). — *О.* № 24, 16 июня (15). Подп.: А. Чехонте. 138 × 52. — В С. — подзаг. (Из летописи одного города) и около 30 изм. Сб. П. I, 176.

Дачное удовольствие. — *О.* № 24, 16 июня (15). Подп.: Человек без селезенки.

Водевиль. — *О.* № 26, 30 июня (29). Подп.: А. Чехонте. 145 × 52. — В С. — 2 незнач. изм.

Экзамен на чин (Рассказ). — *О.* № 28, 14 июля (13). Подп.: А. Чехонте. 144 × 52. — В С. — без подзаг., около 30 изм. Сб. „П. р.". П. I, 98, 100. 177.

Русский уголь (Правдивая история) — *О.* № 30, 28 июля (27). Подп.; А. Чехонте. Сб. „П. р.". П. I, 177.

Драма на охоте (Истинное происшествие). — Н. *Д.* №№ 212, 213, 219, 226, 233 (4-го, 5, 11, 18, 25 авг.); №№ 241, 247, 254, 261 (2-го, 8, 15, 22 сент.); №№ 275, 282. 289, 296 (6-го, 13, 20, 27 окт.); №№ 303, 310, 317 (3-го, 10. 17 н.); №№ 331, 338, 345, 353 (1-го, 8, 15, 23 дек.).—Подп.: Антоша Чехонте (в №№ 212, 219), Чехонте (в № 317), А. Чехонте — в остальных. Продолжение романа — в 1885 г., с 27 янв.

Хирургия (Сценка). — *О.* № 32, 11 авг. (10). Подп.: А. Чехонте. 145 × 48. В С. — 2 незнач. изм. и во многих случаях уничтожено многоточие — чрезвычайно частый знак в произведениях Чехова за первые годы. Сб. „П. р.". П. I, 177.

Невидимые миру слезы (Рассказ). — *О.* № 34, 25 авг. (24). Подп.: А. Чехонте. 234 × 46. В С. — 4 незнач. изм. П. I. 177.

Идиллия. — *О.* № 34, 25 авг. (24). Подп.: Человек без селезенки.

Хамелеон (Сценка). — *О.* № 36, 8 сент. (7) Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.". П. I, 177.

Ярморочное „итого" *Р.* № 36, 13 сент. Подп.: Человек без селезенки. 59 × 47. В С. — нет.

Из огня да в полымя. — *Р.* № 37, 20 сент. (19). Подп. А. Чехонте. 267 × 46. В С. — с изм.

Надлежащие меры (Сценка). *О.* № 38, 22 сент. (21). Подп.: А. Чехонте. 147 × 50. В С. — около 10 изм. Сб. „П. р.".

„Кавардак в Риме" (Комическая странность в 3-х действиях, 5 картинах, с прологом и двумя провалами). — *Буд.* № 38, д. ц. 27 сент. Подп.: Брат моего брата. 115 × 46. В С. — нет.

Новинка (Вниманию гг. винтеров). — *О.* № 39, 29 сент. (28). Подп.: А. Чехонте. 146 × 50. В С. — п. з. „Винт", с 1 изм. Сб. „П. р.". П. I, 177.

Затмение луны (Из провинциальной жизни). — *О.* № 39, 29 сент. (28). Подп.: Человек без селезенки.

Гусиный разговор. — *О.* № 40, 6 окт. (5). Подп.: Человек без селезенки. 52 × 52. В С. — с 1 несходством.

На кладбище. — *О.* № 40, 6 окт. (5). Подп.: А. Чехонте. 113 × 50. В С. — с 13 изм.

Из дорожных разговоров. — *Буд.* № 40, д. ц. 11 окт. Подп.: Антонсон.

Язык до Киева доведет. — *О.* № 41, 13 окт. (12). Подп.: Человек без селезенки. В С. — с 1 несходством.

„Noli me tangere!" (Из жизни провинциальных козырей). — *Р.*, юбилейный № (25-летие журнала), 27 окт. (26). Подп.: А. Чехонте. 239 × 46. В С. — п. з. „Маска", мн. изм.

В приюте для неизлечимо больных и престарелых. — *О.* № 43, 27 окт. (26). Подп.: А. Чехонте. В С. — с 1 несходством.

Вывеска. — *О.* № 43, 27 окт. (26). Подп.: Собщ. Ан. Ч. 4 строки. — В С. — нет.

О драме (Сценка). — *О.* № 44, 3 н. (2). Подп.: А. Чехонте.

И прекрасное должно иметь пределы. — *О.* № 44, 3 ноября (2). Подп.: Человек без селезенки.

В конце окт. и в начале н. 1884 г. Чехов писал драм. этюд „На большой дороге", что видно из его письма к Н. А. Лейкину (П. I, 118). Это произведение появилось в печати после смерти Чехова. (См. 1914 г.).

Брак по рассчету, или за человека страшно! (Роман в 2-х одинаковых плачевных частях). — Р. № 43, 8 ноября (7). 184 × 46. Подп.: Человек без селезенки. — В С. — п. з. „Брак по рассчету" (Роман в 2-х частях), с изм. Сб. „П. р.".

Господа обуватели (Мистерия в 2-х действиях). — *О.* № 45, 10 н. (9). Подп.: Человек без селезенки. 105 × 50. — В С. — п. з. „Господа обыватели". (Пьеса в двух действиях); около 30 изм. Сб. „П. р.".

К характеристике народов (Из записок одного наивного члена Русского Географического Общества). — *О.* № 46, 17 н. (16). Подп.: Человек без селезенки. 69 × 50. В С. — нет.

Задача, — *О.* № 46, 17 ноября (16). Подп. Человек без селезенки. 84 × 50. — В С. — нет (Не см. с р. „Задача" (П. Г. 1887 г. № 287 и в С. V, 86—92).

Речь и ремешек. — *О.* № 47, 24 ноября (23). Подп.: А. Чехонте. 58 × 52. — В С. — нет. (Эта сатира была отправлена Чеховым в 1882 г. в числе первых пяти „мелочишек" для „Осколков"; в редакции она затерялась и пролежала там $1^1/_2$ года (см. П. I, 121).

Решение задачи, помещенной в № 46. — *О.* № 47, 24 н. (23). Подп.: Человек без селезенки. 5 × 50. — В С. — нет.

Дело Рыкова и Комп. — *П. Г.* №№ 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330 (24-го, 25, 26, 27, 28, 29, 30 н.); №№ 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 340 (1-го, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 дек.). Подп.: Рувер (во всех №№). В С. — нет.

Все 16 корреспонденций по делу Рыкова составляют около 2100 газ. строк или 1600 нивских. До последнего времени на эту работу Ант. П-ча не обращали внимания, и — насколько мне известно — она не вызвала ни одного обзора. Между тем, его корреспонденции из залы суда интересны во многих отношениях. Здесь Чехов пишет с натуры, по первому впечатлению. См. мою заметку об этой работе: „Чехов в роли судебного хроникера" („Библиографические листы", 1922 г. № 3). П. I, 118, 119, 120, 121, 125.

Картинки из недавнего прошлого. — *О.* № 48, 1 дек. (30 н.). Подп.: А. Чехонте. П. I, 123.

Новейший письмовник. — *О.* № 48, 1 дек. (30 н.). Подп.: Человек без селезенки. 82 × 52. — В С. — нет.

У постели больного. — *О.* № 48, 1 дек. (30 н.) Подп.: Человек без селезенки. — В С. — 2 несходства.

Устрицы (Набросок). — *Буд.* № 48, д. ц. 6 дек. Подп.: А. Чехонте. 157 × 46. — В С. — без подзаг., с 7 изм. Сб. „П. р.". П. I, 275.

Свадьба с генералом (Рассказ). — *О.* № 50, 15 дек. (14). Подп.: А. Чехонте.

Либеральный душка. — *О.* № 51, 22 дек. (21). Подп.: А. Чехонте.

Страшная ночь (Святочный рассказ). Посвящается гробокопателю М. П. Ф. — у. — *Р.* № 50, 27 дек. (23). Подп.: Ч. Хонте, а под припиской: А. Чехонте. 306 × 46. — В С. — без подзаг. и „посвящения", с изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Елка. — *Р.* № 50, 27 дек. (23) Подп.: Человек без селезенки.

Не в духе (Рассказец). — *О.* № 52, 29 дек. (28). Подп.: А. Чехонте. 92 × 52. — В С. — 18 изм.

Предписание (Из захолустной жизни). — *О.* № 52, 29 дек. (28). Подп.: Человек без селезенки. 19 × 52. — В С. — нет.

1883.

Праздничная повинность. — *Р. № 1, 3 янв.* (2). Подп.: А. Чехонте.

Осколки Московской Жизни.—*О. № 1, 5 янв.* (4).—О наступившем (1885) г. — О г. Шадрине, устроившем гулянья с благотворительною

целью. — О печах в Малом т., заставляющих артистов есть свой хлеб „в поте лица". Подп.: Улиссъ (здесь и в след. №№). — *№ 3, 19 янв.* (18). — Татьянин день (130-ая годовщина Моск. унив.). — Публикации г. Головина о „прессе" и „прессованном сене". — Новая газета „Жизнь". — Об изданиях: „Светоч", „Вокруг света", „Свет и Тени", „Мирской Толк", „Европейская библиотека". — Тяжелое положение изданий: „Россия", „Волна" и газ. Гатцука. — „Русский Сатирический Листок". — „Московская Летопись". — Читальня имени И. С. Тургенева. — Увлечение „Разбойником Чуркиным". — Протест барышников против статьи о них в „Русских Ведомостях". — *№ 5, 2 ф.* (1). — Опера Мамонтова. — Городские выборы. — Анекдот о московск. горбатых извозчиках. — О „поджигании" венков г. Шостаковского. — *№ 7, 16 ф.* (15). — Анонимное письмо против думцев. — О губ. секр. Иванове, посидевшем за этот аноним трое суток. — Объявление наследников М. П. Погодина об оставленной им библиотеке. — О „Русском театре" Корша (по поводу продажи этого театра Мамонтову). — *№ 9, 2 марта* (1). — Поддельные купоны. — Санитарные врачи. — Актерская биржа. — *№ 11, 16 марта* (15). — Новый гор. гол. г. Тарасов. — Дуровская свинья и московская пресса. — Артистка Баркани, игравшая в т. Парадиза. — *№ 14, 6 апр.* (5). — Заботы Моск.-Брест. ж. д. о грамотности служащих. — О купце, заказавшем настоящие бриллианты на орден „Лев и Солнце". — Общество спасания на водах. — Певец Славянский и его афиши (попутно о „целителе" и „смазчике" Иванове). — Санитарный попечитель г. Бровкин, уличенный в антисанитарии. — О „дешевках" в Москве. — *№ 16, 20 апр.* (19). — О IV кл. Моск.-Брест. ж. д.; товарная станция этой дороги и „порядки" на этой станции. — Дело о „кукише" в Окр. суде. — Об антрепренере Александрове, снявшем Гор. Зоол. сад. — *№ 18, 4 мая* (3). — О мещанских богадельне и училище. — Московские водочники. — Заседания в Немецком клубе. — *№ 20, 18 мая* (17). — О присуждении Грибоедовской премии. — Закрытие ресторана Роше де-Канкаль. — Книга „Козырные валеты". — *№ 24, 15 июня* (14). — Дачная жизнь под Москвой. — Прекращение „Голоса Москвы". — Ремесленная выставка. — Порядки на Моск.-Курск. ж. д. — *№ 36, 7 сент.* (6). — Московские театры: Большой, Малый, Опера Мамонтова, театр Корша, оперетка, театр Лентовского, театр Парадиза, любительские театры. — Московская малая пресса. — *№ 41, 12 окт.* (11). — О громадных затратах в опере Мамонтова.

„Осколки Московской Жизни" за 1885 г. составляют около 1400 нивск. строк. Заметка в № 41 — последняя. Возникновение и прекращение этих фельетонов имеет свою историю. См. П. I, 133, 141, 148, 153.

Дело о 1884 годе (От нашего корреспондента). — *О:* № 1, 5 янв. (4). Подп.: Человек без селезенки. 46×52. В С. — нет.

Масляничные правила дисциплины. — *Буд.* № 4, д. ц. 24 янв. Подп.: Брат моего брата. 29×46. В С. — нет.

Капитанский мундир. — *О.* № 4, 26 янв. (25). Подп.: А. Чехонте. 246×48. В С. — 35 изм. Сб. „П. р.".

У предводительши (Рассказ). — *О.* № 6, 9 февр. (8). Подп.: А. Чехонте. 154×52. В С. — ничтожн. изм. Сб. „П. р.".

Драма на охоте (Истинное происшествие). — *Н. Д.* № 26, 27 янв., №№ 45, 54 (16-го, 25 февр.); №№ 61, 62, 75, 80 (4-го, 5, 18, 23 марта); №№ 95, 98, 102, 107, 111 (9-го, 12, 16, 21, 25 апр.). Подп.: А. Чехонте (во всех №№, кроме № 75 и № 107, где ее нет, вероятно, — случайно).

Текст приведенных №№ занимает около 2800 строк, а весь этот роман — около 7600. „Драма на охоте“ — очень важное произведение Чехова в первые годы его писательства. Здесь он широко раздвинул рамки изображения жизни, дал разнообразные характеры, очень интересно осветил их и явился превосходным художником, с теми приемами, которые он ясно наметил в рассказе „Барыня“ (1882 г.).

Аптекарская такса, или Спасите, грабят! (Шутливый трактат на плачевную тему). — *Буд.* № 7, д. ц. 14 ф. Подп.: Брат моего брата 104×52. В С. — нет.

Живая хронология. — *О.* № 8, 23 ф. (22). Подп.: А. Чехонте. 103×48. В С. — ничтожн. изм. Сб. „П. р.“.

Служебные пометки. — *О.* № 9, 2 марта (1). Подп.: Человек без селезенки. 48×52. В С. — нет.

В бане. — *О.* № 10, 9 марта (8). Подп.: А. Чехонте. 137×52. В С.— 20 изм. II-ая глава этого р. — „Относительно женихов“ (Буд. 1883 г., № 42, д. ц. 29 окт.).

Разговор человека с собакой. — *О.* № 10, 9 марта (8). Подп.: Человек без селезенки. 76×48. В С. — 6 незнач. изм. Сб. „П. р.“.

Не тлетворные мысли. — *О.* № 11, 16 марта (15). Подп.: Человек без селезенки. 16×48. В С. — нет.

О Марте (Филологическая заметка). — *О.* № 11, 16 марта (15). Подп.: Человек без селезенки. 47×48. В С. — нет.

Правила для начинающих авторов (Юбилейный подарок,—вместо почтового ящика).—*Буд.* № 12, д. ц. 20 марта. Без подписи. 144×46. В С. — нет.

Тост прозаиков и Женский тост, произнесенный Антошей Чехонте. — *Буд.* № 12, д. ц. 20 марта. 66×46 и 43×46. В С. — нет. (Оба тоста были произнесены на юбилейном обеде, по поводу 20-летия „Будильника“).

Мелюзга. — *О.* № 12, 23 марта (22). Подп.: А. Чехонте. 127×48. В С. — 7 незнач. изм. Сб. „П. р.“.

Праздничные (Из записок провинциального хапуги). — *О.* № 12, 23 марта (22). Подп.: Человек без селезенки. 52×48. В С. — нет.

Оба лучше (Рассказ). — *О.* № 13, 30 марта (29). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Из копилки курьезов. — *О.* № 13, 30 марта (29). Подп. — Сообщ.: Человек без селезенки. 12×48. В С. — нет.

Красная горка. — *О.* № 13, 30 марта (29). Подп.: Человек без селезенки. 80×52. В С. — нет.

Об Апреле (Филологическая заметка). — *О.* № 14, 6 апр. (5). Подп.: Человек без селезенки. 54×52. В С. — нет.

Безнадежный (Эскиз). — *Буд.* № 15, д. ц. 18 апр. Подп.: А. Чехонте.

Герат (От нашего собственного корреспондента). — *О.* № 16, 20 апр. (19). Подп.: Человек без селезенки. 82×52. В С. — нет.

Канитель. — *О.* № 17, 27 апр. (26). Подп.: А. Чехонте. 93×52. В С. — 6 незнач. изм. Сб. „П. р.“.

Жизнь прекрасна! (Покушающимся на самоубийство). — *О.* № 17, 27 апр. (26). Подп.: Человек без селезенки. 44×52. В С. — нет.

Женщина с точки зрения пьяницы. — *Буд.* № 17, д. ц. 2 мая. Подп.: Брат моего брата. 36×46. В С. — нет.

В Сокольниках (Сценка). — *Буд.* № 17, д. ц. 2 мая. Подп.: Брат моего брата.

О Мае (Филологическая заметка). — *О.* № 18, 4 мая (3). Подп.: Человек без зелезенки. 31×48. В С. — нет.

Последняя могиканша. — *П. Г.* № 122, 6 мая. 250×38. В С. — 33 изм. (Начало сотрудничества Чехова в этой газете, если не считать его корресп. по делу Рыкова. Подп. в этом № и во всех последующих одна: А. Чехонте).

Всяк злак (Сценка). — *О.* № 20, 18 мая (17). Подп.: А. Чехонте. 93×52. В С. — п. з. „В номерах", без подзаг., 18 изм. П. I, 137.

О том, о сем. — *О.* № 20, 18 мая (17). — Подп.: Человек без селезенки. 36×48. В С. — нет.

Дипломат (Сценка). — *П. Г.* № 135, 20 мая.

Кулачье гнездо. — *П. Г.* № 139, 24 мая. 183×40. В С. — 1 изм.

Кое-что об А. С. Даргомыжском. — *Буд.* № 20, д. ц. 24 мая. Подп.: А. Ч. 73×46. В С. — нет. Два анекдота; они были рассказаны Чехову — В. П. Бегичевым.

Бумажник (Басня в прозе). — *Буд.* № 20, д. ц. 24 мая. Подп.: Брат моего брата.

Упразднили! (Рассказ). — *О.* № 21, 25 мая (24). Подп.: А. Чехонте 241×49. В С. — около 40 изм. Сб. „П. р.". П. I, 137, 139, 140, 141, 142 153, 155.

Угроза. — *О.* № 21, 25 мая (24). Подп.: Человек без селезенки. 17×48. В С. — нет.

Павлин в вороньих перьях (Рассказ). — *О.* № 22, 1 июня (31 мая). Подп.: А. Чехонте.1 93×52. В С. — п. з. „Ворона", около 50 изм. П. I, 140.

Финтифлюшки. — *О.* № 22, 1 июня (30 мая), № 23, 8 июня (7). Подп.: Человек без селезенки. 34×52. В С. — нет. Анекдоты „О том, о сем", „Угроза", „Надул", „Финтифлюшки" — имеют характер полурусский. Ключ к объяснению появления этих анекдотов: П. I, 146.

Сапоги (Сценка). — *П. Г.* № 149, 3 июня. 200×34. В С. — с 37 изм.

Моя „она". — *Буд.* № 22, д. ц. 6 июня. Подп.: Брат моего брата. 29×46. В С. — нет.

Нервы (Рассказ). — *О.* № 23, 8 июня (7). Подп.: А. Чехонте. 163×52. В С. — около 10 изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Рыбье дело (Густой трактат по жидкому вопросу). — *Буд.* № 23, д. ц. 14 июня и № 25, д. ц. 27 июня. Подп.: Брат моего брата. 138×40. В С. — нет.

Обратите наконец внимание! (Ужасное происшествие). — *О.* № 24, 15 июня (14). Подп.: Человек без селезенки. 71×48. В С. — без подзаг. (изм. сделали его лишним!), с загл. „Дачники" и 20 изм. Журн. ред. этого р. больше подходит к общему характеру творчества Чехова в те годы, нежели последняя ред. Сперва в р. было так: Саша и Варя, завидев приехавших к ним на дачу родственников, — ужасаются. Он хватает себя за волосы и бросается под поезд, а она — сходит с ума (отсюда и подзаговолок: „Ужасное происшествие"). Из этой сценки, смешной своим неправдоподобием, Чехов сделал спокойную бытовую картинку. Пример резкой переделки.

Вверх по лестнице. — *О.* № 24, 15 июня (14). Подп.: Человек без селезенки.

Стража под стражей (Сценка). — *П. Г.* № 163, 17 июня. 216×37. В С. — с 1 изм.

Мои жены (Письмо в редакцию Рауля Синей Бороды). — *Буд.* № 24, д. ц. 20 июня. Подп.: Рауль Синяя Борода. Ратификовал — А. Чехонте.

На луне (Сцена, не попавшая в феерию Лентовского „Путешествие на луну"). — К рис. В. И. Порфирьева. — *О.* № 25, 22 июня (21). Подп.: Ан. Ч—е. 7 строк. В С. — нет.

Надул (Очень древний анекдот). — *О.* № 25, 22 июня (21). Подп.: Человек беа селезенки. 13×48. В С. — нет.

Интеллигентное бревно (Сценка). — *П. Г.* № 169, 23 июня, 260×38. В С. — изм. в орфографии и др.

Дачный казус (Из воспоминаний идеалиста). — *Буд.* № 26, д. ц. 27 июня. Подп.: Брат моего брата.

Симулянты (Рассказ). — *О.* № 26, 29 июня (28). Подп.: А. Чехонте. 137×52. В С. — около 45 изм. Сб. „П. р.".

Налим (Сценка). — *П. Г.* № 177, 1 июля. 257×37. В С. — 19 изм. Сб. „П. р.".

В аптеке (Сценка). — *П. Г.* № 182, 6 июля. 219×39. В С. — с немн. изм. Сб. „П. р.".

Лошадиная фамилия (Сценка). — *П. Г.* № 183, 7 июля. 222×38. В С. — 65 изм.

Не судьба! — *О.* № 28, 13 июля (12). Подп.: А. Чехонте. В С.—2 несходства. Сб. „П. р.".

Заблудшие (Сценка). — *П. Г.* № 191, 15 июля. 215×38. В С. — около 40 изм. Сб. „П. р.".

Егерь (Сценка). — *П. Г.* № 194, 18 июля. 245×40. В С. — около 20 изм. П. I, 210. Сб. „П. р.".

Необходимое предисловие. — *О.* № 29, 20 июля (19). Подп.: Человек без селезенки.

Злоумышленник (Сценка). — *П. Г.* № 200, 24 июля. 218×39. В С. — около 15 изм. Сб. „П. р.".

В вагоне (Разговорная перестрелка). — *О.* № 30, 27 июля (26). Подп.: А. Чехонте.

Нечто серьезное. — *О.* № 30, 27 июля (26). Подп.: А. Чехонте. 35×48. В С. — нет.

Об Июне и Июле (Филологическая заметка). — *О.* № 30, 27 июля. Подп.: Человек без селезенки. 49×48. В С. — нет. П. I, 147.

Жених и папенька (Нечто современное). Сценка. — *П. Г.* № 207, 31 июля. В С. — есть несходства в знаках и в начерт. некоторых слов.

Гость (Сценка). — *П. Г.* № 212, 5 авг. В С. — два незнач. изм.

Мыслитель. — *О.* № 32, 10 авг. (9). Подп.: А. Чехонте. 124×48. В С. — около 10 изм. Сб. „П. р.".

Конь и трепетная лань (Сценка). — *П. Г.* № 219, 12 авг. 231×38. В С. — 6 изм. Сб. „П. р.". Один из поворотных моментов в сторону серьезного психол. творчества.

Делец. — *О.* № 33, 17 авг. (16). Подп.: Человек беа селезенки. 45×52. В С. — нет.

Утопленник (Сценка). — *П. Г.* № 226, 19 авг. 190×39. В С. — 2 незнач. изм.

Реклама. — *Буд.* № 33, д. ц. 22 авг. Подп.: Брат моего брата. 22×46. В С. — нет.

Свистуны (Рассказ). — *О.* № 34, 24 авг. (23). Подп.: А. Чехонте. 147×48. В С. — 2 несходства. Сб. „П. р.“.

Об Августе (Филологическая заметка. — *О.* № 34, 24 авг. (23). 48×52. В С. — нет. (Последняя из „филологических заметок“). П. I, 147.

Козлы отпущения (Посвящается многим папашам). — *П. Г.* № 233, 26 авг. 217×39. В С. — п. з. „Отец семейства“, с изм., без „посвящения“. Рассказ „Козлы отпущения“ вошел в сб. „П. р.“. П. V, 365.

Староста (Сценка). — *П. Г.* № 240, 2 сент.

Мертвое тело (Картинка). — *П. Г.* № 247, 9 сент. 248×40. В С. — 10 изм. Сб. „П. р.“. П. I, стр. XXIII.

Женское счастье. — *О.* № 37, 14 сент. (13). Подп.: А. Чехонте. 144×52. В С. — около 40 изм.

Кухарка женится (Рассказ). — *П. Г.* № 254, 16 сент. 270×40. В С. — около 20 изм. Сб.—ки „П. р.“, „Детвора“.

Стена. — *О.* № 38, 21 сент. (20). Подп.: А. Чехонте. В С. — 2 несходства. Сб. „П. р.“.

После бенефиса (Сценка). — *П. Г.* № 261, 23 сент. 229×40. В С.— 6 незнач. изм.

К свадебному сезону (Из записной книжки коммиссионера). — *О.* № 39, 28 сент. (27). Подп.: Человек без селезенки. 33×52. В С.—нет.

Записка. — *О.* № 39, 28 сент. (27). Подп.: Человек без селезенки. 34×52. В С. — нет.

Общее образование (Последние выводы зубоврачебной науки). — *П. Г.* № 268, 30 сент. В С. — 1 несходство.

Врачебные советы. — *Буд.* № 39, д. ц. 2 окт. Подп.: Врач без пациентов. 15×46. В С. — нет.

Мнения по поводу шляпной катастрофы. — *Буд.* № 39, д. ц. 2 окт. Подп.: Брат моего брата. 43×46. В С. — нет.

Два газетчика (Неправдоподобный рассказ). — *О.* № 40, 5 окт. (4). Подп.: А. Чехонте. Сб. „П. р.“.

Кляузник (Сценка). — *П. Г.* № 273, 5 окт. 195×39. В С. — около 70 изм., п. з. „Унтер Пришибеев“.

Психопаты (Сценка). — *П. Г.* № 275, 7 окт.

На чужбине. — *О.* № 41, 12 окт. (11). Подп.: А. Чехонте. 158×52. В С. — с 13 изм. Сб. „Нев. р.“.

Индейский петух (Маленькое недоразумение). — *П. Г.* № 282, 14 окт.

Сонная одурь (Сценка). — *П. Г.* № 289, 21 окт. 270×36. В С. — с изм. Сб. „П. р.“. П. V, 365.

Битая знаменитость или средство от запоя (Из актерской жизни). — *О.* № 43, 26 окт. (25). Подп.: А. Чехонте. 232×52. В С. — п. з. „Средство от запоя“, без подзаг., с 20 изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 157, 421.

Контробас и флейта (Сценка). — *П. Г.* № 296, 28 окт.

Руководство для желающих жениться (Секретно). — *О.* № 44, 2 н. (1). Подп.: Человек без селезенки. В С. — нет.

Ниночка (Роман). — *П. Г.* № 303, 4 н.

Интеллигенты-кабатчики (Письмо в редакцию). — *Буд.* № 44, д. ц. 8 н. Подп.: Брат моего брата. 56×46. В С. — нет.

Дорогая собака. — *О.* № 45, 9 н. (8). Подп.: А. Чехонте. 95×52. В С. — с 16 изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 421.

Писатель (Сценка). — *П. Г.* № 310, 11 н. 206×36. В С. — с изм. П. V, 365.

Тапер. — *Буд.* № 45, д. ц. 14 н. Подп.: А. Чехонте. 218×46. В С. — с изм. П. I, 159, 160.

Пересолил. — *О.* № 46, 16 н. (15). Подп.: А. Чехонте. 163×52. В С. — 10 изм. Сб. „П. р.“.

Без места. — *П. Г.* № 317, 18 н.

Брак через 10—15 лет. — *Буд.* № 46, д. ц. 21 н. Подп.: Брат моего брата.

Старость. — *О.* № 47, 23 н. (22). Подп.: А. Чехонте. В С. — около 20 изм. Сб. „П. р.“. По настроению, один из предшественников „Панихиды“.

Горе (Зимняя картинка). — *П. Г.* № 324, 25 н. 296×36. В С. — без подзаг., с изм. Сб. „П. р.“.

Ну, публика! — *О.* № 48, 30 н. (29). Подп.: А. Чехонте. 154×52. В С. — около 10 незнач. изм. Сб. „П. р.“.

Тряпка (Сценка). — *П. Г.* № 331, 2 дек.

Домашние средства. — *О.* № 49, 7 дек. (6). Подп.: Человек без селезенки. 45×52. В С. — нет.

Моя беседа с Эдисоном (От нашего собственного корреспондента). — *О.* № 49, 7 дек. (6). Подп.: Человек без селезенки. 59×52. В С. — нет.

Святая простота (Рассказ). — *П. Г.* № 338, 9 дек.

Шило в мешке (Рассказ). — *О.* № 50, 14 дек. (13). Подп.: А. Чехонте. 162×52. В С. — около 15 изм. Сб. „П. р.“.

Циник (Сценка). — *П. Г.* № 345, 16 дек. 183×36. В С. — с изм. Сб. „П. р.“.

Mari d'elle. — *П. Г.* № 347, 18 дек.

Правильные действия. — *Буд.* № 50, д. ц. 19 дек. Подп.: — нте. (См. объяснение такой необычной подписи: П. I, 160, 193). В С. — нет.

Антрепренер под диваном (Закулисная история). — *О.* № 51, 21 дек. (20). Подп.: А. Чехонте. 129×52. В С. — около 35 изм.

Сон (Святочный рассказ). — *П. Г.* № 354, 25 дек. П. I, 161.

Восклицательный знак (Святочный рассказ). — *О.* № 52, 28 дек. (27). Подп.: А. Чехонте. 192×52. В С. — 11 изм. Сб. „П. р.“.

Зеркало (Сценка). — *П. Г.* № 358, 30 дек. 228×36. В С. — с изм. Сб. „П. р.“.

1886.

Новогодние великомученики. — *О.* № 1, 4 янв. (3). Подп.: А. Чехонте.

Шампанское (Мысли с новогоднего похмелья). — *О.* № 1, 4 янв. (3). Подп.: Человек без селезенки. 35×48. В С. — нет. (Не см. этой сатиры с р. „Шампанское“ (Рассказ проходимца), напеч. в П. Г. 1887 г. № 4, 5 янв.).

Визитные карточки. — *О.* № 1, 4 янв. (3). Подп.: Человек без селезенки. 38×48. В С. — нет.

Письма. — *О.* № 1, 4 янв. (3). Подп.: Рувер и Рувер. 49×48. В С. — нет.

Ночь на кладбище (Святочный рассказ). — *Св.* № 1, 8 янв. (7). Подп.: А. Чехонте. В С. — 2 незнач. несходства. П. I, 193.

Конкурс (на любовное письмо). — *О.* № 2, 11 янв. (10). Без подписи. 32 строки (= 25 нивск. стр.). Доказательство авторства Чехова: П. I, 166 и 170. Возможно, что заглавие принадлежит ред. „Осколков". В С. — нет.

Сорвалось. — *О.* № 2, 11 янв. (10). Подп.: А. Чехонте. 61×48. — В С. — п. з. „Неудача", около 20 изм. В журн. ред. это произведение во много раз шутливее. Пеплова-мать названа там *Егозой* Петровной (в С. — Клеопатра Петровна). П. I, 218.

Специальная почта. — *О.* № 3, 18 янв. (17). Без подписи. 8 строк. — В С. — нет. Авторство Чехова основываю на: П. I, 170 и на содержании. (Заглавие — отдел в журнале).

У телефона. — *Буд.* № 3, 19 янв. (16). Подп.: Брат моего брата. 98×48. В С. — нет.

Детвора (Сценка). — *П. Г.* № 19, 20 янв. 277×40. — В С. — незнач. изм. Сб. — ки: „П. р.", „Детвора".

Открытие. — *О.* № 4, 25 янв. (24). Подп.: А. Чехонте.

Самый большой город. — *О.* № 4, 25 янв. (24). Подп.: Рувер. 28×48. — В С. — нет.

Тоска. — *П. Г.* № 26, 27 янв. 285×40. — В С. — незнач. изм. Сб. „П. р.".

Ночь перед судом (Случай из моей медицинско-шарлатанской практики). — *О.* № 5, 1 ф. (31 янв.). Подп.: А. Чехонте. 209×48. В С. — подзаг. (Рассказ подсудимого), около 20 изм. Впоследствии Чехов начал писать пьеску на сюжет этого р., но не закончил ее (т. XXIII, 25—31). Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Переполох (Отрывок из романа). — *П. Г.* № 33, 3 ф. 383×40. — В С. — немн. изм.

Беседа пьяного с трезвым чертом. — *О.* № 6, 8 ф. (7). Подп.: Человек без селезенки. 71×48.

Актерская гибель. — *П. Г.* № 40, 10 ф. 315×40. В С. — немн. изм. Сб. „П. р.".

Глупый француз. — *О.* № 7, 15 ф. (14). Подп.: А. Чехонте. П. I, 218.

Панихида. — *Н. Вр.* № 3581, 15 ф. Подп.: Ан. Чехов. 270×40. В С. — 2 изм. Сб. „В сумерках". П. I, 190, 194, 231, 331. — Начало сотрудничества Чехова в Н. Вр. Подпись и во всех след. №№ Н. Вр. та же: Ан. Чехов. Исследователи уделяют этому рассказу особенное внимание.

О вреде табака (Сцена-монолог). — *П. Г.* № 47, 17 ф. 311×40. В С. — с изм. Сб. „П. р.". Литогр. изд. т. библ. С. И. Напойкина. М. 1887 г. П. I, 187, 206, 218.

Анюта. — *О.* № 8, 22 ф. (21). Подп.: А. Чехонте. 152×48. — В С. — около 45 изм. Резко изменен конец рассказа. Сб. „П. р.". П. I, 188, 218.

О бренности (Масляничная тема для проповеди). — *О.* № 8, 22 ф. (21). Подп.: Человек без селезенки.

Кровь за кровь (Трагедия). Драм. шутл. отрывок, с пометкой: „Продолжение не будет". См. П. I, 199. Дата: Москва. 1886 г., февраль.

Персона. — *О.* № 9, 1 марта (28) февр. Подп.: А. Чехонте.

Иван Матвеич. — *П. Г.* № 60, 3 марта. 296 × 40. — В С. — со мн. изм. Сб. „П. р.“.

Отрава. — *О.* № 10, 8 марта (7). Подп.: А. Чехонте. 184 × 48. — В С. — 2 изм.

Ведьма. — *Н. Вр.* № 3600, 8 марта. 633 × 40. В С. — 6 изм. (выпущены эстет. детали). Сб. „В сумерках“. П. I, 195, 207, 210, 231, 331, 333. См. „Слово“, сб. 2-ой. К 10-летию смерти Ант. П. Чехова; стр. 200.

Рассказ без конца (Сценка). — *П. Г.* № 67, 10 марта. Относительность горя и страданий человека.

Шуточка. — *Св.* № 10, 12 марта (8). Подп.: Человек без селезенки.— В С. — со мног. изм.

Мой разговор с почтмейстером. — *О.* № 11, 15 марта (11). Подп.: А. Чехонте. — В С. — 3 незнач. изм.

Агафья. — *Н. Вр.* № 3607, 15 марта. 586 × 40. — В С. — с немн. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 231, 331, 333.

Водобоязнь (Быль). — *П. Г.* № 74, 17 марта. 405 × 40. В С.—п. з. „Волк“, с мн. изм. „Волк“ был напечатан в „Р. М.“ 1905 г.

В Париж! — *О.* № 12, 22 марта (21). Подп.: А. Чехонте. 203 × 48. В С. — 2 незнач. изм.

Весной (Сценка). — *П. Г.* № 81, 24 марта. 391 × 40. В С. — с мн. изм. Не см. этой сценки со сценкой-монологом „Весной“ (О. 1887 г. № 17, 25 апр.), напеч. в С. — т. XXI, 135.

Скарлатина и счастливый брак (Архивное изыскание). — *О.* № 13, 29 марта (28). Подп.: А. Чехонте. 82 × 48. В С. — п. з. „Ммного бумаги“, около 20 изм.

Кошмар. — *Н. Вр.* № 3621, 29 марта. 718 × 40. В С. — с 4 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 203, 218, 227, 231, 331; V. 264.

Грач. — *О.* № 13, 29 марта (28). Подп.: Человек без селезенки.

На реке (Весенние картинки) — *П. Г.* № 88, 31 марта. Некоторые места этого произведения напоминают будущую „Степь“; здесь Чехов вполне определенно говорит о босяке, как обыкновенном явлении русской жизни.

Гриша. — *О.* № 14, 5 апр. (4). Подп.: А. Чехонте. 127 × 48. В С. — с изм. П. I, 203.

Любовь. — *П. Г.* № 95, 7 апр.

Святою ночью. — *Н. Вр.* № 3636, 13 апр. Сб. „В сумерках“ (87 г.). Изд. Моск. Общ. Грамотн. (98 г.). П. I, 231, 331; V, 302.

Дамы (Рассказ). — *О.* № 16, 19 апр. (18). Подп.: А. Чехонте. 163 × 48. В С. — со знач. изм.

Сильные ощущения (Сценка). — *П. Г.* № 107, 21 апр. 178 × 40. В С. — со знач. изм.

О женщинах. — *О.* № 17, 26 апр. (25). Подп.: Человек без селезенки. 84 × 48. В С. — нет.

Сказка (Посвящается балбесу, хвастающему своим сотрудничеством в газетах). — *О.* № 18, 3 мая (2). Подп.: Человек без селезенки. 23 × 48. В С. — нет.

Немножко боли (Уличный случай). — *О.* № 18, 3 мая (2). Подп.: А. Чехонте. 156 × 48. В С. — п. з. „Знакомый мужчина“, со мн. изм.

Стихотворение — в абльбоме Саши Киселевой, дочери владетелей Бабкина. Подп.: А. Чехонте. См. С. т. XXIII, 47.

Счастливчик (Сценка). — *П. Г.* № 121, 5 мая. 255 × 40. В С. — с немн. изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421; V, 368.

Тайный советник. — *Н. Вр.* № 3657, 6 мая. 944 × 40. В С. — с незнач. изм. Учитель Победимский напоминает учителя из рассказа Гоголя „Страшный кабан". Вполне возможно, что рассказ навеян наблюдениями Чехова близ Таганрога (фигурирует Новостроевка — предместье Таганрога). Есть места, напоминающие — по языку и тону — Пушкина (рассказ Гринева о жизни у родителей) и Фонвизина („Недоросль"). Сб. „Рассказы", изд. Сув. (88).

Литературная табель о рангах. — *О.* № 19, 10 мая (9). Подп.: Человек без селезенки, 29 × 48. В С. — нет.

День за городом (Сценка). — *П. Г.* № 135, 19 мая.

В пансионе. — *О.* № 21, 24 мая (23). Подп.: А. Чехонте.

На даче. — *Буд.* № 20, 25 мая (23). Подп.: А. Чехонте.

От-нечего-делать (Дачный роман). — *П. Г.* № 142, 26 мая.

Скука жизни. — *Н. Вр.* № 3682, 31 мая. П. V, 333. — Затронуто толстовство; в первый раз поставлен вопрос о смысле жизни.

Список лиц, имеющих право на бесплатный проезд по русским железным дорогам. — *О.* № 23, 7 июня (6). Подп.: Человек без селезенки. 33 × 48. В С. — нет.

Роман с контробасом (Дачная феерия). — *О.* № 23, 7 июня. (6). Подп.: А. Чехонте. В С. — незнач. изм.

Страхи (Рассказ дачника). — *П. Г.* № 162, 16 июня. 331 × 40. В С. — без подзаг., с мног. изм.

Аптекарша. — *О.* № 25, 21 июня (20). Подп.: А. Чехонте. 205 × 48. В С. — около 30 изм.

Лишние люди. — *П. Г.* № 169, 23 июня. 345 × 40. В С. — со мн. изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421; V. 383.

Серьезный шаг. — *О.* № 26, 28 июня (27). Подп.: А. Чехонте. В С. — с 1 несходством в предлоге.

Сапоги в смятку. Рассказ для детей, с иллюстрациями. Соч. Архипа Индейкина (Посвящается Василисе и Сергею). Одобрен Ученым Комитетом не только для детей, но даже и для генералов, архимандритов, непременных членов и писательниц. Цена 17 коп.— Юморист. рассказ, написанный для детей М. В. Киселевой, владетельницы Бабкина. См. П. I, 241—254. 156 рукописных строк. По выходе I-го т. „Писем", рассказ был перепечатан многими газетами. Отнесен в „Письмах" к июню 1886 г.

Любовь без зыби (Роман). Подп.: Н. Захарьева. П. I, 238. — Пародия на женские романы.

Певичка. — *О.* № 27, 5 июля (4). Подп.: А. Чехонте. 160 × 48. В С.— п. з. „Хористка", около 50 изм.

Словотолкователь для барышень. — *О.* № 28, 12 июля (11). Подп.: Человек без селезенки. 21 × 48. В С. — нет.

Учитель. — *Н. Вр.* № 3723, 12 июля 540 × 40. В С. — около 60 изм. П. V, 333.

Беспокойный гость. — *П. Г.* № 190, 14 июля. 300 × 40. В С. — с немн. изм. Сб. „В сумерках". П. I, 331.

Rara avis. — *О.* № 29, 19 июля (18). Подп.: Рувер. 20 × 48. В С.— нет.

Чужая беда. — *П. Г.* № 204, 28 июля.

Ты и вы (Сценка). — *П. Г.* № 211, 4 авг.

Акцизный. — *О.* № 32, 9 авг. (8). Подп.: А. Чехонте. 139 × 56. В С. — п. з. „Муж“, с 55 изм.

Розовый чулок. — *О.* № 33, 16 авг. (14). Подп.: А. Чехонте. П. I, 261.

Несчастье. — *Н. Вр.* № 3758, 16 авг. 694 × 40. В С. — с 5 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 331.

Страдальцы. — *П. Г.* № 225, 18 авг. 282 × 40. В С. — с незнач. изм.

Пассажир 1 класса. — *Н. Вр.* № 3765. 23 авг. 388 × 40. В С. — около 20 изм. П. II, 233.

Талант. — *О.* № 36, 6 сент. (5). Подп.: А. Чехонте. 237 × 48. В С.— со знач. изм.

Нахлебники. — *П. Г.* № 246, 8 сент. 296 × 40. В С. — с немн. изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 421.

Первый любовник. — *О.* № 37, 13 сент. (12). Подп.: А. Чехонте. 193 × 48. В С. — около 10 изм.

В потемках (Из летних воспоминаний). — *П. Г.* № 253, 15 сент. 227 × 40. В С. — незнач. изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 421.

Пустой случай. — *Н. Вр.* № 3793, 20 сент. 484 × 40. В С. — с 3 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П .I, 331.

Светлая личность (Рассказ „идеалиста“). — *Св.* № 37, 25 сент. (24). Подп.: А. Чехонте. 117 × 48. В С. — с незнач. несходствами.

Драма. — *Св.* № 37, 25 сент. (24). Подп.: Человек без селезенки, 19 строк. В С. — нет. Не см. с расск. „Драма“ (О. 1887 г. № 24, 13 июня— об убийстве редактором дамы—писательницы).

Длинный язык. — *О.* № 39, 27 сент. (26). Подп.: А. Чехонте. 126 × 48. В С. — с немн. изм.

Житейская мелочь. — *П. Г.* № 267, 29 сент. 251 × 40. В С. — с незнач. изм.

Тяжелые люди. — *Н. Вр.* № 3810, 7 окт. 623 × 40. В С. — около 70 изм. П. V, 333.

Ах, зубы! — *Св.* № 39, 9 окт. (8). Подп.: Человек без селезенки.

Месть (Житейский водевиль). — *О.* № 41, 11 окт. (10). Подп.: А. Чехонте. 163×48. В С. — с 11 незнач. изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 421. Не см. с р. того же назв. (М. Т. 1882 г., № 50, 31 дек.).

В суде. — *Н. Вр.* № 3814, 11 окт. 352×40. В С. — с 3 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 331.

Нытье. (Письмо издалека). — *Буд.* № 40, 12 окт. (10). Подп.: А. Чехонте.

Статистика. — *О.* № 42, 18 окт. (17). Подп.: Человек без селезенки. 59×48. В С. — нет.

Предложение (Рассказ для девиц) — *Св.* № 41, 23 окт. (22). Подп.: Человек без селезенки.

Бука. — *О.* № 43, 25 окт. (24). Подп.: А. Чехонте. 177×48. В С. — п. з. „Необыкновенный“, со мн. изм. П. I, 273.

Мой Домострой. — *Буд.* № 42, 26 окт. (24). Подп.: Брат моего брата. 85×46. В С. — нет.

Тина. — *Н. Вр.* № 3832, 29 окт. 944×40. В С. — около 15 изм. Сб. „Рассказы“, изд. Сув. (88). П. I, 299, 302; II, 49; V, 72.

Жилец № 31. — *О.* № 44, 1 н. (31 окт.). Подп.: А. Чехонте. В С.—

незнач. несходства. Впоследствии Чехов заново переработал этот рассказ и поместил его, п. з. „Жилец“, в „Журн. для всех“. См. ниже, в отделе произведений за 1898 г.

Недобрая ночь (Наброски). — *П. Г.* № 302, 3 н.

Калхас. — *П. Г.* № 309, 10 н. 210×40. В С. — нет. П. I, 305; II, 178, 193, 195, 227, 391—392. Не см. этого рассказа с драм. этюдом „Лебединая песня“ (Калхас). Драм. этюд написан на сюжет этого р.

Тсссс!.. — *О.* № 46, 15 н. (14). Подп.: А. Чехонте. 128×48. В С. — около 10 изм. Сб. „Нев. р.“. (здесь: „Тссъ“). П. I, 421.

Мечты. — *Н. Вр.* № 3849, 15 н. 440×40. В С. — с 3 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. Изд. Моск. Общ. Грам. (1898). П. I, 331; V, 302.

На мельнице. — *П. Г.* № 316, 17 н.

Сестра. — *Н. Вр.* № 3856, 22 н. 707×40. В С. — п. з. „Хорошие люди“, около 70 изм. Основная тема — „непротивление злу“.

Событие. — *П. Г.* № 323, 24 н. Сб. „В сумерках“, „Детвора“. П. I, 331.

Драматург. — *Св.* № 46, 27 н. (26). Подп.: Человек без селезенки.

Оратор (Рассказ). — *О.* № 48, 29 н. (28). Подп.: А. Чехонте. 130×48. В С. — 7 незнач. изм.

Беда. — *П. Г.* № 330, 1 дек. (Не см. этого р. с р. „Баран“ (П. Г. 1887 г. № 336, 7 дек.), помещенным в С. (VII, 28) п. з. „Беда“). В этом р. „герой“—Путохин, в другом же—купец Авдеев.

Заказ. — *П. Г.* № 337, 8 дек.

Произведение искусства. — *О.* № 50, 13 дек. (12). Подп.: А. Чехонте. 171×48. В С. — 3 незнач. изм. Сб. „Нев. р.“. П. I, 421.

Юбилей. — *П. Г.* № 344, 15 дек. 294×40. В С. — нет. Актерские нравы. Не см. с „Юбилеем“, шуткой в 1 д. (XIV, 65).

Кто виноват? — *О.* № 51, 20 дек. (19). Подп.: А. Чехонте.

Ванька. — *П. Г.* № 354, 25 дек. 195×40. В С. — с незнач. изм. Сб. „Рассказы“, „Детвора“ (изд. Сув.). П. II, 45; III, 229, 230, 262, 271; IV, 91. Не см. этого р. с очерком „Ванька“ (Р. С. Л. 1884 г. № 5) и напеч. в т. XIX, 209—211.

На пути. — *Н. Вр.* № 3889, 25 дек. 806×40. В С. — 6 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 299, 304, 331.

То была она! (Святочный рассказ). — *О.* № 52, 27 дек. (26). Подп.: А. Чехонте. 178×48. В С. — 2 незнач. изм. П. I, 421.

Человек (Немножко философии). — *О.* № 52, 27 дек. (26). Подп.: Человек без селезенки. 24×48. В С. — нет.

1887.

Новогодняя пытка (Очерк новейшей инквизиции). — *Буд.* № 1, 4 янв. (2). Подп.: А. Чехонте.

Шампанское (Рассказ проходимца). — *П. Г.* № 4, 5 янв. 317×42. В С. — около 20 изм. Сб. „Хм. л.“. П. I, 214. Не см. с „Шампанским“. (О. 1886 г. № 1).

Мороз. — *П. Г.* № 11, 12 янв. 313×42. В С. — около 30 изм.

Нищий. — *П. Г.* № 18, 19 янв. 280×42. В С. — около 20 изм.

Враги. — *Н. Вр.* № 3913, 20 янв. 714×41. В С. — 8 незнач. изм. Сб. „В сумерках“. П. I, 312, 331; VI, 283.

Анекдот. — *О.* № 4, 24 янв. (23). Подп.: А. Чехонте. 172×50. В С.— п. з. „Добрый немец".

В потемках. — *П. Г.* № 25, 26 янв. 211×42. В С. — п. з. „Темнота", около 50 изм. П. I, 421. Не см. с расск. „В потемках" (Из летних воспоминаний), напеч. в П. Г. 1886 г. № 253, 15 сент.

Полинька. — *П. Г.* № 32. 2 ф. 279×42. В С. — около 25 изм.

Пьяные. — *П. Г.* № 39, 9 ф. 321×42. В С. — около 40 изм.

Неосторожность. — *О.* № 8, 21 ф. (20). Подп.: А. Чехонте. 169×50. В С. — около 20 изм. П. V, 178.

Верочка. — *Н. Вр.* № 3944, 21 ф.. 702×40. В С. — 2 незнач. изм. Сб. „В сумерках". П. I, 316, 318, 331, 333.

Накануне поста. — *П. Г.* № 52, 23 ф. 281×42. В С. — около 30 изм.

Беззащитное существо. — *О.* № 9, 28 ф. (27). 154×50. В С. — около 10 изм.; гл. обр., изменена речь Щукиной („беззащитного существа").

Не доброе дело. — *П. Г.* № 59, 2 марта. В С. — 3 незнач. изм. П. I, 331.

Дома. — *Н. Вр.* № 3958, 7 марта. 506×40. В С. — 1 незнач. изм. Сб. „В сумерках", „Детвора". П. I, 318, 331; IV, 221.

Семьдесят пять тысяч. — *П. Г.* № 66, 9 марта, 285×42. В С. — около 30 изм., п. з. „Выигрышный билет". Не см. с р. „75000" (Буд. 1884 г. № 2).

Рано! — *П. Г.* № 73, 16 марта.

Встреча. — *Н. Вр.* № 3969, 18 марта. 831×40. В С. — около 80 изм. П. V, 356. Неясное отражение идеи непротивления злу насилием.

Тиф. — *П. Г.* № 80, 23 марта. 329×42. В С. — 3 незнач. изм. Сб. „Рассказы", изд. Сув. (88). П. II, 45; V, 166.

Житейские невзгоды. — *О.* № 13, 28 марта (27). Подп.: А. Чехонте. 125×50. В С. — около 25 изм. Сб, „Нев. р.". П. I, 421.

На страстной неделе. — *П. Г.* № 87, 30 марта. 236×42. В С. — около 20 изм. Этот р. в газ. ред. я считаю, хотя бы частично, — автобиографическим. Здесь упоминается отец мальчика („большой любитель пения") и говорится о самом пении на клиросе с отцом и любителями — приказчиками табачной фабрики.

Тайна. — *О.* № 15, 11 апр. (10). Подп.: А. Чехонте. 200×50. В С. — около 10 изм.

Казак. — *П. Г.* № 99, 13 апр.

Миряне. — *Н. Вр.* № 3998, 18 апр. 689×40. В С. — п. з. „Письмо", около 10 изм. Сб. „Рассказы", изд. Сув. (88). П. I, 337. Не см. этого рассказа с неоконч. рассказом „Письмо" („Журнал для всех", 1906; в С. т. XXII, 73 — 78).

Удав и кролик. — *П. Г.* № 106, 20 апр. (Редкий р. по форме: во 2-м л.!).

Весной (Сцена-монолог). — *О.* № 17, 25 апр. (24). Подп.: Человек без селезенки.

Критик. — *П. Г.* № 113, 27 апр.

В лесу (Рассказ ямщика). — *П. Г.* № 120, 4 мая. 244×42.. В С. — около 15 изм., п. з. „Происшествие". П. I, 370.

Следователь. — *П. Г.* № 127, 11 мая. 301×42. В С. — 20 изм. П. I, 370, 374.

Обыватели. — *П. Г.* № 134, 18 мая. П. I, 370, 374.

Его первая любовь. — *П. Г.* № 147, 1 июня. 449×42. В С. — п. з. „Володя", около 40 изм. Важнейшие из изм.: Володя сходится с Анной Федоровной (в газ. ред. этого *нет*) и введен рассказ о самоубийстве (120 строк!). Историю Володи рассказал Вл. П. Бегичев, отец М. В. Киселевой. Трагический конец прибавлен самим автором. Сб. „Хм. л.".

Битва (Рассказ старого солдата). В альбоме Саши Киселевой ("Василисы Пантелевны"). 4 стиха. Подп.: Индейкин и Петухов. 3 июня. См. т. XXIII, 48.

Счастье. — *Н. Вр.* № 4046, 6 июня. 499×40. В С. — 3 незнач. изм. Сб. „Рассказы". П. I, 371, 372, 381, 382; II, 45, 46, 49. Прямой вопрос о смысле всего существующего. Чувствуется близость „Степи".

Ненастье. — *П. Г.* № 154, 8 июня. 299×42. В С. — около 30 изм.

Драма. — *О.* № 24, 13 июня (12). Подп. А. Чехонте. 204×50. В С.— 1 изм. Сб. „Нев. р.". Пьеса Мурашкиной (в пересказе автора: т II, 129) и в выдержках (т. II, 130 — 132) — ценная пародия. Не см. с „Драмой", шуткой в драм. форме (Св. 1886 г. № 37). П. I, 421.

Один из многих. — *П. Г.* № 161, 15 июня. П. I, 421; VI, 179. Впоследствии „Трагик по неволе". (П. II, 30 и VI, 179).

Скорая помощь. — *П. Г.* № 168, 22 июня. 272×42. В С. — около 20 изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Неприятная история. — *П. Г.* № 175, 29 июня.

Беззаконие. — *О.* № 27, 4 июля (3). Подп.: А. Чехонте. 202×50. В С. — 8 изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Из записок вспыльчивого человека. (Не факт, а истинное происшествие), — *Буд.* №№ 26, 27, 31 (5. 12 июля и 9 авг.), д. ц. 3, 10 июля и 7 авг. Подп. в двух первых №№: А. Ч., в третьем: Вспыльчивый человек. 672×40. В С. — много изм.

Перекати — поле (Путевой набросок). — *Н. Вр.* № 4084, 14 июля: 838×40. В С. — 6 незнач. изм. Сб. „Рассказы". Написано по личным воспоминаниям, наблюдениям и переживаниям в поездку на Юг (весной 87 г.): П. I, 366, 407; II, 45, 71; V, 264.

Отец. — *П. Г.* № 196, 20 июля. 393×42. В С. — около 20 изм. Сб. „Пов. и р.", изд. Сытина (1894).

Хороший конец. — *О.* № 30, 25 июля (24). Подп.: А. Чехонте. 170×50. В С. — около 25 изм.

В сарае. — *П. Г.* № 210, 3 авг. 317×42. В С. — около 60 изм.

Злоумышленники (Рассказ очевидцев). — *О.* № 32, 8 авг. (7). Подп.: А. Чехонте. 167×50. Сб. „Нев. р.". П. I. 384, 421.

Перед затмением (Отрывок из феерии). — *Буд.* № 31, 9 авг. (7). Подп.: Брат моего брата.

Зиночка. — *П. Г.* № 217, 10 авг. 323×42. В С. — 12 изм. Сб. „Нев. р.". П. I, 421.

Доктор. — *П. Г.* № 224, 17 авг. Чех. Юбил. Сборн., изд. Сытина. М. 1910, стр. 56 — 64.

Сирена. — *П. Г.* № 231, 24 авг. 333×42. В С. — около 30 изм.

Свирель. — *Н. Вр.* № 4130, 29 авг. Сб. „Рассказы". П. II, 45.

Пошел с визитом потолок. — Шуточное стихотворение, в 4 стиха, написанное для Саши Киселевой, в ее альбоме. Перед стихотворением и после него — по три звездочки. Даты нет, но судя по почерку, написано в 1887 г., может быть, — летом (XXIII, 49).

*

Элегия. Шуточное стихотворение в 4 строфы, по 4 стиха в каждой. Без подписи (XXIII, 50—51).

Мститель. — *О.* № 37, 12 сент. (11). Подп.: А. Чехонте. 183×50. В С. — около 10 незнач. изм.

Почта. — *П. Г.* № 252, 14 сент. 313×42. В С. — 7 изм. Сб. „Хм. л.". П. I, 399.

Свадьба. — *П. Г.* № 259, 21 сент. 303×42. В С. (т. II, 93). — около 50 изм. П. I, 399.

Беглец. — *П. Г.* № 266, 28 сент. 391×42. В С. — около 15 изм. Сб. „Детвора". П. I, 399, 412; II, 238; V, 383.

В первой половине окт. Чеховым была написана драма в 4-х действ. „Иванов". В первый раз давалась она на сцене театра Корша (в Москве) — 19 ноября 1887 г. Напечатана в 1889 г. См. ниже, в отд. произведений за 1889 г.

Задача. — *П. Г.* № 287, 19 окт. 362×42. В С. — 2 незнач. изм. Сб. „Рассказы". П. I, 420; II, 45.

Интриги. — *О.* № 43, 24 окт. (23). Подп.: А. Чехонте. 199×50. В С. — около 10 изм.

Старый дом. (Рассказ суеверного человека). — *П. Г.* № 294, 26 окт. 326×42. В С. — п. з. „Старый дом (Рассказ домовладельца)", с 40 изм. П. I, 420.

Холодная кровь. — *Н. Вр.* № 4193, 31 окт. и № 4196, 3 н. 1146×40. В С. — мн. изм. Сб. „Хм. л.". П. I, 340, 415—416.

Дорогие уроки. — *П. Г.* № 308, 9 н. 387×42. В С. — около 50 изм.

Лев и Солнце. — *О.* № 49, 5 дек. Подп.: А. Чехонте. 186×50. В С. — около 15 изм. См. „Оск. Моск. Жизни" — О. 1885 г., № 14, 6 апр.

Баран. — *П. Г.* № 336, 7 дек. 332×42. В С. — п. з. „Беда", около 15 незнач. изм. Не см. с р. „Беда" (П. Г, 86 г. № 330, 1 дек.), напеч. в т. XIX, 229.

Поцелуй. — *Н. Вр.* № 4238, 15 дек. 1040×40. В С. — 10 изм. Сб. „Рассказы". П. II, 45, 49; V, 72.

Мальчики (Сценка). — *П. Г.* № 350, 21 дек. 240×42. В С. — около 40 изм. Конец расск. в газ. ред. другой: Володя и девочки расплакались; тайну мальчиков выдали, и они, пошептавшись, отложили бегство в Америку.

В ученом обществе. — *Н. Вр.* № 4248, 25 дек. 817×40. В С. — п. з. „Каштанка". В газ. ред. всего 4 гл.: 1) Таинственный незнакомец, 2) Новое очень приятное знакомство, или чудеса в решете, 3) Талант! Талант! и 4) Неудачный дебют. В С. — 7 гл. Сравнение текстов показывает, что во—1) гл. I и II разд. каждая на *две* главы, что сост. четыре перв. гл. поздн. ред.; во—2) гл. III газ. ред. соотв. V-ой гл. поздн. ред.; в—3) гл. IV-ая газ. ред. соотв. гл. VII-ой поздн. ред. и в—4) внесена новая глава (VI-ая) между III и IV гл. газ. ред. („Беспокойная ночь"), размером в 151 строку. Изм. самого текста крайне незнач. Изд. р. неск. раз Сувориным (1892—1898), Марксом—в 1904 г. (с рис. худ. Кардовского). П. II, 44, 58, 172, 192, 224, 252; III, 235, 282, 298, 315, 325—326, 329, 347; IV, 3, 17, 75, 314; V, 18, 224, 287, 365.

Зимние слезы (Из записок княжны №№). — *П. Г.* № 354, 25 дек. 295×42. В С. — п. з. „Рассказ госпожи №№", около 40 изм.

1888.

Сказка. — *Н. Вр.* № 4253. 1 янв. Подп.: Ан. Чехов. В С. — п. з. „Без заглавия“ (т. VI, 133), со мн. изм. П. II, 234, 235, 243, 256, 257; V, 333.

Спать хочется. — *П. Г.* № 24, 25 янв. 288 × 40. Подп.: А. Чехонте. В С. — около 20 изм. Сб. „Хм. л.“ П. IV, 221.

Степь (История одной поездки). — *С. В.* № 3, март, д. ц. 25 ф. Подп.: Антон Чехов. 3655 × 58 В С. — около 130 самых разнообр. изм. Сб. „Рассказы“, изд. Сув. (1889). П. II, 2, 6, 8, 10, 13—14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 36, 40, 43, 45, 47, 49, 53, 60, 63, 74, 152; V, 72.

Огни. — *С. В.* № 6, июнь, д. ц. 25 мая. Подп.: Антон Чехов. 1405 × 58. С. — есть несходства (их около 25); но, возможно, что они типогр. происхождения. П. II, 59, 65, 69, 73, 75, 77, 78, 79, 81, 101, 105, 152. „Огни“ не вошли при жизни автора ни в один из сборников и появились в дополн. (XVIII) т. С. При изучении этого произвед. необходимо иметь в виду письма — дневник Чехова (П. I, 341, 342, 344, 345 — к стр. 21-й XVIII т.), 347, 351, 368.

Житейская мелочь. — *Н. Вр.* №№ 4404 и 4408 (3-го и 7 июня). Подп.: Ан. Чехов. В С. — п. з. „Неприятность“ (т. VI, 164), со мн. изм. Сб. „Хм. л.“. П. II, 413.

Медведь. — Шутка в одном действии. — *Н. Вр.* № 4491, 30 авг. Подп.: А. П. В С. — мн. изм. Сб. „Пьесы“, изд. Сув. Спб. 1897. П. II, 35, 148, 197, 203, 205, 210, 211, 212, 215, 218, 219, 220, 223, 226, 227. 230, 241, 250, 289, 317, 318, 322, 399, 434; III, 218, 282; IV, 126; V, 126, 142, 228; VI, 279.

Красавицы. — *Н. Вр.* № 4513, 21 сент.. Подп.: Ан. Чехов. В С. (т. IV, 3) — есть изм. П. I, 341.

Московские лицемеры. — *Н. Вр.* № 4531, 9 окт. Без подписи. Сб. „Слово“, к 10-летию смерти А. П. Чехова (1914); здесь и др. публ. статьи писателя.

Н. М. Пржевальский, умирая просил, чтобы его похоронили... — *Н. Вр.* № 4548, 25 окт. Без подписи и заглавия. П. II, 201, 232. Кто дал заглавие этой статье Чехова („Люди подвига“) — не известно.

Именины. — *С. В.* № 11, д. ц. 27 окт. Подп.: Антон Чехов. 1584 × 58, В С. — около 125 изм. Изд. „Посредника“ (1893). П. II, 151, 157, 159, 161, 166, 170, 174. 197, 198, 199, 205, 224; IV, 119. 168, 206, 221.

Наше нищенство. — *Н. Вр.* № 4587, 4 дек. Без подписи. П. II, 230.

Сапожник и нечистая сила. — *П. Г.* № 355, 25 дек. Подп.: Ан. Чехов. 405 × 40. В С. — мн. изм. П. II, 244.

1889.

Сказка. — *Н. Вр.* № 4613, 1 янв. Подпись. Ан. Чехов. В С. — п. з. „Пари“, мн. изм. П. V, 333, 356.

Иванов. Драма в 4-х действиях. — *С. В.* № 3, д. ц. 25 февр. Подп.: Антон Чехов. 2336 строк. В С. — около 40 изм. П. I, 405, 408 — 410, 411, 412, 413, 416. 419, 422, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 432—434, 435, 436 — 437, 439, 440; II, 7, 27, 30, 68, 165, 177, 228, 239, 240, 241, 242, 243, 249, 253, 256, 258, 259—266, 267, 268, 269, 270. 271, 272, 273—274, 275, 276, 278, 281, 282—283, 284, 286, 287, 288, 289, 292—293, 294, 295, 296, 298,

299—300, 301, 302, 311—312, 313, 316, 317, 318, 320, 321, 322, 325, 336. 360, 398, 399, 401; IV, 423, 515; V, 80. 87, 126, 166, 430; VI, 247. В журн. от заглавия идет выноска: „Эта пьеса была поставлена на сцене Императорского Александринского театра 31-го января 1889 г. в бенефис Ф. Л. Федорова-Юрковского“. Драма „Иванов“ написана в 1887 г., затем много раз переделывалась и исправлялась. „Пьесы“, изд. Сув. (Спб. 1897). Изд. Маркса (т. XIII, прил. к „Ниве“. 1903). Изд. И. П. Ладыжникова. Берлин. 1921. 8⁰.

Княгиня. — *Н. Вр.* № 4696, 26 марта. Подп.: Антон Чехов. В С. — с изм. Сб. „Хм. л.“. П. II, 243, 252, 253, 320, 327.

Татьяна Репина. Драма в 1 действии Антона Чехова (Посвящается А. С. Суворину). С.-Петербург. 1889 г. Послана автором А. С. Суворину, из Москвы, 6 марта 1889 г., в виде литературного „подарка“. Вскоре же А. С. Суворин напечатал ее в *трех* экз., на роскошной плотной бумаге. 1 об+35+1 об. 810×34. Один экз. получил автор, другие два хранились у А. С. Суворина. 31-го янв. 1890 г. он подарил один экз. П. А. Ефремову. Этот (Ефремовский) экз., с надписью А. С. Суворина, был подарен Льву Эдуардовичу Бухгейм, а затем поступил в библиотеку Пушкинского Дома. О судьбе третьего экз. ничего неизвестно. Издана М. П. Чеховым: — Антон Чехов. Театр, актеры и „Татьяна Репина“. Петроград, 1924. П, II, 322, 353, 363.

Вынужденное заявление. — *Н. Вр.* № 4721, 22 апр. Подп. (перед заключительн. строками): Акакий Тарантулов (см. т, XXIII, 32).

Предложение. Шутка в 1 действии. — *Н. Вр.* № 4732, 3 мая. Подпись: А. П. В С. — с изм. Изд. т. библ. Рассохиной. М. 1889. 4⁰ (литогр.) „Пьесы“, изд. Сув. (1897).

Скучная история. (Из записок старого человека). — *С. В.* № 11, д. ц. 27 окт. Подп.: Антон Чехов. 2249 × 58. Влево от подписи пометка: „Село Лука, Сумск. уезда. 1889“. В. С. — около 40 изм. Сб. „Хм. л.“. П. II, 386, 387, 388, 389, 395, 398, 399—400, 401, 402, 403, 404, 407, 409, 415—416, 420.

Припадок. — Памяти В. М. Гаршина. Сборник. Спб. 1889. Подп.: Антон Чехов. 847 × 60. В С. — около 50 изм. Сб. „Хм. л.“ П. II, 169, 173, 204, 217, 220 (р. кончен 11 н.), 230—231, 247; III, 289; IV, 221.

Обыватели (Посв. Н. Н. Об-му). — *Н. Вр.* № 4940, 28 ноября. Подп.: Антон Чехов. В С. — мн. изм. П. II, 430, 434. „Обыватели“ в ред. Н. Вр. составляют I-ю гл. „Учителя словесности (т. X, 15); „Учитель словесности“ в ред. Р. В. составляет II-ю гл. того же рассказа в С. (т. X, 29). Иначе: „Обыватели“ в Н. Вр. и „Учитель словесности“ в Р. В. вместе составляют рассказ „Учитель словесности“ в ред. С.

1890.

В. А. Бандаков (Некролог). — *Н. Вр.* № 4997, 26 янв. Без подписи. (см. т. XXIII, 126).

Черти. — *Н. Вр.* № 5061, 1 апр. Подп.: Антон Чехов. В С — п. з. „Воры“, со мн. изм. П. III, 24.

Трагик по неволе (Из дачной жизни). Шутка в 1 действии А. П. Чехова. — „*Артист*“, кн. 7, апр. (в „Приложениях“, стр. 30—32). 273×45. В С. — 3 незнач. изм. Изд. т. библ. В. А. Базарова. Спб. 1889. 8⁰.

(литогр.). „Пьесы", изд. Сув. (1897). П. II, 27, 30; V, 113; VI, 179. Переделка для сцены расск. „Один из многих" (*П. Г.* 1887 г. № 161, 13 июня).

Из Сибири. — *Н. Вр.* №№ 5142, 5143, 5144, 5145, 5146, 5147 (24-го, 25, 26, 27, 28, 29 июня. Подпись во всех №№: Антон Чехов. Начиная с № 5143, влево от подп. пометки: 8-го, 9, 12, 13, 15 мая. В каждом из этих №№ по одной гл. Вошло в очерк „По Сибири" (т. XXI, 156—174; I—VI), без з., без изм.

По Сибири. — *Н. Вр.* №№ 5168, 5172, 5202 (20-го, 24 июля и 23 авг.). Подп. во всех №№: Антон Чехов. В первом и третьем № пометки, влево от подписи: 18-го мая, 20-го июня. В каждом из этих №№ по одной гл.: VII, VIII и IX (т. XXI, 174—178). Ни в один из сб. не вошло. П. III, 84, 86.

Гусев. — *Н. Вр.* № 5326, 25 дек. Подп.: Антон Чехов. Влево от подп. пометка: „Коломбо, 12 ноября". В С. — с изм. Сб. „Палата № 6", изд. Сув. (1893). П. III, 151, 154, 157.

1891.

Бабы. — *Н. Вр.* № 5502, 25 июня. Подп.: Антон Чехов. В С. — с незнач. изм. Сб. „Палата № 6", изд. Сув. (1893). П. III, 250, 262, 271; IV, 91.

Фокусники. — *Н. Вр.* № 5608, 9 окт. Подп.: Ц. П. III, 279—280.

Дуэль. — *Н. Вр.* №№ 5621, 5622, 5624, 5628, 5635, 5642, 5643, 5649, 5656, 5657 (20-го, 23, 25, 29, 30 окт.; 5-го, 12, 13, 19, 26 и 27 ноября). Подп. везде: Антон Чехов. В № 5657, влево от подп. пометка: „С. Богимово. 1891". В С. — огромные изм. Изд. Сув. (1892). П. III, 164, 183, 188, 189, 191, 271—272, 275—276, 277, 280, 281, 283, 284, 298, 300, 301, 304, 305—306, 308, 312, 317, 318, 325, 339, 347; V, 258, 364.

В Москве. — *Н. Вр.* № 5667, 7 дек. Подпись: Кисляев. Перепеч. в „Приложениях" к П. III, 356—365.

1892.

Жена. — *С. В.* кн. I, янв. (д. ц. 21 дек. 1891 г.). Подп.: Антон Чехов. 1683 X 63. В С.—около 170 изм. Изд. „Посредника" (1893). П. II, 226; III, 324; IV, 37, 38, 39, 90, 119, 168, 206, 221.

Попрыгунья. Рассказ Антона Чехова. — „*Север*", № 1, 5 янв. (д. ц. 4 янв.), и № 2, 12 янв. (д. ц. 10 янв.) 500 X 47 (гл. I — IV) и 723 X 47 (гл. V — VIII). В С. — около 20 незнач. изм. П. III, 292, 313, 318, 319, 329, 342; IV, 65.

Отрывок. — *О.* № 16, 18 апр. Подп.: Человек без селезенки. 53 X 54. В С. — нет. См. П. IV, 56. Одна из „мелочишек", посланных Чеховым — Н. А. Лейкину, 7 апр. 1892 г.

В ссылке. Очерк Ант. П. Чехова. — „Всемирная Иллюстрация", № 1216, т. XLVII. № 20, 9 мая (д. ц. 7 мая). Подп.: А. Чехов (росчерк А. П — ча). В С.—без „Очерк Ант. П. Чехова", с изм. Сб. „Пов. и р.", изд. Сытина (1894—98 гг.).

Из записной книжки отставного старого педагога. — *О.* № 21, 23 мая. Подп.: Человек без селезенки. 31 X 53. В С. — нет (см. П. IV, 56).

Рыбья любовь. — *О.* № 24, 13 июня. Подп.: Человек без езенки 96 X 54. В С. — нет (см. П, IV, 56, 109).

Соседи. — Книжки „Недели“, кн. 7, июль. Подп.: Антон Чехов. 935 X 47. В С. — около 30 изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1898). П. IV, 79, 130, 132, 141.

Палата № 6. — *Р. М.* № 11, Подп.: Антон Чехов. 1932 X 59. В С. — около 20 изм. Сб. „Палата № 6“, изд. Сув. (1893). Изд. „Посредника“ (1893). П. IV, 44, 45, 65, 71, 100—101, 130, 132, 134, 137, 141, 142, 152, 159, 169, 185, 195, 206, 222; V, 32, 116, 123, 258, 265.

Беглые на Сахалине. — „Помощь голодающим“. Научно-литерат. сборник. М. 1892. Изд. „Р. В.“. Подп.: Антон Чехов. 909 X 63. В С. — в виде XXII-ой гл. „Острова Сахалина“ (т. XVI, 137—152), с огромн. сокращениями и изм. текста. П. III, 297, 300, 354.

1893.

Рассказ неизвестного человека. — *Р. М.* кн. II, и кн. III (гл. I—VII, и VIII—XVIII). Подп.: Антон Чехов. 3225 X 63. В С. — очень много изм.: тронут чуть ли не каждый абзац. VI-ой т. соч. изд. Маркса („Рассказы“, 1901). П. IV. 141, 145, 148, 159, 160, 172, 180, 181, 187, 193, 195, 222.

Хористка. — *„Путь дорога“*. Научно-литер. сборник в пользу Общества для вспомощ. нужд. переселенцам. Изд. К. М. Сибирякова. Спб. 1893. Подп.: Антон Чехов. 193 X 64. Это переделанный рассказ „Певичка“ (*О.* 1886 г. № 27, 5 июля). Тексты „Хористки“ в этом сборнике и в С. отличаются немногим. П. IV, 185.

Остров Сахалин. (Из путевых записок). — *Р. М.* кн. X, окт.; кн. XI, ноябрь; кн. XII, дек. — 1894 г. кн. II, февр.; кн. III, март; кн. V, май, кн. VI, июнь; кн. VII, июль. Подп. везде: Антон Чехов. В Р. М. напечатано только I — XIX гл.; было обещано „окончание“, но оно в журн. не появилось. В июньской кн. Р. М. за 1895 г. есть объявление от ред. (розовый квадратный листок): „Поступило в продажу новое издание ред. журнала „Русская Мысль“ **Остров Сахалин (Из путевых записок)** А. П. Чехова“. Последние 4 гл. (XX—XXIII) — в этой книге (стр. 421—520). В XIX-ти гл. журн. 8353 X 60 и 1581 строка примечаний В С. — около 180 изм. текста этих XIX-ти гл., в последних же 4-х гл. (сравнение текстов указ. книги и С.) — изм. не много. Изменения интересны во многих отношениях; так, напр., Чехов уничтожил все л и ч н о е, выбросил признание, что у него не было определенной программы, когда он ехал на Сахалин и т. под. П. III, 1, 4, 7, 9, 10, 13, 14, 15, 18—19, 20—22, 26, 34; 178—180, 181, 190, 234, 240, 243, 244, 260, 280, 281—282, 286; IV, 65, 98, 126—127, 229—230, 239, 240, 248, 255, 257, 259, 278, 294, 322, 332, 358, 366, 367—368, 370, 382, 386, 392, 405; VI, 255.

Володя большой и Володя маленький. — *Р. В.* № 357, 28 дек. Подп.: Антон Чехов. 631 X 41. В С. — около 50 изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894—98 гг.). П. IV, 275, 300.

1894.

Черный монах. — *„Артист“*, журнал изящн. искусств и литературы. № 33, янв. (д. ц. 5 янв.). Подп.: Антон Чехов. 1759 X 38. В С. — около

10 незнач. изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894—98 гг.). П. IV, 230, 233, 241, 264, 273, 283.

Бабье царство. (Рассказ). — *Р. М.* кн. I. Подп.: Антон Чехов. 1460 X 61. В С. — 4 незнач. изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894 — 98). П. IV, 264, 273.

Скрипка Ротшильда. — *Р. В.* № 37, 6 февраля. Подп.: Антон Чехов. 544 X 40. В С. — 12 незнач. изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894—98 гг).

Вечером. — *Р. В.* № 104, 16 апр. Подп.: Антон Чехов. 195 X 40. В С. — п. з. „Студент“, с 6 незнач. изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894 — 98 гг.).

Учитель словесности. (Рассказ). — *Р. В.* № 188, 10 июля. Подп.: Антон Чехов. 482 X 38. Как бы продолжение рассказа „Обыватели“ (Н. Вр. 1889 г. № 4940). В С — около 25 изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894—98 гг.).

В усадьбе. (Рассказ). — *Р. В.* № 237, 10 авг. Подп.: Антон Чехов. 480 X 38. В С. —16 изм. Сб. „Пов. и р.“, изд. Сытина (1894—98 гг.).

Рассказ старшего садовника. — *Р. В.* № 356, 25 дек. Подп.: Антон Чехов. 276 X 38. В С. — 7 незнач. изм. П. IV, 350.

1895.

Три года. (Рассказ). — *Р. М.*, кн. I. и кн. II. Подписи: А. Чехов; Антон Чехов. 3839 X 61. В С. — около 550 изм. П. IV, 328—329, 332, 337, 344, 345, 346. 347, 351, 357; VI. 181.

Белолобый. (Рассказ). — „*Детское Чтение*“, ноябрь (д. ц. 18 окт.). Подп.: Антон Чехов. 201 X 52 (с 3 рис. худ. В. И. Андреева). П. V, 299, 353; VI, 366.

Анна на шее. (Рассказ). — *Р. В.* № 292, 22 окт. Подп.: Антон Чехов. В С. — мн. изм.

Убийство. (Рассказ). — *Р. М.* кн. XI, ноябрь. Подп.: Антон Чехов. 1056 X 61. В С. — около 40 изм. П. IV, 409, 419; V, 48.

Ариадна. (Рассказ). — *Р. М.* кн. XII. Подп.: Антон Чехов. 1051 X 61. В С. — около 65 изм. П. IV, 409, 419.

Супруга. (Рассказ). „*Почин*“. Сборник Общ. Любит. Росс. Словесности на 1895 г. Подп.: Антон Чехов. 234 X 60. В С. — одно изм. в самом конце рассказа. П. V, 221.

1896.

Дом с мезонином. (Рассказ художника). — *Р. М.* кн. IV. Подп.: Антон Чехов. 644 X 61. В С. — 6 незнач. изм. П. IV, 419, 443, 445; VI, 61.

Моя жизнь. Повесть Ант. П. Чехова. — „*Нива*“. Ежем. литер. приложения: № 10 (окт.), № 11 (н.), № 12 (дек.). 5469 X 34. В С. — около 150 изм. и загл. такое: „Моя жизнь“ (Рассказ провинциала). Сб. „Мужики и моя жизнь“, изд. Сув. 1897 г. П. IV, 448, 451, 454, 455, 456, 459, 462, 466, 468, 470, 472, 485, 493, 498, 499; V, 73, 222; VI, 6.

Чайка. Комедия в 4 действиях. — *Р. М.*, кн. XII. Подп.: Антон Чехов. 2000 строк. В С. — около 45 незнач. изм. „Пьесы“, изд. Сув. 1897. П. IV, 390, 409, 411, 414, 415, 416, 418, 422, 424, 427, 428, 437, 448, 463

(вероятно), 466, 470, 471, 472, 473—474, 476, 478, 479, 481, 482, 483, 486—487, 489—490, 492, 494, 496, 497, 500, 501, 505, 506, 509, 513, 515, 517, 518, 526, 527; V, 1, 2, 56, 193, 221, 252, 255, 256, 278, 282, 283, 290, 294, 299, 300, 313, 319, 320, 323, 328, 340, 355, 361, 365, 374, 388, 389, 390, 436, 470, 482, 484; VI, 31, 62, 81, 143, 150, 239, 269, 279.

1897.

Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях. — „*Пьесы*", изд. Сув. 1897. П. IV, 515, 517, 518; V, 172, 247, 249, 278, 341, 342, 351, 363, 365, 424, 430, 432, 434, 435, 436. 439—440, 444, 445, 448, 462, 489; VI, 64, 65, 66, 81, 129, 175, 189.

Лебединая песня (Калхас). Драматический этюд в одном действии. „*Пьесы*", изд. Сув. (1897). П. I, 305; II, 178, 193, 195, 227.

Мужики. — *Р. М.* кн. IV, апр. Подп.: Антон Чехов. 1180 X 61. В С. — 12 незнач. изм. В конце XI-ой гл. (т. XI, 116) сделана важная вставка в 30 строк („Она вспомнила о том, как несли Николая..."). Сб. „Мужики и Моя жизнь", изд. Сув. (1897). П. V, 20, 27, 46, 48, 49, 51, 56, 58, 59, 61, 68, 73, 122, 197, 222, 350, 406; VI, 21, 138.

Печенег. (Рассказ). — *Р. В.* № 303, 2 н. Подп.: Антон Чехов. Ниже подписи, влево, пометка: Ницца, 24-го октября". 557 X 38. В С.—около 40 изм. П. V, 321.

В родном углу. — *Р. В.* № 317, 16 н. Подп.: Антон Чехов. Ниже подп., влево, пометка: Ницца, октябрь". 648 X 40. В С. — около 20 изм. П. V, 90, 95, 96, 108, 111, 321, 343. Этот рассказ был написан и послан раньше предыдущего („Печенег"), но напечатан позже.

На подводе. (Рассказ). — *Р. В.* № 352, 21 дек. Подп.: Антон Чехов. 462 X 39. В С — 16 изм. П. V, 107, 111, 123, 321.

1898.

У знакомых. (Рассказ). — „*Космополис*" (Cosmopolis). Ежем. Междунар. журнал. Спб. февраль, № 2 (д. ц. 1 ф.) стр. 103—120. Подп.: Антон Чехов. П. V, 43, 131, 149, 150, 156—157.

Человек в футляре. (Рассказ).—*Р. М.* кн. VII, июль. Подп.: Антон Чехов. 457 X 61. В С. — 4 незнач. изм.

Крыжовник. — *Р. М.* кн. VIII, авг. 364 X 61. В С. — 2 незнач. изм. П. V, 209.

О любви. — *Р. М.* кн. VIII, авг. 348 X 61. Подп.: Антон Чехов (общая подп. для этого и пред. р.). В С. — 5 незнач. изм. П. V, 209.

Ионыч. Рассказ Антона Чехова. — „*Нива*". Ежем. литер. приложения. № 9, сент. 1079 X 36. В С. — одно изм. в гл. IV-ой.

Жилец. — „*Журнал для всех*". № 11, ноябрь. Подпись.: Антон Чехов. 224X45. Заново переделанный р. „Жилец № 31" (О. 1886 г. № 44, 1 ноября).

Необыкновенный. — „*Журнал для всех*". № 12, дек. Подп.: Антон Чехов. 205 X 45. Заново переделанный р. „Бука" (О. 1886 г. № 43, 25 окт.). Тексты „Необыкновенного" (ред. „Журнала для всех" и С.) — почти сходны.

Муж — „*Журнал для всех*". № 12, дек. Подп.: Антон Чехов. 231 × 45. Заново перераб. р. „Акцизный" (О. 1886 г. № 32, 9 авг.). Тексты „Мужа" („Журн. для вс." и С.) — почти сходны.

Случай из практики (Рассказ). — *Р. М.* кн. XII, дек. Подп.: Антон Чехов. 393 × 61. В С. — 6 изм., из которых одно надо считать коррект. недосмотром. П. V, 253, 257.

1899.

Новая дача. (Рассказ). — *Р. В.* № 3, 3 янв. Подп.: Антон Чехов. 756 × 37. В С. — 12 изм. П. V, 278. 280.

Душечка. — „*Семья*". Еженед. иллюстр. издание. № 1, д. ц. 31 дек. 1898 г. Подп.: Антон Чехов. 652 × 40. В С. — 4 незнач. изм. П. V, 278, 279, 280, 315, 332.

По делам службы. (Рассказ). — Книжки „*Недели*". № 1. Подп.: Антон Чехов. 733 × 45. В С. — есть несходства в знаках. П. V, 272, 317.

Дама с собачкой. (Рассказ) — *Р. М.*, кн. XII, дек. Подп.: Антон Чехов. 630 × 61. В С. — около 25 изм. П. V, 427.

1900.

На святках. Рассказ Антона Чехова. — *П. Г.* № 1, янв. 1. 240×42 (обе главы). Подп.: Антон Чехов.

В овраге. — „*Жизнь*". Литер., научный и полит. журнал., т. I, янв. Подп.: Антон Чехов. 1356 × 58. В журн. тексте много опечаток. В С. — они выправлены. П. V, 446, 450, 464, 470, 471, 477, 490; VI, 1, 3, 4, 6—7, 12, 17, 38, 53, 129.

1901.

Три сестры. Драма в 4 действиях. — *Р. М.*, кн. II, февраль. Подп.: Антон Чехов. 2185 строк. В С. — около 100 изм. Отд. изд. Маркса. 1901. 8⁰. П. V, 435 (вероятно), 455; VI, 89—90, 92, 96, 98, 102, 105, 106, 107, 112, 121, 125, 126, 127, 133, 136, 167, 170, 178, 258, 323, 409.

Свадьба. Сцена в одном действии. „*Пьесы*", изд. Маркса. П. III, 11, 16, 23, 30, 44; VI, 239.

Юбилей. Шутка в одном действии. „*Пьесы*", изд. Маркса. П. VI, 239, 267.

1902.

Архиерей. — „*Журнал для всех*", № 4, апр. Подп.: Антон Чехов.

1903.

Невеста. — „*Журнал для всех*". № 12, дек. (д. ц. 26 н.). Подп.: Антон Чехов. 909 × 45. В С. — 8 незнач. несходств. П, VI, 275, 277, 296.

1904.

Вишневый сад. Комедия в четырех действиях. — Сб. Т-ва „*Знание*" за 1903 г., кн. 2-ая, стр. 29—105. 1974 строки. В С. — около 10 изм.: вставлено неск. слов в речи Лопахина, Епиходова, Вари, Фирса, Дуняши; кое-что выпущено. Отд. изд. Маркса (1904). П. VI, 270, 275, 302, 306, 312, 314, 315, 317, 320, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 336, 337, 338, 343, 345, 346, 351, 352, 353, 354, 356, 360, 365, 371, 373, 409 (— из дневника, от 9 янв. 1903 г.).

Из литературного наследия А. П. Чехова.

1905.

У Зелениных. — Калека. — Волк. — *Р. М.*, кн. I, янв. 49 × 62 42 × 62 и 275 × 62. Ред. Р. М. сообщала: „В разобранных покуда семьею А. П. Чехова бумагах оказалось несколько набросков и три маленьких рассказа, давно написанные. Часть этих рукописей мы и печатаем". — „Волк" представляет значительную переделку р. „Водобоязнь" (П. Г. 1886 г. № 74, 17 марта).

Расстройство компенсации. Неоконченный рассказ Антона Павловича Чехова. Из его бумаг и набросков. — „*Журнал для всех*". № 2, февраль, д. ц. 28 янв. 1904 г. (конечно, в журнале — ошибка, нужно: 1905 г.). 399 × 43. См. т. XXI, 137—145, с подзаг. (Неоконченный рассказ); здесь одно несходство с текстом журнала.

1906.

Письмо (Неоконченный рассказ). Из посмертных бумаг и набросков. — „*Журнал для всех*", т. XXII, 73—78.

1911.

Леший. Комедия в 4-х действиях. Написана в 1889 г. и впервые была поставлена в Москве, на сцене театра Абрамовой, 27 дек. 1889 г. П. II, 179—184, 185, 192, 225, 287, 295, 316, 321, 341, 350, 352, 362, 363, 388, 402, 403, 405, 406, 408, 409, 414, 415, 417, 418—419, 421, 422, 423, 424, 430, 432, 435, 446, 447, 450, 451; III, 4, 27, 37, 166, 167, 168; IV, 424; V, 14; VI, 79 (т. XXI, 236—299).

1914.

На большой дороге. Драматический этюд в одном действии. — А. Чехонте. Впервые этот этюд напечатан в сб. „Слово". К десятилетию смерти А. П. Чехова, а затем — в т. XXIII, стр. 5—24, строк—800. Переделка в драм. форму очерка „Осенью" (Буд. 1883 г. № 37, д. ц. 24 сент.).

Этюд этот нашли в цензурном архиве, сейчас он—в Библиотеке Русской Драмы. Это копия, писанная четким писарским почерком, на больших листах писчей бумаги. На копии есть пометка цензора: „К представлению признано неудобным. 20 сент. 1885 г. Неудобно. Мрачная и грязная пьеса—не может быть дозволена. К запрещению“. Когда закончил Ч. это произведение — неизвестно; возможно что в 1884 г. пьеса была написана начерно, а в следующем — отделана. Сравнение текстов этого этюда и очерка „Осенью“ показывает огромное сходство. Очерк, действительно, — основа этюда. В этом же сб.: **Ночь перед судом.** Неоконченная пьеска на сюжет рассказа того же названия. — **Красавицы** (Из записок врача).—Несомненное продолжение повести „Мужики“ (отрывки, гл. X и XI). — Отрывок **„Свадьба“. — Темы, мысли, заметки, отрывки. — Из записной книжки. — Публицистические статьи.** Весь этот литер. материал (и некот. др.) вошел в состав XXIII-го т. С, вышедшего прилож. к „Ниве“, в 1916 г.

К 1896 г. относится неоконченный рассказ „Шульц“ (П. IV, 527).

1923.

Издана пьеса Чехова, о которой сказано в конце отдела произведений за 1880 г. — Центрархив. Документы по истории литературы и общественности. **Неизданная пьеса А. П. Чехова.** „Новая Москва“. 1923. С портретом писателя. Стр. 253.

Письмо в редакцию.

Рекламы и объявления.

Рассказ. Тайны сто сорока четырех катастроф или Русский Рокамболь. (Огромнейший роман в сжатом виде). Перевод с французского.

Текст в статье С. Балухатого („Литературная мысль“ 1923 г., кн. II, стр. 211, 212 и 213—216). Время написания третьего из этих произведений следует отнести к 1883 г., если сравнить строки о Мельницком с фельетонной заметкой о его суд. процессе („Осколки Моск. Жизни“.— *О.* № 1, 7 янв. 1884 г.).

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИМЕН [1])

[1]) В настоящий указатель не включены имена, встречающиеся в библиографическом списке произведений Чехова, составленном М. П. Кленским.

СОДЕРЖАНИЕ

1-50

Цена ~~2 р. 85 к.~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АТЕНЕЙ»
Ленинград, пр. Володарского 45, тел. 245-03